

И.Меликов
«Ополчение, где ты? Отзовись!...» 1941

Содержание

Введение	3
ЧАСТЬ 1. Война. 1941. Ополчение	7
Глава 1. Проблески памяти о военном детстве	7
Глава 2. Морально-этические и военно-профессиональные аспекты формирования московских дивизий народного ополчения в июле 1941 года	36
Приложение 1. Московские ополченцы 1941 года	52
Приложение 2. Знамёна дивизий и полков Московского народного ополчения	61
Глава 3. От Москвы до Вязьмы: генерал и рядовой	62
Глава 4. Эпистолярное наследие московского ополченца 1941 года: взгляд очевидца-участника	78
ЧАСТЬ 2. Послевоенное житьё-бытиё	105
Глава 5. Проблески памяти о послевоенном детстве	105
Глава 6. Из писем к внуку. Курский суворовец	112
Глава 7. Мой суворовский учитель Пётр Михин	149
Глава 8. Судьбы ополченские: Михины - Меликовы	152
Глава 9. Судьбы ополченские: Горимир Горимирович Чёрный..	159
Глава 10. День памяти воинам 1284 полка - Поклонный крест...	168
Глава 11. Петушинские ополченцы	182
Приложение 3. Мемориалы дивизиям Московских ополченцев	191
ЧАСТЬ 3. Поэзия ополчения	204
Глава 12. Поэтическое отражение трагической судьбы 2-й ополченской дивизии	204
Глава 13. Антология поэзии ополчения	212
Глава 14. Стихи ополченцев-фронтовиков	228
Глава 15. Память об ополченцах послевоенными поколениями	301
Глава 16. Поэтическая память о павших без вести	340
Глава 17. Стихи за колючей проволокой	366
Приложение 4. Сведения об авторе плаката А.Г.Ситтаро	386
Список литературы	388

Введение

Вот уже 77 лет прошло с момента начала самой трагичной в истории России, а точнее Союза Советских Социалистических Республик (СССР), войны против нацистской Германии. Сменилось несколько поколений жителей Советского Союза, самого Союза нет на карте мира, а интерес к историческим событиям того времени не угасает. И не только у профессиональных историков, вводящих в научный оборот новые, не известные ранее документы, сохранившиеся и разысканные ими в архивах, но и у широкой публики, наших с вами современников. Ведь не было в стране семьи, которой не коснулась бы трагедия гибели близких и родных её членов в разные периоды войны. Войны, которая длилась почти четыре года и унесла десятки миллионов человеческих жизней. И если официальная историография часто делает акцент на победоносных периодах войны и результатах войны в целом, то это не означает отсутствие трагически проигранных сражений с огромным количеством жертв. Именно к ним, как к малоизвестным событиям войны, последнее время вновь и вновь возвращается внимание людей, семьи которых непосредственно соприкоснулись с трагической стороной войны.

Одной из катастроф Советской Армии осенью 1941 года стало окружение в окрестности небольшого городка Вязьмы Смоленской области войск нескольких армий, десятков дивизий, среди которых были и дивизии народного ополчения (далее по тексту - ДНО), сформированные из гражданского населения Москвы и подмосковных городов. Именно на долю большинства этих дивизий выпала судьба быть последним щитом для отражения наступления германских войск в операции «Тайфун», нацеленной на захват Москвы.

Вяземским событиям в последние годы посвящен ряд профессиональных исследований военных историков. Среди них выделяются работы Льва Николаевича Лопуховского (их библиографию можно легко найти в интернете), отличающиеся не только скрупулёзностью более чем сорокалетнего исследования и анализа этого периода войны, но и личностным отношением к ним: его отец, командир артиллерийского полка, погиб в боях под Вязьмой. Именно книги Л.Н.Лопуховского заслуживают пристального

внимания тех читателей, кого интересует правда о событиях и точное соответствие их места, времени и действующих лиц.

Настоящая книга не является исследованием Вяземских событий или истории московского ополчения. Скорее, это эссе, размышления автора - сына ополченца на тему армейской жизни обычных ополченцев, а также их семей в военной Москве 1941 года и в послевоенные годы, изложенные, порой, с предвзятостью к событиям 77-летней давности, особенно к процессу формирования ополченских дивизий. Отец автора, Меликов Владимир Александрович, в июле 1941 года вступил в ряды ополченцев, стал рядовым бойцом дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы, на территории которого располагалась организация, где он работал. Отдельный раздел посвящен разбору и анализу писем отца из действующей армии в период, предшествовавший активным боевым действиям, начавшимся для многих ополченцев в первых числах октября 1941 года. Потом уже писем не было... Было только извещение о пропаже отца без вести. Для получения представления о жизни семьи ополченца в военную пору используются уникальные детские воспоминания старшего брата автора, которому на момент начала войны было восемь лет.

Другая часть книги посвящена послевоенной судьбе сыновей погибшего ополченца и некоторым примерам сохранения памяти об ополченцах.

Просматривая интернет в поисках сведений по истории ополчения, я натолкнулся на сайт 2-й ДНО, где впервые увидел стихи, посвященные этой дивизии. Автором стихов оказался Аркадий Эйдельштейн, сын ополченца того же 1284-го полка, в котором служил мой отец. Стихи поразили меня своей открытостью, пронзительной точностью поэтического толкования как боевой, так и послевоенной судьбы дивизии и подвигли на издание небольшого сборника стихов А.Эйдельштейна летом 2016 года, как раз к 75-й годовщине формирования московских ополченских дивизий. Это послужило и внутренним толчком к поиску других стихов, посвященных московскому ополчению, Московской битве, памяти павших без вести и плененных во время войны воинов, среди которых были и тысячи ополченцев. Так родился замысел создания антологии

поэзии ополчения, некоторое сокращённое воплощение которого дано в третьей части книги. Отсюда возникло и название настоящей книги – это строчка из стихотворения «Годуново, Бухоново, Нечаево...», которое написал командир Поисковой группы «ПОБЕДА» Владимир Шульга из подмосковного города Железнодорожного (полностью стихотворение опубликовано в Главе 16). Отряд уже много лет проводит поисковые работы и Вахты Памяти на месте последнего (а может быть, первого и последнего) боя 1284 полка 2-й ДНО, НАШЕГО с Аркадием полка (подробнее об этом см. Главу 9).

Опыт общения с потомками ополченцев, поисковиками, руководителями краеведческих музеев и школьных музеев ополчения, читателями, интересующимися судьбой ополчения и сохранением памяти о его воинах, показал интерес этой довольно широкой аудитории к поэтическому восприятию тех далёких трагических, но и героических событий.

Автор благодарен всем соратникам по увековечению памяти о московском ополчении, кто предоставил ему стихи для размещения в данной книге и, возможно, в более полном издании антологии поэзии ополчения, а также Белову Владимиру Александровичу за профессиональную помощь в художественном оформлении книги.

Для оформления обложки книги использован плакат 1941 года художника Алексея Гумбертовича Ситтаро (1906-1942), биографические сведения о котором приведены в Приложении 4.

В качестве иллюстраций в книге использованы фотографии из личного архива автора, из архива Поисковой группы «ПОБЕДА» (предоставленные командиром В.Ю.Шульгой), а также фотографии, размещённые в свободном доступе Интернета.

**Моему отцу – Меликову Владимиру Александровичу –
ополченцу 2-й Дивизии народного ополчения
Сталинского района Москвы, павшему без вести
в боях под Вязьмой в октябре 1941 года,
П О С В Я Щ А Ю**

ЧАСТЬ 1. Война. 1941. Ополчение

Глава 1. Проблески памяти о военном детстве

Вместо предисловия

В последнее время попались мне на глаза и в руки две (из возможно и большего количества) книги воспоминаний детей о жизни в военную пору: **Детство 45-53: а завтра будет счастье** / автор-составитель Людмила Улицкая. - М.: АСТ, 2013 и **Дневник детской памяти. Это и моя война** / автор-составитель Лариса Машир. - М.: АСТ, 2014. Собранные вместе эти воспоминания читаются с большим интересом, но и с не меньшим трудом, поскольку они проходят по жизни и судьбам военных детей.

Да, сейчас дети, которым удалось уцелеть в военное лихолетье, стали сами уже ветеранами, и то, что запало в их память и сохранилось на долгие годы совершенно произвольно, наиболее яркие или же случайные события, которые выбрала память, становится редким и тем более важным свидетельством жизни в страшное время войны. Кому-то довелось познать ужас отступления наших войск и немецкой оккупации, кто-то, голодая, выживал в тылу страны, в эвакуации, или в своём родном доме, где застала его война, как было с нашей семьёй. На глазах детей происходили события бытовые, но, тем не менее, значительные для детского восприятия: не зря же память выбрала именно их.

Да, такие воспоминания просты, бесхитростны, фрагментарны, непредвзяты, написаны не профессиональными писателями, оттого и имеют целую кучу недостатков. Но именно благодаря этим свойствам они воспринимаются современными читателями как небольшие, но яркие звёздочки, («крохотки», по выражению А.И.Солженицына) на фоне мрачного военного неба. Ведь, как говорил В.В.Маяковский:

*Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!*

Воспоминания о военном московском детстве, хранящиеся в нашем семейном архиве, написал в 2003 году мой старший брат Юрий Владимирович Меликов, доктор физико-математических наук, профессор МГУ, лауреат Государственной премии СССР по физике, во время грустного семейного периода. Представленный фрагмент, относящийся к военному и частично послевоенному времени, является отрывком из более полных его воспоминаний «династического» порядка об исторических фактах жизни нашей семьи, запомнившихся ему с детства по следам своих впечатлений. Именно так началась война для нашей семьи.

Мне не приходилось прежде читать ничего подобного о московских событиях 1941-1945 годов, особенно в изложении рано повзрослевшего мальчика из простой московской семьи, которому на начало войны было восемь лет, и чья память сохранила так много подробностей бытового характера военного московского времени. Рискуя навлечь на себя обвинения в графомании, я всё же решил познакомить с этими воспоминаниями ограниченный круг моих друзей – и однолеток, и более молодых, и моих старших товарищей, которые на себе познали разные стороны войны: и горечь поражений, и радость Победы. Все они с интересом, вниманием и сочувствием отнеслись к изложенному видению событий, подтвердив некоторые из них на основе своего собственного опыта или из рассказов родственников и знакомых. Это ещё в большей степени убедило меня в полезности сохранения и опубликования запомнившихся проблесков детской памяти не только для младших членов нашей семьи, но и читателей будущих поколений. Ведь память, как и жизнь, конечно, но её вещественное отражение на бумаге, компьютере позволяет продлить жизнь памяти... В этом я убедился и на примере двух вышеупомянутых книг.

Воспоминания имеют, по замыслу их автора, «гриф ДСП» – «Для семейного пользования». Однако, срок «давности» и значимость описываемых событий, их ярко выраженный познавательный и даже исторический характер, я думаю, позволяют мне, в какой-то степени тоже участнику и несмышлёному свидетелю этих событий, снять гриф ДСП с военной части семейных воспоминаний в память о наших родителях... И привести некоторые свои комментарии по тексту воспоминаний, а также несколько фотографий и документов из семейного архива.

Младший брат – Меликов Игорь Владимирович

ДСП (Для семейного пользования)

Юрий Владимирович Меликов

События жизни¹

(Отрывок, посвящённый военному времени)

*“Словно смотришь в бинокль
перевернутый –
Всё, что сзади осталось,
уменьшено...”*

К.Симонов

<...> Родился я 4 апреля 1933 года в доме № 4, квартире № 4 в 1-м Кадашевском переулке, расположенном рядом с Лаврушинским переулком, где находится Третьяковская галерея, и прожил там 24 года. Наш дом, построенный после пожара Москвы 1812 года, был двухэтажный, с каменным первым этажом и деревянным вторым, имел по две трехкомнатные коммунальные квартиры на каждом этаже и еще полуподвал, который, по крайней мере, до войны был жилым. Раньше дом принадлежал купцам Головкиным, которые продолжали жить в нём и после «уплотнения», на втором этаже в одной комнате, и во время войны тоже. Помню, мы их звали «дядя Петя и тётя Катя».

¹ Семейный архив Меликовых

1-й Кадашевский переулок, дом 4

Наша квартира находилась на первом этаже, в ней жили семьи родственников. У нас была комната площадью 18 кв. м, в которой жили пять человек: отец Владимир Александрович Меликов, мать Любовь Никитична Меликова-

Панина, моя прабабушка, я и мой младший брат Игорь, родившийся

10 января 1939 года. В двух других комнатах, меньших по площади, жили мамин брат Александр Никитич с женой и двумя дочерьми и мамин брат Виктор Никитич с женой. Это относится к довоенному времени. Удобства были минимальные: кухня крошечная, да еще проходная, газа не было, и готовили на керосинках, отопление было печное (газ и центральное отопление появились в 50-е годы).

Наша семья жила весьма и весьма скромно, хотя питались, по видимому, нормально. Уровень материального достатка могут характеризовать такие факты. Очень долго отец реализовывал свою мечту: почему-то ему хотелось иметь хромовые сапоги и к ним брюки-галифе, которые купить было невозможно, и они делались на заказ. Когда, наконец, всё было готово, началась война, так что обновить их ему не удалось. Зато они нам оченьгодились во время войны для обмена на продукты.

Другой факт показывает, какими ценностями располагала наша семья. В письме из армии летом 1941 года, когда мама с детьми находилась в деревне, отец советовал ей перевезти из Москвы в деревню наиболее ценные вещи: все зимние пальто, его костюм, а хорошо бы и валенки. Вот и все ценности. Кстати, этот костюм был моим выходным костюмом при окончании школы и в университете.

Перед самой войной, уже в 1941 году, мы всей семьёй впервые сфотографировались в фотоателье. Маме эта фотокарточка сразу очень не понравилась: и отец, и мама, и даже двухлетний Игорь выглядят на ней очень печальными («как на похоронах» - говорила мама), только у меня спокойное, не напряжённое выражение лица.

Что это? Предчувствие беды?

Семья Меликовых. Май, 1941 года

Мое детство четко делится на довоенное и период войны, причём это в гораздо большей степени определяется условиями жизни, а не возрастными различиями. Из довоенного периода память выуживает отдельные фрагменты, события военного времени сохранились в ней полнее и лучше.

...Момент, когда мы узнали о начале войны, отпечатался в памяти настолько четко и детально, что эта картина и сейчас, спустя 62 года (в 2003 году – И.М. – И.Меликов), ясно стоит перед глазами. В воскресенье, 22 июня 1941 года, часов в десять утра мы с отцом пошли за продуктами для предстоящей поездки на дачу в большой гастроном рядом с Домом правительства (знаменитый «Дом на набережной») и кинотеатром «Ударник». Помню, что мама наказывала нам обязательно купить топленое масло. Магазин был полон, мы встали в длинную очередь. Вдруг какое-то оживление, все повернули головы в одну сторону, к вбежавшему с улицы взрослому парню, который, продвигаясь в толпе, выкрикивал: «Война! Война с

Германией!».

Мы с отцом бросились домой, так ничего и не купив. В нашу квартиру до войны радиотрансляция не была проведена, но у дяди Саши, маминого брата, был радиоприемник. По нему только что передали выступление Молотова - председателя Совнаркома, правительства СССР, в котором он сообщил о вероломном нападении без объявления войны (в нарушение заключенного в 1939 году пакта о ненападении) на нашу страну фашистской Германии. Стали собирать общее тревожно-прощальное застолье.

Вдруг дядя Витя, второй брат мамы, увидев в окно идущего по двору постороннего мужчину, говорит: «Это за мной!». И действительно, тот вошел в нашу квартиру и вручил дяде Вите мобилизационную повестку. По профессии дядя Витя был шофер, и его призывали в действующую армию и в «польскую кампанию», как у нас называли освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии осенью 1939 года, и в финскую войну зимой 1939-40 годов. Ему было 32 года, он был самым молодым мужчиной в нашей квартире. Помню, придя с финской войны, он рассказывал, что финны применяли массовое минирование, в том числе различных предметов, лежащих на виду, а также использовали снайперов, что для наших войск было в диковинку. Еще запомнился такой рассказанный им эпизод: на дерево забрались старик и старуха, спасаясь от наших солдат, им кричат и показывают, чтобы они спускались, не боялись, так старик сначала застрелил старуху, а потом и себя. Вот так! И в Отечественную войну дядя Витя был призван в первый же день, так что подготовка застолья пришлось кстати.

Запомнились наивные, как я сейчас понимаю, пожелания женщин нашей квартиры на проводах дяди Вити. Дело в том, что брат жены дяди Вити Николай Ермаков был кадровым военным, в то время, наверно, лейтенантом. Так вот говорили, что хорошо бы Виктор попал под начало к Николаю, «тогда он будет сыт». Если оставить в стороне нереальность такого пожелания, то сама его суть отражала знакомую по послереволюционному времени голодуху, а о масштабах предстоящей мясорубки начавшейся войны, как на фронте, так и в тылу, представлений ещё никто не имел. Дядя Витя

пропал без вести осенью 1941 года.

Вся наша семья оставалась в Москве еще около десяти дней. За это время дважды объявлялась воздушная тревога, каждый раз поздно вечером. Мы всей семьёй ходили в бомбоубежище, которое находилось в подвале большого дома в конце нашего переулочка (бабушка, конечно, оставалась дома). С собой брали маленький чемоданчик, размером чуть больше дамской сумочки, в котором были документы, деньги, бутылочка с водой. Спускаться в убежище приходилось по узкой крутой лестнице, народ напирал, внизу была теснота. И все это ещё под вой сирены, оповещавшей о воздушной тревоге. В общем, состояние было панически-тошнотное, и, я думаю, не только у меня. Ходили слухи, что первая тревога была учебной, а во время второй была слышна стрельба зенитных орудий.

В районе первого июля отец перевез маму с детьми из Москвы за город, по-видимому, родители полагали, что вне Москвы будет безопаснее. Ехать в деревню Рузино, на северо-запад от Москвы, где мы обычно снимали «дачу», посчитали опасным, так что денежный залог, выданный весной хозяину дяде Мише, пропал. В соседнем переулочке жила Александра Фёдоровна Жданович, знакомая мамы с 1933 года по родильному дому, дочка которой Муся родилась одновременно со мной (поэтому среди многих знакомых тётей Шур она у нас звалась «Муськиной тётей Шурой»). У неё были то ли родственники, то ли знакомые в деревне Кузьминки, станция Барыбино Павелецкой железной дороги. Вот по её совету и вместе с ней мы и выехали туда, всё-таки направление не на запад, а на юг от Москвы. В деревне мы сняли комнату у хозяев дома по фамилии Воронины, которые были весьма зажиточные, с крепким хозяйством, однако за всё время жизни у них, до середины сентября, они не продали нам ни одного килограмма картошки - берегли для себя. Вспоминаю еще, что бабка хозяев называла своего зятя «пук соломы», подчёркивая, со своей точки зрения, его никчемность (вот ведь какой «мякиной» бывает замусорена память!).

После первого с начала войны выступления Сталина по радио, которое было 3 июля (больше 10 дней он молчал, приходил в себя!), началось формирование народного ополчения из мужчин непризывного возраста. Отец вступил в ополчение уже 6 июля, хотя у

него имелась по должности «бронь». Им говорили, что ополченцы, пройдя обучение в полевых лагерях, будут охранять заводы, мосты и пр. в пределах Московской области. Как видно из его писем к нам в деревню, через три дня их подразделение расположилось у станции Сходня Ленинградской железной дороги, в лесу, в шалашах, причем ополченцы были в своей гражданской одежде. 19 июля отец смог навестить нас в Барыбино, получив отпуск на несколько часов. Дома он нас не застал, поскольку приехал без предупреждения, час бегал по лесу и искал нас. Помню, гуляя в лесу, а стояла сильная жара, мы слышали, что кто-то кричит, зовет. Мама, словно её кольнуло, говорит нам с братом: «Это наш отец!». Отец, конечно, был в отчаянии - время отпуска истекает, а нас он никак не может отыскать. Вскоре после его возвращения в часть ополченцам выдали воинское обмундирование, а свою гражданскую одежду они отослали почтой по домам.

Прерву себя на минутку и поразмышляю. Хотя, как говорят, ушедших от нас не судят, а погибших за нас тем более, да ещё своего родителя, но возьму грех на душу. В последнее время, когда стал перебирать в памяти события военных лет, в голове крутится вопрос: как мог отец так вдруг решиться по своей воле, а не по мобилизации, уйти в ополчение, оставляя жену с двумя малолетними детьми (8 лет и 2,5 года), практически совершенно без средств (ведь мама не работала), да еще поставив ее в известность постфактум?! Семьянин он был хороший, жили они с мамой в согласии, детей очень любил. Возраст у него был далеко не призывной - 38 лет. В первом письме к нам в деревню он пишет, успокаивая маму, что идут **ВСЕ**, ополчение предназначается для защиты Москвы, а от неё до фронта ещё далеко, в таком положении сейчас **ВСЕ** семьи (выделено мною). Он был беспартийным, ура-патриотом не был. Что же заставило его бросить семью, тем более что ещё до его ухода в ополчение, как он писал, приходили к нам домой люди, составлявшие списки семей с детьми для предстоящей эвакуации из Москвы. Какой поток подхватил отца? Из нашего «сегодня» нельзя перенестись в то время, окунуться в ту обстановку, ощутить чувства тех людей. Быть может, повлияла официальная пропаганда, а может быть, чувство товарищества и солидарности со своими сотрудниками по работе. Ведь говорит же

отец в письме, что ВСЕ идут, ВСЕ семьи в таком положении. Что же перевесило заботу о судьбе своей семьи?! - Ответа не нахожу. Бог ему судья. Это ни в коей мере не осуждение поступка отца с моей стороны, а непонимание его мотивов. Кстати, буквально пару дней назад я случайно наткнулся на телепередачу, в которой Вахтанг Кикабидзе вспоминал о своем отце, журналисте, носившем очки с толстенными стёклами, который ушел в ополчение, сказав жене (Вахтангу было тогда три года), что ему будет стыдно выйти на улицу, если он останется. Он погиб в 1942 году под Керчью. Вот такими были наши родители.

Последний раз я видел отца, когда он вырвался к нам в деревню накануне отправки их части в западном направлении. Он появился среди ночи, когда мы уже спали, в самых последних числах июля, и тут же уехал, так что спросонья я помню его очень смутно.

Отец очень часто писал нам письма, открытки, которые довольно быстро, примерно за неделю доходили до нас. Всего мы получили 26 писем, написанных им с 6 июля по 30 сентября. Из них можно понять маршрут следования их части: 6 августа - Волоколамск, 16 августа - Смоленская область, район Вязьмы, в адресе части теперь значится «действующая армия». С 10 сентября их часть, продвинувшись ещё немного на запад, остановилась.

(Я «перевёл» эти письма, написанные часто карандашом с плохо различимым текстом, с рукописного на печатный компьютерный шрифт для более лёгкого чтения и их анализа. Привожу одну из открыток того времени, написанную 27 сентября 1941 года, **1284 стрелковый полк**. С тех пор прошло 77 лет... И.М.).

Отец, в соответствии со своей гражданской профессией главбуха, был назначен командовать отделением хозяйственного взвода батальона. Жили они в блиндажах, с наступлением осенних холодов стали мёрзнуть, он просил прислать какие-нибудь тёплые вещи, еда была простая, но достаточная, получали ополченцы по 30 рублей в месяц денежного довольствия, но страдали от недостатка курева, большим дефицитом были спички.

Письмо-открытка от 27 сентября 1941 года

От себя добавлю, в качестве пояснения для потомков, что со временем солдаты, да и мужики в тылу, стали добывать огонь допотопным способом с помощью кремня, кресала - обычно кусок напильника - и фитиля, который от высекаемых искр начинал тлеть. Умельцы изготовляли всевозможных видов самодельные бензиновые зажигалки, для чего шли в ход винтовочные гильзы.

16 сентября отец получил от мамы подарок - кiset с табаком и трубку, который доставил ему большую радость. 22 сентября отец получил письмо от дяди Вити, младшего маминого брата, который тоже был в армии. 23 сентября он пишет, успокаивая маму, что фронт от них далеко, километрах в 80 - 100. В военных действиях они участия, конечно, не принимали, было ли у них оружие, - не писал. Последнее письмо он кончил писать в 22 часа 30 сентября и отправил его с нарочным: домой был отпущен его сослуживец по отделению, которому было 52 года, и он был практически слепым. Этот человек привёз письмо отца к нам в Москву. В письме отец поздравлял маму с днём ангела (30 сентября - Вера, Надежда, Любовь, Софья), отдельные письма написал мне и брату Игорю. Получилось настоящее прощальное письмо.

В тот же день, 30 сентября немцы начали операцию «Тайфун»,

нацеленную на захват Москвы. 7 октября в районе Вязьмы были окружены 4 наши армии, которые вели бои в этом «котле» около двух недель, как писали потом историки Отечественной войны.

(Маршрут отца, отражённый в его письмах, я попытался сопоставить с движением 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы, входившей в состав 32 Армии Резервного фронта, по воспоминаниям её командира Владимира Романовича Вашкевича. При выходе дивизии из окружения под Вязьмой 11-13 октября 1941 года 1284-й стрелковый полк, в котором служил отец, был оставлен на реке Вязьме для прикрытия. Как пишет В.Р.Вашкевич, «только небольшой части полка удалось выйти из окружения и присоединиться к своим войскам». Значит, отцу не удалось... Об этом я написал в статье «Наше семейное ополчение. Бои западнее Вязьмы», опубликованной в газете «Кадетское братство», январь 2013 г. – И.М.).

Официальное извещение из райвоенкомата мы получили в октябре 1944 года, в нём говорилось, что «красноармеец Меликов Владимир Александрович, уроженец г. Москвы, находясь на фронте, пропал без вести в ноябре 1941 года».

Народный Комиссариат
Обороны Союза ССР

УПРАВЛЕНИЕ
по персональному учету потерь
сержантского и рядового
остава Действующей Ар-
мии и пенсионному обеспе-
чению их семей

Отдел третий

10 октября 1944 г.
№ уп/3/4/1674
г. Москва

Ленинскому Райвоенкомату
1691 180 Ф. 42

Меликову Любовь
Фамилия

Ивановичу
Имя и отчество

проживающ. по адресу: Москва, I.
Радищевский пер. дом 4, кв. 4.
сма, муж, брат

что ее имя КД-П
Меликов Владимир Александрович,
Фамилия, имя и отчество

уроженец г.р. Москвы,
1903 года рождения,
находясь на фронте, пропал без вести
в ноябре 1941 г.

Начальник управления
полковник и/с
Начальник 3 отдела
ст. лейтенант а/с

ЦТ НКО. 8256-3

Извещение о пропаже без вести

Пенсия как семье военнослужащего в размере 180 рублей в месяц была назначена нам с 1 ноября 1943 года по 4 сентября 1949 года, до достижения мною 16 лет (ошибочно была записана дата моего рождения 4.IX.1933).

Настоящее удостоверение выдано отделом по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при исполнении обязанностей Советов депутатов трудящихся гр. Мелихов И. И. (фамилия, имя, отчество) в том, что в связи с призывом в Красную Армию его (сына, мужа, отца) ее семье на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. назначено пособие в размере 180 сорок восемьдесят руб. в месяц.

Семья состоит из следующих лиц:

№ по пор.	Фамилия, имя и отчество	Степень родства	Год рожд.	Трудоспособность
1.	<u>Юлия</u>	<u>св</u>	<u>1933</u>	<u>7.4 IX</u>
2.	<u>Игорь</u>	<u>-</u>	<u>1939</u>	<u>2.10.5</u>

Пособие назначено с 1 ноября 1943 по 4 сент. 1949 трудоспособных при _____ трудоспособных. Связь с сельским хозяйством семья имеет _____ не имеет _____

Зав. отделом по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих _____ (подпись)
М. П. _____
Ст. бухгалтер _____ (подпись)

Отметки об изменении размера пособия

Размер пособия	Размер пособия
с <u>194</u> г. установлен в сумме <u>_____</u>	с <u>194</u> г. установлен в сумме <u>_____</u>
м. п. Зав. отделом	м. п. Зав. отделом

(Подпись владельца удостоверения)

Удостоверение семье военнослужащего на право получения пенсии

Возвращаюсь к оставшимся в памяти событиям нашей жизни в деревне, а потом и в Москве. В деревне мы жили до второй половины сентября. Мама периодически ездила в Москву за продуктами. В августе ввели продовольственные карточки. Бомбежки Москвы начались летом 1941 года. Немецкие бомбардировщики летали по ночам почему-то через нас, хотя мы находились на юг от Москвы, с характерным прерывистым завыванием, тон которого был ниже у грузёных самолетов, летевших в сторону города, и выше у возвращавшихся, отбомбившихся. Однажды мама не смогла доехать до города, так как железнодорожные пути были разбиты бомбами, и ей пришлось дальше идти пешком. В другой раз, кажется, в августе, доехав, как обычно на трамвае от Павелецкого вокзала до Пятницкой

улицы и подходя к нашему переулку, она увидела, что дорога засыпана битым кирпичом и землей, следами ночной бомбёжки. С тревогой завернула за угол в наш переулок - оказалось, что наш дом цел.

1 сентября я пошёл в сельскую школу в первый класс, но вместо учебы мы занимались работой в поле. Этим ограничилась моя учеба в первом классе, так как в Москве в 1941-42 учебном году школы не работали. В конце сентября мы перебрались в Москву, но как это происходило, в памяти не сохранилось.

В октябре налёты на Москву производились регулярно. В бомбоубежище в соседнем с нашим двором трехэтажном доме, доме № 3 по Лаврушинскому переулку, мы ходили только один раз: там было очень тесно, к тому же жители этого дома «бронировали» там для себя места. После этого мы решили во время воздушной тревоги оставаться у себя дома, а когда разрывы бомб приближались, и зенитки в нашей округе начинали буквально «захлёбываться», мы все становились под сводом тамбура при входе в квартиру, считая это место наиболее крепким и безопасным. (Кстати, то же самое рекомендует современное МЧС при землетрясении).

Как я уже говорил, с первых чисел октября немцы начали операцию «Тайфун», широкое наступление на Москву. Продолжалась эвакуация жителей из Москвы. Дядя Саша еще раньше отправил свою семью в Пензенскую область, сам же он был назначен руководством завода, на котором он работал начальником цеха, ответственным за не эвакуированную часть завода. На нашей эвакуации настаивали и официальные службы, и дядя Саша, который, помню, наседали на маму: «Ты же знаешь, что твои дети могут здесь погибнуть, отравленные газами!».

По опыту Первой мировой войны считалось, что немцы могут прибегнуть к химическому оружию. На самом деле, на протяжении всей войны до нас не доходили ни по официальным каналам, ни в виде слухов сведения об использовании немцами химического оружия. Но вот после войны, году в 1947, находясь в пионерском лагере к югу от Нарофоминска, где в войну происходили ожесточенные бои, мы с ребятами среди прочих следов войны

(большого количества минометных мин с вывинченными взрывателями, но оставшимся тротилом, пробитых солдатских касок, наших и немецких, попадались даже головки от снарядов, парочку которых мы однажды сунули в костер, перед тем как идти обедать, и слушали, как они взрываются) нашли в засыпанном окопе несколько полуистлевших листков записной книжки, на которых, я хорошо помню, чернильным карандашом были написаны слова: «...от близкого разрыва осел блиндаж, проклятый немец пустил газы.....». И вот сейчас, когда пишу эти строки, я посмотрел на этот счет энциклопедию «Великая отечественная война» (год издания 1985), где сказано, что в отдельных случаях химическое оружие использовалось немцами против советских воинов и гражданского населения, но в широких масштабах они его применять не решились, хотя мощности по его производству достигали в 1943 году 180 тыс. тонн.

В этой напряжённейшей обстановке мама наотрез отказалась от эвакуации, отдавая себе отчёт в том, что ехать «в никуда» одной с малыши детьми и без средств к существованию - это верная гибель. Так всю войну мы и прожили в своих Кадашах.

Фронт подходил все ближе к Москве. Однажды мы увидели, что на Кадашевской набережной и вблизи Малого Каменного моста через Обводной канал, который в наших краях называли Канавой, в отличие от Москвы-реки, с помощью отбойных молотков делают через каждые 20-30 метров отверстия. Это была подготовка к минированию стратегических магистралей города на случай прорыва немцев. В памяти всех, находившихся тогда в Москве, запомнился день 16 октября, как говорили, день паники, когда началась массовая эвакуация из Москвы правительственных и государственных учреждений. В тот день была разрешена выдача по карточкам хлеба на пять дней вперед, а не на один день вперед, как обычно. С 20 октября Москва была объявлена на осадном положении (режим военного положения был введен с началом войны), запрещалось всякое передвижение по улицам с 12 часов ночи до 5 часов утра без спецпропусков.

Отдельно расскажу о бомбежках Москвы, которые продолжались, по-моему, вплоть до Курской битвы летом 1943 года,

правда, не с такой интенсивностью, как в 1941 и 1942 годах. Воздушная тревога объявлялась по радиотрансляционной сети. С осени 1941 года в каждой комнате нашей квартиры был репродуктор радиотрансляционной точки, а свой приемник дядя Саша, в соответствии с приказом властей, сдал «на хранение» на почту, откуда тот так и не вернулся: это было сделано для того, чтобы исключить доступ населения к неподконтрольной информации. Из репродуктора нёсся чеканный голос диктора, от которого мурашки пробегали по спине: «Граждане! Воздушная тревога!». Вслед за этим следовал вой сирены. Сигнал тревоги подавался вдобавок гудками паровозов и заводов. После окончания воздушного налета по радио диктор объявлял: «Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!».

Иногда за одну ночь тревога объявлялась дважды, а в редких случаях и днём. Стекла окон было велено заклеить крест-накрест полосками бумаги для уменьшения вероятности ранений от осколков стекла, а сами окна с наступлением темноты нужно было плотно закрывать светонепроницаемыми шторами. Светомаскировка соблюдалась и на улицах: уличное освещение не включалось, фары автомобилей были закрыты щитками, свет выходил сквозь узкую прорезь, прикрытую козырьком.

Местоположение нашего дома имело повышенную опасность при бомбежках: как раз напротив нашего переулочка, через Канаву и Москву-реку - Кремль, рядом с ближайшими к нам мостами - теплоэлектростанции с высокими трубами, все это явные цели для немецких бомбардировщиков. За всю войну в эти объекты бомбы не попадали (говорили, что одна небольшая бомба упала на территории Кремля) благодаря плотному заградительному огню зенитных орудий, а также счетверенных зенитных пулеметов, для размещения которых на крышах высоких домов были оборудованы специальные площадки.

С целью дезориентации немецких лётчиков вдоль Москвы-реки и нашей Канавы были развёрнуты декорации, по-моему, на льду, в виде крыш домов, которые, правда, оставались недолго. В итоге все сыпавшиеся с неба немецкие «подарки» доставались окрестностям указанных объектов, в том числе и нам. Кроме фугасных бомб, в больших количествах сбрасывались зажигательные бомбы, которые,

пробив крышу дома, поджигали пожар на чердаке. Для борьбы с ними на чердаках и крышах домов по ночам дежурили бригады жильцов, вооружённых длинными щипцами, и стояли ящики с песком, в которые нужно было сунуть зажигалку, так как вода на термитную начинку бомбы не действовала. Правда, в ближайших к нам домах пожаров не произошло.

А вот фугасные бомбы нас дважды «тряхнули» основательно и оба раза после объявления отбоя воздушной тревоги, во втором часу ночи: по-видимому, возвращался и прорывался через противовоздушную оборону одиночный самолёт. Один раз большая бомба упала в Толмачёвском переулке, в том месте, где к нему подходит Лаврушинский переулок, попав в одноэтажный домик. Взрывная волна была такой силы, что отвалила треть здания художественной школы, построенной в рекордно короткие сроки перед самой войной как раз напротив Третьяковской галереи. Несмотря на то, что наш дом находился на расстоянии нескольких сотен метров (длина всего Лаврушинского переулка) от места падения бомбы, в нашей комнате вылетели стекла, распахнулась дверь, а нас всех сбросило с кроватей на пол. Вставленная вместо разбитых стёкол фанера продержалась недолго: как-то, тоже после отбоя, мы услышали звук приближающегося самолёта, который перешёл в надрывный вой, а затем, без характерного предварительного свиста падающей фугаски - взрыв. Бомба уничтожила зенитную батарею, находившуюся на Болотной площади, на другом берегу Канавы, напротив нашего переулка, на которую, по-видимому, спикировал самолет. Нас опять сбросило с кроватей, опять выбило окна. Бомбежки оказали сильное психологическое воздействие на брата Игоря, которому было три года: с наступлением темноты он боялся подходить к окнам, говоря, что «там стреляют».

А еще раз мы остались живы только благодаря счастливому случаю. Однажды вечером, мы еще не ложились спать, во время воздушной тревоги за окном раздался звук, будто по тротуару проехал на самокате мальчишка (такие самокаты на двух шариковых подшипниках мы мастерили из двух досок, скрепленных под прямым углом шарниром из согнутой железки и гвоздя.) И все, тишина. Наутро выяснилось, что в конце нашего переулка упала бомба весом

в 1 тонну (насколько я помню, самая крупная из применявшихся во время воздушных налетов), но не взорвалась, сломав лишь пару ступенек у деревянного домишки, и ушла в землю. Я сам видел, как её увозили в кузове грузовика-полупорки солдаты ПВО, причём хвост бомбы выступал за задний борт кузова. Если бы она взорвалась, от всего нашего переуллка ничего бы не осталось.

Одно из самых больших разрушений, причинённых бомбежками в Москве, было в Овчинниковском переулке, за Пятницкой улицей, куда упало «нечто», которое, по словам очевидцев, светилось, падая. Возможно, это был подбитый самолет с грузом бомб, ходили разговоры также, что это была какая-то «торпеда», это уж не столь важно, но был снесён целый квартал (я туда не ходил). Нам казалось, что мы подметили закономерность: когда на фронтах немцы терпели неудачи, они усиливали бомбежку Москвы, а когда у них были успехи, интенсивность бомбежек падала. Не знаю, конечно, являлось ли это отражением реальных планов немецкого командования. Особенно чётко такая закономерность проявлялась в тех случаях, когда какой-нибудь крупный город в течение короткого времени переходил «из рук в руки», например, Ростов-на-Дону в ноябре 1941 года и Харьков в феврале-марте 1943 года.

Школы в Москве в 1941-42 учебном году не работали. Мама находила время заниматься со мной дома, в результате я выучил всю таблицу умножения, а потом оказалось, что в программу первого класса входило только умножение на два. В сентябре 1942 года я пошел во второй класс, но не в школу прямо напротив нашего дома, которая еще не работала (по-моему, в ней размещался госпиталь), а в школу № 12 в Старомонетном переулке у Малого Каменного моста. Через полгода весь наш класс был переведён в школу № 585, ещё на одну трамвайную остановку дальше, вдоль улицы Большая Полянка.

В этом учебном году мальчики и девочки последний год обучались совместно. Учиться мне было легко, сказывалась домашняя подготовка. Учебники выдавались один на три - четыре человека, большей частью подержанные. Помню, что помещённые на страницах учебников портреты некоторых военачальников, объявленных врагами народа и расстрелянных за пару лет до войны,

были закрашены чернилами - это отражение «чисток», устроенных Сталиным в армии.

Во втором классе нас приняли в пионеры, я, кажется, был звеньевым, так как присутствовал на инструктаже, который проводила с пионерским активом старшая вожатая школы № 585 по имени Сусанна, которое, по мнению ребят, ей, девушке восточного типа с усиками, очень соответствовало. Врезались в память своей абсурдностью ее наставления, которые мы записывали под диктовку: «читать газеты, обсуждать статьи.....».

Еще помню из той поры уроки строевой подготовки, которые проводила с нами молодая учительница: стоя в шеренгу, мы отработывали выполнение команд «равняйся», «смирно», «вольно», «можно опраться». Последняя команда особенно нравилась, все начинали судорожно устраивать беспорядок в своей одежде, а потом быстро приводить её в порядок.

В классе верховодили малолетние представители городской шпаны, особенно двое: крошечного роста Коля Милованов из дома № 1 в нашем переулке - бандитского гнезда, поскольку у него были старшие братья вплоть до взрослых парней (самый «авторитетный» из них был известен в округе под кличкой Сюля), и второй мальчишка, плотный крепыш по прозвищу Бычок. У каждого из них была «своя» девочка в классе, которые благосклонно принимали их покровительство. Остальных ребят они терроризировали тем, что по дороге домой приказывали снимать пионерский галстук и прятать его в карман, сами же потом ябедничали учительнице, что такой-то и такой-то ходят по улице без галстука.

Летом 1942 года у нас в семье произошло событие, которое по тем временам было трагедией. Помню, я лежал в постели с ангиной, которой в детстве частенько болел, трёхлетний Игорь гулял во дворе, а мама занималась хозяйством. Стояла жара, двери на улицу и в комнату были открыты. Вдруг входит Игорь без ботинок, в одних носочках. Мама бросается к нему, спрашивает, где его ботинки, а он спокойно отвечает, что какая-то тётя сняла, сказав, что в ботинки заползла букашка. Мама бросилась на улицу, но той тёти и след простыл. Где взять новые ботинки взамен этих, единственных? На промтовары, в отличие от регулярно выдаваемых продуктовых

карточек, эпизодически в каких-то ведомствах удавалось выклянчить «ордер» на покупку той или иной вещи. Вот и такая была жизнь! Этим же летом умерла моя прабабушка.

На какие средства мы жили? До середины 1943 года мама не работала. Летом и осенью 1941 года какие-то небольшие деньги перепадали с бывшей работы отца, потом этот источник заглох. Никаких накоплений, разумеется, не было. Чтобы «отovarить» карточки (у меня с братом - детские, с относительно небольшими нормами, а у мамы с бабушкой - иждивенческие, с самыми низкими нормами), много денег, конечно, не требовалось, но все-таки они были необходимы. Мама начала продавать и менять на продукты вещи, не помню точно какие, знаю только, что до сапог и галифе отца дело дошло не сразу. Один случай и здесь был трагическим: проходимистая бабёнка из соседнего дома предложила мешок картошки в обмен на какую-то вещь, возможно, шерстяной платок, предупредив, правда, что картошка подмороженная, но не гнилая. Сделка состоялась, а картошка оказалась совсем гнилой, не годной для еды. Но назад уже хода не было. Вот так! Иногда помогал дядя Саша, принося с завода бутылку спирта, который на рынке был настоящей валютой. Как-то на работе отца мама получила бидончик бензина, который она везла на нескольких трамваях, рискуя быть арестованной, поскольку это огнеопасная жидкость, а запах проникал через упаковку. Бензин тоже пошел на рынок. В то время я, видя, конечно, всё то, о чём сейчас рассказываю, не особенно осознавал, как же маме удаётся выкручиваться? Не могу понять и теперь, прожив целую жизнь! Земной ей поклон!

Изменить положение к лучшему помог случай. В начале лета 1943 года у тёти Шуры гостила ее племянница из Коломны, дочка брата Николая (который, кстати сказать, вернулся с войны живым), и заболела. Вызвали районного врача, пытаюсь скрыть от нее, что девочка в Москве не прописана. Она, конечно, раскусила эту хитрость, разговорились и, узнав, что мама не работает, предложила ей место медицинской сестры в школе № 7, где она также работала. Мама колебалась, поскольку у неё не было никакого медицинского образования, но Роза Соломоновна Длугач, так звали врача, настоятельно советовала соглашаться, говоря, что она её введет в

курс обязанностей медсестры, тем более что медсестре полагалась рабочая продуктовая карточка, имевшая наивысшие нормы.

К осени 1943 года оказалось, что школы в Москве поделены на мужские и женские, школе № 585 предстояло стать женской, а мне возвращаться в прежнюю школу № 12. Но мужской становилась и школа № 7, в которой начала работать мама, и я перебрался в неё, еще более чем на остановку трамвая дальше от дома, и учился в ней с третьего по десятый классы. Когда мама стала работать, Игоря устроили в детский сад, который находился на Софийской набережной Москвы-реки, напротив Кремля, вплотную к английскому посольству. Утром его отводила в сад мама, а к вечеру за ним приходил я.

Теперь о карточной системе. Карточки выдавались раз в месяц по месту жительства, для разных категорий граждан (рабочие, служащие, дети, иждивенцы), карточки были разных цветов. Лист карточки был разграфлен на отдельные талоны, на которых указывался вид продукта и его количество. Месячная норма каждого продукта была распределена по нескольким талонам с номерами. Купить продукт можно было только по тому талону, который был «объявлен» в определённый день месяца, причём он оставался действительным какое-то время, а затем аннулировался и «объявлялся» следующим талон. Не использованные в положенный срок талоны, например, из-за отсутствия товаров, пропадали. Карточки нужно было «прикрепить» к какому-либо магазину и только там «отовариваться». Магазины по уровню снабжения были разные, и важно было «прикрепиться» к хорошему магазину. Учителя школы № 7, и мама вместе с ними, «прикреплялись» к неплохому магазину в начале Большой Калужской улицы (ныне Ленинский проспект). На хлеб были отдельные карточки и их, по моему, не нужно было «прикреплять». Потерянные карточки не возобновлялись, и их утрата являлась большим несчастьем. Нас, как мне кажется, такая участь миновала.

В школе № 7 в полуподвале была столовая, в которой я обедал. В обмен на определённые талоны карточки можно было купить абонемент на обеды. В кассу вместе с деньгами отдавался один

талончик абонемента, а взамен получался талончик на обед, который вручался официантке. Хлеб надо было приносить с собой. Я так детально описываю эту процедуру, потому что с ней связан произошедший со мной неприятный эпизод. Однажды я стоял в очереди в кассу, а пара кусочков хлеба, завернутые в газету, лежали у меня в кармане пальто. Сзади меня крутился какой-то парень, старше меня по возрасту. Когда я получил талон на обед и пошёл в обеденный зал, хлеба в кармане не оказалось. Я, конечно, огорчился, сел к столу, и за тот же стол сел этот парень, достал мой хлеб и, нагло глядя на меня в упор, стал обедать с моим хлебом. Наверно, эта демонстрация увеличивала удовольствие от украденного хлеба. А может быть, он рассчитывал позабавиться, когда я буду предъявлять ему свои претензии, а ведь не пойманный - не вор. Да к тому же мне можно было дать по шее за «голословное» обвинение. Но я смолчал и, по-моему, не рассказал об этом случае маме, чтобы её не огорчать. Это был запавший в память случай полнейшей атрофии человеческой совести, наряду с ботинками Игоря и мешком гнилой картошки.

«Отоваривание» хлебных карточек входило в мои обязанности. Ближайшая булочная находилась в двух шагах от дома, в начале нашего переулочка, но иногда приходилось ходить за хлебом на Пятницкую улицу. Хлеб резался и отпускался по весу, так что всегда были кусочки-довески. Маленький довесок я позволял себе съесть по дороге домой. В каждой булочной стояли попрошайки, которые настойчиво просили «подать кусочек». Вид одного из них у меня в памяти до сих пор: кряжистый парень с бандитской мордой, который так пристал ко мне: «Дай, пахан!» (я тогда не знал этого слова из уголовного лексикона и понял его, как «дай похамать», т.е. поесть), да ещё увязался со мной до самого выхода из магазина, что я со страха отдал ему большой довесок черного хлеба.

С походом за хлебом на Пятницкую улицу связан эпизод, произошедший со мной, наверно, летом 1944 года, который, если бы не потрясающее везение, мог стоить мне жизни. Когда я уже перешёл улицу Ордынку, грузовик, поворачивавший с моста через Канаву на набережную между Ордынкой и Пятницкой, налетел сзади на меня и других пешеходов. Я очнулся под машиной, между передним и задним колесами и с криком: «Что вы делаете!!» пулей выскочил из-

под машины, успев заметить лежавшего рядом со мной еще, по крайней мере, одного сбитого пешехода - женщину. Буквально в ту же секунду шофер, видно, с перепуга, дал задний ход и переднее колесо, я видел, наехало на женщину, проехав и по тому месту, где только что был я. Я отделался легким ушибом левой ноги выше колена, не было даже ссадины, а только небольшое онемение кожи. Сгоряча я побежал в булочную на Пятницкую, купил хлеба по карточкам, которые так и остались зажатыми в кулаке, и пришёл домой. Первые слова, которые я сказал маме, были: «Ты не волнуйся, я просто попал под машину», а уже потом разревелись, жалея, к тому же, потерянную тубетейку. Мои приятели-мальчишки бросились к тому месту за тубетейкой, но вернулись без нее, сказав, что она вся в крови, а машина задавила двух женщин. Вот такие дела!

Помню, что мама каким-то образом ухитрилась создавать небольшой страховой запас продуктов: некоторое количество хлеба (старый ели, новый откладывали), пара коробок шоколадного набора, купленных по талонам на сахар. Был засушен мешочек картофельных очисток, но до употребления их в пищу дело не дошло. Без карточек продукты можно было купить на рынке, но это было не для нас: помню, что буханка чёрного хлеба стоила 100 рублей. Однажды нам удалось купить без карточек бидончик костного бульона, простояв в очереди полдня, да ещё не хотели нас пускать в свою очередь, так как во время нашей отлучки произошла новая перепись очереди (номера писались на ладони чернильным карандашом).

В школе без карточек ежедневно выдавался каждому ученику бублик, очень вкусный. Поскольку бублики отпускались школьному буфету по числу учащихся, а выдавались персонально каждому присутствующему на занятиях, то неизбежные излишки служили, как говорили, хорошим источником обогащения для тех, кто был к этому причастен. Вспоминаются несколько приездов сослуживцев брата тети Шуры, солдат-шоферов, которые приезжали в Москву за военным снаряжением и останавливались у нас на ночевку. Устраивался общий ужин, шоферы выставляли свои припасы, мы варили картошку. Лакомством была американская тушёнка и особенно колбасный фарш в консервных банках, открываемых с помощью ключика, а также солёное сало.

Отопление в Кадашах, как я упоминал, было печное. Печка - «голландка» очень слабо нагревала комнату и требовала много дров, поэтому в первую же военную зиму в комнате поставили самодельную железную печку - «буржуйку», которую, по-моему, достал дядя Саша. Уже от пары тонких полешек она раскалялась докрасна, на ней же готовили еду. Однако тепло в комнате держалось только, пока топилась печка. Перед следующей зимой мы с мамой решили поставить в комнате кирпичную печку-плиту. Где взять кирпич? Купить было невозможно. Я присмотрел большой штабель нового кирпича под аркой ворот дома в конце нашего переулочка, в котором находилось бомбоубежище. И вот несколько вечеров, в темноте, мы с мамой воровали этот кирпич,нося его по несколько штук в сумках. Кстати, в этом же доме помещался районный суд, к которому мимо нашего дома регулярно ездили «воронки» с заключенными, так что далеко нас, жуликов, доставлять не нужно было. И действительно, однажды нас «застукал» какой-то мужик, кирпичи мы из сумок выложили, но смогли уйти домой. Потом продолжили свое черное - благородное дело и заготовили необходимое количество кирпича. Где-то нашли печника, печка получилась на славу, тепло она держала до следующего дня, а на ее плите готовили.

Дрова покупались на дровяном складе на Ордынке. Надо было укараулить, когда появятся приличные дрова, побольше березовых, хотя их отпускали меньше половины, а остальные клали осиновые (а «осина не горит без керосина»). Для того чтобы привезти дрова, которые были метровой длины, домой, нанимали мужика с ручной тележкой, либо с телегой, запряженной лошастью. Во дворе был сарай для дров. Пилкой дров занимались мы с мамой, а колот дрова я. Пилили их на нашей маленькой кухне, на опрокинутой табуретке двуручной пилой. Сил было мало у обоих, то и дело выясняли, кто из нас плохо тянет пилу. Однажды дядя Саша достал великолепных сосновых дров, толстых, диаметром 30-50 сантиметров, по-моему, уже напиленных. Поленья были и толстые, и сучковатые, так что их колка доставляла мне много хлопот. Засадив в полено топор, я часто не мог сам его вытащить обратно и дожидался, пока по двору пройдет какой-нибудь мужчина. Но горели они отлично.

Пока я был маленький и умещался в корыте, мама мыла меня дома. Воду грели в двухведерном самоваре, с которым связано событие, чуть было не кончившееся трагически. По-видимому, рано сняли трубу и заглушили самовар, в котором ещё оставались тлеющие угли. Мы почувствовали запах угарного газа, когда уже в помещении стояла голубоватая дымка, и у нас началось головокружение. У мамы хватило сил вытащить нас с братом (бабушки, по-моему, уже не было в живых, а тетя Шура и дядя Саша были на работе) в коридор, дверь из которого вела уже во двор, состояние у всех нас было то ли обморочное, то ли близкое к этому.

Когда я подрос, стал ходить в Кадашевские бани, которые находились в конце нашего переуллка, поначалу с нашим дворником. Это был симпатичный старичок, в круглых очках, обмотанных веревочкой, мастеривший в своей сторожке, где он и жил, фанерные, как он их называл, саквояжи. Мне нравилось сидеть рядом с ним, подавать ему гвозди, которые он по несколько штук держал между губами, чтобы удобнее было их брать по одному. Он также и сапожничал, делая мелкий ремонт.

Наши Кадаши (1-й, 2-й, 3-й Кадашевские переуллки и Кадашевская набережная) были, если и не таким бандитским районом, как, например, Марьино Роща, но местных уголовников тоже хватало. На набережной, по обе стороны от нашего переуллка, стояли двухэтажные дома, принадлежавшие до революции ломовым извозчикам, в которых во времена моего детства жили их многочисленные потомки, задававшие тон среди шпаны всей округи. Я уже упоминал о бандитском гнезде в доме № 1 по нашему переуллку, мужское население которого осуществляло ротацию между тюрьмой и волей. Наш дом с ними тягаться не мог, но в каждой квартире подрастающий парень «садился». Кумушки во дворе рассчитывали, когда подойдет и моя очередь, самого младшего. Но в квартире над нами, на втором этаже, было уже два «сидельца», итого 4 человека на 4 квартиры нашего дома, так что лимит, по-видимому, оказался исчерпанным, и меня эта участь миновала.

Большим развлечением были для нас, ребят, военные парады, а позже и салюты. Военная техника, прежде всего танки, после

Красной площади проходила по Ордынке, которую от нашего дома отделял недлинный 2-й Кадашевский переулок. На тротуарах Ордынки выстраивался народ. Помню, однажды произошел несчастный случай в метрах 30-50 от меня: танк не вписался в поворот Ордынки после моста через Канаву и, замедляя ход, стал наезжать на расступающуюся перед ним толпу, срезав деревянный столб уличного освещения. Концом этого столба, повисшего на проводах, тяжело травмировало женщину, о других пострадавших я не слышал.

О дне 7 ноября 1941 года остались в памяти большие снежные сугробы по краям улицы на Ордынке и мороз около 25 градусов, что было большой редкостью для этого дня, а вот проходила ли бронетехника по Ордынке в этот день, я не помню.

Первый салют в Москве был произведен после завершения Курской битвы, в ознаменование освобождения от немцев Орла и Белгорода (5 августа 1943 года). Помню, что первый салют отличался от последующих тем, что артиллерийские залпы сопровождалась не фейерверком разноцветных ракет, а пулеметными очередями трассирующих (светящихся) пуль, которые крест-накрест перечёркивали ночное небо. Потом говорили, что эти пули на излете ранили находившихся на улицах многочисленных зрителей салюта, поэтому от их использования отказались. Второй салют был произведен в честь освобождения Харькова. Вскоре салюты стали сопровождаться лучами прожекторов, которые то передвигались в определенном порядке по небу, то замирали в виде перекрестий или свечками. Обычно прожектора везли на места их дислокации в день салюта ещё засветло, так что о предстоящем салюте мы знали еще до объявления по радио приказа Верховного Главнокомандующего (Сталина), который передавался ближе к вечеру. На завершающем этапе войны бывали случаи, когда в день производилось два салюта. Во время салютов на аэростатах поднимали видные с Кадашевской набережной, откуда мы смотрели салюты, огромный цветной портрет Сталина и красный флаг, освещаемые прожекторами.

Воспоминания о школе связаны, в основном, со старшими классами. Из событий, происходивших в младших классах, кроме рассказанных выше, всплыла в памяти первая фраза, которую нам

продиктовала учительница истории на первом уроке: «Первобытные люди были дикарями и, как животные, жили стадами». Запомнился случай на улице, когда я шел с Игорем, держа его за руку, и на мне был пионерский красный галстук. Навстречу шла пигалица-девчонка, тоже с галстуком. Поравнявшись с нами, она задиристо потребовала: «Пионер, ответь за галстук!». Я стушевался и ничего не смог сказать ей в ответ. Оказывается, нужно было ответить (один из вариантов): «Не тронь рабочую кровь, оставь ее в покое!». Как-то зимой, в сильный мороз, я шёл по улице, не опустив шапку на уши. Вдруг встречная женщина говорит мне, что уши у меня совсем белые. Я потрогал их, а они твердые. Когда пришёл домой и стал их растирать, уши посинели и распухли так, что колыхались при ходьбе. Спустя некоторое время уши пришли в норму, но с тех пор даже при слабом морозе они мерзнут и требуют растирания до появления ощущения теплоты.

Летом 1944 года все жители нашего дома испытали сильное потрясение во время пожара дома, однотипного с нашим, который находился по другую сторону нашего небольшого двора. Дом загорелся от неаккуратного обращения с примусом, заправленным бензином, деревянный второй этаж сгорел дотла, а жар был такой, что нельзя было высунуться из двери нашей квартиры во двор. Когда следующим летом дом восстанавливали, а я крутился около тесавших бревна плотников, собирая щепки для топки печки, по радио было объявлено об атомной бомбардировке американцами Хиросимы. Эта новость, по-видимому, так поразила меня, что память детально запечатлела ту обстановку, в которой я её услышал.

Хорошо помню День Победы. Накануне вечером, 8 мая 1945 года, все напряженно ждали сообщения по радио о капитуляции Германии, ведь Берлин был взят еще 2 мая. Завершение войны, сбрасывая колоссальное напряжение четырех военных лет, в то же время как бы проводило черту, отделяя выживших от погибших. Мама плакала. Днём мы все втроем ходили в столовую при школе № 7, а вечером пошли к Красной площади смотреть салют. Кстати, салют был еще и днём 9 мая в честь освобождения Праги. Однако, увидев столпотворение на Красной площади, мы туда решили не протискиваться. Мама долго уверяла себя и нас с братом, что отец

ещё может объявиться после освобождения из возможного плена и последующих наших лагерей (слухи о переправке освобожденных из немецкого плена наших солдат в советские концлагеря ходили в народе). Но в то же время она, по-моему, осознавала призрачность таких надежд после Смоленско-Вяземской «мясорубки» 1941 года. Признаюсь, что у меня была своя, полумистическая, версия судьбы отца на войне. Ещё во время войны мне снился повторяющийся сон: на каком-то тёмном пустыре я вижу одинокую фигуру человека, который вдруг взмахивает обеими руками и корчится, будто расстреливаемый. Я для себя сделал вывод, что это была весть о гибели отца. Маме, да и вообще никому, я об этом, конечно, не говорил.

Когда я учился в пятом классе, мне выдали пришедшую в нашу школу бесплатную путевку в знаменитый всесоюзный пионерский лагерь «Артек» на южном берегу Крыма с 1 апреля по 25 мая 1946 года. Ехал я туда с группой московских ребят поездом в течение 2,5 суток, в дорогу мама собрала мне целый мешок продуктов. После окончания войны прошло меньше года, и функционировала лишь часть большого артековского комплекса - Верхний лагерь. Во время войны южный берег Крыма оккупировали румынские войска, в Нижнем лагере на самом берегу моря они устроили конюшни, а в Верхнем лагере была резиденция румынского диктатора Антонеску, который спешно бежал на гидросамолете от наступающих частей нашей армии, поэтому этот лагерь уцелел.

Через неделю пребывания в лагере я заболел свинкой и значительную часть смены провел в изоляторе. Чувствовал я себя неплохо, тут была небольшая группа ребят и вожатая, мы гуляли по парку и окрестностям, да к тому же не учились (поскольку лагерная смена приходилась на учебный год, несколько часов в день артековцы учились). На работах по приведению лагеря в порядок использовались пленные немецкие солдаты под руководством своих офицеров, они приносили на кухню изолятора дрова, за что поварихи их подкармливали. Помню, что неприязнь у нас вызывали только немецкие офицеры, которые вели себя высокомерно, ходили с руками за спину и покрикивали на работающих солдат. Не припомню, чтобы я видел там наших конвоиров. Остаток смены я провел со своим

отрядом, мы ездили на катере к двум знаменитым скалам Адоларам, ходили на гору Аю-Даг, похожую на огромного медведя, пьющего воду из моря. Поскольку море было еще холодным, мы не купались, а только брызгались водой. Пионервожатые мужчины были, как правило, фронтовики, получившие ранения и присланные в «Артек» фактически на отдых. В нашем отряде вожатым был моряк, лишившийся руки, поэтому нашей отрядной песней он предложил сделать известную в те годы песню «Прощайте, скалистые горы». На обратном пути на одной из остановок поезда я купил на оставшиеся карманные деньги большую связку фиолетового лука маме в подарок.

В 1947 году была отменена карточная система и проведена денежная реформа с обменом денег в соотношении 10:1, кроме звонкой монеты, которая за некоторое время до обмена начисто исчезла из обращения. Помню, в трамвае, на котором я иногда ездил в школу, кондуктор брала с каждого пассажира вместо 15 копеек 1 рубль, не давая сдачи и не позволяя платить одному за несколько человек. И до отмены карточек существовала свободная продажа продуктов в так называемых коммерческих магазинах, но цены в них были фантастические...

(На этом можно бы и закончить детские военные воспоминания юного москвича – моего старшего брата. Может показаться странным, но в том же 2003 году я попал в больницу и там, среди безделья, начал писать первый вариант своих детских воспоминаний «Письма к внуку», имеющих тоже в большей степени «семейное пользование». Часть из них, посвящённая моей жизни в суворовском училище, была опубликована в уже упомянутой газете «Кадетское братство» за ноябрь-декабрь 2013 года. Они помещены в Главе 6.

Напоследок не могу не привести наше современное фото, недавнего 2012 года, на котором братья Меликовы празднуют 18-летие моего внука Никиты. – И.М.).

Братья Меликовы: Юрий (слева) и Игорь. 2012 год

Глава 2. Морально-этические и военно-профессиональные аспекты формирования московских дивизий народного ополчения в июле 1941 года²

В год 77-й годовщины начала Великой Отечественной войны (ВОВ) и победоносного завершения Московской битвы нельзя забывать о той жертвенной, трагической, но и героической роли московского ополчения в обеспечении этой победы. Некоторыми сведениями и соображениями о судьбе московского ополчения мне и хочется поделиться.

Анализу событий начала ВОВ посвящено много работ профессиональных историков, опубликованных в различных изданиях. Но поскольку затронутый в настоящем сообщении вопрос о причинах и процессе формирования ополченческих дивизий неотделим от общего состояния Красной Армии в 1941 году, приведу только одно высказывание известного историка ВОВ генерала армии М.А.Гареева (цитируется по работе М.Мельтюхова³):

«...накануне войны в какой-то момент было упущено из виду то важнейшее обстоятельство, что в случае начала военных действий и в политическом, и в военном отношении нельзя исходить только из собственных пожеланий и побуждений, не учитывая, что противник будет стремиться делать все так и тогда, когда это удобно и выгодно ему», а «идея непременно перенесения войны с самого ее начала на территорию противника... настолько увлекла некоторых руководящих военных работников, что возможность ведения военных действий на своей территории практически исключалась. Конечно, это отрицательно сказалось на подготовке не только обороны, но и в целом театров военных действий в глубине своей территории».

Вот в такой военно-политической обстановке начиналась ВОВ.

² По материалам доклада на научно-практической конференции «На последнем рубеже», посвященной 75-летию окончания Московской битвы. Москва. 10 декабря 2016 г.

По заветам Минина и Пожарского. Газета «Кадетское братство», июль, 2017, с.18-19

³ Мельтюхов М.И. Преддверие Великой Отечественной войны 1939–1941 гг.: становление великой державы // URL: http://www.redov.ru/istorija/pravda_viktora_suvorova/p3.php

Как нам теперь стало известно, в основном из воспоминаний, а не из первичных документов, одним из важных моментов на пути к созданию народного ополчения стало совещание у И.В.Сталина, состоявшееся **26 июня 1941 г.**, то есть **на пятый день** войны. На этом совещании военные руководители, по словам Г.К.Жукова⁴, прилетевшего с Юго-Западного фронта, предложили срочно сформировать 2-3 армии за счёт дивизий Московского ополчения. *«Все эти предложения И.В.Сталиным были **УТВЕРЖДЕНЫ** и тотчас же **ОФОРМЛЕННЫ** соответствующими **РАСПОРЯЖЕНИЯМИ**».* (Выделено мной - И.М.). Поверим Г.К.Жукову на слово...

В директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 года, определившей задачи партийных и советских организаций прифронтовых областей в условиях военного времени, не упомянуто о необходимости создания добровольческих формирований.

Однако через два дня вошло в действие решение о создании московских дивизий народного ополчения. В ночь на 2 июля секретарей всех районных и городских партийных комитетов Москвы вызвали в Кремль. Совещание проходило на рассвете, длилось недолго – всего полчаса. Собравшимся сообщили, что ЦК партии одобрил патриотическое движение трудящихся Москвы и Ленинграда, создавших народное ополчение на добровольческих началах. Руководители партии и правительства рассказали о всей глубине опасности для страны, поставили задачу поднять народ, срочно создать в столице народное ополчение.

В тот же день Военный Совет Московского военного округа принял «Постановление о добровольной мобилизации жителей Москвы и области в народное ополчение».

3 июля в речи И.В. Сталина по радио было сказано, что опасность угрожает нашей национальной государственности. В речи излагались основные задачи по организации отпора врагу, которые содержались в директиве от 29 июня. Но был еще и новый важный момент – партия призвала к формированию широкого народного ополчения. *«...В каждом городе, которому угрожает опасность*

⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С.268.

нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом».

Переводя мобилизацию на общегосударственный уровень, 4 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял Постановление № ГКО-10сс «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения».

Почему же так внезапно, спустя всего полторы недели после начала войны, встал вопрос о привлечении именно массового ополчения в Действующую армию, в частности, для защиты Москвы? Ведь в это время бои, хотя и не удачные для Красной Армии, шли далеко на западе страны, и Совинформбюро весьма сдержанно информировало население о действиях наших войск на фронтах⁵:

«Вечернее сообщение 2 июля <1941>

В течение 2 июля наши войска вели упорные и ожесточённые бои с пехотными частями противника на МУРМАНСКОМ и КЕКГОЛЬМСКОМ направлениях и с подвижными войсками противника на ДВИНСКОМ, БОРИСОВСКОМ, СЛУЦКО-БОБРУЙСКОМ и ЛУЦКОМ направлениях.

На остальных направлениях в участках фронта советские войска, прочно удерживая госграницу, ведут бои с противником, пытавшимся её нарушить...Попытки противника прорваться пресекаются упорным сопротивлением наших войск и успешными действиями нашей авиации.

На ЛУЦКОМ направлении наши войска продолжают упорные и напряжённые бои в районе РОВНО. Противник не прекратил попыток прорваться на юго-восток, но всюду его попытки разбиваются стойкостью и упорным сопротивлением наших войск...».

⁵[bdsa.ru/сводки-совинформбюро/1063-2-1941//URL:<http://bdsa.ru/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B1%D1%8E%D1%80%D0%BE/1063-2-1941>](http://bdsa.ru/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B1%D1%8E%D1%80%D0%BE/1063-2-1941)

Да просто потому, что народное ополчение — это последний, самый последний резерв. Резерв, который можно использовать в бою. Как подразделения нестроевых солдат, как штабных, как "ходячих" раненых. За спиной ополчения нет никого! Умрут ополченцы, и дорога врагу свободна на многие километры. Уж ополченцы, в основном рабочие и интеллигенция, **добровольно и сознательно** вступавшие в армейские ряды, не побегут от врага, не в пример панически отступавшим частям в основном крестьянской, набранной по мобилизации, армии.

Жители Москвы и Подмосковья откликнулись на призыв создания ополченческих дивизий повсеместной и массовой записью в ополчение. Скорее всего, это был патриотический порыв наиболее активной и эмоционально настроенной части, элиты московского общества, примеров которому не счесть: это и писательская рота (Борис Рунин), и музыкальный батальон, и научные работники и студенты МГУ, работники Наркомата иностранных дел, служащие различных организаций и, конечно, рабочие столичных предприятий. В ополчение Москвы послали свои батальоны многие подмосковные города: Балашиха, Верея, Видное, Дмитров, Егорьевск, Загорск, Ивантеевка, Кашира, Клин, Красногорск, Лопасня, Орехово-Зуево, Павловский Посад, Петушки, Подольск, Пушкино, Реутов, Солнечногорск, Щёлково...

Эмоции захватили всех, независимо от возраста, состояния здоровья и семейного положения. И именно на таком патриотизме масс делается акцент во множестве публикаций и парадных выступлений: «...жертвенная смерть..., грудью встанем на защиту Москвы..., умрём, но не пропустим врага...». А ведь за каждой «жертвенной смертью» стояла семья, дети и родители ополченцев...

Да, народ проявил понимание надвигающейся опасности и был готов к защите своего дома, своих детей в меру своих сил и возможностей. Хотя, будучи гражданскими людьми и в основной массе не обученными военным премудростям, ополченцы не представляли действительной жертвенности своего поступка.

Состояние души будущих ополченцев очень точно отразил в своих послевоенных стихотворениях-песнях Булат Окуджава⁶.
Посмотрите и послушайте их (по сноске):

Песня о московских ополченцах

К. Симонову

Над нашими домами разносится набат,
и затемнение улицы одело.

Ты научи любви, Арбат,

а дальше - дальше наше дело.

Гляжу на двор арбатский, надежды не тая,
вся жизнь моя встает перед глазами.

Прощай, Москва, душа твоя
всегда-всегда пребудет с нами!

Расписки за винтовки с нас взяли писаря,
но долю себе выбрали мы сами.

Прощай, Москва, душа твоя
всегда-всегда пребудет с нами!

1969

До свидания, мальчики.

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:

стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли -

повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом - солдат...

До свидания, мальчики!

Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.

Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите,

и все-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:

вместо свадеб - разлуки и дым,
наши девочки платица белые
раздарили сестренкам своим.

⁶ Окуджава Б.Ш.

Песня о Московском ополчении // <https://www.youtube.com/watch?v=VUI9L2GcDrl>

До свидания, мальчики// URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fxv3Kd1428o>

Сапоги - ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...

Вы наплюйте на сплетников, девочки.
Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

Нужно было только правильно распорядиться этим порывом во имя защиты страны и Москвы.

Естественный энтузиазм масс был использован властями, и скоропалительно созданные дивизии народного ополчения были направлены на пополнение войск Действующей армии. Но остались вопросы: в каких же условиях проходило формирование этих дивизий? Ведь это, в конечном счёте, определило и судьбу Московского ополчения.

А что же регулярные войска Московского военного округа, сколько их было, и где они располагались территориально?

Не обладая достоверной информацией из закрытых до сих пор архивных фондов, исходя только из опубликованных сведений о состоянии войск на 22 июня 1941 года, можно констатировать, что регулярных войск в Московском военном округе (МВО), мягко говоря, было **недостаточно**. Это подтверждается Постановлениями ГКО по вопросам Можайской линии обороны от 16, 17 июля 1941 года⁷, согласно которым созданные по Постановлению ГКО от 4 июля 1941 года №10сс⁸ 10 дивизий ополчения и 5 дивизий НКВД распределялись на две **армии** с целью именно **ЗАЩИТЫ** Москвы на Можайской линии обороны (а не для строительства укреплений, как трудовые армии, или защиты важных объектов в Москве и области, о чём ополченцам при записи говорили райкомовские функционеры).

Начиная с 13 июня, многие военные округа были преобразованы во Фронты и Армии, и их войсковые части были сосредоточены в

⁷ Постановления ГКО № 172сс от 16 июля 1941 года «О Можайской линии обороны» и № 183сс от 17 июля 1941 года «Вопросы Можайской линии обороны»

⁸ Постановление ГКО № 10сс от 04 июля 1941 года «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»

западных районах страны. Так, согласно решению Политбюро ВКП(б) от 21 июня 1941 года о создании Южного Фронта (Ю.Ф.), всё Управление МВО, включая командующего генерала армии И.В.Тюленева и его штаб, было преобразовано в управление Южного фронта и убыло из Москвы в Винницу 22 июня 1941 года, где располагалось Полевое управление Ю.Ф.

Решение об этом и подготовительные мероприятия для перебазирования были приняты, конечно, заблаговременно. Южному фронту *«ставилась оперативно-стратегическая цель внезапным превентивным сосредоточенным ударом <...> уничтожить приграничную противостоящую группировку противника и осуществить стремительное наступление на запад -северо-запад под прикрытием горных хребтов Карпат»*⁹. Фронт имел 15 стрелковых, 3 кавалерийские, 6 танковых, 3 моторизованные дивизии.

Имеющиеся в открытом доступе данные «Боевого состава Советской Армии» на 22 июня 1941 г.^{10, 11} свидетельствуют, что в составе Московского военного округа на эту дату из регулярных войск числился только **ОДИН** стрелковый корпус (41 ск), состоявший из **ДВУХ** стрелковых дивизий (118 сд и 235 сд).

МВО в 1941 году включал в себя **13** территориальных образований¹²: Московскую, Ярославскую, Ивановскую, Горьковскую, Тульскую, Кировскую, Рязанскую области, восточные районы Калининской области, Удмуртскую, Татарскую, Марийскую, Чувашскую и Мордовскую АССР. В каком месте округа дислоцировались эти две дивизии, неизвестно.

Таким образом, 22 июня **МВО** практически **перестал существовать**, как крупное межрегиональное объединение войск, округ был **обезоружен**. Командующим МВО только 26 июня(!) был назначен генерал-лейтенант П.А.Артемьев, служивший в органах НКВД и не имевший знаний и опыта командования частями

⁹ Южный фронт // URL: <https://ru.wiki2.org/>

¹⁰ Боевой состав Советской Армии на 22 июня 1941 г.// URL: <http://www.teatrskazka.com/Raznoe/BovojSostavSA/BovojSostavSA.html>

¹¹ Действующая армия СССР накануне войны. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.info/dokum/194_dok/rkkag.html

¹² Военные округа// URL: <http://myfront.in.ua/krasnaya-armiya/voennye-okruga.html>

регулярной Красной Армии, так же, как и созданное им Управление МВО нового состава.

Первые недели войны, кроме известных военных поражений Красной Армии, выявили и моральное поражение многих её частей, подвергшихся паническим настроениям и действиям. О состоянии войск население не знало ничего, но руководство страны, Политбюро, Генеральный Штаб, безусловно, имели конкретную и достоверную информацию о положении и состоянии войск в районах базирования и боевых действий.

Вот в таких критических для страны и Москвы условиях, при отсутствии достаточного количества регулярных войск в окрестности Москвы, вся надежда связывалась, видимо, с **иррегулярными** формированиями, одним из видов которых, наряду с истребительными батальонами, является **народное ополчение**. Нужно было выиграть время для переброски части кадровых дивизий с Дальнего Востока, входящих в состав Дальневосточного фронта, а также для формирования новых дивизий из запасников, привлекаемых по мобилизации. К этому времени, как указывалось выше, все внутренние военные округа были преобразованы в армии, которые находились на западном фронте военных действий.

Но одно дело издать постановление, а другое – создать боеспособное соединение из необученного, разношёрстного гражданского населения, обеспечив его различным вооружением, связью, тыловыми и прочими подразделениями (не говоря уж об их обучении военному делу) за нереальный для формирования 12 полноценных стрелковых дивизий отрезок времени в **ТРИ** дня, с 4 по 7 июля.

На приведенных в конце главы вкладках показаны фотографии московских ополченцев 1941 года (Приложение 1) и несколько ополченских знамён: полковые, выданные Московскими райкомами ВКП(б), и дивизионные, выданные Московским горкомом ВКП(б) (Приложение 2). Вглядимся в лица этих простых москвичей...

Московские райкомы приняли к исполнению указания вышестоящих партийных органов, но, кроме набора численного состава дивизий, обеспечить их достаточным хозяйственным инвентарём, не говоря уж о вооружении, были не в состоянии. Однако

некоторые подмосковные города, комплектуя свои ополченческие батальоны для московских дивизий, действовали весьма оперативно и заботливо. Так, Бюро Балашихинского РК ВКП(б) обязало городские промышленные предприятия к 5 июля обеспечить бойцов своего батальона, вошедшего в состав 2-й ДНО Сталинского района Москвы, котелками, походными кухнями, кружками, ложками, сапёрными и большими лопатами, кирками, топорами в достаточном количестве¹³.

Как это ни прискорбно, при наборе ополченцев не обошлось без повсеместных перегибов со стороны организаторов записи – партийных органов, не учитывавших конкретные судьбы людей в погоне за скорейшим выполнением разрядки по призыву¹⁴.

«Дорогой Иосиф Виссарионович! ... всё это очковтирательство и что ужаснее всего – втирают очки вам...».

Такое письмо, опубликованное в журнале «Военно-исторический архив» № 2(26) за 2002 год, написал И.В.Сталину 7 июля 1941 года не кто-нибудь, а член партии с 1908 года, непосредственно участвующий в организации ополчения на одном из пунктов Москвы.

«Партийные низшие организации без всякого разбора и спроса записывают в народное ополчение всех, стараясь выполнить наивысший %! ... хвастая, кто сколько % завербовал..., происходит не вербовка, а запись в принудительном порядке всех своих рабочих и сотрудников, не взирая даже на возраст, инвалидность, специальность и желание. Если нужен только высокий %, то метод здесь фальшивый... Неужели полу-калеки, с болезнями, по существу, старости – с истрепанным сердцем, геморроями и тысячами других болезней – будут противопоставлены гитлеровским техническим войскам?... Если нужно больше жертв – тогда такое ополчение пусть идет и даст немцам повод справедливо сказать: «С калеками мы давно не сражались!»... Мы воюем с Гитлером всего две недели. А вербуются уже старики, не годные, по существу, к строю»...

Это ли не документ эпохи!

¹³ Протокол № 85(копия) заседания Бюро Балашихинского РК ВКП(б) от 02.07.1941 // Архив ИПГ «Победа», г.Железнодорожный Московской области.

¹⁴ Сидоров П.И. Письмо И.В.Сталину // Военно-исторический архив. 2002. № 2(26). С. 77-80.

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

Копия К. Ворошилову

Поступило 8 июля 1941 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Ваше выступление по радио и призыв к борьбе с Гитлером глубоко отозвалось в сердцах миллионов людей.

Но наши партийные низшие организации, не продумав серьезность и важность момента, допустили и допускают ужасную ошибку, даже больше чем ошибку — я бы назвал вредительством и тяжким вредительством. Вам начали рапортовать об образовании народного ополчения, Вам дают уже сводки “добровольцев” и говорят о том, что уже проделали работу по организации народного ополчения.

Все это неправда и все это очковтирательство и что ужаснее всего — втирают очки вам.

Вот что происходит.

Как идет запись в народное ополчение?

Партийные низшие организации без всякого разбора и спроса записывают в народное ополчение всех, стараясь выполнить наивысший %!

Между собой партийные руководители хватают, кто сколько % завербовал.

А происходит не вербовка а запись в принудительном порядке всех своих рабочих и сотрудников, не взирая даже на возраст, инвалидность, специальность и желание.

Если нужен только высокий %, то метод здесь фальшивый.

Как понимаются задачи народного ополчения?

Еще нет Постановления Комитета обороны относительно народного ополчения, но везде организации говорят, что это те именно добровольцы, которые должны срочно обучаться и пойдут в бой.

Думаю, что такое понимание партийных организаций не верно. Мы имеем дело с грозным подготовленным врагом, озверелым Гитлером. Он силен, вооружен технически и противопоставить армию подобных добровольцев, так наспех обученных, — значит погубить дело борьбы.

77

П.И.Сидоров. Письмо И.В.Сталину (фрагмент)

Подтверждение такому принудительному призыву можно найти в музее Московского института инженеров транспорта (МИИТ) в виде Предписания райвоенкомата о призыве по мобилизации в дивизию Народного Ополчения Дзержинского района, приказывавшего явиться призываемому на сборный пункт, имея при себе, кроме одежды и хозяйственных принадлежностей, патронташ и противогаз (?).

И ведь без зазрения совести записывали в ополчение отцов не только двух, но и четырёх (2 ДНО, 1284 СП), и даже тринадцати! (17 ДНО) детей¹⁵. Не говоря уж об учёте профессиональной пригодности ополченцев и о наличии у них военной специальности и воинского звания.

О том, каким оружием пришлось воевать ополченцам, делились позднее в своих воспоминаниях немногие выжившие ополченцы и написана не одна историческая работа, например,¹⁶. А ведь обеспечением вооружением и боеприпасами ведали уж не партийные органы, а профессиональные военные снабженцы из Главного артиллерийского управления (ГАУ), в чьём ведении находились склады оружия.

Как отмечается в [16], член военного совета МВО К.Ф. Телегин в своей книге "Не отдали Москвы" подробно описывает процесс поиска оружия на артиллерийских базах ГАУ. Одна из таких баз, находящаяся недалеко от станции Лосиноостровская Ярославской ж/д, явилась основным источником снабжения оружием двенадцати дивизий народного ополчения. Она располагала значительным запасом иностранного стрелкового оружия, отремонтированного и требующего ремонта. Известно, что она одна могла вооружить всех московских ополченцев.

Часть оружия, хранившегося здесь и доставляемого для ремонта, была захвачена во время 1-ой мировой войны, борьбы с интервенцией и басмачеством, военных конфликтов на оз. Хасан, в районе р. Халхин-Гол, в ходе освободительного похода Красной армии по воссоединению Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г., во время советско - финляндской войны, в результате присоединения Бессарабии и Северной Буковины.

Наиболее достоверные сведения о состоянии дел в ДНО также поступали в Военные советы армий от представителей особых

¹⁵ Подвиг народного ополчения Петушинского района в битве за Москву. – Владимир, 2011. - С.73, 135.

¹⁶ Соболева С.Е. Главный хранитель фондов Государственного музея обороны Москвы. Стрелковое оружие защитников столицы при формировании дивизий народного ополчения Москвы // URL: http://westfront.su/opolchenie/dno_arms.htm

отделов НКВД в дивизиях (на примере 9 ДНО¹⁷), сообщавших о вопиющих случаях преступного отношения к обеспечению ополченцев вооружением: «...У поступивших пушек французского производства выпуска 1905 года не было прицельных приспособлений, ... Не было бронебойных и осколочных снарядов,.... поступившие в дивизию миномёты и боеприпасы к ним были разных калибров, ...доставили снаряды к таким орудиям, которых в армии не было, ... для поиска высаженного противником десанта выслали 30 бойцов без единого патрона... На этой почве командир 1-го стрелкового полка 9 ДНО майор П.А. Рогов настолько тяжело переживал проблемы боеспособности части, что 2 августа 1941 года застрелился».

30 июля на строившихся укреплениях Ржевско-Вяземской линии обороны, в тылу Западного фронта, был образован Резервный фронт под командованием Г.К. Жукова, снятого перед этим с должности начальника Генштаба. Жуков прибыл на свой фронт, проинспектировал состояние ополченских дивизий и пришел к выводу о небоеспособности этих соединений. Он потребовал приравнять ополченские дивизии к строевым частям, для чего их полностью довооружить, обмундировать и поставить на все виды армейского довольствия. В результате предпринятых Жуковым энергичных мер к **15 августа** бойцов переобмундировали, перевооружили оружием советских образцов и перевели на армейское обеспечение. Дивизии была реформированы, введены организационная структура и штаты регулярной стрелковой дивизии сокращенного состава военного времени.

Возможно к сентябрю 1941 г. положение дел с вооружением ДНО изменилось, как следует из докладной записки народному комиссару обороны Союза ССР И.В.Сталину, подписанной Зам. Народного комиссара обороны Союза ССР Щаденко, Командующим войсками МВО Артемьевым и Начальником Главного артиллерийского управления Красной Армии Яковлевым¹⁸. Согласно этому документу, на 3 сентября 1941 года была достигнута

¹⁷ Кузьева С.А. 9-я дивизия народного ополчения в документах военной контрразведки // URL: <http://history.milportal.ru/2015/03/9-ya-diviziya-narodnogo-opolcheniya-v-dokumentax-voennoj-kontrrazvedki/>

¹⁸ Военно-исторический архив. - 2002. - № 2(26). - С. 80-88.

практически полная укомплектованность по штату всех ДНО личным составом и вооружением – винтовками, ручными пулемётами, 50 мм миномётами, 76 мм дивизионными пушками. Для полного обеспечения дивизий требовалось «доотпустить» 82 мм и 120 мм миномётов, 76 мм полковых пушек, шанцевого инструмента и основных средств связи: радиии, телефон, кабель. Был ли это ответ на письмо П.И.Сидорова или на требование Г.К.Жукова при вступлении в должность командующего фронтом неважно, если всё-таки это довооружение произошло.

Кроме того, при рассмотрении вооружения ополчения в 1941-м, на первый план выходит ещё и иная проблема – недостаток патронов под это разномастное вооружение и несовместимость его с патронами одного и того же калибра, но изготовленного на заводах разных стран, сложность обучения обращению с ним, которая особо сильно проявлялась на общем крайне слабом уровне подготовки ополченцев. Естественно, что при первой же возможности бойцы собирали оружие на поле боя и перевооружались советским или немецким вооружением.

Оставим эту, часто показушную, активность и отсутствие реальных дел по формированию боеспособных дивизий народного ополчения на совести (если так можно выразиться в данном случае) руководителей разного ранга партийного и военного статуса.

Что касается Московского народного ополчения, то судьба его действительно трагична и жертвенна. Попав в начале октября 1941 года в окружение, лишь единицы из ополченцев остались живы. Десятки тысяч пали без вести или в безвыходном положении попали в плен. Ополчение в полной мере выполнило своё предназначение по сдерживанию наступления немецких войск, приковав их к себе на несколько дней, на время, необходимое для уничтожения или пленения практически лишённых боеприпасов и какой-либо помощи извне ополченческих и других, кадровых, дивизий. Лишь единицам ополченцев удалось в одиночку или небольшими группами выйти к своим. Один из немногих случаев прорыва окружения под Вязьмой относится к действиям 2-й СД (2-й ДНО), командир которой генерал В.Р.Вашкевич вывел в прорыв около двух тысяч бойцов. К сожалению, это не спасло дивизию от расформирования.

Трагична и послевоенная судьба ополченцев. Не имевшие при себе никаких удостоверяющих личность документов (кроме, например, студенческих билетов), вышедшие из окружения ополченцы проверялись органами НКВД, вернувшиеся из плена – тем более и пристальнее. История ополченчества замалчивалась долгие годы. В своё время в военкоматах уничтожили призывные карточки, на московских предприятиях архивы отдела кадров были сожжены ещё в октябре 1941 года в момент всеобщей паники в связи с возможным захватом немцами Москвы. Да и в наше время чуть приоткрытые архивы вновь закрыли для широкого пользования.

Как отмечает один из скрупулёзных и достоверных исследователей Вяземских событий Л.Н.Лопуховский¹⁹, *«...Документы объединений и соединений, попавших в окружение, в основном были уничтожены. Сохранились те из них, что были переданы (и приняты) в высшие штабы. Но большая часть из них, особенно переговоры по средствам связи в звене фронт - Ставка ВГК, до сих пор засекречены. Интересно, что сразу по окончании боевых действий был издан приказ о сдаче в архив всех документов, дневников (их, несмотря на запрещение, многие все-таки вели), записей, карт, находящихся на руках. Знаменательный приказ. Властные инстанции уже тогда были озабочены, чтобы обеспечить единый «правильный» взгляд на историю войны. Например, в Центральном архиве Российской Федерации почему-то нет отдельного фонда 2-й стрелковой дивизии второго формирования (бывшей 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы). А она играла не последнюю роль в сражении под Вязьмой. Хорошо, что командир этой дивизии генерал-майор В.Р. Вашкевич в свое время не выполнил приказ о сдаче документов, которые он вынес при прорыве из окружения. Он писал о своей дивизии, выступал в журналах в период хрущёвской «оттепели». И после. Теперь имеется возможность ознакомиться с ними без всяких изъятий».*

Однако и до сих пор не представляется возможным узнать: где, в какой местности, когда, при каких обстоятельствах, в каком составе,

¹⁹ Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа. 1941: Страшнейшая трагедия ВОВ. — М.: Эксмо: Яуза, 2017. – С.9.

с кем выходили из окружения ополченцы и другие спасшиеся бойцы и командиры этой 2-й ДНО, какова их дальнейшая судьба. Лишь редкие оставшиеся воспоминания некоторых уцелевших. Видно, и В.Р.Вашкевичу не было возможности в то время поведать об этом. И сейчас, спустя 77 лет после произошедших событий, после многократной смены властных органов управления страной, эти уже давно исторические сведения представляют для кого-то предмет странной секретности от своего же народа. До коих пор? До завершения установленного им срока хранения - «хранить вечно»? Когда разрешение на ознакомление с личными данными павших без вести, погибших и пленённых ополченцев смогут получить поисковики-документалисты, а не только подтверждённые документально родственники? Которых и осталось не так много, и которые не владеют информацией о порядке предоставления им этих сведений. Нет ответа.

В своё время ветеранам-ополченцам удалось (с трудом) привлечь внимание властей к увековечению памяти об ополченцах, и были установлены памятные мемориалы на местах бывших сражений ДНО (некоторые из них показаны на вкладках Приложения 3 к главе 10). Много памятных знаков и мемориальных досок появилось на территориях предприятий Москвы и Подмосковья, сотрудники которых ушли в ополчение. Поисковики своими силами также устанавливают памятные знаки и кресты. В 2016 и 2017 годах в Москве и городах Смоленщины – Вязьме и Холм-Жирковском – прошли межрегиональные научно-практические конференции, посвящённые изучению истории московского ополчения и сохранению памяти об ополченцах 1941 года. Хочется верить, что внимание властей к памяти ополченцев не закончится юбилейными днями.

Так, в 2018 году, в День Победы 9 мая при проведении в Москве многотысячного народного шествия «Бессмертный полк-Москва», посвящённого памяти всех павших во время войны воинов, по улицам города и Красной площади впервые прошла колонна Московского народного ополчения, организованная потомками ополченцев – их детьми, внуками, правнуками, которые несли портреты своих павших родных...

Колонна Московского народного ополчения. 9 мая 2018 года

Приложение 1. Московские ополченцы 1941 года

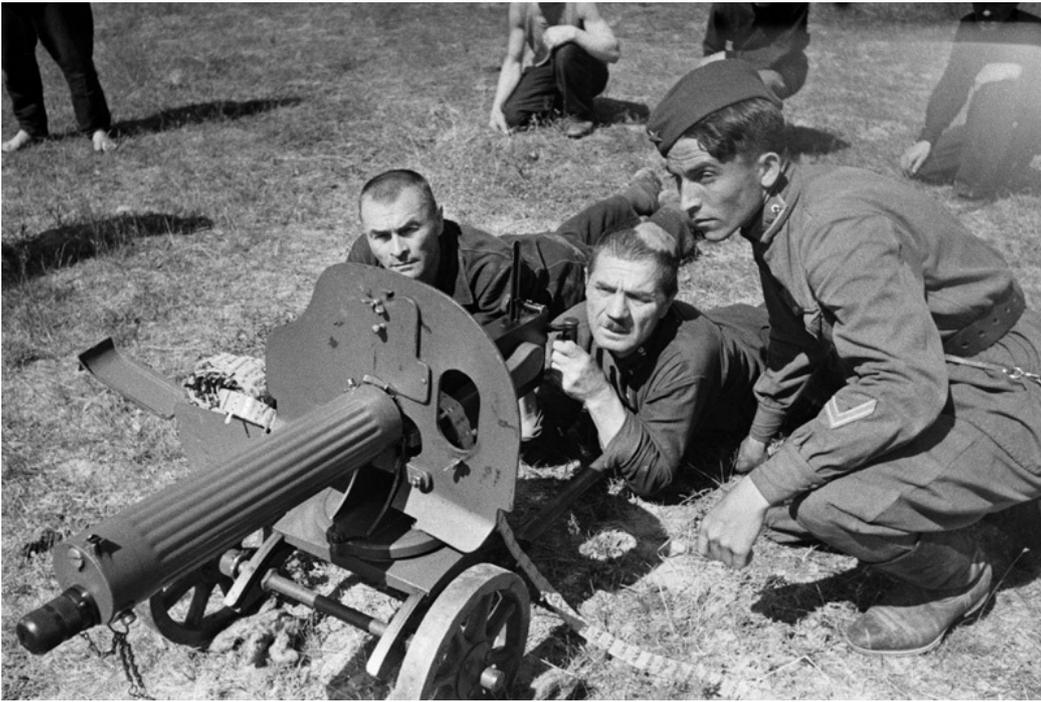

Приложение 2. Знамёна дивизий и полков народного ополчения

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

1. Знамя 5-й Дивизии народного ополчения Фрунзенского района г.Москвы от Московского городского комитета ВКП(б)
2. Знамя 6-й Дивизии народного ополчения Дзержинского района г.Москвы от Московского городского комитета ВКП(б)
3. Знамя 1-го полка 7-й Дивизии народного ополчения Бауманского района г.Москвы от Бауманского районного комитета ВКП(б)
4. Знамя 2-го полка 8-й Дивизии народного ополчения Красно-Пресненского района г.Москвы от Красно-Пресненского районного комитета ВКП(б)

Глава 3. От Москвы до Вязьмы - генерал и рядовой²⁰

Предисловие

В.А.Меликов. 1928.

Мой отец, Меликов Владимир Александрович (верхнее фото), в июле 1941 года добровольно вступил в Московское ополчение. Ему в то время было 39 лет, возраст не призывной. Отец попал во **2-ю Дивизию народного ополчения Сталинского района Москвы (2 ДНО, позднее 2 СД)**, которая была сформирована 6-7 июля 1941 г. Командиром дивизии был генерал-майор Вашкевич Владимир Романович (нижнее фото). После войны он написал воспоминания²¹ о формировании дивизии и о коротком ее боевом пути в 1941 году.

В.Р. Вашкёвич. 1940

Справка (Википедия):

Владимир Романович Вашкёвич, **17 [30] марта 1900**, мест. Зембин Борисовского уезда Минской губернии (ныне Борисовского района Минской области) - **10 июня 1970**, Москва.

С 1918 года в РККА. С 1919 года член ВКП(б). В Гражданскую войну участвовал в боях на Западном и Юго-Западном фронтах. В 1928 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1935-37 годах командир и комиссар кавалерийской дивизии, с 1937-го года начальник штаба кавалерийского корпуса.

Великая Отечественная война. С июля 1941 по май 1945 года находился в действующей армии. Командовал 2-й дивизией народного ополчения Сталинского района Москвы (с сентября 1941 года - 2-я стрелковая дивизия), затем 5-й и 359-й стрелковыми дивизиями (1941-42) на Западном и Калининском фронтах. В 1942-44 годах начальник штаба 20-й армии, управлял действиями армии в Орловской и 2-й Ржевско-Сычёвской операциях. Будучи начальником штаба

²⁰ Газета «Кадетское братство», январь, 2013.

Сайт: Бессмертный полк-Москва. <http://parad-msk.ru/polnyj-uverenosti-cto-eshhe-s-toboj-pozhivem-poraduem-sya-na-nashe-pokolenie-poraduem-sya-nashim-xoroshim-vzaimnym-chuvstvom/> 2015.

²¹ Вашкевич В.Р. Формирование и боевая подготовка дивизии // От Москвы до Берлина. М.: Московский рабочий, 1966.

3-го Прибалтийского фронта (с апреля 1944 года) принимал активное участие в разработке и проведении Псковско-Островской, Тартуской и Рижской операций.

Вашкевич В.Р. 1954

В послевоенные годы начальник штаба Прибалтийского (1945–1951), Закавказского (1953-1954) военных округов. С 1954 года на военно-дипломатической работе в Польской народной республике. С 1955 года по 1956 год начальник кафедры в Академии Генштаба. С 1956 года на научной работе. С 1961 года в отставке.

Награды: Орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Кутузова I степени (29.06.1945), Орден Красной Звезды, Медаль «За оборону Москвы» и другие медали.

Сначала от отца приходили письма, фронтовые треугольники, открытки. Потом письма перестали приходить. Последнее письмо было отправлено 30 сентября, а на следующий день началось известное наступление немцев – операция «Тайфун». В это время, осенью 1941 года, под Вязьмой попало в окружение и погибло очень много наших бойцов. Где-то погиб и мой отец, но где – неизвестно. О таких воинах говорили, что они «пропали без вести», а нужно бы – «ПАЛИ без вести».

Задавшись целью узнать хоть что-нибудь о судьбе отца, я хронологически сопоставил события, описанные в воспоминаниях В.Р.Вашкевича, с приведенными в письмах отца. Выходило так, что 1284 полк, в котором служил отец (в хозяйственном взводе) был «оставлен на реке Вязьме для прикрытия прорыва 19-й армии...Только небольшой части полка удалось выйти из окружения и присоединиться к своим войскам – В.Р.Вашкевич». Это было **11 – 12 октября 1941 г.** Значит, отцу не удалось...

Скомпонованные в одном тексте выдержки из воспоминаний командира дивизии и из писем рядового солдата позволяют с разных высот положения двух участников войны увидеть хронологию событий, особенности солдатского быта и узнать горькую правду тех трагических дней.

Я привожу подробные цитаты-выписки из воспоминаний В.Р.Вашкевича, потому что они непосредственно касаются всех воинов 2-й ДНО и, конечно, моего отца. Думаю, и читателям будет

интересна и исторически полезна эта краткая информация. Тем более, что с момента публикаций В.Р.Вашкевича прошло более 50 лет и найти их в бумажном исполнении непросто. А более подробное изложение и анализ писем ополченца будут приведены в Главе 4.

Из воспоминаний бывшего командира 2-й Стрелковой дивизии (ранее 2-й Дивизия народного ополчения Сталинского района Москвы) Владимира Романовича Вашкевича (ВРВ):

ВРВ: 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района не пришлось пронести свои знамена по многочисленным полям сражений Великой Отечественной войны. На ее долю не выпала и слава громких побед. Но, преграждая врагу путь к родной Москве, дивизия в полную меру сил и возможностей до конца выполнила свой долг перед Родиной в тяжелые дни октября 1941 г.

Чувство долга к памяти бойцов и командиров 2-й дивизии народного ополчения, павших за отечество, к ратным трудам ополченцев, сражавшихся до конца войны в рядах Советской Армии, а также тех, на долю которых выпала горечь и тяжкие муки плена, руководит мною в том, чтобы правдиво обрисовать короткий боевой путь дивизии.

2 июля 1941 г. около 8 часов вечера в Московском городском комитете партии, в небольшом зале первого этажа, собрались секретари Московского областного, городского и районных комитетов партии, члены Военного совета Московского военного округа, представители Народного комиссариата обороны, городской и районные военные комиссары, а также ряд генералов и офицеров.

На совещании было объявлено, что Центральный Комитет партии и правительство Советского Союза сочли необходимым сформировать из добровольцев — рабочих, инженерно-технических работников и служащих заводов, фабрик, советских, профсоюзных и партийных учреждений — дивизии народного ополчения. Такие дивизии создавались в первую очередь в Москве, Ленинграде и в некоторых других крупных городах.

Подчеркивалось, что дивизии народного ополчения формируются только из лиц непризывного возраста. Одновременно

указывалось, что они в самые короткие сроки должны быть подготовлены к тому, чтобы противостоять наступавшему врагу. На формирование дивизии отводилось семь-восемь суток. Тут же были названы командиры и начальники штабов дивизий. Меня, тогда генерал-майора, назначили командиром, а полковника И. П. Алферова начальником штаба 2-й дивизии народного ополчения.

6 июля народные ополченцы, зачисленные в дивизию, собрались по местам своей работы. Туда за ними прибыли их командиры. Потом добровольцы, сопровождаемые родителями, женами, детьми и друзьями, собрались в пункты своего расквартирования. 6 и 7 июля командование дивизии организовывало части и подразделения, бойцы получали учебное оружие, предметы вещевого снабжения, саперный инструмент. Райком партии выделил для дивизии 30 полутонных и две легковые автомашины. 170 грузовых автомашин нам обещали прислать в ближайшие дни из Рязани.

7 июля 1941 г. формирование дивизии вчерне было закончено. Она насчитывала свыше 12 тысяч человек, вся эта масса людей являлась добровольцами — главным образом рабочими, частично инженерами, техниками, служащими заводов, фабрик, учебных заведений. Все они были людьми непризывного возраста. Небольшая часть рядового состава участвовала в первой мировой и гражданской войнах.

У подавляющего же большинства ополченцев военная подготовка отсутствовала.

Из писем семье рядового взвода снабжения 2-го батальона 2-го (позднее 1284-го) стрелкового полка 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы Владимира Александровича Меликова (ВАМ)

ВАМ: 6 июля 1941 г. Письмо 1

<...>Ничего страшного не случилось. Идут все. Никуда пока, да и потом не отправят, т.к. ополчение специально будет по защите Москвы, а до нее еще далеко<...>

7 июля 1941 г. Письмо 2

<...>Узнал, что месяца 1,5 ополчение будет находиться в Москве в школах, а там будут рассылать по Моск. области для охраны мостов, заводов и пр. Так что далеко не уеду.<...>

8 июля 1941 г. Письмо 4

<...>Нахожусь в 445-й школе по Мееровскому проезду (от Семеновского кладбища по Измайловскому шоссе первый переулок направо). Зачислен в взвод снабжения. Работы пока никакой. Чувствую себя хорошо. <...>

ВРВ : В ночь с 7 на 8 июля дивизия выступила из Москвы в район Химки — Сходня — Крюково. Здесь она должна была получить военное обмундирование, вооружение и транспорт. Этот первый переход в 20—25 километров стал для ополченцев первым серьезным испытанием. Хотя на половине пути в районе Ховрино был организован трехчасовой привал, а малые 10—15-минутные привалы назначались через каждые 40 минут пути, весь марш закончился далеко за полдень 8 июля. У ополченцев пожилого возраста выявились застарелые болезни, а большинство шестнадцатилетних-семнадцатилетних юношей были недостаточно физически натренированы. Пришлось создать военно-медицинские пункты и подвергнуть весь рядовой и частично сержантский состав тщательному медицинскому освидетельствованию. Отсев составил около 3500 человек, что сильно уменьшило численность рот и батарей. В дивизии осталось около 8500 человек.

В районе Химок дивизия получила полностью обмундирование и частично вооружение.

ВАМ: 10 июля 1941 г. Письмо 5

<...>Пишу я Вам из лагеря, нахожусь в лесу, 2 километра от ст.Сходня, от Подрезково еще ближе, километра 1 ½.

Прибыли сюда из Москвы 9/VII.

Я тебе уже писал открытку, и ты, если получила, знаешь, что я нахожусь во взводе снабжения. Пока что еще ничего не организовано, приходится делать черновую работу: собирать сучки в лесу для топлива, чистить картошку и т.д. Но я доволен, так как, во-

первых, куда легче, чем в строю, а главное всегда сыт и вода есть, а это здесь самое главное, т.к. при такой жаре очень хочется пить.

Спим все на земле в лесу. Хорошо, что я взял с собой и пальто и одеяло, так что сплю тепло и мягко. А то другие не взяли ничего. <...>

ВРВ : В ночь с 10 на 11 июля, используя железнодорожный и автомобильный транспорт, дивизия перешла в район городов Клин и Высоковский. Здесь в состав дивизии влились два новых батальона народного ополчения, сформированные в Калининской и Рязанской областях. Каждый из батальонов насчитывал около 800 человек. Дивизия довела свои роты и батальоны почти до штата.

ВАМ: *11 июля 1941 г. Письмо 6*

*<...>Находимся в лагере, как я писал, около **Подрезково**. Долго ли пробудем, точно ничего не известно. Но нужно покориться судьбе, ведь не я первый и не последний, вся Москва взята в лагери. Так что нужно и мне и в особенности тебе отнестись к этому поспокойнее.*

Не беспокойся за меня, ведь для меня это не ново – армейская жизнь знакома. Правда, есть трудности – но что же делать. <...>

ВРВ : 12 июля 2-я дивизия народного ополчения выступила на запад для выполнения боевых задач. Ей поручалось строительство оборонительных полос на ряде рубежей, прикрывавших непосредственные подступы к Москве с запада.

ВАМ: *13 июля 1941 г. Письмо 7*

<...>Дать более подробный адрес сейчас никак нельзя. Начальство вообще запрещает писать. Пиши до востребования, ст. Сходня, может быть, и удастся получить. <...>

<...>Сотни тысяч семейств сейчас в таком же положении и нужно как-то мириться с этим, и ведь не вечность же я здесь буду, обучат ополчение и распустят. <...>

ВРВ : 13, 14 и 15 июля дивизия возводила полосу обороны на участке Кузьминское — Теряева Слобода — Любятино общим протяжением 15 километров. 17 июля она перешла на реку Ламу. Здесь к 25 июля была закончена оборонительная полоса на участке

Ошейкино, Ярополец, Ивановское (северо-западнее Волоколамска) Эта полоса составляла северный участок Можайского оборонительного рубежа, сыгравшего свою роль в отражении первого наступления немецко-фашистских войск на Москву в октябре 1941 г.

ВАМ: 20 июля 1941 г. Письмо 8

<...>вчера 19/VII нас всех одели в красноармейское обмундирование, которое, кстати, как говорят товарищи, ко мне очень идет. <...>

<...>Сегодня с этого места уходим. Как говорят, ближе к Клину. Что дальше будет, пока неизвестно. <...>

ВРВ : В середине июля пять дивизий московского народного ополчения (2-я, 7-я, 8-я, 13-я и 18-я) вошли в состав 32-й армии. Командующим армией был генерал-лейтенант Н.К.Клыков, а начальником штаба — полковник И. А.Кузовков.

ВАМ: 23 июля 1941 г. Письмо 9

<...>Пользуясь случаем, что нахожусь на ст. Сходня (ходил за продуктами в магазин), пишу немного о себе.

Еще не тронулись, но на днях, очевидно, тронемся по направлению на Можайск. <...>

ВРВ : 25 июля 2-я дивизия народного ополчения получила приказ штаба 32-й армии выйти к 31 июля на реку Вязьму, подготовить и занять оборону с передним краем на этой реке от Ордулева до Серижани — общим протяжением по фронту 18 километров. Армия вошла в состав Резервного фронта, который, образуя второй стратегический эшелон, развертывался для обороны на Ржевско-Вяземской оборонительной линии.

Переход с Ламы на реку Вязьму (190 километров) дивизия совершила в пять суток с одной дневкой. Помогла физическая закалка, приобретенная на тяжелых окопных работах.

ВАМ: 25 июля 1941 г. Письмо 10

<...>Как пережили три бомбежки? У нас было страшно, но пережил я ничего. Начинаю привыкать к военной обстановке. <...>

<...>Я 21 июля был в Москве. В 9 1/2 часов вечера приехал на машине, довели до площади Маяковского. <...>объявили тревогу, пришлось пойти в метро и там просидеть до 4 час. утра. <...>

<...>Едем в Волоколамск и будем от него в 14 клм.

2 августа 1941 г. Письмо 12

<...>Возможно, сегодня к вечеру отсюда уедем дальше – ближе к фронту. <...>

6 августа 1941 г. Письмо 13

Привет из Волоколамска. <...>

15 августа 1941 г. Письмо 16

<...>Доехали до места назначения благополучно. Чувствую себя хорошо. Сегодня или завтра попаду в часть (т.к. она уехала раньше меня) и очевидно получу Ваши письма! <...>

ВРВ: К середине августа дивизия уже представляла оформленное воинское соединение.

Со второй половины августа начались боевые стрельбы и тактическая подготовка рот. К концу августа дивизия уже имела подготовленные роты и вчерне сколоченные батальоны и полки. Но отсутствие средств борьбы с самолетами противника, артиллерийской тяги (лошадиных упряжек или сильных машин повышенной проходимости) и радиосредств связывало маневренные возможности дивизии и в значительной степени затрудняло управление ею. Последнее обстоятельство особенно тяжело сказалось в октябрьских боях.

ВАМ: 16 Августа 1941 г. Письмо 17

Вязьма. Действующая Армия, 571- 01, 5-й Стр.полк, 2-й Батальон, Взвод снабжения. Меликову

<...>Не пугайся нового адреса – никаких изменений нет, оказывается, во время отрыва нашего хоз. взвода от основной части изменился адрес и переименована нумерация полка. <...>

<...>Нахожусь там же, остальное без перемен. От нас до фронта расстояние еще больше. Так что в переделках участвовать не пришлось и в ближайшее время едва придется. <...>

ВРВ: На реке Вязьме дивизия и ее полки были переформированы по штатам регулярных войск Красной Армии и

получили общеармейскую нумерацию. Дивизия стала называться 2-й стрелковой дивизией. 4-й полк переименовали в 1282-й, **5-й — в 1284-й**, 6-й — в 1286-й стрелковый полк и арtpолк — в 970-й артиллерийский полк.

На реке Вязьме дивизия построила главную полосу обороны с передним краем по этой реке и полосой заграждения, а также вторую (тыловую) полосу обороны. Эта полоса имела передний край по линии **Лама — Марьино—Пекарево—Богородицкое** и далее на юго-восток по восточному берегу болотистого ручья Бебря общим протяжением около **18 километров**.

ВАМ: 30 Августа 1941 г. Письмо 18

Действующая Армия, 929-я Полевая Почта, 5-й Стрелковый полк, 2-й Батальон, Взвод снабжения. Меликову

<...>Вчера у меня был праздник. Наконец-то я получил от Вас открытку, посланную 7/VIII. Несмотря на то, что расстояние незначительное (километров 250), а шла она долго. Здесь причина та, что переменился у нас адрес – вместо 571-й стала 929-я почта. Очень приятно и рад за Вас, что Вы все здоровы, что у Вас все благополучно.

ВРВ: 1 сентября 2-я дивизия народного ополчения сменила на Днепре 133-ю стрелковую Сибирскую дивизию на участке Серково — Спичино — Яковлево, седлая автомагистраль и железную дорогу Москва — Минск. Свой левый фланг она протянула на 2 километра южнее железной дороги. 133-я стрелковая дивизия ушла в район Ельни для участия в контрударе 24-й армии.

ВАМ: 5 сентября 1941 г. Письмо 19

<...>Сейчас я нахожусь уже на новом месте, куда приехали 2/09. Расстояние от Москвы по жел.дор. до нас около 300 км, но порохом пока что не пахнет. <...>

10 сентября 1941 г. Письмо 20

<...>Пишу тебе с нового места расположения. Отъехали еще километров 15 и поместились в блиндажах (под землей). Землянка большая, 3 x 5, с одной стороны храним продукты, а на другой ящики с вещами, на которых и спим. <...>

19 сентября 1941 г. Письмо 23

Действующая Армия, 929-я Полевая почта, 5-й Стр.Полк, 2-й Б-н, Взвод снабжения, Меликову

<...>Не знаю, как у Вас, а здесь такая скверная погода – либо дожди, либо сильный ветер. Вот при такой-то погоде и начинаешь ощущать трудности жизни в землянках. <...>Надо готовиться к зимней стоянке<...>

23 сентября 1941 г. Письмо 24

Действ. Армия, 929-я Полевая почта, 1284 Стр.Полк, 2-й Б-н, Взв. Снабжения

<...>Вчера получил твою открытку от 7/IX. Долго шла. Живу я по-старому, т.е. в землянке на старом месте. Фронт от нас километров 80 – 100, т.что опасности пока никакой. <...>

29 сентября 1941 г. Письмо 26

<...>Пользуясь случаем, что мой товарищ по службе в армии, коллега по работе, едет в Москву, пишу письмо.

Николай Алексеевич Чернов – как видишь, парень не молодой 52 лет – работал вместе со мной писарем. Старик, наконец-то, освободился. Жаль его. Человек и в годах и плохо видит, а тут в землянке. <...>

ВРВ: Напомним в общих чертах военную обстановку, предшествующую боевым событиям в районе Вязьмы, в гуще которых находилась и действовала 2-я дивизия народного ополчения. **30 сентября** войска южной группы немецких армий “Центр” прорвали оборону войск Брянского фронта и начали развивать наступление на Брянск и Орел.

ВАМ: 30 сентября 1941 г. Письмо 28 (последнее)

<...>Поздравляю тебя, моя любимая Любатина, с ангелом! Желаю тебе здоровья, бодрости и успеха в твоей сейчас без моей помощи жизни. Любочка! Дорогая моя, главное береги себя для наших любимых ребят. Не отчаивайся, не беспокойся обо мне. И главное – помни нашу общую клятву-обещание.

<...>Полный уверенности, что еще мы с тобой проживем, порадуемся на наше поколение, порадуемся нашим хорошим взаимным

чувствам – я бодро живу сегодня и жду завтрашний день в любых условиях<...>.

ВРВ: К концу сентября наши войска Западного фронта занимали оборону на рубеже: озеро Селигер—западнее Андреаполя — Ярцево— западнее Ельни. На участке от Ельни до железной дороги Рославль—Киров располагались 4-я и 43-я армии Резервного фронта. Далее на юг действовали войска Брянского фронта.

За войсками Западного фронта на Вяземской линии обороны — Ельцы, Оленино, верхнее течение реки Днепр, Дорогобуж, Спас-Деменск — находились 31-я, 32-я, 33-я и 49-я армии Резервного фронта. Они составляли второй стратегический эшелон многополосной обороны. В центре оперативного построения Резервного фронта располагалась **32-я армия, в которую входила 2-я дивизия народного ополчения**. Она, в свою очередь, составляла центр оперативного построения армии, седлая автомагистраль Москва ~ Минск.

Для нашего Верховного командования только в последних числах сентября стала ясна угроза удара немцев на Москву. Естественно, что в оставшиеся двое — четверо суток советские войска не смогли принять всех нужных мер для создания устойчивой обороны.

30 сентября войска южной группы немецких армий “Центр” прорвали оборону войск Брянского фронта и начали развивать наступление на Брянск и Орел.

2 октября, на рассвете, северная и центральная группы армий “Центр” нанесли удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Оборона наших войск была прорвана. Танковые клинья врага стали глубоко охватывать советские войска в районе Вязьмы. Постараемся изложить боевые события в районе Вязьмы не с точки зрения сегодняшнего дня, когда многое прояснилось, а так, как они происходили и воспринимались участниками тогда, двадцать пять лет назад.

Командиры дивизий 32-й армии узнали о переходе противника в наступление только **3 октября**. До этого приходилось пользоваться отрывочными и разноречивыми сведениями. Вечером 3 октября

командующий 32-й армией генерал-майор С.В. Вишнеvский информировал меня в самых общих чертах об обстановке и о том, что в районе Холм-Жирковский против 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района (правого соседа нашей 2-й стрелковой дивизии), появилось до 100 вражеских танков.

С вечера **4 октября до утра 6 октября** 2-я дивизия народного ополчения пропускала через свои боевые порядки наши войска, отходившие, на восток. Рано утром 6 октября в штаб дивизии сообщили, что Вязьма занята парашютным десантом противника. Для участия в его уничтожении была направлена самая подвижная часть дивизии — танкетный батальон. Когда он подошел к Вязьме, она была уже занята 46-м танковым корпусом врага.

6 октября 2-я дивизия народного ополчения получила приказ командующего 32-н армией: прочно обороняя позиции по Днепру, не допускать охвата противником своею правого фланга, а левый фланг, в связи с отходом 7-й дивизии народного ополчения, протянуть на юг до Дорогобужа. В итоге дивизии пришлось растянуть свой фронт до 45 километров, сохраняя основную группировку к северу от автомагистрали.

6 и 7 октября прошли в стычках разведывательных подразделений и в отражении небольших разведывательных отрядов мотоциклистов противника, пытавшихся подойти к Днепру на участке дивизии. Со второй половины дня 7 октября наступила необычная тишина. Шум боя затих на всех направлениях. Только около 17 часов к шоссейному мосту через Днепр подошла рота вражеских мотоциклистов. Она пыталась захватить мост и предотвратить его уничтожение. Саперы дивизии взорвали мост вместе с фашистской ротой.

7 октября дивизия прикрывала наши войска, отходившие на восток. В полосе дивизии оказались соединения и части 19-й армии. К вечеру того же дня за Днепр отошли еще три стрелковые дивизии и три артиллерийских полка усиления из состава 30-й армии.

День **8 октября** для 2-й дивизии народного ополчения был полон разноречивых приказов и распоряжений. Только части дивизии начинали выполнять один приказ, как следовал другой, с иной, противоположной задачей.

В 5 часов утра 8 октября штаб дивизии получил приказ командующего войсками 32-й армии, отданный и 2 часа 20 минут 8 октября 1941 г.

В 15 часов 9 октября был получен общий боевой приказ командующего 19-й армией, отданный 8 октября в I час 35 минут. В этом приказе общая обстановка рисовалась так: “Противник занял Вязьму и с севера и с запада, в направлении на Касню прорвались его моточасти. Мелкие группы мотопехоты, мотоциклистов и парашютистов занимают отдельные пункты между Вязьмой и Касней, стремясь полностью окружить части 19-й армии и группу Болдина”.

Ночь с 8 на 9 октября и всю первую половину дня 9 октября шел назойливый осенний дождь. Дороги раскисли, автомашины с трудом вылезали из грязи. **К 9—10 часам утра 9 октября** дивизия вышла на реку Вязьму и заняла оборону на построенных ею еще в августе позициях. Никаких частей 20-й армии левее не оказалась. Дивизии пришлось удлинить свой левый фланг на 5 километров к югу от автомагистрали. Здесь части дивизии вошли в боевое соприкосновение с противником. На Днепре были оставлены четыре усиленные роты (по две от 1282-го и **1284-го**-стрелковых полков). В их задачу входило не допускать разминирования противником наших минных полей, а также переправу его разведывательных частей на левый берег Днепра.

Поздно вечером **10 октября** в деревню Шутово в штаб 19-й армии были вызваны на совещание командиры дивизий 19-й армии и группы генерала Болдина.

Командующий 19-й армией генерал-лейтенант **М. Ф. Лукин** информировал командиров соединений об обстановке. Из этой информации стало ясно, что в районе Вязьмы и севернее ее находятся крупные танковые и моторизованные соединения противника. Их состав и численность точно известны не были.

К этому времени части армии и группы И. В. Болдина понесли значительные потери. Кольцо же окружения в связи с отводом **2-й стрелковой дивизии** с Днепра на реку Вязьму сузилось. Оно составляло с запада на восток примерно 15—20 километров и с севера на юг — 20—25 километров.

2-я дивизия народного ополчения получила приказ командующего армией в 7 часов 30 минут утра **11 октября** и приступила к его выполнению. **На реке Вязьме в распоряжении командующего 19-й армией был оставлен 1284-й (бывший 5-й) стрелковый полк**, сменивший подразделения 1286-го стрелкового полка. Главные силы дивизии в составе 1282-го, 1286-го стрелковых полков, отряда черноморских моряков (около 800 человек), 970-го артиллерийского полка, а также приданные дивизии 596-й гаубичный артиллерийский полк и 57-й тяжелый артиллерийский дивизион должны были занять исходное положение западнее, села Богородицкого, чтобы атаковать противника в 16 часов. До начала атаки оставалось 8 часов 30 минут. **За это время предстояло сменить 1286-й полк подразделениями 1284-го полка на реке Вязьме** (выделено мной – И.М.).

<...> я доложил командующему 19-й армией генералу Лукину. Я настойчиво просил его отложить атаку до утра, чтобы за ночь отвести тылы назад, привести в порядок перемешавшиеся части и наладить нарушенное управление войсками.

На свой доклад и предложение о переносе наступления на утро **12 октября** я получил ответ: “Вашкевич, ты не представляешь всей обстановки. Или мы сегодня, сейчас прорвемся, или нас к утру сомнут”. На мое замечание, что ночью противник не начнет наступление, генерал Лукин подтвердил: “Иди и прорывайся”, — и пожелал успехов. На этом, пожав друг другу руки, мы расстались.

Для непосредственного руководства войсками я с небольшой группой офицеров штаба и офицерами связи полков отправился в боевые порядки первых эшелонов 1286-го и 1282-го стрелковых полков.

Около **16 часов** “катюши” дали первый и последний залп, вся артиллерия дивизии открыла огонь. Первые эшелоны 1286-го и 1282-го стрелковых полков перешли в наступление. Противник встретил наши войска плотным заградительным огнем. Около **18 часов**, уже в темноте, части дивизии заняли деревню Пекарево. Поздно вечером они захватили деревню Спас и тем самым **прорвали кольцо окружения противника**. Фронт прорыва достигал 3 километров. Он простреливался пулеметным и артиллерийско-минометным огнем.

К рассвету 12 октября прорвавшиеся части сосредоточились в 18 километрах к северо-западу от места прорыва. Здесь находились подразделения **1282-го и 1286-го** стрелковых полков, 970-го артиллерийского полка и часть отряда моряков, а также подразделения из соседних дивизий армии. Быстро сказалась физическая усталость и большое напряжение ночного боя. Все повалились спать.

В этом районе мы пробыли весь день **12 октября**, ожидая подхода других наших частей. Однако к нам присоединились лишь отдельные небольшие подразделения из разных дивизий 19-й армии.

1284-й стрелковый полк, оставленный на реке Вязьме для прикрытия прорыва 19-й армии на восток, свою трудную задачу выполнил. Весь день **11 октября** он огнем и контратаками отражал попытки крупных сил немецко-фашистских войск переправиться на восточный берег реки Вязьмы. Бойцы мужественно сражались, проявляли стойкость и героизм.

В этом бою, лично ведя в контратаку роту, пал смертью храбрых начальник штаба полка В.Вяжлинский. Стрелковое отделение сержанта И.Дубихина, в котором находился комиссар батальона Н.Сапелкин, героически погибло, уничтожив более двух десятков гитлеровцев, и не уступило врагу своих позиций. Стойко защищали свои позиции пулеметчики пулеметной роты 3-го стрелкового батальона. Командир пулеметом роты лейтенант А. А. Баранов, будучи дважды ранен — в ногу и в руку, продолжал вести пулеметный огонь, пока не потерял сознания. Героически погибли на своих позициях пулеметные расчеты сержанта Иконникова и старшины Тащалова.

Только небольшой части полка удалось выйти из окружения и присоединиться к своим войскам (выделено мной — И.М.).

<...>В самой крупной группировке, оказавшейся в окружении, т.е. в 19-й армии и группе генерала Болдина, было 9 стрелковых и одна кавалерийская дивизия, сильно ослабленные в предыдущих боях и едва насчитывавшие 1/4—1/5 часть своего штатного состава. Некоторое исключение составляла 2-я стрелковая дивизия. Что же касается танковых бригад (127-й, 126-й и 147-й), имевшихся в 19-й

армии и приданных на усиление 2-й стрелковой дивизии, то в них было два танка — один KV и один Т-26, к тому же без горючего. В 20-й, 24-й и 32-й армиях, также оказавшихся в окружении, было значительно меньше и дивизий, и боевой техники.

Своим героическим сопротивлением, стойкостью, активностью действий и самопожертвованием окруженные соединения 19-й, 20-й, 24-й и **32-й** армий и группы генерала И. В Болдина, сильно ослабленные в предыдущих боях, приковали к себе более чем на неделю - **с 6 по 13 октября** - главные силы 4-й армии и 4-й танковой группы немцев. Этот выигрыш позволил нашему Верховному главному командованию организовать отпор врагу на Можайском оборонительном рубеже. Вместо стремительного массированного удара на Москву крупных танковых, моторизованных и пехотных сил противник вынужден был до середины октября вести наступление на Можайский оборонительный рубеж лишь двумя армейскими и двумя моторизованными корпусами. В результате он добился не крупного стратегического успеха, а лишь нерешающего тактического успеха, оказавшегося для него пирровой победой. В октябрьских боях советские войска уничтожили значительную и лучшую часть кадрового состава и боевой техники врага, предрешив успех наших войск в Московском сражении.

Глава 4. Эпистолярное наследие московского ополченца 1941 года: взгляд очевидца-участника²²

*«Я читаю письмо,
Что уже пожелтело с годами.
На конверте в углу
Номер почты стоит полевой.
Это в сорок втором
Мой отец написал моей маме,
Перед тем, как идти
В свой последний, решительный бой...»²³*

В год 77-й годовщины начала Великой Отечественной войны и победоносного завершения Московской битвы представляется общественно значимым привлечение и анализ военных эпистолярных источников, в качестве которых выступают письма из Действующей армии.

Часто обращаясь к семейному архиву, особенно к письмам 1941 года из действующей армии отца ополченца 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы (2 ДНО), интуитивно понимаешь их не только семейную, но и общественную значимость, как одних из важнейших свидетельств истории времён Великой Отечественной войны (ВОВ), отражающих приватную культуру советского человека в военные годы.

В письмах отражается хотя и частная, но непосредственная и правдивая информация с места событий. Информация, не обременённая, в отличие от воспоминаний, никакими последующими изменениями, связанными со свойствами памяти или необходимостью замалчивания тех или иных сведений в различные исторические периоды жизни страны. Письма – это первичные документы, сродни официальным указам/постановлениям/приказам того времени.

²² По материалам доклада на научно-практической конференции «На последнем рубеже», посвященной 75-летию окончания Московской битвы. Москва. 10 декабря 2016 г. Эпистолярное наследие московского ополченца 1941 года – взгляд очевидца-участника [Электронный ресурс] / И. В. Меликов, Н. С. Меликов // Наследие веков. – 2017. – № 3. – С. 96-113. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Melikov_Melikov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

²³ Письмо отца. Музыка Евгения Мартынова, стихи Андрея Дементьева и Давида Усманова

Именно они позволяют реконструировать историю повседневности, личных взаимоотношений людей, особенно в военные годы, прояснить определенные аспекты психологии и мировосприятия человека военного времени.

Поэтому введение в научный исторический оборот такого эпистолярного материала представляется актуальным как для специалистов-историков, так и для широкой аудитории читателей, интересующихся правдивым описанием трагических событий ВОВ. Убеждают нас в этом и работы профессионалов-историков, отмечающих, что частная переписка фронтовиков, и сейчас остается практически неразработанным материалом и неоправданно редко используется в исследованиях²⁴.

И что особенно прискорбно, профессиональные советские и российские историки безвозвратно упустили время, когда были ещё живы участники и очевидцы событий, которые могли поделиться семейными архивами, снабдив их своими комментариями. Тем ценнее становятся такие архивы, сохранившиеся до наших дней и ждущие своих исследователей. Но вот недавно в журнале «Подмосковный летописец» за 2016 год среди материалов, посвящённых Московскому ополчению, появилась публикация Ю.А.Яновского об истории военной жизни и гибели отца - ополченца 4-й ДНО, сопровождаённой подробным изложением его писем с фронта²⁵. Значит, мы с внуком не одиноки в нашей исторической семейной памяти!

Письма, о которых ниже пойдёт речь, написал Меликов Владимир Александрович, 1903 года рождения, в июле 1941 года добровольно вступивший в Московское ополчение, хотя по должности у него была «бронь». Ему в то время было 38 лет, возраст не призывной (июньский мобилизационный призыв был граждан 1918-1905 г.р.). Однако по Постановлению ГКО № 10 от 4 июля 1941 года он подлежал добровольной мобилизации в народное ополчение (возраст от 17 до 55 лет). Работал главным бухгалтером

²⁴ Тажидиноva И.Г. Коллекция фронтовых писем «Память» в Российском государственном архиве социально-политической истории – крупнейшее собрание переписки красноармейцев 1941-1945 г.г. // Вестник архивиста. – 2015. - №1. - С.8-19.

²⁵ Ю.А.Яновский. Фронтовые письма моего отца // Подмосковный летописец. – 2016. - №4(50). – С.68-77.

Межобластной конторы Всесоюзного треста первичной обработки шерсти Наркомтекстиля СССР (Шерстьтрест), располагавшейся на территории фабрики «Освобождённый труд» по адресу: М.Семёновская ул., дом 9 в Сталинском (ныне Измайловском) районе Москвы. В 1926 – 1928 годах служил в Красной Армии.

Меликов В.А. 1926

1928

1941

Он был зачислен (по месту работы) во 2-ю дивизию народного ополчения Сталинского района Москвы, которая была сформирована 6-7 июля 1941 г. В соответствии со своей гражданской профессией главбуха, был назначен командовать отделением вещевого и продовольственного снабжения хозяйственного взвода 2-го батальона 2/5/1284 стрелкового полка (по нумерации в различные периоды).

Командиром дивизии, как уже говорилось выше, был генерал-майор Вашкевич Владимир Романович. Именно из его уст мы знаем сейчас уникальные подробности жизни 2-й ДНО, опубликованные им в 1966 году благодаря совершённом им должностному проступку и гражданскому подвигу – сохранению в личном архиве оригиналов вынесенных из окружения документов, несмотря на приказ о сдаче их в архив по окончании войны²⁶. И, возможно, поплатившегося за это своей собственной военной карьерой.

Семейная переписка между супругами началась 6 июля 1941 года и длилась около трёх месяцев. В семейном архиве остались только письма отца, поэтому о дальнейших событиях в ополченской

²⁶ Лопуховский Л.Н. 1941. На главном направлении. - М.: Издатель Дарков С.К., 2014. - С.279-280.

(уже) семье можно узнать из этих писем да воспоминаний старшего сына, которому в начале войны было восемь лет.

Писем всего было послано 28, все они были адресованы жене ополченца Любви Никитичне Меликовой-Паниной, которая сохранила их, не только как семейную реликвию, но как память о любимом муже, отце двух малолетних в ту пору сыновей, и передала их сыновьям, старшему Юрию и младшему Игорю.

Меликова-Панина Л.Н.
1941

Письма удалось расшифровать, набрать и напечатать на компьютере, что позволило свободно и неоднократно обращаться к ним, анализировать их, сопоставлять тексты с другими источниками и узнавать всё новые подробности военного быта.

Сначала письма приходили регулярно, чаще всего это были почтовые открытки и письма, написанные, как правило, карандашом, отправленные по обычной или военной почте или же переданные с оказией. Последнее письмо было отправлено 30 сентября, в день именин жены, а на следующий день началось известное наступление немцев – операция «Тайфун». В это время, осенью 1941 года, под Вязьмой погибло очень много наших бойцов. Где-то погиб и наш отец-прадед, но где именно – неизвестно. О таких воинах официально говорили, что они «пропали без вести». А правильнее бы сказать **«ПАЛИ без вести»**.

О чём же, о каких подробностях ополченского житья-бытия смогли поведать письма? Прежде всего, они привязаны к конкретным датам и местам действия, что позволяет сопоставить их с известными публикациями, а порой и уточнить дату или место события²⁷.

Кроме того, из писем удаётся узнать даты переименования подразделений дивизии, смены почтовых адресов, получения ополченцами армейского обмундирования, имена ближайших сослуживцев. Оказывается, было время, когда жёны могли навещать ополченцев в лагерях, а автору писем удавалось даже приезжать

²⁷ Меликов И.В. Наше семейное ополчение // Кадетское братство. – 2013. - январь. - С.17-19.

ненадолго в Москву. По письмам можно судить и о качестве работы почты при доставке писем в армию и в тыл. Цель данной публикации и заключается в том, чтобы обратить внимание военных историков на такие «мелочи» ополченского жителя-бытия... Выше, в Главе 1, было приведено одно из таких писем-открыток.

Публикуемые короткие выдержки из писем не могут отразить всей их эмоциональной сути, письма надо бы приводить и читать полностью, что невозможно в ограниченных рамках доклада или статьи. Условно можно подразделить сведения, приводимые в письмах, по следующим направлениям:

Формирование ополченской дивизии и ожидания ополченцев. Как теперь нам известно, в ночь на 2-е июля 1941 года ЦК ВКП(б) предложил местным партийным организациям возглавить создание народного ополчения, и в тот же день Военный Совет Московского военного округа принял «Постановление о добровольной мобилизации жителей Москвы и области в народное ополчение». Переводя мобилизацию на общегосударственный уровень, 4 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял Постановление № ГКО-10сс «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения».

Жители Москвы откликнулись на призыв создания ополченских дивизий повсеместной и массовой записью в ополчение. Автор пишет, что *«идут все»*. Скорее всего, это был патриотический порыв наиболее активной и эмоционально настроенной части, элиты московского общества, примеров которому не счесть. Однако никаких документов, ввиду их секретности, об условиях пребывания в ополчении записавшимся не показывали, власти ограничивались устными заверениями и призывами, да всюду ходили разные слухи...

<...>Во-первых, не волнуйся и не отчаивайся. Как мы с тобой договорились, возьми себя в руки ради наших ребят. Ничего страшного не случилось. Идут все. (Здесь и далее выделения в тексте писем сделаны автором книги – И.М. В скобках после текста цитаты приведена дата написания письма). *Никуда пока, да и потом не отправят, т.к. ополчение специально будет по защите Москвы, а до нее еще далеко. Помни, что все сейчас в таком положении,*

поэтому нет никаких причин терять голову. Не пугай Юрку, что, дескать, папу взяли. Скажи, что, как и все, папа пошел учиться в казармы и, главное, при нем старайся не плакать, да и вообще заранее не оплакивай меня, т.к. все еще так неясно, да и сам я не пропаду, куда-нибудь устроюсь. Не отчаивайся, всё будет благополучно. (06 июля 1941 года).

<...>Был на работе сегодня, все являемся. Расчета не дают, говорят, что зарплата будет идти полностью<...>

<...>Узнал, что месяца 1,5 ополчение будет находиться в Москве в школах, а там будут рассылать по Моск. Области для охраны мостов, заводов и пр. Так что далеко не уеду<...>

<...>Я ухожу совсем спокоен, единственное, что беспокоит, это то, что ты **возомнишь, что отправили на фронт и растеряешься**<...>Буду каждые 3 дня писать Вам, чтобы не скучали<...>Люба! Если любишь меня и детей, не нужно падать духом, имей в виду, все в таком же положении. Мишку Лисицына уже отправили из Москвы, **остальные все в ополчении**. Поверь мне, легче будет, если ты себя не будешь расстраивать. (07 июля).

<...>Нахожусь в 445-й школе по Мееровскому проезду (от Семеновского кладбища по Измайловскому шоссе первый переулочек направо)<...>Зачислен во взвод снабжения<...>Не волнуйся, т.к. страшного ничего нет. Как только будет возможность вырваться, приеду в деревню. (08 июля).

В это время его жена с двумя детьми жила «на даче», в доме довольно крепкого крестьянина Воронина в селе Кузьминское вблизи станции Барыбино на 57 км Московско-Донбасской (ныне Курской железной дороги Павелецкого направления). По воспоминаниям старшего сына (Глава 1), за время пребывания семьи в этом доме хозяин ничего из продуктов ей не продал, копил запасы для себя...

<...>Находимся в одном полку **из Треста (н/конторы) человек 20**, в том числе Летанин, б.главбух Кирсановского завода, Вася Шерстиев (шофер) и пр. Кроме того, из ЦБС Главшерсти юрист и другие работники тоже здесь. **С фабрики «Освобожденный Труд»** здесь много, помощник директора как раз у нас во взводе снабжения командиром. Кроме него, один плановик<...>также знакомый в нашем взводе. Так что **своего народу много**. <...>**очень много таких**

людей, которые больны и непривычны к такой жизни, поэтому им куда труднее, чем мне. <...>

<...>Если ты получила зарплату, я думаю, что на прожитие хватит, особенно не экономь, пока зарплата будет идти полностью<...> (11 июля).

<...>хорошо, что командир нашего взвода и еще 2 капрала – ребята с Освобожденного труда, где помещается наша контора, приняли в свою компанию и поэтому будет не так трудно с ними.

<...>Сотни тысяч семейств сейчас в таком же положении и нужно как-то мириться с этим, и ведь не вечность же я здесь буду, обучат ополчение и распустят. (13 июля).

У автора писем было два малолетних сына, и он оставлял их и неработающую жену практически без средств существования. Единственным или главным оправданием этому поступку может служить вера ополченцев в выполнение властями устного обещания **(по слухам)** выплачивать полную заработную плату по месту работы их семьям. (В соответствии с Постановлением № ГКО-10сс от 4 июля 1941 года, хотя само Постановление, имевшее гриф «совершенно секретно», конечно, тогда не публиковалось, а стало доступным только в наше время.) Потому и обходились устными, ничем документально не подкреплёнными и передаваемыми из уст в уста слухами или устными обещаниями по партийной линии.

Второй момент оптимизма будущих ополченцев заключался в ожидании посильного выполнения предстоящих работ по строительству укреплений и охране объектов в Подмосковье:

<...>Узнал, что месяца 1,5 ополчение будет находиться в Москве в школах, а там будут рассылать по Моск. Области для охраны мостов, заводов и пр. Так что далеко не уеду<...>.

И, пожалуй, все ополченцы или многие из них не предполагали отправки на фронт в действующую армию, считая, что ополчение обучат и распустят: «*<...>ведь не вечность же я здесь буду, обучат ополчение и распустят» (13 июля).* А в результате были в дальнейшем шокированы невыполнением властями этих обещаний:

«Нас обманули<...>.Мы отправляемся на фронт»²⁸ - сквозит сожаление во многих воспоминаниях выживших ополченцев.

Почему же так внезапно, спустя всего полторы недели после начала войны, встал вопрос о привлечении именно массового гражданского ополчения в Действующую армию, в частности, для защиты Москвы? Этот вопрос неотделимый от вопросов формирования и, в конечном счёте, судьбы Московского ополчения, более подробно рассмотрен в Главе 2.

Хронология движения дивизии, подробности службы и солдатского бытия. В письмах довольно подробно описывается передвижение дивизии, как в хронологическом, так и в территориальном аспектах. Лагерь в районе Сходни/Подрезкова, далее Клин, Можайск, Волоколамск, Вязьма – местонахождение можно проследить или по упоминаниям городов и дат в письмах, или по почтовым штампам при отправке писем из обычных почтовых отделений, пока это было возможно.

<...>Пишу я Вам из лагеря, нахожусь в лесу, 2 километра от ст.Сходня, от Подрезково еще ближе, километра 1½. Прибыли сюда из Москвы 9/VII. Я нахожусь во взводе снабжения. Пока что еще ничего не организовано, приходится делать черновую работу: собирать сучки в лесу для топлива, чистить картошку и т.д. <...>Спим все на земле в лесу. Хорошо, что я взял с собой и пальто и одеяло, так что сплю тепло и мягко. А то другие не взяли ничего<...>(10 июля).

Неожиданной особенностью пребывания в Сходненском лагере оказалась возможность вполне легального приезда сюда на свидание жён ополченцев, указывается подробное место расположения лагеря и некоторые «хитрости» розыска своего родственника:

*<...>Находимся в лагере, как я писал, около **Подрезково**. Долго ли пробудем, точно ничего не известно. Но, Любаша, нужно покориться судьбе, ведь не я первый и не последний, вся Москва взята в лагери. Так что нужно и мне и в особенности тебе отнестись к этому поспокойнее.*

²⁸ Маркин А.С. Рассказы о пушечном мясе. I. Ополчение 1941 года. // URL: http://www.pavlovskyposad.ru/p_article_canonmeat.htm

Не беспокойся за меня, ведь для меня это не ново – армейская жизнь знакома. Правда, есть трудности – но что же делать. О себе меньше всего беспокоюсь. Лишь бы мои ребятки и ты были в порядке.

*В дальнейшем, когда выяснится, что будем здесь долго, **может быть, сумеешь и приехать.*** <...> На всякий случай пишу адрес, но только трудно найти нас: слезть на **ст. Подрезково** по ходу поезда на левой стороне, идти на деревню **Усково** (1,5 км), не доходя деревни на левой стороне речки будет Гора, перейти речку, в гору – и лагерь. Спросить, где помещается взвод Снабжения 2-го батальона. **Спрашивать надо только у ополченцев в штатском**, т.к. военные командиры могут не допустить. А лучше, конечно, я постараюсь как-нибудь вырваться сам. <...> **А я через месяц, а может быть и раньше, вернусь.** Чувствую себя хорошо, не болею, сыт, загорел и, если бы не забота и скука по семье, то и пополнел бы. Ведь круглые сутки на воздухе. (11,13 июля).

Автору писем неоднократно удавалось «вырваться» в Москву. Скорее всего, это были служебные командировки по каким-либо снабженческим делам, но они позволяли до поры до времени (примерно до 20 июля) накоротке видаться с семьёй и даже приходилось спасаться в метро во время бомбёжек Москвы:

<...> *Сегодня второй день, как работаю в штабе батальона, как будто бы хотят оставить писарем, а это здесь большое начальство, как нач. штаба.* <...> **будет возможность кое-когда вырваться в Москву. По моему предположению, думаю, во вторник или в среду отпрошусь и тогда на крыльях прямо к Вам.** (11 июля).

<...> *Дать более подробный адрес, Люба, сейчас никак нельзя. Начальство вообще запрещает писать. Пиши до востребования, ст. Сходня, может быть, и удастся получить* <...> (13 июля).

<...> *Доехал я благополучно и вовремя. В Москве позвонил и узнал, что деньги выдали, так что очевидно на днях получишь. А знаешь, как-то легче стало. Как съездил, посмотрел, как Вы живете, какое настроение. И сам сейчас чувствую себя куда бодрее. Очень и очень благодарю тебя, что ты так трезво и спокойно (конечно – с виду) относишься к этой нашей с тобой доле.*

<...> *живя мыслью, как бы увидеться и узнать, как воспринято мое отсутствие – я, наконец-то, попал домой. И вдруг проблема –*

<вас>нет дома, надо искать, время ограничено. Я, конечно, был уверен, что, в конце концов, увижу Вас. Но, думаю, что как обидно, пропадают минуты бесцельно, что укорачивает встречу. Ведь целый час побегать при мысли, что роковой час разлуки наступает – это при моих нервах не шутка. В тот момент, когда я отъехал на поезде, я сразу переменялся – я стал также спокойнее и бодрее. (20-е июля).

Из одного из писем становится известной точная дата – 19 июля – получения ополченцами 2-й ДНО красноармейского обмундирования.

<...>Вчера, 19/VII, нас всех одели в красноармейское обмундирование, которое, кстати, как говорят товарищи, ко мне очень идет<...>Свои вещи, как-то: пальто, пиджак, брюки, ботинки, спецовка новые, полуботинки, тапочки и кепку я отослал, как и все от нашего 2-го батальона 2-го Стрелкового полка 2-й Сталинской дивизии – в Москву<...>.

<...>Сегодня с этого места уходим. Как говорят, ближе к Клину<...>. Работаю так же в должности отделенного командира хозяйственно-вещевого довольствия взвода снабжения при батальоне. Вчера вдруг получил предложение от полкового начальства занять должность заведующего делопроизводством в хозчасти штаба полка. Определенного ответа пока не дал, т.к. тогда бы пришлось расстаться с работниками фабрики «Освобожденный труд», а мы уже подружились и с помощником директора т. Русаковым и с инженером, которые меня очень уважают.

На Сходню не пиши, жди адреса. (20 июля).

<...>Пользуясь случаем, что нахожусь на ст. Сходня (ходил за продуктами в магазин), пишу немного о себе. <...>Еще не тронулись, но на днях, очевидно, тронемся по направлению на Можайск. (23 июля).

<...>Как пережили три бомбежки? У нас было страшно, но пережил я ничего. Начинаю привыкать к военной обстановке.

Я 21 июля был в Москве. В 9 1/2 часов вечера приехал на машине, довели до площади Маяковского. <...>объявили тревогу, пришлось пойти в метро и там просидеть до 4 час. утра. Затем пошел домой.

<...>Я, очевидно, сегодня уеду. Все эти дни собирались – не хватало машин. **Едем в Волоколамск и будем от него в 14 км.** (25 июля).

Адрес отправителя: **571-я Полевая почта. 2-й Стр.полк, 2-й Батальон.** Взвод снабжения. Меликов. Спешу сообщить свой почтовый адрес, чтобы получить от Вас, как Вы живете. Хотелось бы узнать, **дали ли карточки на август.** <...>Я жив и здоров. Доехал до нового места благополучно. Но долго не пришлось быть. Едем дальше<...> Случилось несчастье – я потерял 30 р. <...> (31 июля).

<...>Шлю Вам свой Ополченский привет. Я жив и здоров. В тот же день, как я уехал от Вас, т.е. в день своих именин (**28 июля**), мы тронулись в путь. Ехали целые сутки до нового места. В дороге справили именины<...>. Возможно, сегодня к вечеру отсюда **уедем дальше – ближе к фронту**<...>. В день именин угостил свое начальство и друзей, купив 2 пол-литра. Остальные деньги идут на папиросы и молоко, белый хлеб. В городе, как приехали, пообедали. Аппетит волчий – ем так много, что даже окружающие замечают. (02 августа).

571-я Полевая почта, Ш.Т.-01, 2 С.П., 2-й Батальон, Взвод снабжения.

Привет из Волоколамска. Работаю там же по хозяйственной части. Аппетит хороший, **кормят хорошо.** (06 августа).

<...>Сегодня воскресенье, с товарищами пришли на станцию **Волоколамск**, попили чайку с печеньем и малиной и пошли на почту. Жив и здоров. Пока еще не уехали, очевидно, на днях. Пока еще не получал от Вас писем, т.к. штаб нашей части находится в другом месте, куда мы и направляемся. (10 августа).

<...>Доехали до места назначения благополучно. Чувствую себя хорошо. Сегодня или завтра попаду в часть (т.к. она уехала раньше меня) и очевидно получу Ваши письма! <...>Адрес на обороте верный (**обязательна приписка ШТ 01**). (15 августа).

Вязьма, Действующая Армия, 571-01, 5-й Стр.полк, 2-й Батальон

<...>Не пугайся нового адреса – никаких изменений нет, оказывается, во время отрыва нашего хоз.взвода от основной части **изменился адрес и переименована нумерация полка**<...> От нас до

фронта расстояние еще больше. Так что в переделках участвовать не пришлось и в ближайшее время едва придется. (16 августа).

Действующая Армия, 929-я Полевая Почта, 5-й Стрелковый полк, 2-й Батальон

<...>Вчера у меня был праздник. Наконец-то я получил от Вас открытку, **посланную 7/VIII**. Несмотря на то, что расстояние незначительное (километров 250), а шла она долго. Здесь причина та, что переменялся у нас адрес – **вместо 571-й стала 929-я почта**.

<...>Нам платят здесь **зарплату 30 р. в м-ц**, каковых хватит на молочишко. Получил за 2 мес. 55 р., расплатился с долгами (занимал, когда утерял). А денег здесь много не нужно, т.к. **кормят сытно, единственно чего нет – папирос, курю махорку, и той нехватка**. Если собираешься, пришли папиросочек, только по 65 к., и недорогую трубочку и кисет для махорки. Также **пришли спичек побольше и открыток писем**. Здесь этого нет. Съестного ничего не надо, ни в чем не нуждаюсь. **Пришли лезвий**<...>.Работаю продовольственным и вещевым каптером. Работать приходится с б утра и до 9–10 ч. вечера. Здоровье мое хорошее. Настроение тоже. Почему ты пишешь, что **зарплату получила по-старому**, а что, разве **есть слух**, что будут давать по-новому? (30 августа).

<...>Сейчас я нахожусь уже на новом месте, куда приехали 2/09. **Расстояние от Москвы по жел.дор. до нас около 300 клм**, но порохом пока что не пахнет<...>.

Время провожу так: встаю в 5 час., выдаю продукты на кухню, затем раздаю хлеб и сахар бойцам, потом завтракаю и еду за продуктами на следующий день.

Приезжаешь оттуда уже вечером в 6 – 7 часов, обедаешь, чайку попьешь и спать. Сейчас живу в одном крестьянском доме, хозяйка очень гостеприимная, у нее 2 сына на фронте, так что сочувствует, постельку постелет на полу, чайку вскипятит, молочко истопит. Одним словом, ухаживает, как за сыновьями.

Питание здесь хорошее – сытно. Единственно, что не достает, это папирос и спичек. Махорка с непривычки уж очень горло дерет – крепка. Так что если вздумаешь послать посылочку – пришли папиросочек (по 65 к. и по 1 р.), спичек, лезвий не надо – достал, бараночек или печенья (подешевле), трубочку подешевле и

табачку немного. Открытых писем пришли, а то здесь нет. Больше ничего не нужно.

<...>постольку поскольку **бомбежка Москвы прекратилась**, по-моему, можно бы и переехать туда. Тем более думать, что немца допустят до Москвы, нет никаких оснований.

Посылаю тебе **справку о себе**, храни ее, и если спросят либо на службе, либо Военкомат - можешь показать ее. (05 сентября).

<...>Пишу тебе с нового места расположения. **Отъехали еще километров 15** и поместились в **блиндажах (под землей)**. Землянка большая, 3 x 5, с одной стороны храним продукты, а на другой ящики с вещами, на которых и спим. Находимся вдвоем: я и мой помощник Василий Степанович Соколов. Парень хороший<...>. Время проводим так: через день каждый из нас ездит за продуктами в полк, километров 15-17 от нас, а другой дежурит в землянке, т.е. отдыхает. Сегодня я отдыхаю и, пользуясь свободным временем, пишу тебе.

Любаша! Нечего скрывать, приходится трудновато и обстановка окопная, к которой приходится привыкать, а отсюда и все последствия, иной раз не умоешься, ходишь по нескольку дней небритый и т.д. Но думаю, что эти недостатки в дальнейшем изжить, пока еще не приспособился к обстановке. Питание, можно сказать, хорошее, конечно деликатесов нет, и пища однообразная, но жить можно. От деревни находимся на расстоянии 2-3 км, поэтому молочко не приходится попивать.

В общем, жизнь военно-походная, поэтому в некоторой части приходится приспособливаться к тем условиям, в которых находишься.

Все бы ничего, лишь бы было здоровье, а таковое у меня пока что в хорошем состоянии, жаловаться не могу. Наоборот, приобрел сноровку и силу таскать продукты при приеме на складе к весам и с весов, помогая другим бойцам. Вообще стараешься быть больше в работе – забыться, а то иногда бывает очень грустно. В особенности вечером или ночью, когда проснешься и вспомнишь про своих любимых ребятешек и тебя. Но, Любаша, не думай, что такое настроение бывает часто. Нет, чувствую себя бодро, настроение хорошее, но иногда ведь не без этого.

*Насчет своих потребностей. Сейчас уже утром бывают заморозки, да и очевидно, нечего скрывать, **придется зазимовать нам**. Поэтому хорошо было бы, если ты где-либо достанешь чулки или носки теплые, перчатки или варежки теплые (посмотри мои кожаные), парочку белья теплого (порванее). Любаша! Это не к спеху, так что не торопись и не обязательно, если найдешь так хорошо, а нет – так обойдусь и без этого. Очевидно, и здесь дадут эти вещи.*

*Кроме этого, хорошо бы, если бы ты прислала мне электрический фонарик карманный (недорогой, с батареями), зажигалку какую-нибудь тоже недорогую, а то здесь спичек нет и посылать их нельзя. Все это я пишу при условии, что **платят зарплату по-старому** и у тебя есть свободные деньги. Если же с деньгами туго, то ради Бога, не отрывай от ребят. Обойдусь без этой роскоши. На днях получил посылку с работы: 8 пачек папирос, бумагу, конверты и карандаши. Так что сейчас курю папиросы.*

У меня от полочки осталось 18 р. И никак не могу их истратить – негде. Так что деньгами мне не посылай, лучше посылочку с папиросами.

Ни от кого из товарищей не имею ни одной строчки. Эти товарищи только собутыльники хорошие. Ну да ладно, и без них обойдусь. (10 сентября).

Действующая Армия, 929-я Полевая почта, 5-й Стр.Полк, 2-й Б-н, Взвод снабжения, Меликову

Не знаю, как у Вас, а здесь такая скверная погода – либо дожди, либо сильный ветер. Вот при такой-то погоде и начинаешь ощущать трудности жизни в землянках.

Очень прошу, пришли что-либо теплое, носки, или чулки, или портянки, рукавицы или перчатки, пару теплого белья. Еще хорошо бы было, если бы ты позвонила Вас. Ив. Капустину и попросила бы его обменять ботинки, которые я послал со своими вещами (я их получил на работе) на сапоги размером 40-41. Затем спросить его, нет ли у него каких подшитых старых валенок.

Надо готовиться к зимней стоянке, поэтому, что можно без труда достать, пришли. Нового в моей жизни нет ничего, изо дня в день одно и то же. Чувствую себя хорошо. Единственно плохо, никак

не соберемся в баню, но дал слово, что завтра обязательно пойдем. (19 сентября).

Действ. Армия, 929-я Полевая почта, 1284 Стр.Полк, 2-й Б-н, Взв. снабжения

<...>Живу я по-старому, т.е. в землянке на старом месте. **Фронт от нас километров 80 – 100**, т.что опасности пока никакой. Чувствую себя хорошо, не болею, немножко мерзну. Поэтому **прошу тебя хоть что-либо прислать из теплых вещей** (старые мои перчатки, какие-нибудь теплые портянки из какой-либо старой байки).

<...>Собираются меня перевести в хозчасть полка (конечно, было бы хорошо). Но едва ли командование моей части отпустит. Дальше есть вариант перевода в дивизию, где нужен работник на машинке, но опять это не в моих руках. (23 сентября).

<...>Пользуясь случаем, что мой товарищ по службе в армии, коллега по работе, едет в Москву, пишу письмо. Николай Алексеевич Чернов – как видишь, **парень не молодой 52 лет** – работал вместе со мной писарем. **Старик, наконец-то, освободился. Жаль его.** Человек и в годах и плохо видит, а тут в землянке. Я его просил зайти к тебе и рассказать, как и что про нашу жизнь.

<...>Живу так же, по-старому, в своей землянке-кладовой. Сейчас вместо т. Чернова взял писарем своего бухгалтера из Союззаготшерсти, бывшего главбуха Кирсановского завода, т.Флорова Ивана Георгиевича. Парень хороший, услужливый, хороший товарищ, бывал уже на фронтах, так что приспособлен ко всем условиям. Конечно, я очень доволен, т.к. с ним и мне легче. Причем, очень душевный и хороший семьянин. Так что есть с кем душу отвести. Вчера пошли с ним вместе в баню. До того хорошо попарились – прямо благодать. (29 сентября).

<...>Сегодня после ужина (пшеничной каши) мы собрались 7 человек вместе с командиром на вечер. Приготовили угощение, разложив каждому **по порции: белый сухарь домашний, несколько изюминок, одна конфета и 1 папироска.** И Любаша! Несмотря на скудность этого угощения, мы все были очень довольны именно своей дружностью и спаянностью. Весь вечер прошел в разговорах о семьях. (30 сентября, 22 часа).

Очень чётко по письмам прослеживается хронологическая смена номеров полков и их почтовых адресов:

31 июля - 571-я Полевая почта, 2-й СП,

06 августа - 571-я Полевая почта, Ш.Т.-01, 2 СП,

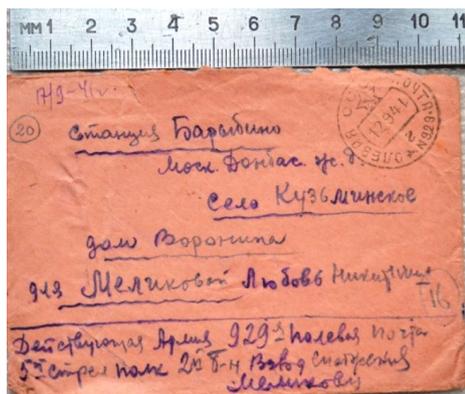
16 августа - Действующая Армия, 571- 01, 5-й СП

30 августа - Действующая Армия, 929-я Полевая Почта, 5-й СП

23 сентября - Действующая Армия, 929-я Полевая почта, 1284 СП.

Бытовые подробности жизни ополченцев позволяют узнать, что им как всем красноармейцам выплачивали денежное содержание (младший командный состав 30 рублей в месяц), было хорошее, сытное питание, однако они испытывали недостаток в табачных изделиях: папирос практически не было, махорка была в недостаточном количестве. «<...>**Нам платят здесь зарплату 30 р. в м-ц, <...>кормят сытно, единственно чего нет – папирос, курю махорку, и той нехватка**». Поэтому постоянные просьбы к родным прислать «курево» встречаются особенно часто. Автору писем жена прислала кисет с табаком и трубку, чем вызвала поток искренней благодарности. Среди других недостающих бытовых предметов отмечается нехватка спичек, открыток для писем, лезвий для бритвы.

Кстати, что означают постоянные просьбы прислать открытки? Возможно, до вхождения в Действующую армию (до 16 августа) ополченцы не считались бойцами воинских подразделений, оставаясь «штатскими», на которых не распространялись условия бесплатной красноармейской почты? Но маркированные открытки приходили и после включения дивизии в состав Действующей армии (после 16 августа), и марки гасились штампами ППС 929. И только два письма, отправленные в безмарочных конвертах 11 и 12 сентября, были погашены треугольным штампом бесплатной красноармейской почты. А потом опять были открытки с марками, видимо, из оставшихся запасов (?).

Конверт с треугольной печатью бесплатного письма

Здесь уместно будет упомянуть, что ополчению была посвящена вторая по счёту марка, выпущенная в военное время 1941 года. В последующие годы несколько раз выпускались почтовые конверты или открытки, посвящённые юбилеям ополчения, но отнюдь не в последние десятилетия...

Ополченская почтовая марка.
1941 год

По мере ухудшения погодных условий уже 23 сентября появляются в письмах просьбы прислать тёплые вещи (чулки, тёплые портянки, перчатки, свитер и пр.), что становится особенно актуальным, учитывая условия обитания в блиндажах, землянках 3x5 метров, оборудованных под склады (10 сентября). Возникают предположения о возможной зимовке.

Автор подробно описывает свой быт, свои ежедневные действия продовольственного и вещевого каптёра по снабжению бойцов батальона, его рабочий день продолжается с 6 часов утра и до 9 – 10 часов вечера. Конечно, хозяйственный взвод это не строевое подразделение, у него свой уклад армейской жизни и свои особенности работы, которые передаются с неизменными подробностями. Может быть, по причине нестроевого характера службы в письмах отсутствуют какие-либо упоминания, например, о принятии присяги ополченца или красноармейца, о вручении полку знамени, о наличии у бойцов хозвзвода какого-либо оружия, скорее всего, у них его не было вовсе.

Семейные заботы. В письмах постоянно присутствует интерес к жизни семьи. Особенно волнует автора денежный вопрос, который, среди прочего, предлагается решать жене путём продажи вещей ополченца: сапог, брюк, валенок, лишь бы не отказывать семье в насущном питании. Тем более, что даже при наличии выданных продуктовых карточек продукты приходилось выкупать.

<...>Если ты получила зарплату, я думаю, что на прожитие хватит, особенно не экономь, пока зарплата будет идти полностью.

Не скучай, не вешай голову, не волнуйся, скоро встретимся.

*<...>Ну, сынок, ты у меня большой, не скучай, слушайся маму, помогай ей по хозяйству. А я **через месяц**, а может быть и раньше, вернусь. (11 июля).*

...если будет с деньгами трудно,...не церемонься с вещами, продай сапоги, брюки, валенки, только не отказывайте себе во многом... (13 июля).

На момент ухода в ополчение заработная плата автора, как главного бухгалтера, судя по упоминаниям в письмах, была примерно 700 рублей: *<...>зарплата за 5 дней рублей 140. Компенсация за неиспользованный отпуск за 1941 г. <...> за 12 дней рублей 350 (6 июля).*

Сумма не маленькая для того времени, что находит подтверждение в приказе по одному НИИ, поскольку все организации были государственными с примерно одинаковым штатным расписанием²⁹.

Хотелось бы надеяться, что заработная плата семьям по месту работы ополченца ещё продолжала выдаваться, поскольку формально её выплата была отменена с **1 апреля 1942 года** Постановлением Государственного Комитета Обороны от 9 апреля 1942 г. № ГОКО 1567с. В последующем семьи ополченцев должны были получать пособия на детей и нетрудоспособных членов семьи, но в существенно меньших, чем зарплата размерах. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «... Если в семье имеется **двое детей**, не достигших 16-летнего возраста, при

²⁹ ФГУП ЛОНИИС (Лен. Отделение Научно-исследовательского Института связи). «Книги приказов» по ЛОНИИС. // URL: http://ru-history.livejournal.com /2190263.html#cutid1loniis.ru/downloads/doc/ komentarii_k knige prikazov.doc

одном трудоспособном, пособие выдается в размере **100 рублей в месяц** в городе...». Как можно было существовать семье на такие выплаты, представить невозможно, даже при наличии в то время государственных цен³⁰ на нормированные по карточкам продовольственные товары³¹. О таких условиях жизни ополченческих семей, да и всего населения, в военное время хотелось бы напомнить ныне живущим...

Таблица 1. Государственные розничные цены нормированной и коммерческой торговли на отдельные продовольственные товары (в рублях за килограмм) [30, Таблица 12, выдержки]

	Цены нормированной торговли			Цены коммерческой торговли		
	1940		1945	1944		1945
	на начало года	на конец года	на конец года	с начала введения коммерческой торговли	на конец года	на конец года
Говядина средней упитанности I сорта	10	12	12	400	320	150
Колбаса вареная «Отдельная»	13.5	16	16	450	450	250
Судак мороженный крупный I сорта	3.8	5.5	5.5	200	150	110
Сельдь «Мурманская» чанового посола	4.5	6.4	6.4	300	210	150
Масло сливочное несоленое высшего сорта	17.5	25	25	1000	750	370
Масло подсолнечное рафинированное	13.5	13.5	13.5	700	600	250

³⁰ Народное хозяйство СССР/1941-1945/Товарооборот // URL:

<http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php>

³¹ Нормы снабжения населения гг. Москвы и Ленинграда и гг. Кронштадта, Колпино, Пушкина, Петергофа Ленинградской области хлебом, крупой, макаронами, сахаром, кондитерскими изделиями, мясом и мясопродуктами, рыбой и рыбопродуктами и жирами (г). - Приказ Наркомторга СССР № 275 от 16 июля 1941 г., Приложение № 2// URL: <http://mosarchiv.mos.ru/promotion/trudy/events/hronika/detail/1125012.html>

Маргарин столовый I сорта	10.5	12	12	620	480	250
Молоко (литр)	2	2.2	2	60	50	40
Яйца столовые I сорта (десяток)	6.5	6.5	6.5	200	150	100
Сахар-рафинад колотый	4.1	5.7	5.7	1050	750	250
Соль помола № 1	0.12	0.12	0.48	80	80	50
Мука пшеничная II сорта	2.4	2.4	2.4	-	-	45
Пшено толченое I сорта	2.1	2.1	2.1	150	150	80
Гречневая крупа «ядрица»	4.3	4.3	4.3	250	250	150
Макароны из муки I сорта	3.5	3.5	3.5	200	200	100
Хлеб ржаной из обойной муки	0.85	1	1	-	-	24
Хлеб пшеничный из муки II сорта	1.7	1.7	1.7	-	-	30

Представление о росте цен на колхозных рынках можно составить, исходя из их индексов (подорожания) за годы войны.

**Таблица 2. Индексы цен на городских колхозных рынках (1940 г. = 100)
[30, Таблица 14]**

Годы	1941	1942	1943	1944	1945
Все товары (включая скот)	105	749	1311	1075	551
Продукты растениеводства	97	742	1298	1111	544
Хлебные продукты	117	1045	2155	2360	948
Картофель	91	1049	1626	1143	493
Овощи	97	710	1151	900	471
Фрукты	89	443	767	923	518
Растительное масло	112	723	1684	1214	677
Продукты животноводства	110	812	1339	1031	554
Мясо и сало	115	684	1229	987	538
Птица	104	582	1031	939	629
Молочные продукты	98	942	1434	1049	556
Молоко	99	1004	1529	1108	587

Животное масло	102	796	1259	948	517
Яйца	88	747	1140	962	637

Таблица 3. Нормы снабжения населения гг. Москвы ... хлебом, крупой, макаронами, сахаром, кондитерскими изделиями, мясом и мясопродуктами, рыбой и рыбопродуктами и жирами (г) [31]

Наименование групп снабжения	Хлеб (дневная норма)	Крупа и макароны (месячная норма)	Сахар и кондитерские изделия (месячная норма)	Мясо и мясопродукты (месячная норма)	Рыба и рыбопродукты (месячная норма)	Жиры (месячная норма)
Рабочие и инженерно-технические работники	800	2000	1500	2200	1000	800
Служащие	600	1500	1200	1200	800	400
Иждивенцы	400	1000	1000	600	500	200
Дети до 12 лет	400	1200	1200	600	500	400

Неизменное волнение вызывают у автора писем бомбёжки Москвы, начавшиеся в 20-х числах июля:

<...>Как пережили три бомбежки? У нас было страшно, но пережил я ничего. <...>21 июля был в Москве. В 9 1/2 часов вечера приехал на машине, довели до площади Маяковского. <...>объявили тревогу, пришлось пойти в метро и там просидеть до 4 час. утра. Затем пошел домой. <...>(25 июля).

<...>Только что, приехав в полк за продуктами, получил твою посылку. Уже трубка во рту, кисет (который, кстати, ребята говорят, можно получить от хорошей жены) в кармане и полное удовлетворение. Правда, ребятки ждали папирсочек, но очевидно в Москве их нет. Буду курить табачок. Большое, большое спасибо тебе за внимание. Если будешь еще посылать, пришли полакомиться съестного (бараночек и т.д.). (12 сентября).

<...>Я по-прежнему жив и здоров (в отношении последнего командир говорит даже, что я хорошо поправился – пополнел). Еще раз благодарю за посылку, очень удачна трубка с кисетом, во-первых,

удобно, а главное, каждый раз, как закуриваю, чувствую твою заботу, любовь ко мне. Приятно.

Мне больше не нужно присылать ничего, ни денег, ни посылки. Как получу 50 р., которые ты послала, так я переishлю тебе обратно, т.к. здесь их некуда тратить, да и все у меня есть. Даже вчера купил в Военторге случайно бумажный свитер за 13 р. (16 сентября).

Главные же эмоциональные переживания, особенно по ночам, связаны с «душераздирающей» тоской по семье, жене и детям. Поэтому понятна радость и даже «ликование» от получения писем и скромных, но долгожданных посылок с родным домашним запахом... Но эти чувства невозможно пересказать словами, их можно прочувствовать, читая сами письма, в первоисточнике.

Последнее письмо заканчивается словами:

<...>Полный уверенности, что еще мы с тобой проживем, порадуеться на наше поколение, порадуеться нашим хорошим взаимным чувствам – я бодро живу сегодня и жду завтрашний день в любых условиях<...> (30 сентября, 22 часа).

В это письмо были вложены отдельные письма-записки каждому из сыновей. Приведу их полностью. Получилось настоящее прощание...

Письмо 27

(Маленький конверт)

Юрию Владимировичу Меликову

и

Игорю Владимировичу Меликову

29-го сентября 1941 г.

Здравствуй, Дорогой Мой старший сынок Юрочка!

Получил от тебя первое письмо. Очень обрадовался ему. Пиши чаще мне, я буду очень рад.

Юрочка! Поздравляю тебя с началом твоей учебы. Ты теперь понял, что не зря мама с тобой занималась, что теперь в школе тебе легче, чем другим ребятам.

Вот это нужно твердо запомнить, что ни мама, ни папа тебе никогда плохого ничего не пожелают.

Очень рад, Юрочка, что Вы с Гариком живете дружно. Так и нужно, сынок, в особенности сейчас, когда нет папы вместе с Вами.

Правда, мама писала мне, что Гарик озорник стал. Ну, да ты, Юрочка, займись с ним, останавливай его от плохих поступков, и он вырастет такой же, как и ты, хорошим.

Юрочка! Не нравится мне лишь то, что ты частенько поплакиваешь. Уж теперь, когда ты пошел учиться, ты уже стал взрослым и плакать не к лицу мальчику такому.

Дорогой сынок! Если ты любишь папу и маму, а это так, то ты должен быть хорошим до конца: не капризничать, не плакать и не бояться тревоги. Вот тогда ты будешь настоящий взрослый мальчик.

Крепко целую тебя в щечку, где ямочка (мама поцелует за меня). Пиши.

Твой папата.

Милый мой сынишка Гаречка!

Ты у меня самый маленький сынок и, как я узнал, самый озорной.

Гаречка! Почему мама обижается на тебя, что ты много озорничаешь? Так нехорошо. Если ты будешь себя так вести и дальше – то имей в виду, я тогда не приеду долго. И не привезу тебе игрушек с войны. А игрушки здесь такие хорошие: настоящие танки, аэропланы, автомобили.

Как пишет мама, Юрочка ведет себя хорошо, поэтому ты старайся брать пример с него, а то он все игрушки получит.

Гаречка, мой сынок! Спасибо тебе, что ты написал мне письмо, и в дальнейшем, когда Юрочка будет писать, пиши и ты.

Мой дорогой сынок! Не балуйся, слушайся маму, не озорничай. Кушай хорошо. Не болей. Кстати, попроси маму, чтобы она написала, прошли ли у тебя прыщи.

Крепко целую своего сынишку.

Твой Папатюля.

Эпилог. На этом переписка между супругами прервалась. В начале октября 1941 года 1284 полк в составе 2-й Стрелковой дивизии, согласно воспоминаниям комдива В.Р.Вашкевича, занимал

позиции на восточном берегу Днепра. В последующие дни, во время проведения противником операции «Тайфун», этот полк к утру 11 октября был оставлен на реке Вязьме в распоряжении командующего 19-й армией для прикрытия её прорыва на восток. Только небольшой части полка удалось выйти из окружения и присоединиться к своим войскам. Среди них В.А.Меликова не было...

Однако, как следует из нижеприводимой справки, какой-то группе бойцов 1284 полка во главе с его командиром Герасимовым Николаем Николаевичем удалось каким-то образом выйти из окружения. К сожалению, никаких других сведений или упоминаний о Герасимове Н.Н. в послевоенной жизни нет, краеведы и потомки ополченцев поиск его не вели. А ведь он, судя по наградам, достойно воевал и получал повышения в должности и звании...

Справка³²

Герасимов Николай Николаевич родился в 1903 году в селе Терезино Плавского района Тульской области. В Красной Армии с 1925 года. В 1936-37 годах участвовал по заданию Правительства СССР в борьбе с германским фашизмом (Испания?), за что 01.01.1941 года награжден орденом Красного Знамени. В 1940 году окончил военную академию им.Фрунзе. Семья майора проживала в Москве по адресу ш. Энтузиастов д. 102, корп.10., кв.18. Отец Николай Исаевич, мать Прасковья Васильевна, жена Анастасия Константиновна и двое детей.

С июля 1941 года - майор Герасимов - начальник штаба 5 (затем 1284) СП. Приказом по 32 Армии от 30 августа 1941 года №043/л по личному составу начальник штаба 5-го Стрелкового полка майор Герасимов Н.Н. назначен командиром того же полка.

После выхода из окружения направлен в 371 СД.

31.05.1942 как начальник 1-го отделения штаба 371 дивизии награжден Орденом Красной Звезды.

04.08.1943 Орден Отечественной войны I степени

20.07.1944 Орден Отечественной войны 2 степени

15.02.1945 Орден Красного Знамени

03.11.1944 – Медаль «За оборону Москвы»

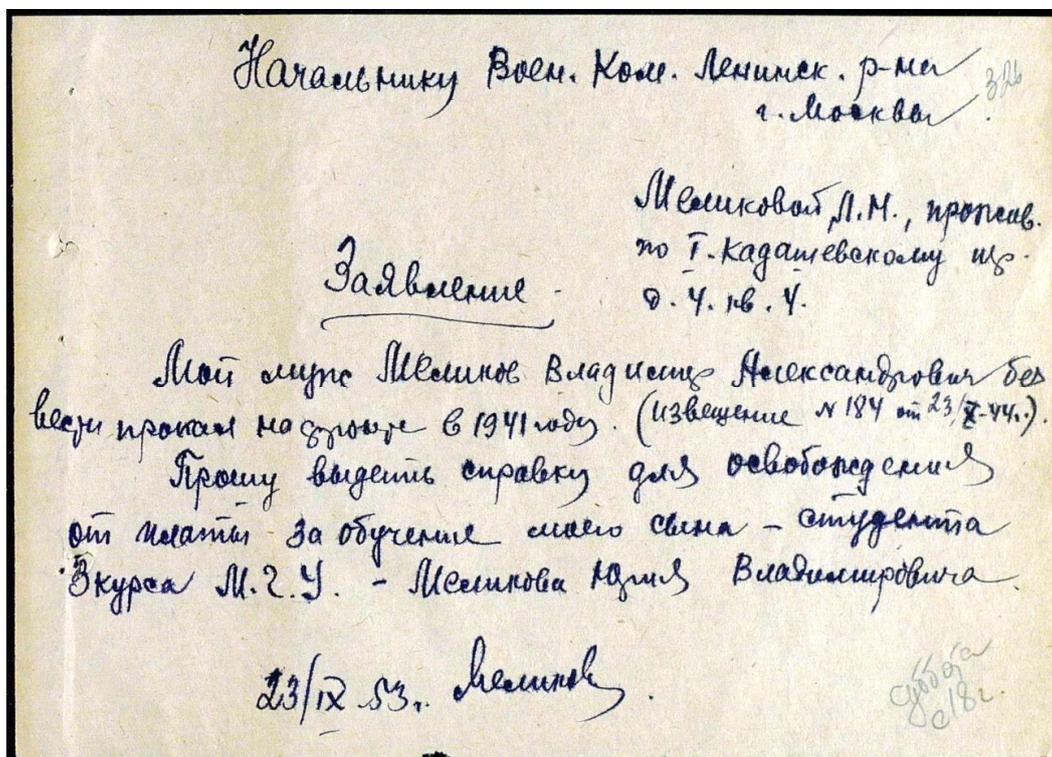
31.05.1945 года – орден Кутузова 2 степени.

³² https://pamyat-naroda.ru/heroes/?last_name...
<http://podvignaroda.ru/?#id=1505803622&tab=navDetailManCard>
<http://smolbattle.ru/threads/2-МСДНО-2-Московская-стрелковая-дивизия-народного-ополчения-Сталинского-района.36027/>

09.1945 - Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Войну закончил в Берлине. Начальник штаба 40 стрелкового корпуса.

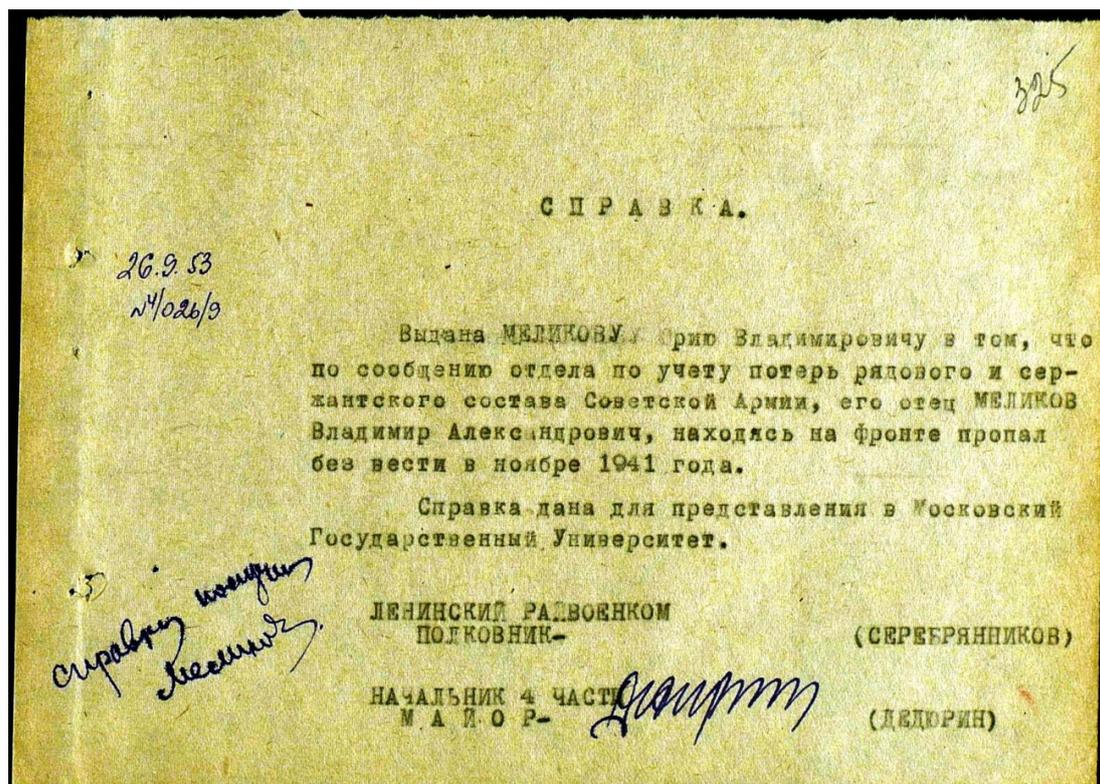
23 октября 1944 года Меликова Л.Н. получила из РВК Ленинского района Москвы Извещение о том, что её муж, Меликов Владимир Александрович, находясь на фронте, пропал без вести в ноябре 1941 года (см. Главу 1).

Извещение служило основанием для возбуждения ходатайства о пенсии. Пенсия на двух детей была назначена в сумме **180 рублей с 1 ноября 1943** года по 4 сентября 1949 года до достижения старшим сыном возраста 16 лет. Этими деньгами оплачивались продукты, выдаваемые по карточкам, на двух малолетних детей по нормам, приведенным выше. Покупать продукты в появившихся в то время коммерческих магазинах и на рынке семье ополченца, как и всем обычным жителям Москвы, было не по карману – цены там превышали государственные в 20 – 40 раз.

Напомню или скажу тем, кто не знает, что обучение в высших учебных заведениях в послевоенное время было платное.

Освобождение от оплаты касалось детей погибших на войне. Старший сын Юрий окончил среднюю школу с золотой медалью и поступил в Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова на физический факультет. Так вот для получения такого освобождения было написано соответствующее прошение в военкомат, выдана справка о пропаже отца без вести, на основании которой и было получено освобождение от платы за обучение.

Учёба Юрия в МГУ прошла успешно и закончилась дипломом с отличием в 1956 году.

Забвение всей 2-й ДНО коснулось и 1284 полка. До недавнего времени место последнего боя 1284 полка не было отмечено каким-либо памятным знаком.

Но вот 6 мая 2016 года, накануне Дня Победы, поисковый отряд «Победа», г.Железнодорожный Московской области, командир Владимир Шульга, у деревни Бухоново (ныне не существующей) своими силами установил Памятный Поклонный крест в память бойцов этого полка, а 10 сентября отряд разместил на кресте медальоны с фотографиями и списки некоторых пропавших без вести бойцов 1284 полка, в том числе Владимира Александровича

Меликова, а также списки погибших бойцов полка, призванных в Петушинском районе Московской (ныне Владимирской) области, и местных жителей. На этом, можно сказать, завершилась эпистолярная хроника жизни Московского ополченца 1941 года Владимира Александровича Меликова.

Родственники ополченцев у Креста.

Медальоны А.Эйделъштейна и В.А.Меликова

ЧАСТЬ 2. Послевоенное житьё-бытиё

Глава 5. Проблески памяти о послевоенном детстве³³

(Слово старшему сыну ополченца Юрию)

<...> Когда я учился в пятом классе, мне выдали пришедшую в нашу школу бесплатную путевку в знаменитый всесоюзный пионерский лагерь «Артек» на южном берегу Крыма с 1 апреля по 25 мая 1946 года. Ехал я туда с группой московских ребят поездом в течение 2,5 суток, в дорогу мама собрала мне целый мешок продуктов. После окончания войны прошло меньше года, и функционировала лишь часть большого артековского комплекса - Верхний лагерь. Во время войны южный берег Крыма оккупировали румынские войска, в Нижнем лагере на самом берегу моря они устроили конюшни, а в Верхнем лагере была резиденция румынского диктатора Антонеску, который спешно бежал на гидросамолете от наступающих частей нашей армии, поэтому этот лагерь уцелел.

Через неделю пребывания в лагере я заболел свинкой и значительную часть смены провел в изоляторе. Чувствовал я себя неплохо, тут была небольшая группа ребят и вожатая, мы гуляли по парку и окрестностям, да к тому же не учились (поскольку лагерная смена приходилась на учебный год, несколько часов в день артековцы учились).

На работах по приведению лагеря в порядок использовались пленные немецкие солдаты под руководством своих офицеров, они приносили на кухню изолятора дрова, за что поварихи их подкармливали. Помню, что неприязнь у нас вызывали только немецкие офицеры, которые вели себя высокомерно, ходили с руками за спину и покрикивали на работающих солдат. Не припомню, чтобы я видел там наших конвоиров.

Остаток смены я провел со своим отрядом, мы ездили на катере к двум знаменитым скалам Адоларам, ходили на гору Аю-Даг, похожую на огромного медведя, пьющего воду из моря. Поскольку море было еще холодным, мы не купались, а только брызгались водой. Пионервожатые мужчины были, как правило, фронтовики,

³³ Семейный архив Меликовых

получившие ранения и присланные в «Артек» фактически на отдых. В нашем отряде вожатым был моряк, лишившийся руки, поэтому нашей отрядной песней он предложил сделать известную в те годы песню «Прощайте, скалистые горы». На обратном пути на одной из остановок поезда я купил на оставшиеся карманные деньги большую связку фиолетового лука маме в подарок.

В 1947 году была отменена карточная система и проведена денежная реформа с обменом денег в соотношении 10:1, кроме звонкой монеты, которая за некоторое время до обмена начисто исчезла из обращения. Помню, в трамвае, на котором я иногда ездил в школу, кондуктор брала с каждого пассажира вместо 15 копеек 1 рубль, не давая сдачи и не позволяя платить одному за несколько человек. И до отмены карточек существовала свободная продажа продуктов в так называемых коммерческих магазинах, но цены в них были фантастические.

В школе я каждый класс оканчивал отличником, получал, начиная с четвертого класса, похвальные грамоты. В те годы в школе № 7, которая до войны официально называлась образцовой, еще сохранялся сильный контингент учителей. Мне повезло иметь по трем основным предметам великолепных учителей. Русский язык и литературу преподавала Надежда Ивановна Ускова (сестра известного тогда тенора Анатолия Ивановича Орфенова), которая с 5 по 8 классы была нашим классным руководителем. Она много сделала для нашего духовного развития. В мрачно-тревожное время конца 40-х годов она решилась и получила «добро» на издание рукописного (несколько экземпляров на машинке) ученического литературного журнала «Товарищ», который просуществовал несколько лет. Конечно, влияние времени сказалось и на этом неординарном начинании: один номер журнала в 1949 году целиком состоял из наших сочинений о Сталине в связи с его 70-летием. Я, помню, «вымучивал» тему «Сталин в песнях советского народа».

В 9 классе я устроил забастовку на уроке литературы, когда мы проходили роман И.А.Гончарова «Обломов», и нам была предложена для классного сочинения тема (вообще-то свободная) «Ветка сирени». Я, единственный в классе, отказался писать, весь урок просидел без дела и заработал, конечно, двойку. Сейчас мне трудно

сформулировать мотив такого моего поведения, я почему-то посчитал себя оскорбленным предложением писать на эту тему. Потом, правда, я «закрыл» эту двойку пятерками, так что она не отразилась на итогах года.

Преподаватель физики Константин Михайлович Успенский определил направление всей моей дальнейшей жизни, пробудив любовь к этой науке. Он сочетал умение ясного показа сущности явления, высокую требовательность к ученикам и корректность в обращении, соблюдая в то же время большую дистанцию между нами и собой, чем, к примеру, Надежда Ивановна. На часто проводимых контрольных работах он давал предельные нагрузки, задавая по 8-10 задач и вопросов, чтобы успеть ответить на которые, нужно было строчить без остановок. В 9-10 классах он был и нашим классным руководителем. В 10 классе мы под его руководством устроили физический вечер в актовом зале с демонстрацией большого количества опытов. За жидким азотом мы обратились в Институт физических проблем, где чл.-корр. АН А.И.Шальников предоставил нам для его доставки свою машину, а потом и сам пришел на вечер. Это неординарное событие прогремело по всем окрестным школам. Об уровне требовательности Кости, как мы называли между собой своего физика, говорит тот факт, что практически все «новенькие», приходившие в наш класс из других школ, не выдерживали его контрольных работ и вынуждены были уходить. Первыми учениками по физике в нашем классе были я и Владик Кресин, с которым мы, негласно соперничая, шли «нос в нос».

Математику в старших классах у нас вел Александр Федорович Королев (он носил бородку, и мы его между собой беззлобно звали «Козел»), старый интеллигент, великолепный преподаватель, строгий и корректный. Однажды я с несколькими ребятами побывал у него дома, когда он болел, и мы были поражены видом его комнатки, стены которой были скрыты стеллажами с книгами. Он жил один и был, видимо, старый холостяк. Как-то раз на уроке геометрии он нас порядком удивил, когда при изложении различных способов доказательства теоремы Пифагора ему не хватило доски, и он невозмутимо продолжал писать и рисовать на стене. На контрольных работах он сажал каждого на отдельную парту (в 10 классе нас было

всего 19 человек) и требовал раздвинуть парты. При этом мы, прежде чем установить нужную диспозицию, ездили по классу на партах, сталкивая их между собой.

Преклонного возраста учителей химии и черчения, которые хорошо вели свои предметы, мы в лицо называли дядя Вася и дядя Володя, не могу сказать, когда появилась эта традиция, но они не протестовали. В середине 9 класса, последнего года изучения географии, в школу пришел преподавать географию бывший фронтовик Аркадий Сергеевич Волков, который, уже после моего окончания школы, стал ее директором. Он сразу поднял авторитет своего предмета, предлагал отвечать по контурной карте, на которой отсутствуют названия, а то и вообще стоя спиной к карте.

Изучение биологии в 8 классе пришлось на 1948-49 годы, время оголтелой лысенковщины и затаптывания генетики, объявленной лженаукой. Слова «вейсманисты, менделисты, морганисты» были ругательными. Определяющую роль, по Лысенко, играет окружающая среда, а не наследственность. Помню, у меня тогда возник «криминальный» вопрос: почему у лошади всегда рождается жеребенок, а не кто-либо другой, в зависимости от условий, в которых живет лошадь? Однако озвучивать и прояснять этот вопрос я благоразумно не решился.

Летом перед 10 классом и осенью я в течение 3 месяцев занимался академической греблей в экипаже «восьмерки», который набрал из учеников нашей школы Игорь Демьянов - многократный чемпион страны на «одиночке», выпускник нашей школы. Лодочная станция была на «стрелке», в месте, где от Москвы-реки отходит Канава (там сейчас возвышается громадина памятника Петру). Было очень здорово резать воду Москвы-реки на самой быстрой из всех видов академических лодок, но учеба заставила бросить это увлекательное занятие.

При окончании школы мы сдавали 10 выпускных экзаменов и были рады, что нам первым не пришлось сдавать самый сложный экзамен - диктант, который был отменен. Помню, на одном из экзаменов по математике член экзаменационной комиссии Артем Сергеевич Оганов, преподававший в параллельном классе, закадычный приятель нашего «Козла», тоже старый холостяк,

заставил меня «поплавать». Он спросил, что такое тангенс? Я, конечно, дал определение тангенса, оно его не устроило, и какие только пояснения я ни предлагал - все не то. Оказывается, нужно было ответить, что тангенс - это число. Однако на оценку наша «дискуссия» не повлияла. Возможно, этот вопрос играл роль «шпильки» в адрес приятеля Артема, нашего преподавателя Александра Федоровича. Школу я окончил с золотой медалью.

В старших классах школы началась моя дружба с Юрой Гончаровым, которая развивалась и крепла в университетские годы. Как я уже говорил, школа № 7 была мужской. Общение с девочками происходило на вечерах с танцами. Кстати, печальной памяти мрачное время конца 40-х годов наложило свой отпечаток и здесь: в ходе кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», инициированной Сталиным, попали под запрет так называемые «западные» танцы - танго, фокстрот и, в какой-то степени, даже вальс. Помню, одно время у нас в школе был кружок танцев, так преподавательница разучивала с нами только бальные танцы - полонез, падекатр и т.п. На вечерах в школьном радиоузле крутили, конечно, пластинки и «запрещенных» танцев, например, написанные в стиле танго довоенные «душещипательные» песенки наших композиторов в бесподобном исполнении Георгия Виноградова - «Счастье мое я нашел в нашей дружбе с тобой...», «Вам возвращая Ваш портрет, я о любви Вас не молю...» и другие. Наша школа кооперировалась с женской школой № 8, находившейся на Большой Калужской улице, девочки приходили на наши вечера, мы ходили к ним. В этой школе училась внучка нашего чертежника дяди Володи (Владимира Федоровича Захарова, бывшего художника-декоратора Большого театра), очень красивая. Установилась традиция провожать ее после вечера домой на Ленинские (Воробьевы) горы, где она жила в деревянном домишке (на территории нынешнего комплекса Московского университета тогда еще сохранялись несколько деревень), целой толпой ребят. Помню, во время одной из таких прогулок мы обсуждали начавшуюся в 1951 году корейскую войну. Устойчивых симпатий к девочкам у меня не возникало.

Скудость материальных возможностей нашей семьи не позволяла ходить в кино так часто, как ходило большинство ребят, в

том числе и на нашумевшие фильмы. По этой же причине у меня не было лыж (после маленьких детских довоенного времени). Помню, первый раз я встал на лыжи для сдачи норм ГТО (готов к труду и обороне) в 10 классе на лыжной базе в Сокольниках. Зато в студенческие годы, беря лыжи на прокат на базах в Сокольниках и Измайлове, я наверстал упущенное. Собственные лыжи мы с Ирой купили на одну из первых своих зарплат.

Светлые воспоминания оставили поездки после 6, 7 и 8 классов в пионерский лагерь от районного отдела здравоохранения (по линии работы мамы), который находился на реке Наре, южнее Нарофоминска, где начальником лагеря был неординарный человек Михаил Борисович Ценципер, хирург по профессии. Лагерь был небольшой, меньше 100 человек, жили мы в больших армейских палатках, в маленьких домиках помещались в одном медпункт и склад, в другом кухня, столовая находилась на открытом воздухе, под навесом.

Режим в лагере был одновременно демократический и строгий. Всем заправлял Ценципер: по утрам устраивал подъем, звоня в гонг или со свистком обходя палатки, под его предводительством ездили в лес с местным лесником (ему ставилась бутылка) за дровами, используя машину, которая привозила нам продукты, напролом через заросли продираясь к штабелям дров. Когда машина с продуктами в назначенный срок не приезжала, мы затягивали пояса, зато ее приезд бывал праздником. Он же проводил интересные и живые беседы со старшими ребятами, например, на тему «В чем счастье жизни?». В результате анализа разных вариантов ответа - любовь, слава, богатство - убедительно получалось, что оно в труде.

Ценципер привлек в качестве физрука талантливый мужика, но горького пьяницу, беря его на лето под честное слово быть в течение всего лагерного периода трезвым «как стеклышко», и это слово тот, как ни странно, сдерживал. Его звали Петр Георгиевич Севастьянов, был он рыжий, волосатый, прямо сгусток энергии, мы его прозвали Себастьян Перейра (по Жюльо Верну). Он водил нас в походы, устраивал соревнования по баскетболу, волейболу, футболу, городкам. Ко всему этому я приобщился в лагере. Там же я научился плавать: дядя Петя (как в лицо мы звали нашего Себастьяна Перейру)

просто забросил меня на середину неширокой в тех местах Нары, где была глубокая яма, по-видимому, воронка от снаряда, и, хочешь, не хочешь, а пришлось выплывать. Дядя Петя возглавлял экспедиции за раками, когда мы шли против течения по колено в воде, высматривая клешню или усы спрятавшегося под камнем рака, и быстрым движением хватали его, накрывая ладонью сзади, чтобы он не успел рвануться назад в результате сильного гребка хвостом, и не ухватил своей клешней за палец. Потом мы жарили раков на костре.

У Ценципера была очевидная тяга к педагогике в широком смысле этого слова. Уже после школы я видел его выступления по телевидению, видел также изданные им книжки на темы юношеского воспитания, он стал кандидатом педагогических наук. Для меня, выросшего без отца, Михаил Борисович был первым учителем жизни, школа его лагеря, в котором я три года проводил большую часть лета, в совокупности со школой быта военного времени, создали, выражаясь громкими словами, основу, на которой я формировался как человек...

(Дальнейшая жизнь Юры связана с Московским государственным университетом (МГУ) имени М.В.Ломоносова. Окончив МГУ в 1956 году и отработав несколько лет (в обязательном порядке по распределению) в одном из московских авиационных предприятий, он вернулся в МГУ уже научным работником. МГУ определил всю его последующую творческую и преподавательскую деятельность: кандидат физико-математических наук (1966), доцент, доктор физико-математических наук (1985), профессор физического факультета МГУ (1993-2003), зам. заведующего кафедрой физики атомного ядра и квантовой теории столкновений физического факультета (1975–2003), зам. председателя кандидатского диссертационного совета, сотрудник Института ядерной физики при МГУ, Лауреат государственной премии СССР (1972) – И.М.).

Глава 6. Из писем к внуку. Курский суворовец³⁴

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

А.С.Пушкин

Предисловие

Давно я хотел написать какие-нибудь воспоминания о своей жизни, конец которой уже не за горами, чтобы хоть что-то осталось в памяти семьи, в первую очередь – в памяти внука Никиты, о его предках, не только близких и живших с ним в одно время, но и о тех, кого он знал только по упоминаниям в редких и коротких разговорах с ним. Хотел, хотел, да все как-то недосуг. А тут попал как-то в больницу с сердечными непонятными делами, и время какое-то нашлось среди безделья и чтения чего ни попади в руки.

Поводом для написания настоящих воспоминаний послужил телефонный разговор в феврале 2012 года с Петром Алексеевичем Михиным, моим учителем математики по Курскому суворовскому военному училищу, с которым меня связывает многолетняя, вот уже 67-летняя (!), дружба. Да, я могу это сказать – дружба, несмотря на разность в возрасте, на мою ученическую подчиненность ему как учителю в бытность суворовцем, несмотря на то, что он был активным участником Великой Отечественной Войны, прошедшим ее на передовой все три с половиной года, отмеченным многими боевыми наградами и ранениями, а я – только дитя войны, попавшее в его хорошие, добрые и профессиональные руки в тяжелые послевоенные годы.

Так вот в телефонном разговоре Петр Алексеевич сказал, что, оказывается, существуют два выпуска Вестника Дальневосточных кадет (2005 и 2007 г.г.), о которых я и не подозревал, и готовится к изданию третий. Он дал координаты вдохновителя и организатора создания этих уникальных книг Виктора Владимировича Круглова, после разговора с которым, я и решил проявить свое скромное

³⁴ Газета «Кадетское братство», ноябрь, декабрь, 2013

посильное участие в деле «увековечения» памяти о жизни послевоенных мальчишек в стенах Курского суворовского военного училища.

Конечно, эти воспоминания носят сугубо частный – и личный и временной – характер. Но, как мне кажется, это может вдохнуть свежую струйку в череду других, возможно, более масштабных и литературно грамотных, описаний нашего кадетского прошлого, знание которого будет полезно и исторически любопытно современному «младому и незнакомому племени» кадет (суворовцев, как мне больше нравится называть наше сообщество).

Перед тем, как перейти к описанию именно суворовского жития-бытия, представляется уместным упомянуть о моей семье, о моем досуворовском детстве, без чего рассказ был бы неполным и непонятным в контексте истории конкретного маленького суворовца, впервые оказавшегося вдали от дома, в незнакомой для обычного московского мальчика военизированной среде. Если кому-то покажется эта часть затянутой, а то и лишней для тематического изложения существа вопроса, я нисколько не обижусь и буду рад тому, что читателя заинтересует дальнейшее изложение материала.

Жизнь семьи Меликовых до и во время войны

Мои родители родились в Москве: мама Панина Любовь Никитична 29 сентября 1902 года, а отец Меликов Владимир Александрович 24 сентября 1903 года. Примерно в 1930 или 1931 году (я точно не знаю) они поженились. Работали вместе бухгалтерами. Имели только среднее профессиональное образование, были обычными советскими служащими-интеллигентами. От той довоенной поры осталось несколько патефонных пластинок.

В 1933 году 4-го апреля у них родился сын, его называли Юрием, а 10-го января 1939 года у них родился второй сын, которого они называли Игорем - это был я.

И так наша семья – мама Люба, папа Володя, сыновья Юра и Игорь, жили до начала самой страшной для всей нашей страны войны с немцами, вернее с фашистской Германией, которая началась 22 июня 1941 года. В это время Юре было восемь лет, а мне всего два

года и шесть месяцев. От тех времен осталась наша семейная фотография (приведена в Главе 1), где мы все, единственный раз, запечатлены вместе – всей нашей маленькой семьей. Как мне рассказывали, те, кто видел это фото, говорили, что я на нем очень грустно выгляжу: как будто что-то предвижу...

Отец не был в то время военным, хотя с ноября 1926 г. по декабрь 1928 г. отец служил в Красной Армии: 4-й Украинский Краснознаменный полк 6-й дивизион, гор. Одесса (из автобиографии).

На момент начала войны ему было 38 лет, но он добровольно пошел в Московское ополчение. Как он говорил (по словам моей мамы) – если я не пойду защищать своих детей, то кто их защитит? И таких невоенных людей было очень много на фронте, на войне. Та же писательская рота, в составе которой был писатель Борис Рунин, оставивший свои воспоминания под таким названием о Московском ополчении 1941 года.

Не так давно, уже намного пережив по возрасту отца, мы с братом задались вопросом: почему отец, имея двух малолетних детей и неработающую в связи с этим жену, пошел в ополчение, хотя ему, как главному бухгалтеру треста, была предоставлена так называемая «бронь» - освобождение от призыва в действующую армию, оставив семью практически без средств к существованию? А ведь он очень любил и жену, и детей, и в письмах с фронта просто разрывался от этой любви. (О его фронтовых письмах Глава 4). Что это, ослепление всеобщим патриотическим порывом, невозможность отстать от остальных сослуживцев, хотя и более молодых, чем он? Нам не понять. Мы оставили этот вопрос без ответа...

Отец попал во 2-ю дивизию народного ополчения Сталинского района Москвы, которая была сформирована 6-7 июля 1941 г. Командиром дивизии был генерал-майор Вашкевич Владимир Романович. Ему удалось вырваться из окружения под Вязьмой, и после войны он написал воспоминания о формировании дивизии и о коротком ее боевом пути в 1941 году.

В это время, осенью 1941 года, погибло очень много наших бойцов. Где-то погиб и мой отец, но где – неизвестно. Мама писала письма в разные организации, но никто о нем ничего не знал.

1284 полк, в котором служил отец (в хозяйственном взводе) был оставлен на реке Вязьме для прикрытия прорыва 19-й армии... Только небольшой части полка удалось выйти из окружения и присоединиться к своим войскам. Это было 11 – 12 октября 1941 г. Значит, ему не удалось...

Так вот и осталась мама в самом начале войны (а длилась она четыре года!) одна с двумя маленькими детьми. Предлагали ей уехать куда-нибудь вглубь страны из прифронтовой Москвы – это называлось «уехать в эвакуацию». Но она все ждала весточки от моего отца и боялась, что письмо придет в Москву по нашему адресу, а здесь никого не будет. Да и ехать куда-то одной с детьми, не имея ни работы там, ни дома, ни денег – неизвестно, было бы это лучше. Так мы и прожили втроем всю войну в своей комнате в коммунальной квартире небольшого двухэтажного (бывшего купеческого) дома № 4 в Первом Кадашевском переулке Москвы. Как раз напротив Большого Кремлевского дворца – через Москву-реку, Болотную площадь и обводной канал («Канаву»).

А немцы были близко от Москвы, и их самолеты бомбили Москву, особенно часто по ночам – ведь так незаметнее подлететь к Москве. Во время этих бомбежек всем надо было уходить в «бомбоубежище». Это такое место, где вроде бы можно было спастись, если бы бомба упала поблизости. Такое убежище было выкопано недалеко от нашего дома и сверху закрыто бревнами. По рассказам мамы, несколько раз мы ходили в убежище, которое располагалось в подвале соседнего большого дома. Но там было столько народу, негде было даже присесть, было душно от скопления людей, я плакал (это даже я, кажется, помню), и мама перестала ходить туда с нами. Ведь от попадания бомбы такие убежища вряд ли могли спасти, а завалить всех могло.

И мы оставались во время бомбежек в своей комнате. К нам присоединялись соседи и жившие на втором этаже бывшие владельцы этого дома, бывший купец и его жена. Узнав, что мы не ходим в бомбоубежище, они во время бомбежек стали приходить к нам – все-таки пониже и не так страшно одним.

Днем же Москва жила своей тоже военной жизнью. Организация отца, где до моего рождения работала бухгалтером и

мама, уехала из Москвы куда-то в другой город в эвакуацию, и мама, оставшись с нами в Москве, потеряла с ней связь и возможность работать там. А ведь надо было нас с братом, её бабушку и себя кормить как-то.

По рекомендации одной женщины-врача ее взяли на работу медицинской сестрой в школу и в детскую поликлинику. Так как у нее не было медицинского образования, ей пришлось вечерами ходить на учебу на курсы медсестер, а закончив их, работать уже законно.

Это была очень важная для нашей семьи работа, которая помогла нам на самом деле выжить. Ведь во время войны было очень трудно с продуктами, мылом, дровами и другими товарами. Многие места на территории страны, где их производили, были захвачены немцами. И поэтому были введены для всех «карточки», по которым можно было выкупить за деньги очень ограниченное количество товара. Значит, нужно было иметь и карточки и деньги. И то и другое просто так не давали, нужно было все это заработать!

Так вот мама, устроившись на работу, стала получать карточки, в том числе на хлеб, крупу и другие продукты, но всего этого было очень мало. На нас, детей, тоже выделяли детские карточки. А вот денег у мамы было очень мало – только то, что она зарабатывала медсестрой.

На детей погибших воинов выдавали денежное пособие (вроде пенсии). А наш отец, как я уже говорил, ведь пропал без вести, то есть он не считался погибшим. И вот в такое очень трудное и голодное время мама ради своих детей написала заявление с просьбой считать нашего отца погибшим, чтобы получать на нас с братом пенсию.

Не очень скоро, с 1 ноября 1943 года, но нам ее выделили. Была она всего 180 рублей на двоих при очень высоких ценах на продукты. Кроме того, нужно было выкупать, тоже по талонам, дрова для топки нашей жестяной комнатной печки «буржуйки». Помню, как мы втроем ходили на дровяной склад на ул. Ордынке, рядом с церковью. Отбирали и отмеряли кубометр дров длиной около метра, старались взять побольше березовых, но они были в дефиците, давали почти одну осину, которая и горела хуже березы и давала меньше тепла. Оплачивали, договаривались с мужиком, и тот на двуручной тележке

привозил дрова к дому. А пила и колка дров была уж отдельной процедурой...

И только вот такой, очень трудный, но спасительный для нас поступок мамы позволил нам продержаться в тяжелое время войны. А ведь она ждала отца – своего мужа – все время войны и после нее долгое время тоже. Но не дождалась, и мы остались жить втроем...

Послевоенное время

Мама поступила работать в школу медсестрой, а поликлиника оставалась ее второй работой, которую она частично делала дома по вечерам. Когда я уже после войны в 1946 году пошел в школу и научился читать, писать и считать, я даже немного помогал маме дома в ее работе – складывал в столбик какие-то цифры.

Мы с Юрой ходили в ту же мужскую школу № 7, в которой работала мама (в то время обучение детей было раздельное: девочки в одних школах, мальчики – в других). Так было легче следить за нами. После уроков я часто (да, наверное, почти всегда, если только не шел домой вместе с Юрой) оставался в медицинском кабинете у мамы, так как школа работала в две смены. А мама (одна или с доктором) должна была быть в школе до самого последнего урока. В школе мы с ней и обедали в столовой.

Летом во время каникул нас с Юрой нужно было где-то «проветривать», чтобы мы пожили за городом, отдохнули, набрались солнышка, чистого воздуха. Пока я не ходил в школу мы втроем, по моему, года два летом в мамин отпуск приезжали погостить - пожить бесплатно в деревню Рузино, недалеко от станции Крюково Октябрьской железной дороги. В этой деревне мама с папой и нами снимали до войны комнату в одном из деревенских домов у семью Трофимовых. Видно маму очень тянуло в те места, где когда-то до войны мы жили всей семьей и были счастливы. У хозяйки дома тети Шуры муж тоже был на фронте. И было у нее четверо детей.

Вот как-то уже после войны мама говорит: «Давайте съездим на разведку в Рузино – как там, что там». И мы поехали. Поехали на поезде – это сейчас ходят туда электрички, а тогда еще ходили поезда с паровозами. Доехали мы до станции Крюково, а потом надо было идти пешком километра четыре до Рузино.

Пришли, нашли дом, в котором жили до войны, увидели тетю Шуру, ребят. Нас узнали, вспомнили. Мама и тетя Шура заплакали, узнав о потере отцов и мужей. И сказала, чтобы мы обязательно приезжали отдыхать летом. У них была корова, а парное теплое молоко очень полезно было ослабленным после голодного времени детям. И мы года два, наверное, туда ездили летом.

Однажды маме удалось получить **целых две** путевки в пионерский лагерь – это было очень трудно. Ведь после войны не было под Москвой столько дач, участков с садовыми домиками, где можно было бы провести с детьми летние каникулы, а болтаться все лето в Москве, дышать жарой и выхлопными газами автомобилей для детей очень вредно.

Было это летом 1950 года, после того, как я окончил 4-й класс 7-й школы. И не просто окончил, а получил первую в моей жизни награду – Похвальную грамоту «за отличные успехи и примерное поведение». Пустячок, а приятно!

И мы поехали с Юрой в пионерский лагерь, он – в старший отряд, а я – в младший. Жили мы все в больших брезентовых палатках, длинных, человек на 40 – 50 каждая. Днем мы с Юрой занимались чем-то каждый в своем отряде: кто постарше – играли в волейбол, баскетбол, а кто младше – ходили на экскурсии по лесу и играли в свои младшие игры. А еще старшие ребята помогали поварам на кухне – собирали и рубили дрова, чистили картошку, помогали разносить еду.

Так вот однажды бродил я около кухни, искал Юру (а у него в это время были соревнования по баскетболу, но я не знал). Тут один взрослый мальчик, коловший дрова, попросил меня подержать за рукоятку топора, воткнутого в чурбак (это распиленный короткий кусок дерева, который можно было уже колоть топором), а сам стал бить по моему топору другим топором. Стучал, стучал, а чурбак возьми и расколись. Мой топор был не очень тяжелый, но я его от неожиданности не удержал, и он острием разбил чурбак и воткнулся в землю. А на земле стояли мои ноги в сандалиях, и краем острия топор попал на мой большой палец на левой ноге по ногтю.

И конечно поранил палец через ноготь, потекла кровь, все испугались, что, может быть, мне отрубили или ногу или палец,

побежали за медсестрой, а кто-то, зная, что у меня здесь старший брат, побежал за ним. Юра как раз играл в баскетбол. Прибежал весь красный, испуганный за меня, схватил, тут и медсестра прибежала — слава богу, все оказалось не так страшно, только ноготь разрублен. Смазали йодом, перевязали, Юра куда-то меня оттащил (то ли на мою кровать, то ли в санитарную часть). Очень я его испугал.

**КОМСОМ
ПРА**

Орган Центрального и Московского Коми

№ 150 (7708) | Воскресенье, 25 июня 1950 г.

ТВОИ МЛАДШИЙ БРАТ

ТЫ — СТАРШИЙ в семье. У тебя есть братья или сестры. Как выполняешь ты свои обязанности перед младшими? Всегда ли помнишь о своей кровной ответственности за их воспитание в коммунистическом духе?

«Мой старший брат!» — с какой гордостью и уважением произносит эти слова ученик московской школы № 7 Игорь Меликов.

— Я всегда радуюсь, глядя на братьев Меликовых, — рассказывает учительница Татьяна Родионовна Крюченкова. — Юра в этом году переходит в десятый класс, Игорь — в пятый. Отца у них нет, и Юра помогает матери воспитывать Игоря. Он заботливо следит за поведением брата дома, на улице, в школе, проверяет, как он приготовил уроки, советует, какие книги прочесть.

Юра очень любит Игоря, но никогда не потакает ему, если тот шалит или ленится. В этом учебном году Юра был членом школьного комитета комсомола, а Игорь — председателем совета отряда. И в общественной работе старший брат старался поддержать младшего, помогал ему наладить работу в отряде. Не удивительно, что Игорь души не чает в старшем брате, видит в нем лучшего друга.

Старший брат, старшая сестра! Твой долг — неустанно заботиться о том, чтобы младший рос трудолюбивым и стойким, мужественным и честным, скромным и правдивым человеком, настоящим советским патриотом, для которого благо Родины превыше всего.

цати лет. Ему очень хочется быть квалифицированным токарем или фрезеровщиком. Я собираюсь определить брата в этом году в определенное училище. Прошу сообщить адрес училища, где он мог бы освоить одну из этих профессий».

Истинная братская заботливость не имеет ничего общего со всепрощением. Подлинно любящие брат, сестра всегда предостерегут младшего от неправильного поступка, не скроют его вину, а помогут осознать и исправить ошибку. Любящие брат, сестра не станут решать за младшего задачу, чистить ему ботинки, выполнять то, что он обязан делать сам. Любить младшего — это вовсе не значит мелко опекал его, не давать ему и шагу ступить самостоятельно. Наоборот! Настоящая забота как раз в том и заключается, чтобы приучать детей к упорству, закалять их, воспитывать у них умение преодолевать трудности.

Долг старшего брата, старшей сестры — быть образцом для младших во всем: в учебе, в поведении, в отношении к родителям и товарищам, в общественной работе. Грош цена самому благоразумному твоему поучению, если ты сам не поступаешь так, как требуешь этого от младшего.

Советская молодежь счастлива тем, что у нее есть великие идеалы, великие жизненные образцы. Учиться, бороться, жить, как Ленин и Сталин, стремятся каждый советский юноша и каждая девушка. Думая о долге старшего брата, обратись к примеру Владимира Ильича Ленина.

В семье Ульяновых было шестеро братьев и сестер. Маленький Володя Ульянов много хорошего перенял от

Но, в конце концов, все обошлось, палец зажил, а на ногте образовался рубец, шрам, который не давал правильно расти новому ногтю. Он и сейчас немного остался. С тех времен сохранилась одна моя фотография, где я стою около большой вазы-клумбы.

Вот такие остались у меня воспоминания о пионерском лагере. А вообще там ребятам было весело, привольно, но и приучало к дисциплине, к товарищеским отношениям.

С Юрой мы жили очень дружно и спокойно. Не припомню никаких конфликтов. Скорее это его заслуга – ведь он на шесть лет старше меня и более отчетливо воспринимал нашу окружающую семейную действительность. Наверное, это было заметно и со стороны. О нас, скорее о Юре, и о наших взаимоотношениях даже было упоминание (аж на 28 строк) в передовой статье «Твой младший брат» газеты «Комсомольская правда» за 25 июня 1950 года.

В этой же статье был материал (чуть меньшего объема – на 18 строк...) о семье Ульяновых, о трогательном и ласковом отношении Володи к младшим. Вот так! Мы и до сих пор поддерживаем братские отношения, чаще по телефону, реже при личных и общесемейных встречах. И я действительно горжусь своим старшим братом, физиком, профессором физфака МГУ, лауреатом Государственной премии СССР и просто человеком и моим братом.

Накануне больших перемен в моей жизни

А где-то в середине августа 1950 года в один из «родительских» дней в пионерском лагере (это когда по выходным дням родителям можно было приехать повидать своих детей, покормить их сладостями, ягодами – кто, чем мог) мама спросила меня, а не хочу ли я учиться в Суворовском училище?

Для меня такой вопрос был очень неожиданным. Я иногда видел на улице мальчиков в черной форме, с широкими полосами красного цвета сбоку на брюках, в черных фуражках тоже с красной широкой полосой и черным блестящим козырьком. Они ходили по улице очень аккуратные, строгие и отдавали честь всем встречным военным. И те, даже настоящие офицеры, в ответ тоже им отдавали честь.

Вот такое предложение привезла мне мама. А попасть в Суворовское училище было очень трудно. Таких училищ было всего 7

или 8 в разных городах, а мальчиков по всей стране, оставшихся без отцов, погибших на войне – очень много. Кто-то, как мы с Юрой, учились в школе, потому что у нас была мама. Кто-то учился на рабочего в ремесленном училище, а кто-то, потеряв обоих родителей, остался совсем один или жил с дядей-тетей. Таких ребят, кто хорошо учился, и принимали в первую очередь в Суворовские училища.

Мой друг Вадим

Как же маме удалось получить такую возможность?

У меня был друг Вадик. Вадик был младше меня на два года. Жил он с мамой и папой недалеко от школы № 7, в которой работала моя мама. Родители Вадика до войны работали учителями. Сами они родом из Сибири, из Красноярского края. Так вот когда родился Вадик, у него оказалось очень больное сердце и его маме пришлось бросить работу и заниматься только ухаживанием за сыном. После нашего знакомства у меня установилась настоящая детская дружба с Вадиком. Это был умный, не по годам начитанный и интеллектуально развитый молодой человек. Мне было интересно и радостно общаться с ним и его родителями. К сожалению, в 1950-х годах еще не делали сложных операций на сердце, и Вадика не стало, когда ему исполнилось всего 14 лет...

Евгений Ефимович Корюков.
1950-е годы

А отца Вадика, Евгения Ефимовича Корюкова, еще перед войной с немцами призвали на службу в Армию. Он окончил военно-политическое училище, и его направили на войну с Финляндией в 1939 году. К началу войны с немцами в 1941 году он был уже военный политрук в артиллерийской части. Но воевал он как все артиллеристы – наводил орудия на цель, стрелял, командовал. На сохранившейся фотографии военных лет

(1944-1945 годов) он стоит вместе со своими боевыми товарищами с боевым орденом Красной Звезды на груди.

А всего у отца Вадика было четыре боевых ордена: Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красного Знамени и одна боевая медаль «За боевые заслуги».

К нашему сожалению, боевые ордена после смерти награжденного родственники обязаны были сдавать в военкомат, о чем есть отметка в сохранившейся орденой книжке. Остались только ордена Отечественной войны, медаль за Победу над Германией и юбилейные медали.

Так вот, отец Вадика ушел воевать на фронт, а мама с Вадиком остались в Москве. Когда пришла пора идти Вадика в школу, он пошел именно в школу № 7, где работала моя мама, потому что школа эта была довольно близко от их дома на улице **Якиманка**. Но так как он был очень болен, то ему часто приходилось отдыхать у моей мамы в медицинском кабинете. Там она и познакомилась с мамой Вадика.

Время шло, война в 1945 году кончилась, отец Вадика в звании майора (потом ему присвоили звания подполковника и полковника), слава Богу, живой, хотя и с ранениями, вернулся в Москву и стал работать в Главном Политическом Управлении Армии, которое как раз и начало заниматься организацией Суворовских училищ, набором учеников в них и контролем за работой училищ. Как-то в разговоре между нашими мамами это выяснилось, и отец Вадика, зная наше тяжелое материальное положение (брат Юра учился в это время в

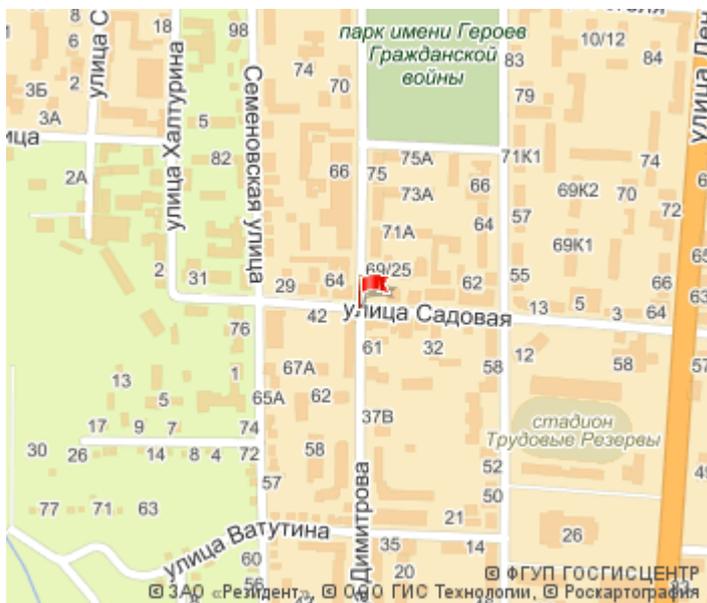
Игорь Меликов, лето
1950 года

десятом классе), предложил моей маме попробовать оформить меня на учебу в одно из таких училищ, на государственное обеспечение. Вот так и познакомились наши семьи.

Во время приезда мамы ко мне в пионерский лагерь летом 1950 года она и задала этот вопрос мне. Я с радостью и интересом согласился, хотя боязно было уезжать из своего дома, от мамы, в чужой и незнакомый город Курск, к чужим людям, в незнакомую обстановку военного училища, о котором я только и знал по красивой форме.

Суворовец Меликов

Итак, мне предстояло ехать с мамой в Курск, поступать в

суворовское училище. Был конец августа 1950 года. Не помню, как мы собирались, а вот первый день, как приехали, запомнился. Поезд Москва-Курск шел тогда почти всю ночь. Приехали утром. Разыскали училище на улице **Садовой**. Помоему, двух или трехэтажное здание из

красного кирпича. Собрали нас, нескольких приехавших мальчиков, дали нам командира – сержанта по фамилии **Ходаркевич** (вот ведь вспомнилось!), и он повел нас в баню. Там мы вымылись, выдали нам форму (обмундирование): белье, гимнастерку с красными погонами, брюки с широкими красными лампасами сбоку по всей длине,

Первое суворовское фото

фуражку с красным околышем (пояском) – все черного цвета. Да, еще, конечно, кожаный, широкий ремень с латунной блестящей пряжкой со звездой, которым нужно было подпоясать гимнастерку, и черные кожаные сапоги. Брюки полагалось заправлять в сапоги, но мы пока не стали этого делать. Баня была недалеко от рынка, на котором находилась фото-забегаловка. Конечно, нам захотелось сфотографироваться, и вот эта первая моя фотография в суворовской форме сохранилась у меня в домашнем альбоме.

Скорее всего, этим же вечером уехала в Москву мама, а я остался один-одинёшенек, в незнакомой обстановке, среди незнакомых мальчиков, под командой незнакомых военных. Показали каждому из нас наши кровати, застеленные зелеными шерстяными одеялами, около которых стояли деревянные, коричневые табуретки и тумбочки для хранения зубных принадлежностей, щеток для обуви и одежды. Не скажу, что было очень весело, скорее наоборот – грустно и ночью даже хотелось поплакать. Помню, что, ложась спать, я про себя (в уме) сказал: «Спокойной ночи, мамочка, спокойной ночи, Юрочка». И вот эта мысленная фраза как-то успокоила, и я ее потом часто, если не почти всегда, говорил перед тем, как заснуть.

Зима 1950 года

А утром мы все проснулись от громкого крика: «Подъем!». Это так нас разбудил дежурный сержант. Одеть нам разрешили только брюки и ботинки и голых сверху, строем по два человека в ряд, повели нас на улицу, на первую зарядку. Хотя был конец лета, утром было прохладно, особенно для нас, малышей, не привыкших к такой утренней прогулке. Все съежились, задрожали от ветерка. И тут нас стали разогревать. Сначала мы шли строем, потом нам скомандовали: «Бегом марш!» - и мы побежали. Почти все (особенно некоторые из москвичей) скоро устали, задохнулись, но зато согрелись. И после такой пробежки нам стали показывать упражнения зарядки, а мы, кто как умел, стали их выполнять. С годами, наверное, упражнения, может, и менялись, но вот с тех пор я и делаю зарядку утром каждый день. Зимой мы тоже выходили на зарядку, правда в гимнастерках и шапках, но каждый день.

После умывания, опять строем, мы пошли в столовую, потом в класс на первые занятия. И так строем всюду мы и ходили. Сначала было непривычно, ноги не попадали под общую команду «раз-два», но потом научились ходить и под команду, и под строевые песни, которые разучивали и распевали хором на ходу.

Не могу не остановиться на нашем суворовском воспитании. Если посмотреть на фото обеденного стола на четыре персоны,

Наша столовая

покрытого белоснежной скатертью, то можно отметить на нем не только столовые приборы, набор закусок (селёdochка с луком), тарелок для первого, кастрюлю с супом и стаканы с компотом на блюдцах, но и белые накрахмаленные салфетки в мельхиоровых ободках! И это для мальчишек в основном из маленьких городов и деревень,

никогда даже не видевших такой роскоши. Да и мы – москвичи – не были приучены к такому.

А наши обязательные уроки танцев! Кто придумал такое эстетическое воспитание для суворовских училищ в лихую военную и послевоенную пору? Думаю, у всех бывших суворовцев навсегда осталось воспоминание этого ненавязчивого, но обязательного приобщения к культуре. Дальше еще будет разговор о музыке в нашей суворовской жизни.

Мы были самые младшие в училище, и остальные бравые суворовцы казались нам намного старше, потому что вели себя уже по-военному. Нас было три класса человек по 25 в каждом. Классы

Офицер-воспитатель 2-го отделения Жилиев Алексей Дмитриевич

назывались **отделениями**. Три отделения составляли роту. Командиром нашей роты был подполковник **Коломенский Анатолий Степанович**. Конечно, запомнились мои первые офицеры-воспитатели (так их называли). Я попал во второе отделение. Нашим командиром был майор (потом подполковник) **Жилиев Алексей Дмитриевич**.

Он немного был на войне, а после ранения его, как бывшего учителя, назначили на службу в наше училище. Был он полноват,

но во время своего дежурства по роте ему тоже приходилось вместе с нами и зарядку делать, и пробежки. Офицером-воспитателем первого отделения был капитан **Костюкевич Николай Викторович**, третьего отделения – капитан **Чихалов (И.О.-?)**.

А начальником училища у нас был генерал-майор инженерных войск **Алексеев Николай Иванович (17.12.1898-12.08.1985)**.

Начальник Курского СВУ Алексеев Николай Иванович

Кстати, в предыдущий период времени, с 1946 г. по 1951 г., начальником училища был еще один генерал, тоже **Алексеев, Зиновий Нестерович**. Но столь высокое начальство мы видели редко, по праздникам, да еще иногда на наших трудовых уроках.

Не могу не привести найденные в интернете сведения о житейском, военном, боевом и писательском пути нашего генерала.

Справка: Военный педагог, генерал-майор инженерных войск Алексеев Н.И. родился 17.12.1898 г. в городе Петербурге в семье дворника. Рано осиротел, рос и воспитывался у родственников в деревне Гусева Гора Гдовского уезда. В 10-летнем возрасте пошел на свой хлеб: был сначала учеником, подручным электромонтера, затем электромонтером в технических конторах Петербурга, на трикотажной фабрике «Керстэн» и Обуховском заводе. Окончил городское училище и двухклассную рабочую вечернюю школу.

С августа 1915 г. служил в старой русской армии; воевал на Западном фронте - в Белоруссии и на Юго-Западном - в Галиции. Принимал участие в революционных событиях в Петрограде, в Великой Октябрьской революции. После роспуска старой армии (1918) работал электриком на тормозном заводе «Вестингауз».

Сорок лет (с октября 1918) служил в Советской Армии в инженерно-саперных частях, пройдя путь от рядового бойца до генерал-майора инженерных войск. Участвовал в борьбе с интервентами на Карельском фронте, в освобождении Белоруссии от польских оккупантов (1920), в боях на Хасане. Окончил курсы

усовершенствования командного состава (1928), ВАК при Военно-инженерной академии (1935). В 1933 — ст. инспектор Инженерного управления РККА.

С начала Великой Отечественной войны – начальник отдела кадров 3-го Белорусского фронта. В 1945-1951 – начальник отдела кадров Белорусского ВО, затем – Группы советских оккупационных войск в Германии, затем – Одесского ВО. В 1951-1958 – начальник Курского (Дальневосточного) суворовского военного училища. В 1958 уволен в запас.

Награжден орденами Ленина (дважды), Красного Знамени (пять раз), Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени (дважды), "Знак Почета", медалями, Крестом Грюнвальда (ПНР), боевым знаком "Хасан".

Литературную работу начал в 1939 г. с очерков, которые публиковались в армейской печати. Автор романов «Яков Железнов» («Советский писатель», 1946, 1985), «Испытание» (Курск, 1957), "Сухарь", повесть (Минск, 1971), «По зову сердца» («Мастацкая літаратура», 1974), "Осколком оборванная жизнь" (Минск, 1978) и пьесы «Сестра Варвара» (поставлена в 1961). В книгах изображены события первых месяцев войны, запечатлен боевой путь командира дивизии и его соратников – офицеров и солдат. Заслуженный работник культуры Белорусской ССР (1980).

Вот, оказывается, какой был у нас начальник !

Наш учебный корпус

В корпусе на улице Садовой у нас были спальни, а в учебный корпус, располагавшийся на улице Халтурина, нам приходилось ходить строем.

Наша люстра

В 1954 году училище переехало в новое здание на улице Блинова. В этом корпусе, кроме учебных классов, был зал (актовый), в котором висела знаменитая люстра: по виду – как хрустальная, а на самом деле она была сделана из нанизанных на проволочки кусочков от медицинских ампул, выпускавшихся

городским стекольным заводом. Мне помнится, что мы тоже участвовали в ее создании...

А в холле перед актовым залом висела копия известной картины Ю.Непринцева «Отдых после боя» по мотивам поэмы А.Твардовского «Василий Теркин» (книга про бойца).

Ю.Непринцев. Отдых после боя

Привалюсь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

Кстати, все фотографии в моем архиве – любительские, то есть мы сами фотографировали, проявляли пленки, печатали карточки, обрезали их специальным резакom с фигурным лезвием.

Первая фотография

Помню, первый простенький аппарат «Смена» купил **Сергея Шумаков**, и самая первая фотография группы ребят на фоне классной доски тоже есть. Там даже на доске написано число, когда она была сделана – 3 октября 1954 года. На этой фотографии:

в первом ряду слева направо:

Омельчук Михаил, Леонов Анатолий, Меликов Игорь, во втором ряду слева направо: Борисов Владимир, Савельев Эдуард, Полукаров Борис, Шумаков Сергей, Кубрушко Александр, Кривченко Виктор.

Раз уж я упомянул некоторых суворовцев на этом снимке, самое время привести бы весь (или почти весь) состав отделений нашей роты, укоренившийся в моей памяти благодаря ежедневной, и не одной, переключке при построениях. Ну вот, вспомнил только 17 из 23-25 суворовцев второго отделения. Тогда я связался с двумя одноротниками-москвичами **Гапоненко Николаем** и **Прудниковым Валерием** из первого отделения. С их помощью восстановили почти весь ротный состав всех трех отделений. Приводить его здесь не буду ради экономии места на бумаге и времени чтения не посвящёнными в

наше суворовское житьё людьми. А вот в газете «Кадетское братство» в моей статье этот список есть.

Во время учебы в училище мне удалось получить еще три похвальных грамоты: две за отличные успехи в учебе – после первого года учебы в 1951 году и после четвертого года в 1954 году, а также в 1952 году «за активное участие в художественной самодеятельности и высокое качество исполнения». За что конкретно, будет сказано немного позже. **Пустьячок, а приятно!**

Наши преподаватели

Майор Михин Пётр Алексеевич. 1954 год

А вот с кем я до сих пор поддерживаю самые добрые отношения из тех людей, которые много значили в моей суворовской жизни, так это **Петр Алексеевич Михин**. Он нам преподавал математику. Сначала у него было звание капитана, потом майора и подполковника. Учитель как учитель, к нам мальчишкам относился ровно и как-то подобному. И вот однажды на каком-то праздничном построении мы вдруг увидели

капитана Михина и просто остолбенели: вся грудь его была в боевых орденах и медалях.

В то время было мало еще юбилейных наград, которые потом выдавались служившим в армии военным по случаю 10, 20, 30-летия со дня Победы или основания Армии. Так что все награды у него были боевые. И что особенно удивило нас, так это очень редкий орден Александра Невского, которого не было ни у кого из окружавших нас офицеров. Не помню, чтобы Петр Алексеевич в то время очень часто рассказывал о войне. Наверное, еще были свежи воспоминания о

тяжелой и жестокой войне. Но от наших вопросов деться было некуда, и он, конечно, делился иногда с нами своими воспоминаниями.

А потом, много лет спустя, он показал себя и с литературной стороны. Публикации рассказов о личных воспоминаниях боевой фронтовой молодости в местных газетах Курска, Ржева и других городов он свел в сборники своих воспоминаний «Война, какой она была», «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» и другие, изданные в Курске, Москве и даже в Лондоне! Часть из них у меня есть – это его именные подарки мне, которыми я очень горжусь.

В 2005 году Петр Алексеевич в составе делегации Курской области участвовал в параде Победы на Красной Площади Москвы по случаю 60-летия Победы в ВОВ, был на приеме в Кремле, где подарил В.В.Путину одну из своих книг. После парада он приходил в гости в нашу семью, на память об этой встрече было сделано несколько дорогих для нас всех снимков.

Пётр Алексеевич и суворовец Меликов Игорь. 2005 год

2 марта 2018 года Петру Алексеевичу исполнилось 97 лет! Живет он в Курске, его там знают, любят, отмечают публикациями о нем, печатают его статьи и воспоминания в газете «Курская правда». В декабре 2010 года к нему приезжали из Москвы корреспонденты телевидения Россия1, которым он дал почти двухчасовое видео интервью. Часть этих материалов были использованы в передачах

«Военная программа» Александра Сладкова 26 февраля и 30 апреля 2011 года. Удивительно точные, живые и эмоциональные воспоминания о суровых буднях войны, три с половиной года из которой он провел на передовой.

Всем советую набрать в поисковике Интернета «Михин Петр Алексеевич», и вы получите наиболее полную библиографию о жизни и творчестве нашего героя. А полноразмерное теле-интервью и две телепередачи мне удалось записать, отредактировать, перезаписать на диски и послать Петру Алексеевичу в знак моей любви и благодарности за нашу многолетнюю дружбу.

Вообще нам везло на учителей. Конечно, не все запомнились одинаково хорошо, но когда смотришь на старые суворовские фотографии, все они оживают в памяти именно в том возрасте, «когда мы были молодыми». Не всё удалось отсканировать, но вот чьи еще фото удалось сохранить: майор **Потемкин** – преподаватель истории, майор **Войт Василий Давыдович** – преподаватель географии, капитан **Коршунов Николай** – заместитель начальника политотдела по комсомолу, преподаватель логики **Коняев Валериан Васильевич**.

Разбирая свой архив, наткнулся на несколько писем 1978 года от преподавателя немецкого языка **Полины Вульфовны Липкинг**. Такая толстенная, добрая тётенька, в очках с толстыми стеклами, как оказалось по письмам, очень больная. Но мне было очень приятно общаться с ней даже спустя больше 20 лет после моего ухода из училища. К сожалению, нет ее фотографии.

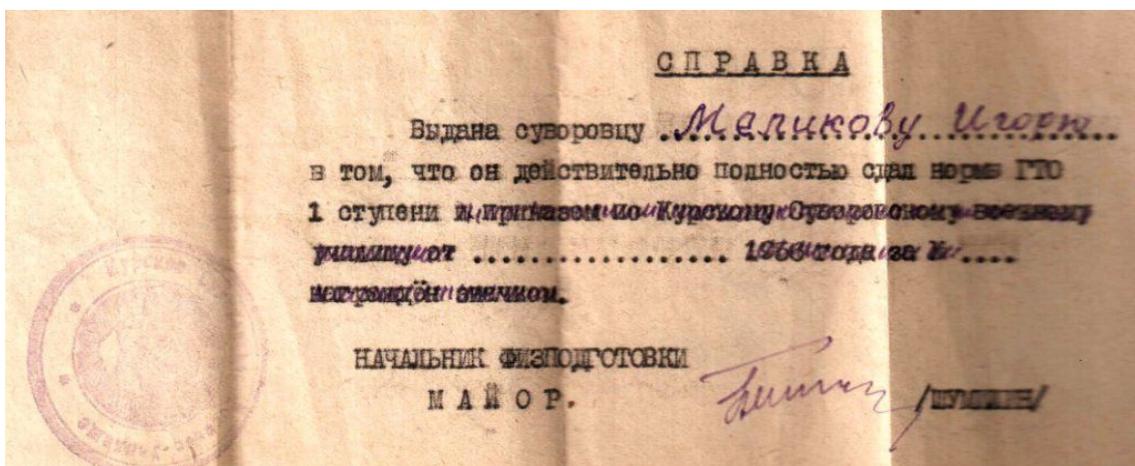
В 1953 году я стал комсомольцем, но вот этот комсомольский билет был выдан в 1956 году при обмене билетов. Поскольку заработанных денег у нас не было, в графе «Месячный заработок» проставлялась запись «суб.» и членские

взносы мы не платили. Потом, уже в московской школе, проставлялась запись «уч.», и членские взносы составляли 20 коп.

В 1954 году нам выдали удостоверения нашей личности, своеобразный паспорт – Ученический билет суворовца; не могу не показать его первую страницу. В Ученическом билете были «за столблены» наши права и обязанности.

Ещё в моей «барахолке» заслуженного старьевщика сохранилась справка о действительной сдаче мной неких физкультурных нормативов, дальше которых мне не суждено было продвигаться, оставив эту возможность другим более спортивным друзьям - чемпионам городских соревнований и суворовских спартакиад.

Мне кажется, эти документальные свидетельства нашей суворовской жизни, отвлекаясь от личности пишущего эти строки, носят не только ностальгический характер, но и представляют некую историческую ценность для создаваемой истории нашего родного Курского СВУ.

Мои друзья-товарищи

Меликов Игорь, 1954 г.

деревень, может быть, завидуя нам, звали нас «москвичами».

Хочется рассказать о моих суворовских друзьях или просто близких товарищах, которых можно вспомнить по их фотографиям. В первую очередь, это те мальчишки-москвичи, с которыми я учился в одном классе (отделении) и вместе ездил на каникулы в Москву и обратно. Это нас сближало, и все остальные ребята, которые приехали в училище из разных городов и

Калинин Владимир, 1956 г.

гостинцы доставались нашим мамам в то время с большим трудом и совсем немного. У других ребят и этого не было. С Володей я дружил до последнего его дня...

Володя Калинин (он умер летом 2004 года), с которым я все шесть лет просидел за одной партой. Он тоже, как и я, учился музыке, так как уже имел музыкальный опыт обучения в московской музыкальной школе. В этом он был продвинут больше меня, а по остальным учебным предметам у меня получалось лучше, и он частенько списывал у меня задания. С ним мы делили те гостинцы, которые присылали нам мамы к праздникам. Конечно, мы угощали чем-нибудь близких своих друзей, но ведь на всех не хватало, а

Среди других «москвичей» были **Альберт Буравцов** (слева) и **Борис Полукаров**. Они тоже занимались музыкой – играли на домрах, это такие струнные народные инструменты, на струнах которых играют специальной пластмассовой пластиночкой – медиатором. Они выступали или вдвоем или в составе струнного оркестра.

Буравцов Альберт (слева) и Полукаров Борис

Меликов Игорь и Григорьев Александр

Москвичом был и **Саша Григорьев** (справа, а слева – я), с ним я соперничал по отметкам в учебе. Вот эта группа москвичей всегда ездила на каникулы вместе в Москву. А так как мы были еще маленькие, то нас отпускали из училища домой только в сопровождении кого-нибудь из взрослых. Так вот, то одна мама, то другая по очереди ездили за нами из Москвы и отвозили обратно всю нашу московскую группу.

Другими моими близкими друзьями в то время были **Виктор Сафронов** и **Павел Кондауров**, они учились в первом отделении. Так как ближе по жизни и учебе были мне ребята из моего второго отделения, то познакомиться и подружиться с ними мне помогло общее с ними увлечение музыкой.

Оба они занимались пением, и иногда для концертов специально создавался номер, где и пел суворовец, и аккомпанировал ему тоже суворовец. Правда, это было довольно редко, так как опыта, да и умения играть так, чтобы не сбиваться самому и не сбивать певца, у меня было мало. Отрабатывали мы такой номер долго, и было их всего два-три у меня. Но, тем не менее, это общение нас очень

сдружило, и мы даже после училища еще долго поддерживали дружеские отношения.

Меликов Игорь (слева) и Сафронов Виктор

У Виктора родители погибли во время войны (как – не знаю), но он был родом из деревни **Прохоровка под Курском**, где произошло одно из крупнейших танковых сражений между нами и немцами (битва «на **Курской дуге**»). И хотя мы были разными по характеру, нас как-то тянуло друг к другу. Виктор был помощником командира взвода (типа старосты своего взвода), очень активный и авторитетный. Кажется, в 1954-1955 годах в Москве проходил **14-й Всесоюзный съезд комсомола**, так его избрали делегатом на этот съезд, по-моему, одного то ли из Курска, то ли от военных Воронежского военного округа, куда входило и наше училище. Приехал он из Москвы с подарками от съезда - книгами, значками, много рассказывал о съезде на разных собраниях.

Виктор после окончания суворовского училища окончил Ленинградское высшее Военно-морское инженерное училище и долго служил на атомных подводных лодках, сначала на Тихом океане, потом на Севере. Несколько раз он проездом был в Москве, и мы встречались у меня дома в Кадашах. Сохранилась одна его военная фотография тех времен, наверное, 1970-х годов, где он в звании капитан-лейтенанта, с такой замечательной шевелюрой густых черных волос. Потом его в звании капитана второго ранга уволили из армии в запас. Связь наша с ним прервалась, и что с ним стало позднее, я не знаю. Как-то в 2012 году, разговаривал по телефону с бывшим суворовцем его отделения **Гапоненко Николаем**

Петровичем – москвичом, который сказал, что видел памятник с фамилией Виктора на Хованском кладбище. Может и мне удастся его разыскать...

Кондауров Павел. 1956 г.

Павел Кондауров среди нас был самый артистичный, хорошо пел, очень хорошо рисовал. Позже он стал профессиональным художником-оформителем, по военной части не пошел, как и я. Родом он был из города Брянска, но потом долго жил в Москве. У него была очень милая жена Оля, врач по профессии. Работал Павел где-то художником, был очень импозантный, толстенький, самоуверенный, но спустя несколько лет связь с ним и Олей как-то

сразу прервалась и они пропали из виду... Так вот и расходились наши детские дорожки на большом жизненном пути.

Лисогорский Геннадий. 1958 г.

Сохранились у меня фотографии и других суворовцев нашего отделения: **Сёмина Николая**, **Шумакова Сергея**, **Леонова Анатолия**, моего младшего друга **Геннадия Лисогорского**. К сожалению, пути наши разошлись, и после разъезда из училища (кто-куда) я встречался только с Геной Лисогорским как-то у нас дома в Кадашах, и до сих пор он иногда приезжает к нам домой в гости из Подмосковья.

Моя музыка

Чем мы занимались, кроме учебы? Были физкультурные секции, в основном для старших классов, музыкальные занятия. Не помню уж как, но мне захотелось научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Желающих прослушали и меня взяли учиться на фортепиано. Занимались мы после основных уроков с учительницей, а по вечерам нужно было выполнять задания к следующему уроку. Времени на «домашние» занятия было мало,

приходилось быстрее делать учебные задания на следующий день и отпрашиваться с самоподготовки на выполнение заданий по музыке.

Семья Александры Арсеньевны

Об учительнице музыки хочется рассказать поподробнее. Звали ее **Александра Арсеньевна Гарева**. Мы с ней очень подружились, если так можно сказать об отношениях учительницы и ученика. Это была добрая, умная, немного полноватая женщина. У нее было двое детей: **Наташа** – наша ровесница, и **Володя** – года на два младше нас. Ее муж, **Соломон Исаакович**, был известным в городе врачом.

Жили они в небольшом (может быть собственном) доме на улице Красноармейской, дом 108. Со временем, когда я стал постарше, она приглашала меня и еще одного **Игоря - Тихомирова** (постарше меня года на два-три, он занимался у нее пением) к себе в гости, угощала разными вкусностями, которых мы были лишены, живя в училище, и вообще не то чтобы заменяла нам родителей, а старалась как-то скрасить их отсутствие около нас. Она привила мне любовь к музыке, именно классической, которую я сам потом старался передать своей дочери, когда она училась в музыкальной школе. Наши фотографии с Александрой Арсеньевной и ее семьей представляют одно из лучших воспоминаний о моем пребывании в суворовском училище.

Мы на лавочке около дома

Позднее, вплоть до 1990 года, мы с Александрой Арсеньевной писали друг другу письма. Почти все ее письма ко мне сохранились. Вот недавно, разбирая свой архив, я еще раз перечитал их – и как будто снова встретился с этой замечательной женщиной, моим старшим другом. О чем только она не писала! И о трудностях жизни в Курске, и о своей семье, взрослых уже Наташе и Володе, об их семейных делах... Письма написаны очень легко, крупным

красивым почерком, литературным языком, и из них можно многое узнать о наших с ней добрых взаимоотношениях. Это ведь не писательские выдумки, а кусочек самой настоящей нашей живой жизни. После 1990 года писем уже не было...

А музыкальные мои занятия шли довольно успешно. Года через два-три я уже принимал участие в праздничных концертах, выступая как в училище, так и в сборных городских самодеятельных концертах.

Музыка у фикуса - И.Меликов

Было очень страшно выходить на освещенную сцену одному. Кланялся поклоном головы, садился за пианино, руки холодели, потели, плохо слушались, иногда ошибался, но это замечали только знающие

музыку слушатели. А всем было, наверное, очень

интересно видеть и слышать играющего на пианино суворовца. Сыграв произведение, вставал, кланялся, уходил за сцену и сгорал от стыда за свои ошибки, о которых уж я-то знал точно.

Вот за участие в одном из таких концертов меня и наградили грамотой, о которой я написал немного раньше – так что я действительно, наверное, неплохо играл (?!). А было это в марте 1952 года, то есть я занимался игрой на фортепиано всего какие-то два года...

Ну, и какой же был мой «концертный репертуар»? Больше всего мне запомнился **вальс «Ёлка»** из одноименной оперы малоизвестного у нас композитора **В.И.Ребикова** (1866-1920), написанной в 1900 году по сказке Андерсена "Девочка со спичками" и рассказу Достоевского "Мальчик у Христа на ёлке". Одна из драматических кульминаций оперы: звуки рояля через окно слышит бедная девочка, замерзающая в новогоднюю ночь. Для меня это была довольно сложная пьеса, играл я ее в недостаточно быстром темпе, но ведь играл и выступал даже в концертах. Сейчас, найдя в ЮТУБЕ записи этого произведения в исполнении современных детей – учащихся настоящих музыкальных

школ, я понял всю мою неподготовленность и дилетантство. Но воспоминания самого процесса исполнения все-таки остались неизгладимыми...

Очень мне нравилась **Баркарола П.И.Чайковского** из цикла «Времена года» - июнь. Помнится, ее я освоил довольно хорошо. А из всех просмотренных и прослушанных на ЮТУБЕ записей мне ближе игра Святослава Рихтера.

С **Володей Калинин** мы играли в четыре руки **Вальс из балета П.И.Чайковского «Спящая красавица»**. Он, как более продвинутый пианист с опытом музыкальной школы, вел мелодическую линию (правую руку), а на мне были басы (левая рука). Выходило довольно симпатично: играли сразу два суворовца.

Вершиной моего музыкального порыва, на который мне пришлось уговаривать Александру Арсеньевну, был **Вальс А.Хачатуряна** к драме М.Лермонтова «**Маскарад**». Не помню, где я его услышал, но ноты купил сам. Это была, конечно, авантюра освоить такое сложное произведение в одиночку, так как сейчас ученики часто играют его тоже в четыре руки. Но уж очень хотелось! К сожалению, это был уже 1956 год, и последнюю часть я только-только разобрал, так что с ним выступлений не было.

Иногда я аккомпанировал певцам. **Игорю Тихомирову - романс Н.Листова «Я помню вальса звук прелестный», Виктору Сафронову -**

*Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест, как шли,
Как шли по лесу партизаны...*

Конечно, уровень занятий был не тот, что в музыкальной школе, да нас и не готовили к профессиональной музыкальной карьере. Но все-таки я почувствовал музыку не только ушами (что осталось на всю последующую жизнь), но и руками. К сожалению, после окончания девятого класса и возвращения в Москву занятия музыкой пришлось закончить, так как инструмента у нас с мамой дома, конечно, не было. Пробовал немного играть в школе, в которой работала мама, и куда я пошел учиться в десятый класс, но это было

только изредка, так как приходилось больше заниматься математикой и физикой, чтобы обязательно поступить в институт.

Однажды в мае 1978 года, я ездил в Курск на встречу с суворовцами по случаю 35-летия основания училища. Вспомнил об этом, прочтя письма **А.А.Гаревой** и **П.В.Липкинг**. Но в моей дырявой памяти почти ничего не осталось. Оказывается, в те два дня пребывания в Курске я был в гостях у Александры Арсеньевны вместе с **Павлом Кондауровым**. Незадолго до этого, в 1975 году, после четырех инфарктов в течение девяти месяцев, умер ее муж Соломон Исаакович. Павел обещал по его фотографиям сделать барельеф для памятника, но, судя по письмам, обещание так и осталось только обещанием.

Как я уже говорил, мы переписывались с Александрой Арсеньевной вплоть до 1990 года. Она очень интересовалась жизнью нашей семьи, следила за музыкальными занятиями моей дочери Оли, предлагала пьесы для ее репертуара (в частности, пьесу «Танец вьюги» композитора Долуханяна – в нескольких письмах, найти и послушать ее мне не удалось). Я по ее просьбе посылал ей пластинки с музыкальными записями, какие-то книги, буклеты с Конкурсов П.И.Чайковского, на которые сам ходил.

Из ее писем узнал о жизни и судьбе детей. Наташа окончила Ленинградскую консерваторию, тогда же вышла замуж. Она вернулась в Курск, преподавала в музыкальном училище. Как-то в 1978 году была у нас в гостях. Вышла замуж второй раз, в 1980 году у нее родился сын Володя. А сын Александры Арсеньевны – тоже Володя, был на несколько лет младше Наташи, жил в старинном городе Полоцке, районном центре Витебской области Белоруссии. Военный врач по профессии. Александра Арсеньевна была как-то у него в гостях, и в письме ко мне восторгалась Полоцким Софийским собором, в котором давали концерты органной музыки.

Последние её письма ко мне относятся к 1990 году, мой последний ответ был 22 мая 1990 года. После этого наша почти сорокалетняя (с 1950 года) связь прервалась. Кажется, я как-то писал ей, но ни от кого не получил ответа... Так вот заканчиваются жизненные периоды. Иногда тянет перечитать ее письма, окунуться в ту далекую атмосферу жизни тех лет, атмосферу обоюдной нашей

симпатии, дружбы и любви не только ученика и учительницы, а просто двух родственных душой людей.

По случаю написания этих мемуаров разыскал через справочное бюро Курска и старый телефон Гаревых соответствующий новый телефон и с радостью обнаружил по нему ту самую Наташу, уже бабушку. Воспоминаниям не было конца... Оказалось, Александра Арсеньевна умерла в 1995 году, до этого болела, потому и не писала мне последние годы.

Два раза, в 1978 и 1983 г.г., я приезжал в Курск на юбилейные встречи бывших суворовцев, посвященных 35-летию и 40-летию училища. Как всегда встречи проходили в парке «Бородино». Оргкомитет и инициатор этих встреч, первосуворовец набора 1943 года, Сергей Сергеевич Хлопков делали все, чтобы память о суворовских днях сохранилась у бывших мальчишек – ныне заслуженных мужчин, немолодых уже отцов семейств, надолго, чему в немалой степени способствовали походы памяти и походы по местам детства, запланированные при встречах. Увы, Сергей Сергеевич умер в 2010 году...

Юбилейные значки Курского СВУ

С замиранием сердца разглядываю и поглаживаю выпущенные по случаю этих юбилеев памятные значки, наши незабываемые алые погоны. С радостью привожу их отсканированные изображения. Есть же среди нас энтузиасты!!! Спасибо им от нас и наших потомков.

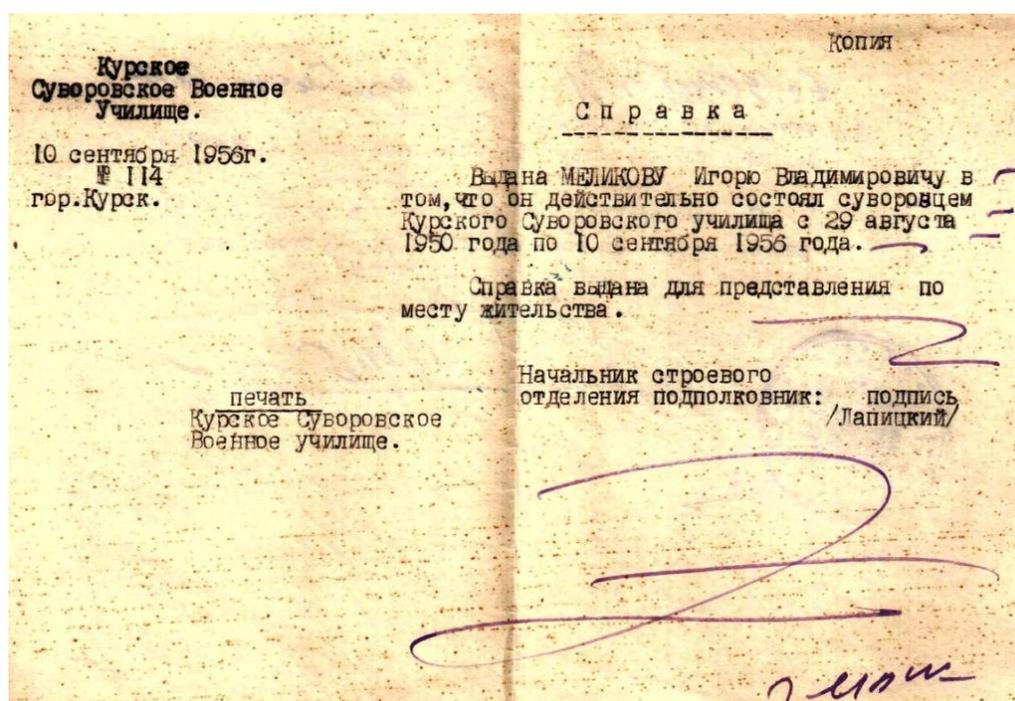
Дважды, в 1988 и 1991 годах, я был на встречах суворовцев всех училищ около театра Советской Армии в Москве (сохранились приглашения). Но встретить кого-то из своих однокашников было

очень трудно – разного народа было много и из других училищ, да и мы сами-то изменились и могли не узнать друг друга. Поэтому больше на такие собрания не тянуло, да и не с кем было встречаться...

Опять в Москве

В 1956 году наше училище перевели из Курска на Дальний восток, в город Уссурийск, так как в Сибири и на Дальнем Востоке не было совсем таких училищ, а все они были в Европейской части страны. Кроме Курска, - в Туле, Калинин (ныне Твери), Горьком, Воронеже, Свердловске, на Кавказе, потом Горьковское училище перевели в Москву. К этому времени мы окончили 9 классов. В связи с переездом училища тем суворовцам, у кого были родители, и кто по состоянию здоровья все равно не пошел бы в военное училище, разрешили уйти «на гражданку», то есть уехать к родителям.

Мы с мамой и Юрой посоветовались и решили, что мне лучше вернуться домой и закончить десятый класс в Москве. К тому времени Юра или оканчивал Университет, или уже работал, во всяком случае, мог приносить сколько-то денег в наш скромный семейный бюджет, а мама всё, конечно, работала на двух работах. Так, летом 1956 года я вновь оказался в своей семье, в своих родных Кадашах, в Москве.

Справка об обучении в Курском СВУ

От тех суворовских времен осталась **Справка** (нотариальная копия), выданная мне в училище перед отъездом домой, о том, что я действительно состоял суворовцем Курского суворовского училища с 29 августа 1950 года по 10 сентября 1956 года. А то было бы не ясно, где же это я был все эти шесть лет ! Так что это тоже документ о моей жизни.

После переезда в Москву я пошел в 10-й класс той же школы № 7, из которой ушел после 4-го класса в Суворовское училище и в которой до сих пор работала медицинской сестрой мама. Нужно сказать, что в училище я учился довольно хорошо и, скорее всего, если бы окончил его, то с какой-нибудь медалью – золотой (если были бы все пятерки) или серебряной (если с одной четверкой, которую по русскому языку всегда можно было схлопотать). Так вот придя в 7-ю школу, я неожиданно для себя столкнулся с огромными трудностями, и по какому предмету – по всей математике! На первых уроках у меня были сплошные двойки-тройки! Для меня это было сильным ударом и по самолюбию (это после сплошных пятерок в училище!) и по возможности после школы сразу поступить в институт. Дело в том, что в 1957 году мне было бы 18 лет к моменту окончания школы, и если бы я не поступил сразу тем летом в институт, то «загремел» бы в армию солдатом на три года, а это уже почти прощай высшее образование, так как за эти годы забудется все на свете. Вот поэтому я был почти в панике – что делать?

А дело с моими низкими отметками было в том, что я попал к очень сильному учителю математики, который знал вступительные требования московских ВУЗов. Он давал нам задания не только по школьной программе, а намного больше неё, пользуясь специальными сборниками задач, которые использовались на школьных олимпиадах и на вступительных экзаменах в институты (их автором был некто Моденов). Звали моего учителя **Артем Артемович Оганов**, он был армянином. Лет ему было много, сейчас мне кажется, что 55 или 60, но может это так воспринимался его возраст с точки зрения школьника. Он много курил, говорил скрипучим голосом, над всеми нами подсмеивался за двойки, но не сбавлял требовательности ни к кому. К концу второй четверти я перешел в «отличники», то есть с

двоек на тройки, а то и на четверки. Многому научился из того, что потом пригодилось на вступительных экзаменах в институт.

Но в аттестате у меня были две тройки – по алгебре и тригонометрии, а по геометрии, физике, химии, астрономии и немецкому языку – четверки. Ко мне **Артем Артемович** отнесся очень участливо. Как-то зашел в кабинет врача, где работала мама, и сказал, что дело со мной очень плохо, и он готов со мной позаниматься дополнительно. Мама была очень расстроена, сказала, что, к сожалению, ничего из этого не выйдет, она не сможет платить за занятия, так как нас у нее двое. На что он рассердился и сказал, что он не за этим заходил, и оплата ему не нужна, просто он видит, что меня нужно немного подтянуть, а дальше я смогу сам уже все делать.

И вот после окончания занятий в школе и получения аттестата зрелости я около месяца приходил в школу на эти занятия, а **Артем Артемович** помогал мне освоить разные методы решения задач и примеров. Так, благодаря доброму и строгому учителю я набрался нужных и спасительных для меня знаний и поступил в **Московский авиационный институт (МАИ)** имени Серго Орджоникидзе, на факультет «**Двигатели летательных аппаратов**». Получил на вступительных экзаменах 23 балла из 25, с запасом в одно или два очка.

Радость была у всей нашей маленькой семьи, у мамы, Юры и, конечно, у меня. Конечно, выпили по рюмочке хорошего вина, к которому нас с Юрой приучила мама. А мы с ним восприняли этот винный урок, и потом уже сами, в меру наших скромных возможностей, ограниченных всегда нашими зарплатами и стипендиями, развили у себя чувство вкуса хорошего вина: Юра в сторону сухих грузинских вин, а мне больше нравились сладкие крымские вина, хотя оба не отказывались ни от того, ни от другого. Хванчкара, Киндзмараули, Усухелаури, Цинандали, Мукузани – это лучшие сухие и полусухие грузинские вина крепостью 10 – 12 градусов. А вот это – крымские вина, сладкие, крепостью 16 – 18 градусов: Мускат Красного камня, Кокур, Сурож, Портвейн. Пить их нужно очень маленькими порциями, чтобы не опьянеть, но почувствовать вкус и аромат вина – как говорят, букет вина.

Юра, выпускник МГУ, 1957 год

Игорь, студент МАИ, 1957 год

А это наша мама, 1957 год

Итак, я стал студентом МАИ – одного из лучших московских технических ВУЗов. Конечно, хотелось бы попробовать поступить в Университет, на физический факультет, который окончил Юра, но там требования были еще выше, а рисковать я не мог, второго захода могло бы и не быть. Но я и не жалею, что сделал такой выбор.

В 1981 году в возрасте 79 лет мама умерла... Светлая ей память и сыновья благодарность за сохранённую нам с братом жизнь в неимоверно трудных условиях военного и послевоенного времени...

На этом можно было бы закончить описание досуворовского, суворовского и начала послесуворовского этапов жизни одного из сыновей ополченца, который с благодарностью вспомнил некоторые запавшие в его память подробности жизни и учебы в Курском суворовском военном училище и тех **добрых людей**, которые

встретились на его жизненном пути и дали ему путевку во взрослую жизнь. Как поется в песне: «Это наша с тобой биография»!

Дальше было вот что. Окончив в 1963 году МАИ, по распределению, совпавшему с моим желанием, поступил на работу в Центральный институт авиационного моторостроения (ЦИАМ) имени Петра Ионовича Баранова (бывшего в 1930-х годах замнаркома тяжёлой промышленности и начальником главного управления авиапрома, как теперь бы сказали, министром авиационной промышленности СССР). По имени института, созданного в 1930 году, впоследствии были названы улица, на которой он находится и поныне, и станция метро – Авиамоторная.

В ЦИАМе я проработал 35 лет, до 1997 года, и работал бы и дальше, если бы не «перестроечное» безденежье науки и необходимость как-то содержать семью. Начинал инженером, после защиты кандидатской диссертации в 1975 году получил должность старшего научного сотрудника (1985). Область работы – авиационные и электрореактивные плазменные космические двигатели. С 1983 года ученый секретарь докторского специализированного совета по защите диссертаций, с 1986 года ученый секретарь института. С 1994 года Академический советник Российской инженерной академии, секция «Авиакосмическая», с 1997 года член-корреспондент Академии наук авиации и воздухоплавания.

С началом «перестройки» совмещал работу в институте с работой в разных коммерческих, связанных с авиацией, «конторах», в частности, в 1988 – 1994 годах в Советско-болгарском совместном предприятии «НПЦ Информатика» в качестве ответственного секретаря Правления под руководством его председателя Глеба Евгеньевича Лозино-Лозинского, Генерального конструктора советского орбитального корабля «Буран». Благодарю судьбу за встречу на своём жизненном пути такого выдающегося человека. Потом были другие коммерческие и некоммерческие организации и должности.

Вот, вроде бы, и отчитался перед родителями за свой, в целом удачный, жизненный путь, путь сына московского ополченца... Теперь и ополчению отдал должное, по мере сил и способностей.

Несколько лет тому назад в Москве образовалось некое сообщество живущих в Москве и Подмосковье бывших суворовцев Курского-Дальневосточного-Уссурийского училища, в работе которого я стал принимать посильное участие, в основном публикуя статьи об ополченцах, о книгах П.А.Михина в газете «Кадетское братство».

Наш председатель генерал В.М.Щербович с новой книгой П.А.Михина

И.В.Меликов с сообщением о конференции по ополчению

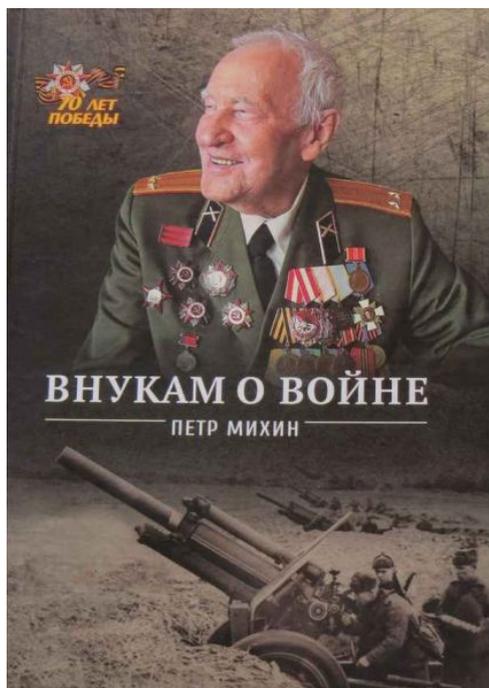
Раз в год, во второе воскресенье декабря, собираемся на встречу в Музее Вооружённых сил на площади А.В.Суворова. Уссурийские суворовцы очень уважительно относятся к старшим Курским братьям, которых становится всё меньше. Приходят полковники, генералы, генерал-полковник, младшее поколение уссурийцев, делимся жизненным опытом, интересными делами, узнаём о потерях в нашем строю. Представляю свои публикации по ополчению, которые всегда вызывают неподдельный интерес у суворовской братии. Встреча заканчивается коллективным фотографированием и возложением цветов к памятнику А.В.Суворову на площади его имени.

В декабре 2016 года Региональная благотворительная ветеранская общественная организация «Московское содружество суворовцев, нахимовцев, кадет» наградила меня своей медалью **«ВЕРА, ЧЕСТЬ, ПОЛЬЗА»** с девизом: Вера, честь, знание и труд есть ключи к ПОБЕДЕ - FIDES, HONOR, SCIENTIA ET LABOR – FONTES VICTORIAE SVNT – рисунок которого сделан лично Александром Васильевичем Суворовым на полях своих писем сыну.

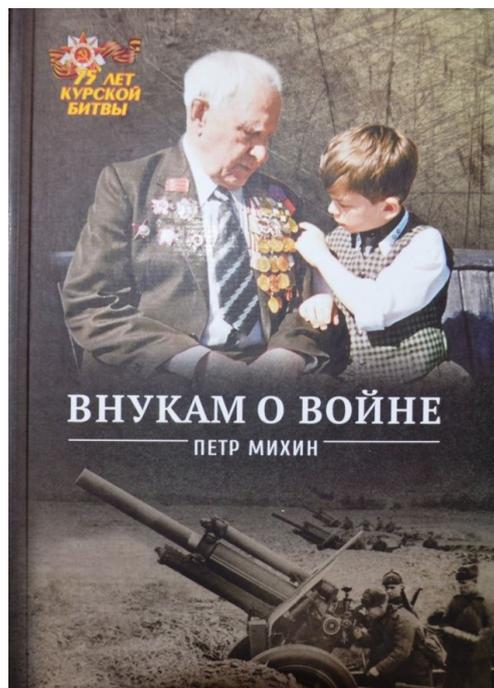

Это уже не пустячок, и тем более приятно. Значит, есть за что...

Глава 7. Мой суворовский учитель Пётр Михин

Первое издание 2015 года

Второе издание 2017 года

2 марта 2018 года исполнилось **97 лет** моему учителю и старшему другу, ветерану-фронтовику, бывшему преподавателю математики Курского-Дальневосточного-Уссурийского суворовского училища, писателю **Михину Петру Алексеевичу**. А осенью 2017 года в Курске в издательстве «Планета+» вышла из печати его новая книга – «Внукам о войне», второе дополненное издание (тираж 1000 экз.).

Автор известен читающей аудитории своими книгами, издававшимися в Москве, Курске, Лондоне: выдержавшей три издания «Война, какой она была», «Артиллеристы, Сталин дал приказ. Мы умирали, чтобы победить», «Мы дрались с «тиграми», «Пушки против рейха», «Так воевали мы и жили», «Внукам о войне», рассказами в сборниках «Кавалеры-воины соловьиного края» и периодической печати.

Эти книги не залежались на прилавках редких магазинов, которым посчастливилось участвовать в просветительской миссии послевоенных поколений, они быстро становились библиографической редкостью: и тираж невелик, и любителей правдивой художественной военной литературы пока ещё хватает. И

это несмотря на огромный поток мемуарной литературы, захватившей прилавки книжных магазинов, особенно в последнее десятилетие.

Вот и в новой книге П.А.Михин хорошим литературным языком, достойным сравнения с лучшими произведениями Виктора Астафьева, Василя Быкова, Виктора Некрасова, других писателей-фронтовиков, рассказывает о событиях, определивших жизнестойкость русского народа: Великая Отечественная война, которой автор-артиллерист отдал три с половиной года своей молодости на передовой. **Правда, только правда и ничего, кроме правды**, – таков девиз автора, облечённый в литературную форму.

Важный раздел книги посвящён рассказу детям о специфике военной службы и описанию разновидностей оружия, по большей части артиллерии, которую автор знает досконально. И пользовался своими математическими знаниями в бою, благодаря чему не только поддерживал огнём свою дивизию, но успевал и соседей выручить в тяжёлый момент боя. А те, в благодарность за солдатскую взаимопомощь, нередко представляли артиллериста к наградам даже раньше своих, дивизионных начальников.

Он командовал взводом, батареей, дивизионом мощных гаубиц. Был трижды ранен и много раз контужен. Страна по достоинству (хотя и не всегда в полной мере) оценила ратный и трудовой путь ветерана-фронтовика, воевавшего с немецкими захватчиками под Ржевом и Сталинградом, на Курской дуге, на Украине и в Молдавии, в Румынии и Болгарии, в Югославии и Венгрии, в Австрии и Чехословакии, с японцами — в Монголии и Китае. П.А.Михин награжден боевыми орденами Александра Невского, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й (дважды) и 2-й степеней, Красной Звезды, трудовым орденом Знак Почета; медалями: За боевые заслуги, За освобождение Белграда, За освобождение Праги, За взятие Будапешта, За взятие Вены. Вот такая героическая История с Географией.

П.А.Михин – Почетный гражданин Ржевского района Тверской области и города Соледар Донецкой области Украины. Имя П. А. Михина занесено в Энциклопедию «Лучшие люди России». Ветеран был участником Парада Победы в Москве в 2005 году. Ему присвоено звание «Заслуженный учитель РСФСР». Он лауреат многих

литературных премий, одна из которых – «Антоновское яблоко» была присуждена П.А.Михину в 2012 году как человеку года города Курска за книгу «Война, какой она была». В 2017 году курский режиссёр Светлана Герасимова выпустила 40-минутный документальный фильм о Петре Алексеевиче «Как я стал учителем».

А теперь самое время дать слово автору представляемой книги: лучше него о ней не скажет никакой рецензент.

«В 2015 году мы отмечали семидесятилетие нашей Победы над фашистской Германией. Мало остается тех, кто бился в кровавых боях с немецкими захватчиками, кто в голоде и холоде, а то и под бомбами, до упада работал в тылу на полях и заводах, со страхом ожидая новую похоронку.

Длительное время стирает остроту даже самых страшных и самых горьких страданий, которые когда-то пережил человек. Ныне входит в силу уже третье послевоенное поколение наших людей. Даже их дедушки не имеют личных впечатлений о той страшной войне.

Трудно с чем-то сравнить ту неописуемую радость наших людей, когда грянула долгожданная Победа, когда настал конец всем смертям, всем страхам и мучениям.

Поэтому нам, кто в страшнейших сражениях бился с врагом, чудом выжил и победил, так хочется в последние дни своей жизни еще и еще раз сказать о войне, какой она была на самом деле.

Все написано мною от души, правдиво, честно и откровенно. На этих страницах – быль, добытая на линии огня. Это невыдуманный и предельно правдивый рассказ о подвиге поколений военных лет. О подвиге, который мое поколение передает по эстафете, как величайшую моральную святыню народа, поколениям нынешним и грядущим на вечное хранение и в вечное пользование. С особой болью вспоминаю тех, кто храбро бился с врагом и не дождался до Победы.

Петр Михин. Май 2015 года».

Глава 8. Судьбы ополченские. Михины – Меликовы³⁵

Порой случается так, что поисковики по следам Вахты Памяти находят и живых непосредственных участников событий. Ведь поиск – он везде, где можно, поиск: и в поле, и в интернете, и в воспоминаниях, в письмах...

Однажды, летом 2013 года, поисковый отряд Военно-патриотического клуба «Последний бой», г.Москва, командир Алексей Васильев, проводя Вахту Памяти в местах Ржевских сражений, нашёл останки красноармейца с медальоном на имя Хазова Егора Васильевича, воевавшего в 431-м СП 52-й СД 30-й Армии Калининского фронта. У поисковиков возник интерес к боевой истории этой дивизии. Интернет-поиск позволил узнать многое, и, что самое интересное, найти книгу о боевых действиях этой дивизии под Ржевом, написанную участником этих сражений. Автором оказался Пётр Алексеевич Михин, в то военное время командир гаубичной батареи. Подробное изложение процесса поиска П.А.Михина, встречи с ним всего отряда в Курске, где он живёт, возникновения взаимной приязненности ветерана и членов отряда приведено в репортаже члена отряда Сергея Белкина³⁶. Вот и в этом году отряд ездил в Курск и поздравлял своего найденного героя с 97-летием! Позднее и я познакомился с автором репортажа, прежде узнав подробности встречи от П.И.Михина.

Дело в том, что моё знакомство с Петром Алексеевичем, перешедшее вот уже в 67-летнюю дружбу - личную и семейную, началось в 1951 году, когда у нас, 11-12-летних мальчишек-суворовцев Курского суворовского военного училища, появился новый преподаватель математики. Требовательный к знаниям своих учеников, но мягкий и доступный в общении. И к тому же боевой офицер-артиллерист, орденосец, прошедший всю войну на переднем крае вместе с пехотинцами, которых он поддерживал огнём своих гаубиц.

³⁵ По материалам доклада на Международной научно-практической конференции «СУДЬБА СОЛДАТА: МЕТОДИКА И ПРАКТИКА АРХИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ», 1-4 декабря 2017 года.

³⁶ Белкин С. Как будто вместе воевали. // Военная археология, №2(29), 2014 г.

Писать он начал, выйдя на пенсию, и благодаря ясной математической памяти и литературной склонности за полтора десятка лет написал одиннадцать книг, изданных в Москве, Курске, в Англии. На одну из первых его книг «Артиллеристы...» откликнулся замечательной рецензией историк, профессор А.А.Киличенков³⁷. Когда я рассказал об этом П.А.Михину, тот был и удивлён такому вниманию учёного-историка («Ну, надо же!»), и крайне благодарен ему за скрупулёзный разбор содержания книги и понимание его военных действий и переживаний. В приложениях к своим книгам П.А.Михин приводит некоторые отзывы читателей о своём творчестве, среди которых статья А.А.Киличенкова занимает главенствующее и почётное место. Член Союза журналистов России, Михин П.А. регулярно выступает со статьями в городских курских газетах. Он лауреат многих литературных премий, одна из которых – «Антоновское яблоко» была присуждена П.А.Михину в 2012 году как человеку года города Курска за книгу «Война, какой она была». Он и сейчас в строю, в 2017 году вышло 2-е, дополненное, издание его книги «Внукам о войне».

Не забывают ветерана Курские и Уссурийские суворовцы – полковники и генералы, местное и центральное телевидение. А 7 ноября 2017 года в Москве в Культурном центре «Вдохновение» при поддержке Департамента культуры г. Москвы состоялась презентация документального фильма «Как я стал учителем», посвящённого П.А.Михину, а также встреча с автором фильма - спецкором службы информационных программ Государственной телерадиокомпании «Курск» Светланой Герасимовой и представителями поискового отряда «Последний бой».

Вот такого героического воина нашли поисковики отряда «Последний бой».

³⁷ "Как воевали и как победили: неюбилейные историографические заметки. (Рец. На кн.: МИХИН П.А. «АРТИЛЛЕРИСТЫ, СТАЛИН ДАЛ ПРИКАЗ!»: МЫ УМИРАЛИ, ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ. М.: ЭКСМО, 2006. 574 С.)". Научная статья по специальности "Военная история" // Новый исторический вестник, № 35, 2013.

А сравнительно недавно (по жизненным меркам) обнаружилось, что Петра Алексеевича, меня и наши семьи связывает ещё одна общая история. Дело в том, что младший брат Петра Алексеевича Николай Алексеевич Михин и мой отец Владимир Александрович Меликов были добровольными бойцами Московских Дивизий Народного Ополчения (ДНО), только Николай был в 1-й ДНО Ленинского района Москвы, а мой отец – во 2-й ДНО Сталинского района. И оба они пропали без вести в октябре 1941 года под Вязьмой.

Воспоминаниями о брате и его судьбе Петр Алексеевич поделился в своей книге³⁸. Я тоже пытался разыскать следы отца по имеющимся базам данных в интернете, но прояснить его судьбу, кроме повторения имеющихся в нашей семье документов, не удалось.

Как известно, в Москве в июле 1941 года было сформировано 12 ДНО, в том числе 1-я ДНО – в Ленинском районе города Москвы, 2-я ДНО – в Сталинском районе. Столичные ДНО комплектовались также добровольцами нескольких из 57 подмосковных районов. Так, в Ленинском районе Подмосковья, около Каширского шоссе, на месте теперешнего города Видное, в октябре 1937 года началось строительство коксогазового завода для обеспечения столицы дешёвым топливом и выработки литейного кокса. Сюда из разных уголков страны приехали опытные рабочие и молодые выпускники ремесленных училищ. Среди них был 16-летний Николай Михин, младший брат Петра Алексеевича, приехавший по вербовке со своими друзьями из города Борисоглебска Воронежской области работать на кирпичном заводе.

Отсюда они и ушли все вместе в ополчение, пополнив пятую роту 3-го стрелкового полка 1-й ДНО Ленинского района Москвы. Сохранилось только одно письмо Николая к родителям в Борисоглебск, посланное через полевую почту ППС 0933, обслуживавшую 1-ю МсДНО (60 СД), 13 августа 1941 года и полученное в Борисоглебске 27 августа 1941 года. (См. Приложение).

Мой отец, Меликов Владимир Александрович, 1903 года рождения, в июле 1941 года добровольно вступил в Московское

³⁸ Ополчение и плен брата Николая // В кн.: *Михин П.А.* Внукам о войне. Планета. Курск, 2015. С.264-275.

ополчение, хотя по должности у него была «бронь». Ему в то время было 38 лет, возраст не призывной, работал главным бухгалтером Межобластной конторы Всесоюзного треста первичной обработки шерсти Наркомтекстиля СССР, располагавшейся в Сталинском (ныне Измайловском) районе Москвы. Он был зачислен (по месту работы) во 2-ю Дивизию народного ополчения Сталинского района Москвы и назначен командиром отделением вещевого и продовольственного снабжения хозяйственного взвода 2-го батальона 2/5/1284 стрелкового полка. В семейном архиве сохранились 28 его писем, отправленных семье в июле-сентябре 1941 года, в предбоевой период. С обзором и анализом этих писем я вместе с моим внуком Никитой знакомил читателей/слушателей в своих публикациях и докладах, например³⁹. (Главы 3,4).

Большинство ДНО приняли участие в Вяземской оборонительной операции Красной Армии, где они в Вяземском котле понесли громадные потери личного состава погибшими, пленёнными и пропавшими без вести.

В августе-сентябре 1941 года 1-я ДНО (60-я СД) находилась во втором эшелоне 33-й Армии Резервного фронта, в основном занимаясь строительством оборонительных сооружений в районе реки Десны. Когда 2 октября немецкие войска перешли в наступление, 1285-й (бывший 3-й, по письму Николая Михина) стрелковый полк занимал позиции северо-западнее города Спас-Деменск. 3 октября полк был атакован танками противника. Возможно, где-то в этом месте, в районе Пятницкого, судя по описанию боёв в книге В.И.Каримова⁴⁰, и был взят в плен контуженый боец Н.Михин. А друзья Николая успели спрятаться в каком-то сарае и в щели стенки-плетня наблюдали всю картину пленения своего товарища. Дождавшись ночи, они покинули опустевшую деревню и направились на восток, к своим. Им удалось спастись, они сумели по железной дороге не замеченными немцами добраться до Борисоглебска и рассказать о пленении Николая его семье.

³⁹ И. В. Меликов, Н. С. Меликов. Эпистолярное наследие московского ополченца 1941 года – взгляд очевидца-участника [Электронный ресурс] // Наследие веков. – 2017. – № 3. – С. 96-113. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3.

⁴⁰ В.И.Каримов. Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. Москва. Планета. 2016. С.86.

В Центральном архиве Министерства обороны обнаружилась карта погибшего в немецком плену ополченца Михина Николая. В ней отмечено, что одну колонну пленных, взятых немцами под Вязьмой в начале октября 1941 года, 26 числа этого месяца пригнали в Минск. А уже оттуда пленного Михина 17 ноября поездом доставили в лагерь военнопленных 304 (IV X) - Цайтхайн, который располагался шестьдесятю километрами севернее Дрездена, вблизи города Риза, на реке Эльба, в Германии. Там Николай и скончался 11 января 1942 года.

Летом 2004 года в Курск приезжал для участия в возведении сборного кладбища немецких солдат, погибших в 1941 – 1943 годах на территории Курской и соседних областей, офицер немецкой армии, бывший офицер армии ГДР, окончивший советскую артиллерийскую академию и хорошо говоривший по-русски. Его познакомили с П.А.Михиным, и он подарил нашему ветерану двухтомник⁴¹, в котором на немецком и русском языках, подробно, правдиво, но страшно, рассказано об условиях содержания наших военнопленных в лагере Цайтхайн и о невозможности выжить в нём.

А 1284 полк, в котором служил мой отец В.А.Меликов, в начале октября 1941 года в составе 2-й Стрелковой дивизии, согласно воспоминаниям комдива В.Р.Вашкевича, занимал позиции на восточном берегу Днепра. В последующие дни, во время проведения противником операции «Тайфун», этот полк к утру 11 октября был оставлен на реке Вязьме в распоряжении командующего 19-й армией для прикрытия её прорыва на восток. Только небольшой части полка удалось выйти из окружения и присоединиться к своим войскам. Среди них В.А.Меликова не было... 23 октября 1944 года его жена, Меликова Любовь Никитична, получила из РВК Ленинского района Москвы извещение о том, что её муж, Меликов Владимир Александрович, находясь на фронте, пропал без вести в ноябре 1941 года...

Забвение всех ополченских дивизий коснулось и 1284 полка 2-й ДНО. До недавнего времени место последнего боя 1284 полка не было отмечено каким-либо памятным знаком. Но вот 6 мая 2016 года Поисковая группа «ПОБЕДА» из города Железнодорожного

⁴¹ Цайтхайн. Книга памяти советских военнопленных. – Дрезден, Минск, 2006 (нем., рус.)

Московской области, командир Владимир Шульга, у деревни Бухоново (ныне не существующей) своими силами установила Памятный Поклонный крест в память бойцов этого полка.

10 сентября 2016 года члены группы разместили на кресте медальоны с фотографиями, в том числе Владимира Александровича Меликова, и списки некоторых пропавших без вести бойцов 1284 полка. В 2017 году рядом с Поклонным крестом был создан памятный мемориал, на стеле которого родственники погибших в этом месте воинов могут поместить фотографии своих близких. За работу по патриотическому воспитанию подрастающего поколения Поисковая группа «ПОБЕДА» в 2017 году была удостоена звания лауреата ежегодной премии Губернатора Московской области «Наше Подмосковье».

Так завершилась хроника жизни двух Московских ополченцев 1941 года - Владимира Александровича Меликова и Николая Алексеевича Михина... Так благодаря неутомимым поисковикам уже во второй раз переплелись судьбы двух семей Михиных и Меликовых.

Но и не только этих семей: в одной дивизии с П.А.Михиным служил полковник Дмитрий Семёнович Балашов, впоследствии Председатель Совета ветеранов 52-й стрелковой дивизии, который однажды в своём письме благословил на издание книги П.А.Михина. А сам Д.С. Балашов приходится дедом хорошо известному в кругах поисковиков генеалогу Диму Балашову. Вот такая получилась история с географией и генеалогией...

Приложение

Письмо Михина Николая к родителям в Борисоглебск [38]

«Здравствуйте, дорогие родители папа и мама.

Во первых строках своего письма я вам сообщу, что я жив и здоров, того и вам желаю. Папа и мама, вчера 10 / У111 я получил письмо от Пети по адресу Нарофоминск. Это возле Москвы. Но оно дошло и сюда, так как несмотря на то, что я уже далеко от Нарофоминска. Это письмо он послал 23 числа, а от вас я еще не получал ни одного письма. Может, вы на другой квартире или пишете чего не надо, вот они и не доходят. Мама, получаете ли вы мои письма или нет? Я вам много писал. Получили ли вы мои деньги, напишите. Чистой бумаги пришлите и все опишите. Я живу хорошо. Кормят хорошо. Так что все сыты, водят в баню. Письма пишите по адресу: Действующая Красная армия, 933 полевое почтовое отделение, 3 стрелковый полк, 5 рота, Михину.

Обо мне не горьтесь, скоро побьем немца и я вернусь домой. Петя мою фотокарточку получил, а вы – не знаю. Я было бросил писать Пете письма, так как не знаю его адреса. Но когда получил письмо: у него опять старый адрес. Сейчас достану бумагу и напишу ему письмо. До свидания. 11 / У111
Михин.

Мама, вышли мне чистой бумаги. Плохо, что нет ни у кого чернил с ручкой. Приходится писать карандашом.

Нам, наверное, придется постоять здесь порядочно, хотя и я сам не знаю, скоро или нет, но как думаем мы и командиры, что постоим.

Потом, получили ли вы мои вещи или нет. Сообщите. Ну, до свиданья. Жду ответ. Как будто и нечего больше писать. Передайте привет бабане и всем знакомым, до свиданья. Михин.”

(Надписи на конверте)

Борисоглебск, Воронежской области, Ленинская, 114, Михину А.А.

Штамп: Полевая почта 933, 13. 08. 41. Борисоглебск 27. 08. 41.

(Стиль и орфография оригинала сохранены).

Глава 9. Судьбы ополченские: академик

Горимир Горимирович Чёрный

В 2018 году исполнилось 75 лет освобождения Вязьмы от немецко-фашистских захватчиков. На протяжении нескольких столетий этот небольшой русский городок, стоящий на Смоленской дороге на пути к столице России, неоднократно подвергался нападению иностранных полчищ, разорялся дотла, исчезало коренное население. Вяземская земля до сих пор хранит тайны гибели наших воинов, защищавших русскую землю во время Великой Отечественной войны. Среди них и трагически погибших московских ополченцев. Немногим из них удалось уцелеть в Вяземском котле, но и уцелевшим судьба уготовила невероятные страдания и неопределённость в продолжение дальнейшей жизни. Об одном таком ополченце и пойдёт речь.

Как-то работая над книгой «Ополченье, где ты? Отзовись!.. 1941», я с удивлением обнаружил, что в 8-й Дивизии народного ополчения Краснопресненского района Москвы воевал в артиллерийском полку рядовой Чёрный Горимир Горимирович. Дело в том, что я знал этого человека по своей работе в 1960-е – 1990-е годы в Центральном институте авиационного моторостроения (ЦИАМ) имени П.И.Баранова. Как раз в это время академик Чёрный Г.Г., будучи директором Научно-исследовательского института механики Московского государственного университета, был научным руководителем лаборатории газовой динамики ЦИАМ, которую он организовал в 1952 году.

Справка: ФГУП "ЦИАМ им. П.И. Баранова" - единственная в стране научно-исследовательская организация, осуществляющая комплексные научные исследования и научное сопровождение разработок в области авиадвигателестроения - от фундаментальных исследований физических процессов до совместной работы с ОКБ по созданию, доводке и сертификации новых двигателей, в том числе наземных газотурбинных установок. Все отечественные авиационные двигатели создавались при

непосредственном участии института и проходили доводку на его стендах.

Поскольку я работал в другой лаборатории, то знал Г.Г.Чёрного только как начальника соседней лаборатории. Впоследствии наши лаборатории объединили, Горимир Горимирович стал и нашим научным руководителем, и я мог чаще видеть его на научно-технических совещаниях, которые он проводил. Человеческая простота и научная интеллигентность – так можно бы охарактеризовать его поведение. Ходили слухи, что он воевал. Это вызывало ещё большее уважение к нему, и даже обожание такого человека, но никто из нашего, не очень близкого к нему, окружения ничего на эту тему определённого не знал. А сам он до 60-летия Победы в 2005 году (как написал позднее в своей книге) старался особенно не откровенничать на военную тему.

И вот только весной 2018 года я приоткрыл для себя тайну жизни и военной судьбы моего научного руководителя. Думаю, и многим будет интересно узнать подробности жизни ещё одного молодого ополченца, которому удалось выжить в горниле страшной войны и реализовать свои мечты о научной деятельности, став академиком Академии наук СССР и России. А сколько их, несбывшихся академиков «лежать осталось в темноте у незнакомого посёлка на безымянной высоте» под Вязьмой...

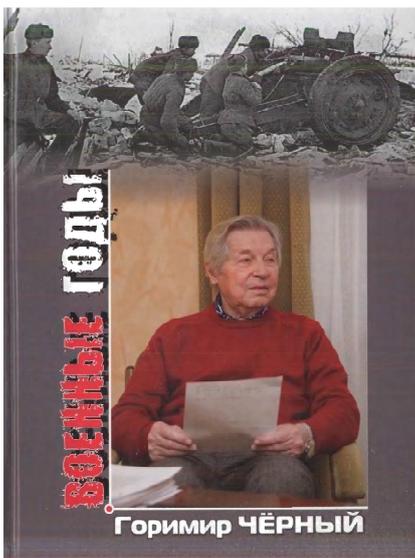
Мне удалось узнать, что Г.Г.Чёрный, когда ему было уже за 85 лет, опубликовал несколько книг о своих военных годах. Конечно, сейчас их можно найти разве что в библиотеках, в которые рассылаются обязательные экземпляры всех вышедших из печати книг. Но мне повезло: я по интернету нашёл одну из них в антикварном (!) магазине в Новосибирске, и её мне удалось купить⁴². Выпущена она издательством Московского университета, а отпечатана в Новосибирске. И замечательна эта книга ещё и тем, что содержит дарственный автограф, написанный рукой автора

⁴² Чёрный Г.Г. Военные годы – М.:Изд-во Московского университета, 2007.–176с.

каллиграфическим почерком, некоему «Дорогому Олегу Фёдоровичу».

Дорогому Олегу Федоровичу -
мои воспоминания о давно ушедшем,
памятном нам времени - в знак
искреннего уважения и с наилучшими
пожеланиями.
11 июля 2007 г. Г. Г.

Скорее всего, получателем книги был академик Олег Фёдорович Васильев (1.08.1925 — 7.03.2017), российский и советский учёный в области прикладной гидродинамики и гидравлики, академик РАН, организатор и первый директор (1987-1995) Института водных и экологических проблем СО РАН. Этих учёных, кроме профессиональной деятельности, связывало и военное прошлое: оба участвовали в обороне Москвы. О.Ф. Васильев, будучи лейтенантом, помощником командира взвода, в 1943-м году воевал на Калининском фронте, и так же, как и Г.Г.Чёрный, награждён медалью "За оборону Москвы". Вот такая получилась антикварная преамбула.

В 2010 году Г.Г.Чёрный более подробно изложил события своего военного прошлого в книге такого же названия «Военные годы»⁴³, особенно это касалось первых дней войны и участия его в ополчении.

С высоты своих послевоенных знаний автор анализирует и весь ход начального периода войны. Пересказать написанное невозможно, это надо читать. Нашёл книгу в интернете, удалось скачать: кто заинтересуется, могу прислать по электронной почте.

Изложу основные моменты жизни автора-ополченца-академика.

Родился 22 января 1923 года в городе Каменец-Подольский (ныне - Республика Украина). В 1940 году Горимир Чёрный с отличием окончил среднюю школу в Херсоне и без экзаменов был зачислен на механико-математический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

В первый день войны 22 июня 1941 года комсомольская организация МГУ объявила себя мобилизованной. 25 июня 1941 года Горимир Чёрный, окончивший первый курс МГУ, пришёл в Краснопресненский районный Военный комиссариат города Москвы с заявлением о добровольном призыве в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. После чего он, как студент-математик, был зачислен в артиллерийский полк 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения (позднее 975-й артиллерийский полк 8-й стрелковой дивизии 32-й армии). Он был участником трагических событий Московской битвы в самом её начале, в первые дни октября 1941 года, под Ельней и Вязьмой в составе 32 и 24 армий Резервного фронта, и

⁴³ Чёрный Г.Г. Военные годы – СПб: Изд-во «Любавич», 2010. – 570 с.; 32 л.илл.

самом конце этой кровопролитной битвы в апреле 1942 года, там же под Вязьмой в составе 113 дивизии (бывшей 6-й Фрунзенской дивизии народного ополчения) 33-й армии Западного фронта.

При разгроме советских войск под Вязьмой и Ельней ему повезло в конце октября невредимым добраться до своих в районе Наро-Фоминска. В составе 110-й дивизии (бывшей 4-й Куйбышевской ДНО Москвы) 33-й армии он рядовым пехотинцем участвовал в оборонительных сражениях у реки Нара под Наро-Фоминском. В конце ноября 1941 года участвовал в прорыве 33-й армии к Вязьме, где его дивизия попала в окружение.

В марте 1942 года был тяжело контужен (с переломом черепа) и оказался надолго на оккупированной немцами территории. Начался длившийся долгое время – до весны 1944 года – период выживания, и он выжил! Месяцы многовёрстных и многотрудных скитаний, две неудавшиеся попытки выхода к своим, два попадания в пересыльные лагеря для военнопленных, два побега из них. Пока не добрался до Херсона, города на юге Украины, где прошли его школьные годы и где до войны жила его семья.

Отец, мать и двое младших братьев не успели эвакуироваться и остались в Херсоне. Отец накануне войны был начальником военизированной охраны крупного нефтеперерабатывающего завода. Военными сапёрами и охраной завода было подготовлено уничтожение завода и поджог нефти, спущенной из хранилища. 27 августа 1941 года, на девятый день после занятия немцами города, отец вместе с ещё одиннадцатью арестованными был расстрелян по приговору гестапо.

Выживание на оккупированной территории было трудным и опасным. Была работа в совхозе вблизи Херсона, в Южном филиале созданного немцами Исследовательского центра сельского хозяйства, участие в посильной и опасной борьбе оставшейся в Херсоне студенческой молодёжи с немцами (о подробностях которой автор не рассказывает), о чём напоминала редко пустовавшая виселица почти напротив окон квартиры, где жила семья... Отказ от эвакуации с

филиалом Исследовательского центра при приближении наших войск в 1944 году привел к его отправке в немецкий тыл этапом, третий побег, нелегальное положение на ещё занятой немцами территории и, наконец, попадание к своим, но в СМЕРШ... После проверки бывший ополченец-артиллерист был снова отправлен на фронт, в Действующую армию! Как пишет автор, последний год войны был предельно опасным для его физического существования, но для душевного состояния был самым спокойным: он был среди своих, армия шла вперёд, и с каждым днём приближалась Победа.

С 28-й армией в составе 1-го Белорусского фронта Г.Г.Чёрный прошёл всю Белоруссию и Польшу до Вислы. Неподалёку от Варшавы был ранен, но остался в медсанбате. Потом воевал в составе 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии, участвовал в Кёнигсбергской операции. Затем уже на 1-м Украинском фронте участвовал во взятии Берлина и в освобождении Праги. Здесь 8 мая 1945 года получил ещё ранение и уже после войны провёл три месяца в госпиталях на территории Чехословакии, Германии, Польши, Белоруссии. По излечении был направлен в топографический отряд штаба Белорусского военного округа. В начале сентября 1945 года Г.Г. Чёрный был переведен в армейский запасной полк.

Долгое время Г.Г.Чёрный в армии был рядовым, наводчиком в орудийном расчёте 76-мм полковой пушки, в сентябре 1944 года стал командиром орудия и был произведён в младшие сержанты.

Тяга к продолжению учёбы в Университете принимала иногда необычное выражение, в частности, в виде отказа сержанта Чёрного от направления на курсы младших командиров, что продлило бы его пребывание в армии. Но всё обошлось: в ноябре 1945 года как недоучившийся студент он был демобилизован и снова стал студентом Московского университета. На этом закончилась его военная «карьера».

Все годы войны Г.Г.Чёрный вёл, где это позволяли обстоятельства, дневник, что тоже говорит об аналитическом складе его мышления. Именно сохранённые документы, записи и письма – своеобразный архив – позволили ему с подкупающей читателя достоверностью описать впоследствии в книгах события, в которых он принимал участие. «Всё в них – правда», говорит автор. И этому веришь беспрекословно...

За участие в Великой Отечественной войне Г.Г.Чёрный удостоен следующих государственных наград⁴⁴:

- орден Славы III степени (1944)
- орден Красной Звезды (1945)
- орден Отечественной войны I степени
- орден Отечественной войны II степени
- медаль «За отвагу» (1944)
- медаль «За оборону Москвы»
- медаль «За взятие Кёнигсберга» (1945)
- медаль «За взятие Берлина» (1945)
- медаль «За победу над Германией»
- юбилейные и памятные медали

Что было потом, в мирной жизни? Продолжение учёбы на механико-математическом факультете МГУ, который он окончил с отличием в 1949 году. По окончании работал в научных институтах авиационной промышленности: в 1949—1952 гг. — в НИИ-1 (ныне — Исследовательский центр им. М. В. Келдыша), затем — в Центральном институте авиационного моторостроения имени П. И. Баранова (ЦИАМ), где Г. Г. Чёрный с 1952 по 1970 годы руководил созданной им газодинамической лабораторией.

С 1953 года — кандидат технических наук, с 1957 года — доктор физико-математических наук. В 1957—1963 гг. Г. Г. Чёрный заведовал кафедрой газовой динамики и горения МФТИ. С 1954 года он преподаёт в МГУ, где работает на кафедре гидромеханики мехмата МГУ (1954—1992), с 1958 года профессором этой кафедры.

⁴⁴ <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D1%91%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9,0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87>

В 1960 году Г. Г. Чёрный стал директором годом ранее созданного Института механики МГУ и руководил им вплоть до 1992 года; за это время институт превратился в один из крупнейших российских научно-исследовательских центров. С 1992 года был советником дирекции данного института.

Член-корреспондент Академии наук СССР по Отделению технических наук (механика) с 29 июня 1962 года. Академик по Отделению энергетики, машиностроения, механики и процессов управления с 29 декабря 1981 года. Почётный член Российской академии естественных наук, Российской академии космонавтики, Международной академии наук высшей школы. Академик (с 1968 года) Международной академии астронавтики. Иностраннный член Национальной академии инженерных наук США (с 1997 года), член Европейской академии (с 2002 года).

Создал научную школу в области гидроаэромеханики и газовой динамики. Подготовил свыше 30 кандидатов и 15 докторов наук. Опубликовал около 200 научных работ, в том числе 4 монографии.

За достижения в научной, технической и преподавательской деятельности удостоен следующих государственных наград СССР и России:

- орден «Знак Почёта» (1957)
- орден Трудового Красного Знамени (1975)
- орден Дружбы народов (1980)
- орден Почёта (1999)
- орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2003)
- несколько медалей

Является лауреатом государственных и ведомственных премий:

- Государственная премия СССР (1972)
- Государственная премия СССР (1978)
- Государственная премия СССР (1991)
- Государственная премия Российской Федерации (2002)
- Премия Совета Министров СССР (1985)
- Премия имени Н. Е. Жуковского I степени (1959)
- Премия имени М. В. Ломоносова I степени (1965)
- Премия имени С. А. Чаплыгина (1976)
- Премии имени Л. И. Седова (2003)
- Премия имени Н. Е. Жуковского I степени (2006) и золотая медаль имени Н. Е. Жуковского

Горимир Горимирович Чёрный скончался 6 ноября 2012 года. Похоронен 12 ноября 2012 г. на Введенском кладбище в Москве.

Вот такой был ополченец Краснопресненской дивизии народного ополчения Москвы Горимир Горимирович Чёрный. Вечная ему память в умах и сердцах знавших его учеников, соратников, потомков ополченцев и всех, кому дорога память о московских ополченцах.

Глава 10. Дань памяти воинам 1284 полка –

Поклонный крест⁴⁵

*«...Мы не погибли, мы просто ушли,
Просто ушли в небеса.
На безымянных высотах земли
Наши слышны голоса...»⁴⁶*

В преддверии 75-летия трагических событий под Вязьмой в одном из мест героической обороны 1284-го полка 2-й дивизии народного ополчения (ДНО) Сталинского района г.Москвы членами городского отделения «Боевого братства» - участниками инициативно-поисковой группы «Победа» (мкр.Железнодорожный, г. Балашиха) был установлен Поклонный Крест, освящённый 6 мая 2016 года – в день святого Георгия Победоносца.

4 июля 1941 года - 77 лет назад – было создано народное ополчение г.Москвы и Московской области. Постановление Государственного Комитета обороны № ГКО-10 от 04.07.1941 «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения» дало возможность каждому гражданину страны в возрасте от 17 до 55 лет - трудящемуся, служащему или учащемуся - внести свою лепту в дело защиты Родины.

Вторая дивизия народного ополчения Сталинского района Москвы была сформирована в школе № 434 (ул. Щербаковская, 36). Командиром дивизии был назначен генерал-майор Вашкевич Владимир Романович. В состав дивизии входили добровольцы Электрокомбината, фабрики им.Щербакова, машиностроительных заводов района, а также батальон народного ополчения из Балашихинского района Московской области численностью около 800 человек. Этот 3-й батальон 5-го стрелкового полка состоял из рабочих, инженерно-технических и хозяйственных работников Балашихинской и Реутовской хлопчатобумажных фабрик,

⁴⁵ В.Шульга, Н.Меликов. Дань памяти. (К 75-летию Московской битвы)/ /Военная археология. – 2017. - №2(47). – С.33-36. Фото из архива ИПГ «Победа»

⁴⁶ Песня В. Кубышко на слова А. Вулых «Пропавшим без вести»

Балашихинской суконной фабрики, Саввинской прядильной фабрики, Кучинского кирпичного завода, студентов и преподавателей пушно-мехового института, колхозников.

31 июля 1941 года 2-я ДНО (входившая в состав 32-й Армии) по приказу штаба армии вышла на р.Вязьму, где подготовила и заняла оборону протяжённостью 18 км - от Ордулева до Серижани. В сентябре того же года дивизия была переформирована во 2-ю сд. Полки получили новые номера – 1282-й, 1284-й и 1286-й.

Командиром 1284-го полка был майор Герасимов Николай Николаевич, которому удалось уцелеть, продолжить свой боевой путь, получить заслуженные боевые ордена, но, к сожалению, его послевоенные следы потеряны...

11 октября 1284-й полк майора Герасимова, оставленный в распоряжении командующего 19-й армией, занял рубеж по реке Вязьма. Больше суток московские ополченцы, истекая кровью, держали здесь оборону и не пропускали врага.

Комдив дивизии Вашкевич В.Р. в своих воспоминаниях, частично основанных и на рассказах выживших ополченцев, так описывает последний бой 1284 полка:

«1284-й стрелковый полк, оставленный на реке Вязьме для прикрытия прорыва 19-й армии на восток, свою трудную задачу выполнил. Весь день 11 октября он огнем и контратаками отражал попытки крупных сил немецко-фашистских войск переправиться на восточный берег реки Вязьмы. Бойцы мужественно сражались, проявляли стойкость и героизм.

В этом бою, лично ведя в контратаку роту, пал смертью храбрых начальник штаба полка В. Вяжлинский. Стрелковое отделение сержанта И. Дубихина, в котором находился комиссар батальона Н. Сапелкин, героически погибло, уничтожив более двух десятков гитлеровцев, и не уступило врагу своих позиций. Стойко защищали свои позиции пулеметчики пулеметной роты 3-го стрелкового батальона. Командир пулеметной роты лейтенант А. А. Баранов, будучи дважды ранен — в ногу и в руку, продолжал вести пулеметный огонь, пока не потерял сознание. Героически погибли на своих позициях пулеметные расчеты сержанта Иконникова и

старшины Тацалова. Только небольшой части полка удалось выйти из окружения и присоединиться к своим войскам».

На месте прорыва из окружения 1282-го и 1286-го полков у села Богородицкое Вяземского района Смоленской области установлен монумент в память погибших и пропавших без вести бойцов этих полков. До последнего времени место боя 1284-го полка было известно только приблизительно и не было отмечено каким-либо памятным знаком.

И вот... В 2006 году в городе Железнодорожный Московской области была создана инициативно-поисковая группа (ИПГ) «Победа», командир Шульга Владимир Юрьевич, которая с 2007 года работает при краеведческом музее Железнодорожного.

Командир Поисковой группы
ПОБЕДА В.Ю.Шульга

Все эти годы члены группы пытаются проследить боевой путь земляков, ушедших в народное ополчение. Ежегодно весной и осенью группа уходит в экспедиции по местам одной из самых кровопролитных трагедий ВОВ под Вязьмой, стараясь проверить на месте сведения, которые удалось найти в архивах, почерпнуть из воспоминаний участников сражений.

В 2016 году с 30 апреля по 8 мая группа проводила акцию «Вахта памяти» в Вяземском районе Смоленской области.

Основным мероприятием акции стала установка Поклонного креста на месте бывшей деревни Бухоново с целью отметить последний рубеж 1284-го полка. Поредевший и измотанный, но не сломленный духом 1284 полк принял бой на рубеже Годуново-Бухоново-Нечаево.

Найденные за десять лет артефакты указывали: все дороги ведут в Бухоново! Именно на месте этой деревни, увы, бывшей, «Победа» в своё время нашла остатки типографии, что указывало место, где, по-видимому, стоял штаб дивизии. Именно здесь обрываются следы нашего ополчения. Именно здесь должно быть место поклонения павшим бойцам 1284 стрелкового полка 2-й СД.

Место установки Поклонного Креста было выбрано членами инициативной группы по увековечиванию памяти земляков, сражавшихся в составе 2-й дивизии народного ополчения, в районе описанных выше событий – на месте не существующей ныне деревни Бухоново, где осенью 1941 года шли жестокие бои. Поклонный крест высотой 4 метра и весом 200 кг был собственноручно изготовлен командиром инициативно-поисковой группы «Победа» Владимиром Шульгой по благословению протоиерея Александра Григорьева – настоятеля Храма Троицы Живоначальной г.Железнодорожного.

Трудный путь Поклонного креста

Под Бухоново группа из двенадцати человек отправилась на четырёх внедорожниках, но и такая техника не убергла от попадания в вязкую ловушку суглинка (дорог здесь нет, только направления, едва останавливаешься – машина вязнет). Но пара-тройка лишних часов, потраченных на освобождение машин из топких низин, не помешали благой цели. И 2 мая 2016 года, донесся крест от лагеря до места установки на руках – более километра по напоённой талой водой земле, члены группы «Победа» установили памятное сооружение: крест из дерева на стальной опоре.

Установка Креста

После освящения Креста

На освящение Поклонного креста 6 мая 2016 года прибыл старший священник строящегося неподалёку Спасо-Богородицкого

Одигитриевского женского монастыря Смоленской области иеромонах Даниил (Сычѳв), являющийся по совместительству настоятелем храма Феодора Стратилата.

Крест был освящѳн в день святого Георгия Победоносца – покровителя воинов. При освящении Поклонного креста присутствовали члены городского отделения «Боевого братства» - участники ИПГ «Победа», ставшие инициаторами увековечения памяти бойцов 1284-го полка 2-й дивизии народного ополчения. Отныне к Поклонному кресту могут прийти все, кто желает отдать дань памяти героям, вставших по зову сердца на защиту страны.

На Поклонном кресте размещена табличка: *«Землякам-ополченцам 1284 полка (Балашихинского) 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы. С благодарностью на века - в год 75-летия формирования и гибели дивизии от Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» Железнодорожного 06.05.2016 года».*

Поисковики поблагодарили всех тех, кто на протяжении многих лет поддерживал и помогал нам: Наталию Сотникову, директора краеведческого музея города Железнодорожный, и руководителя отделения «Боевое братство» Сергея Яковлева, а также всех единомышленников-поисковиков.

Все эти поисковики, люди уже состоявшиеся, из года в год, оставляя семью и работу – кто в Москве, кто в Подмосковье, ездят в тщательно готовящиеся экспедиции, среди топей и комаров, тратя своё время и средства, чтобы восстановить историческую и человеческую справедливость. Благодаря их бескорыстной работе пополняются музеи школ №3, 10, 12 в городе Железнодорожный, бывшей школе №434 Москвы, в которой формировалось ополчение Сталинского района Москвы, Российского государственного аграрного университета в Балашихе. А главное – родные и близкие ополченцев получают самую проверенную информацию с мест героических сражений отцов, дедов, прадедов...

Пока такие люди ведут исследования, остаѳтся надежда, что ни один погибший за Родину солдат не останется не преданным земле со всеми почестями.

Поисковики и потомки ополченцев

Большая делегация родственников бойцов 2-й ДНО прибыла 6 мая 2016 года к Поклонному кресту землякам-ополченцам 1284-го стрелкового полка под Бухоново. К горящим свечам и поминальной молитве добавились красные гвоздики – символ пролитой крови и живой памяти. А 10 сентября отряд разместил на кресте фотографии и списки некоторых пропавших без вести бойцов 1284-го полка и погибших местных жителей.

«Здесь без вести пропавшие ходили в рукопашную,

Пока пыталась армия пробиться на восток.

Но трижды за два года тут бесновался фронт.

И в горе всенародном твой затерялся стон».

А.З.Эйдельштейн

Поклонный крест стал своеобразным кенотафом (символическим надгробием) для тех, чье место последнего пристанища не найдено до настоящего времени, и местом сбора для потомков защитников Родины, чьи родные до сих пор отсутствуют в списках павших, числясь в базах данных с формулировкой «пропал без вести».

Вахта Памяти продолжилась и в последующие годы⁴⁷. Чтобы потомки бойцов 1284 СП 2СД народного ополчения г.Москвы, а также местные жители смогли увековечить память погибших при защите Отечества своих родственников и земляков, разместив на плитах мемориала их фото или таблички с именем, командиром группы Владимиром Шульгой собственноручно (при поддержке семьи) были изготовлены и **весной 2017 года** при помощи участников группы доставлены к месту установки Поклонного креста две бетонные плиты весом 120 кг каждая. При изготовлении в плиты были заранее вмонтированы дюбели для саморезов под вертикальные таблички размером 13*18 см, чтобы в любое время потомки бойцов 1284 СП (в состав которого входил и Балашихинский батальон) смогли самостоятельно разместить на мемориале металлические (с отверстиями) или керамические (без отверстий) таблички.

Мемориал около Поклонного креста

47 <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=68696.msg483700#msg483700>

В мае 2017 года на Мемориале «Поклонный (Памятный) крест урочища Бухоново» появились новые фото-овалы погибших защитников Отечества. Ввиду отсутствия прямых потомков у погибшего в 1941 году под Вязмой старшего лейтенанта Вячеслава Васильевича Вяжлинского - помощника начальника штаба полка, участника Гражданской войны, награждённого орденом Красной Звезды, заведующего военной кафедрой Пушно-мехового института (ныне Российского Государственного Аграрного Заочного Университета, расположенного в г.Балашихе) - фотоовал с изображением бойца Красной Армии был изготовлен и помещен на мемориал членами поисковой группы «Победа».

Племянник ополченца Сергея Соломоновича Шейнина – Анатолий Борисович Есипов - предоставил фото дяди, датированное 1939 годом. Найти Анатолия Борисовича поисковикам удалось по старому телефонному справочнику г.Москвы, когда они пытались разыскать дочь ополченца, увы, не дожившую до наших дней. Удалось установить, что у С.С.Шейнина (главного инженера действующей фабрики, обслуживающей армию и фронт) была бронь, но он пренебрёг возможностью остаться дома, когда в опасности была родная страна. В 1941 году С.С.Шейнину было 54 года. Уходя на фронт, он сказал 16-летней дочери Анне: «Я, как и все, обязан защищать Родину». Анна Сергеевна Шейнина (в замужестве Тихоненко) стала впоследствии выдающимся советским вирусологом, которой удалось сделать первую в мире электронную фотографию вируса.

Благодаря информации, имеющейся у родственников, а также сопоставляя все звания и должности, почётные члены группы А.З.Эйдельштейн и И.В.Меликов (с точностью в 99 процентов) установили, что ополченец Владимир Александрович Меликов (чей фотоовал был размещён на мемориале в 2016 году) был знаком с Семёном Аркадьевичем Белостоцким, так как находился в его подчинении. Фотоовал техника-интенданта 2 ранга, помощника начальника продовольственно-фуражной службы 1284СП Семёна Аркадьевича Белостоцкого в мае 2017 года размещали на мемориале его внук Сергей и правнук Дмитрий, которые в этом году приехали на мероприятие всей семьёй. Годом ранее, 6 мая 2016г., Елена

Белостоцкая - жена внука С.А.Белостоцкого - приезжала в урочище Бухоново к установленному здесь Поклонному (Памятному) кресту вместе с делегацией потомков воинов 2-й стрелковой дивизии народного ополчения Сталинского района г.Москвы.

05 мая 2018 года в преддверии Дня Победы на Мемориале "Поклонный (памятный) Крест урочища Бухоново" в Вяземском районе Смоленской области вновь прошла памятная акция. 2018 год для Смоленской земли знаменательный - год 75-летия освобождения от фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

В этом году на Мемориале появилась ещё одна фотография. Гусаров Павел Никифорович родился в 1886 году и многие из сегодняшних героев, чья память увековечена, по возрасту годилась ему в сыновья. Жил он здесь, в деревне Бухоново со своей многочисленной семьёй. Был расстрелян в Бухоново в 1943 году за несколько дней до освобождения за помощь партизанам - у него осталось 6 детей. После расстрела его вторая жена Анна с детьми переехала в Годуново. Сына Николая 1928г.р. забрали к себе партизаны. Гусаров Алексей Павлович рассказывал, что немцы частично сожгли деревню ещё за то, что местные ребята закинули гранаты к немцам в хату. Последний раз он был здесь в 70-е годы. Фотографию размещали внуки, прилетевшие из г.Калининграда.

Обновились и появились новые таблички с именами павших воинов и местных жителей. Размещение фото продолжается....

Вот так выглядит Мемориал в Бухоново в мае 2018 года. На снимке инициаторы, вдохновители и участники создания Мемориала Владимир Шульга и Елена Козина.

Работа Поисковой группы «ПОБЕДА» по военно-патриотическому воспитанию молодежи в школах, колледжах, лагерях отдыха была отмечена **Премией Губернатора** Московской области «Наше Подмосковье» за 2017 год и получила также международное признание.

Владимир Шульга и Елена Козина

Поимённые списки павших ополченцев 1284 полка из городов Балашиха и Петушки

**СПИСОК МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ БУХОНОВСКОГО С/СОВЕТА,
ПОГИБШИХ ОТ РУК НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
в ПЕРИОД ОККУПАЦИИ (1941-1943 гг.)**

АГАПОВ МАКСИМ МИХАЙЛОВИЧ
1887 г.р., д.Степаньково. Погиб от рук немецко-фашистских захватчиков в период оккупации.

АНИСИМОВ ИВАН АНИСИМОВИЧ
1887 г.р., д.Красиково. Расстрелян немцами в период оккупации.

АНТОНОВ ИВАН АНТОНОВИЧ
1886 г.р., д.Красиково. Погиб от рук немецко-фашистских захватчиков в период оккупации.

ГРИГОРЬЕВ ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ
1882 г.р., д.Бухово. Погиб от рук немецко-фашистских захватчиков в период оккупации.

ГРУЗДЕЕВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
1860-22.08.1942., д.Бухово. Погиб от рук немецко-фашистских захватчиков в период оккупации.

ГУСАРОВ ПАВЕЛ НИКИФОРОВИЧ
1885(1886)г.р., д.Бухово. Погиб от рук немецко-фашистских захватчиков в период оккупации.

ИВАНОВА ДАРЬЯ ИВАНОВНА
1886 г.р., д.Парфеново. Погибла от рук немецко-фашистских захватчиков в период оккупации.

ИГНАТОВА ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА
1884 г.р., колхоз «VII съезд Советов». Расстреляна немцами в период оккупации.

КОЧАНОВ НИКОЛАЙ Ю.
1929 г.р., колхозник, д.Юфаново. Убит немцами в период оккупации.

КОЧАНОВ СЕРГЕЙ ЛЕОНОВИЧ
1911 г.р., колхозник, д.Юфаново. Убит немцами в период оккупации.

КОЧАНОВА УСТИНЯ САВОСТЬЯНОВНА
1864 г.р., колхозница, д.Юфаново. Убита немцами в период оккупации.

МИХАЙЛОВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ
1924 г.р., д.Степаньково. Погиб от рук немецко-фашистских захватчиков в период оккупации.

НИКИТИН ВАСИЛИЙ НИКИТИЧ
1897 г.р., д.Яминово. Погиб от рук немецко-фашистских захватчиков в период оккупации.

ОСИПОВ ОСИП ОСИПОВИЧ
1882 г.р., д.Бухово. Погиб от рук немецко-фашистских захватчиков в период оккупации.

ПАХОМОВ ВАСИЛИЙ
1924 г.р., колхоз «VII съезд Советов». Расстрелян немцами в период оккупации.

ПОЗДНЯКОВ ПЁТР ИВАНОВИЧ
1938 г.р., д.Юфаново. Убит немцами в период оккупации.

ПОЗДНЯКОВА ИРИНА ПЕТРОВНА
1911 г.р., колхозница, д.Юфаново. Убита немцами в период оккупации.

ПОЛЯКОВА АКУЛИНА ЕФИМОВНА
1918 г.р., колхозница д.Юфаново. Расстреляна немцами в период оккупации.

ПОЛЯКОВА ЕВДОКИЯ ГРИГОРЬЕВНА
1860 г.р., колхозница, д.Юфаново. Расстреляна немцами в период оккупации.

СЕРГЕЕВ РОМАН СЕРГЕЕВИЧ
1876 г.р., колхоз «Путь Коммунизма». Расстрелян немцами в период оккупации.

ФРОЛОВА АННА АНДРЕЕВНА
1924 г.р., колхоз «Колос». Расстреляна немцами в период оккупации.

ШОРМОТОВА АЛЕКСАНДРА
д.Юфаново. Убита немцами в период оккупации.

42 РЕБЁНКА (список уничтожен немцами),
Аношенский детский дом. Умерли от голода.

Список погибших местных жителей

Активные члены группы и потомки воинов-ополченцев г.Москвы были награждены юбилейной медалью "70 лет Победе над нацистской Германией и ее союзниками", учреждённой созданным в Израиле в 1948 г. «Союзом воинов и партизан-инвалидов войны с нацизмом»:

Эйдельштейн Аркадий Зямович (посмертно) – старейший поисковик-документалист погибших воинов; Почётный член ОО «Поисковая группа «Победа»; сын ополченца 1284СП 2СД - 2-й

Дивизии народного ополчения Сталинского района г.Москвы Эйдельштейна Зямы Ароновича, пропавшего без вести в октябре 1941 года в боях под Вязьмой при обороне Москвы; автор сборника стихов «Память» - 75 лет подвигу народного ополчения Москвы 1941-2016, Россия-Москва, Израиль, 2016 год.

Меликов Игорь Владимирович – Почётный член ОО «Поисковая группа «Победа»; сын ополченца 1284СП 2СД - 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района г.Москвы Меликова Владимира Александровича, пропавшего без вести в октябре 1941 года в боях под Вязьмой при обороне Москвы; автор-составитель и организатор издания сборника стихов А.Эйдельштейна «Память», Россия-Москва, 2016 год; пенсионер, Ветеран труда; исследователь-публицист по вопросам московского ополчения; житель г.Москвы, Россия.

Муждабаева Людмила Егоровна – поисковик-документалист погибших воинов; член правления Региональной общественной организации содействия сохранению памяти воинов 2-й стрелковой дивизии Народного Ополчения Сталинского района г.Москвы; внучка ополченца 1286СП 2СД - 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района г.Москвы Кутехова Дмитрия Фёдоровича, пропавшего без вести в октябре 1941 года в боях под Вязьмой при обороне Москвы; пенсионер, житель г.Москвы, Россия.

Яковлев Сергей Георгиевич – Председатель правления Балашихинского Городского отделения Московского областного отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство», ветеран-участник боевых действий; участник создания Мемориала «Поклонный (Памятный) крест урочища Бухоново» в Вяземском районе Смоленской области в 2016 году; житель г.Балашихи Московской области, Россия.

Шульга Владимир Юрьевич – руководитель-командир ОО «Поисковая группа «Победа», инициатор и руководитель создания Мемориала «Поклонный (Памятный) крест урочища Бухоново» в Вяземском районе Смоленской области России в память о погибших и пропавших без вести в Вяземском котле в октябре 1941 года ополченцах, местных жителях и всех погибших за Отечество; житель г.Балашихи Московской области, Россия.

Козина Елена Викторовна – заместитель руководителя ОО «Поисковая группа «Победа», поисковик, участник создания Мемориала «Поклонный (Памятный) крест урочища Бухоново» в Вяземском районе Смоленской области России в память о погибших и пропавших без вести в Вяземском котле в октябре 1941 года ополченцах, местных жителях и всех погибших за Отечество; житель г.Балашихи Московской области, Россия.

Душенина Светлана Ивановна – руководитель пресс-службы Балашихинского Городского отделения Московского областного отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство»; журналист; житель г.Балашихи Московской области, Россия.

Вот так выглядит удостоверение к медали:

Удостоверение к медали А.З.Эйдельштейна

Перевод текста на удостоверении:

«Тем самым удостоверяю право носить "Медаль - 70 лет победе над нацистской Германией и ее союзниками", выпущенную Организацией воинов и партизан - инвалидов войны с нацизмом. И.О. президента Организации воинов и партизан - инвалидов войны с нацизмом Эфраим Паперный».

Медаль в честь 70-летия Победы, Израиль

Медаль размещается на наградных лентах и парадной одежде выше других знаков отличия, как признание исключительных по значению заслуг в общественной деятельности награждённого.

А это трое из награждённых: Елена Козина, Игорь Меликов и Владимир Шульга во время торжественной встречи по случаю награждения в домашней обстановке у Почётного члена Поисковой группы «Победа» И.В.Меликова. Похвальбушки...

«Медалисты» Козина Е.В., Меликов И.В., Шульга В.Ю.

Глава 11. Петушинские ополченцы⁴⁸

4 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения».

Мобилизация и формирование частей проводились по территориальному признаку: каждый административный район Москвы формировал свою дивизию, которая доукомплектовывалась группами ополченцев из определённых районов Подмосковья. Для руководства работой по мобилизации жителей в дивизии ополчения и организации их материально-технического снабжения в районах Москвы и области создавались чрезвычайные тройки в составе первого секретаря райкома ВКП(б), райвоенкома и начальника райотдела НКВД, находившиеся под руководством штаба округа. Законченные тройкой дела по мобилизации передавались в райвоенкоматы для оформления. Предписывалось формировать дивизии за счёт мобилизации жителей в возрасте от 17 до 55 лет в срок с 3 по 5 июля в Москве и с 3 по 6 июля - в области. От мобилизации освобождались призывники, имеющие на руках мобилизационные предписания, работники трёх наркоматов оборонной промышленности, станкостроительных заводов и тех предприятий, которые районная тройка сочтёт исполняющими оборонные заказы особой важности.

За мобилизованным в ополчение лицом сохранялось ежемесячное денежное содержание по последней занимаемой им должности, а в случае его инвалидности или смерти ему или его семье гарантировалась военная начсоставовская пенсия. Всего за несколько дней было подано свыше 300 тысяч заявлений от желающих вступить в ополчение, из них по области - свыше 140 тысяч.

Большинство населения, находившееся под влиянием грешившей шапкозакидательскими настроениями предвоенной

⁴⁸ По материалам:

Доклад на межрегиональной научно-практической конференции «Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции в октябре 1941 года. (К 75-летию их создания)», 10-11 октября 2016 г., г. Вязьма Смоленской области.

Газета «Кадетское братство», октябрь, 2017, с.17.

Петушинская районная газета «ВПЕРЁД», №77(12737), 3 октября 2017 г.

пропаганды, и представить себе не могло, как повернутся события. Рабочее население Москвы и Подмосковья - в основном, малоразвитые вчерашние крестьяне, жившие очень небогато, - высоко оценило возможность пойти в ополчение на казённое обеспечение, сохранив при этом зарплату и обеспечив семьям кое-какие льготы. Районные начальники разъясняли им, что собственно воевать - т.е., нести фронтową службу - ополченцы не будут. На них будут возложены вспомогательные задачи недалеко от дома: строительство оборонительных рубежей, охрана военных объектов, ловля диверсантов и пр. При этом ополченец, как казалось, получал гарантию от призыва в Действующую Армию.

На момент формирования ополчения всё это было правдой, хотя такие заверения могли даваться в целях скорейшего выполнения разнарядки по призыву. Многие люди пошли в ополчение, совершенно не высчитывая плюсов и минусов этого шага, а просто повинуясь патриотическому порыву.

Мероприятия по формированию ополченского отряда начались на основании упомянутого Постановления и в Петушинском районе, расположенном в 110 км северо - восточнее Москвы.

В Москве были сформированы 12 дивизий, и во многих из них участвовали жители Петушинского района Подмосковья (ныне Владимирской области).

В Московской области призыв в народное ополчение проходил в два этапа. Первый был в г.Петушки и районе с 6 по 20 июля 1941 года через военкомат Петушинского района (ПРВК). Однако вскоре ополченцы узнали, что им предстоит служить не в местных формированиях милицейского типа, а в московских дивизиях народного ополчения: потери регулярных частей в живой силе оказались настолько велики, а положение государства настолько опасным, что пришлось закрывать фронт ополченцами. В правовом отношении положение ополченцев не предоставляло им никаких преимуществ; государство вольно было распоряжаться ими по своему усмотрению.

Большинство призванных в это время петушинцев было направлено в 17-ю Дивизию народного ополчения (ДНО)

Москворецкого района Москвы, в которой из них был сформирован целый батальон численностью более 700 человек.

Второй призыв датируется 26-30 августа 1941 года, ополченцы в составе маршевых команд направлялись на пополнение в разные ДНО, большинство из которых занимали позиции в Смоленской области, под Ельней и Дорогобужем. В таблице приведены данные о присутствии петушинских ополченцев в Московских ДНО.

По возрасту, дате и месту призыва можно с высокой степенью уверенности говорить, что эти призывники были ополченцами. Хотя нередко возникают сомнения в добровольности записи в ополчение жителей, нередко имеющих в семье 4 детей и даже 13! детей, как у Думцева Фёдора Яковлевича, 1891 г.р., призванного Петушинским РВК 06.07.1941 г. в 17-ю Московскую ДНО Москворецкого района, связь с которым была прервана с января 1943 года⁴⁹.

<i>№ ДНО / № СД по районам Москвы</i>	<i>Армия</i>	<i>Район действия</i>	<i>Количество ополченцев-петушинцев</i>
1/60 Ленинский	33	Спас-Деменск	32
2/2 Сталинский	32, 19	р.Днепр, р.Вязьма	23
4/110 Куйбышевский	31, 33	Наро-Фоминск, оз.Селигер	28
5/113 Фрунзенский	43, 33	Спас-Деменск	20
6/160 Дзержинский	24	Ельня	43
7/29 Бауманский	19	Дорогобуж, Вязьма	40
8/8 Краснопресненский	32	Дорогобуж, Ельня	35
9/139 Кировский	33, 24	Ельня, Спас-Деменск	27
13/140 Ростокинский	32	р.Днепр, Холм-Жирковский	31
17/17 Москворецкий	33	Спас-Деменск	700
18/18 Ленинградский	32	Сычёвка, р.Днепр	7
21/173 Киевский	31	Киров	4

Кроме ДНО, петушинцы направлялись также на пополнение стрелковых дивизий (СД), боевые действия которых велись в разных районах:

269 СД – 10 чел., Трубчёвск

⁴⁹ Подвиг народного ополчения Петушинского района в битве за Москву. – Владимир: 2011. С.73, 135.

279 СД – 1, Брянск
280 СД – 2, Трубчёвск, Брянск
282 СД – 5, Трубчёвск
285 СД – 5, Ленинград
293 СД – 7, ?
298 СД – 4, Трубчёвск
305 СД – 16, Новгород
307 СД – 25, Трубчёвск

Другие или не установленные СД – 153

В качестве ополченцев и на пополнение дивизий было направлено 1045 жителей Петушинского района. Всего же в войсках служили 9468 жителей района, 5280 из них погибли или пропали без вести.

После призыва ополченцы сразу же были направлены на строительство оборонительных сооружений: окопов, рвов, блиндажей, дзотов. Из вооружения ополченцы, кроме трёхлинейной винтовки и сапёрной лопаты, имели бутылки с горючей смесью и мало артиллерии.

30 сентября началось наступление немецких войск по широкому фронту, занимаемому, в том числе и ополченческими дивизиями, попавшими в самый центр боёв. Немногим из них удалось уцелеть, большинство ополченцев погибли в боях. Боевые условия не давали возможности хоронить павших, их оставляли на поле боя и даже местные жители не всегда хоронили их в братских могилах. Поэтому лишь единицы ополченцев имеют место захоронения, а у большинства павших, оставленных на поле боя, значится: «пропал без вести».

ОПОЛЧЕНЦЫ⁵⁰

Одним было под сорок,
Другим – за пятьдесят,
И каждому был дорог
Свой дом, колодец, сад.

Семья и деток куча
И каждый – мал-мала,
Пять кур, коровка Муся,
Поможет детвора.

Плечо к плечу стеною,
Щитом – встают они,
Спеша окопы роют,
Так коротки им дни.

«Тайфун» сметёт нещадно
Спас-Деменский рубеж,
И ополченцев стадно
Планировал враг бег.

⁵⁰ Гаврилов А.В. Память. Стихи о войне. Ополченцы. – Петушки: 2016. С.21-22.

Короткое прощанье,
Объяты горячи,
В котомке кружка, ложка,
Да скудные харчи.

С молитвой провожали
На фронт – жена и мать,
Сказав, что «ополченцам
В обозе воевать»?

Все в старых гимнастёрках,
С винтовкой на троих,
Семнадцатая стала
Родной семьёй для них.

Девиз: «Москва за нами!»
И каждый насмерть встал
Под цвета крови знамя,
И жизнь свою отдал.

Огромные потери
Врагу вы нанесли,
Вы каждый – жить хотели,
Но много полегли.

Сражались вы отважно,
Прикрыв Москву собой,
Сдержав рубеж – так важно
Нам помнить этот бой!

Более 60 петушинских ополченцев попали в плен и там погибли через два-три месяца. Да и в плен они попадали в таких обстоятельствах, что другого выхода у них не было, к тому же многие попадали, будучи ранеными. Тем более что в окружении оказалось много тыловых частей, обозов, госпиталей, воины которых не имели вообще оружия. Поэтому мы чтим их как павших в бою.

Домой после ранений вернулись 30-40 петушинских ополченцев. К сожалению, при их послевоенной жизни не удалось у них взять воспоминания, фотографии, другие документы, что помогло бы восстановить в памяти и их сослуживцев, не вернувшихся с войны. Поэтому местные жители испытывают чувство вины перед воевавшими ополченцами за то, что долгое время не поднимали вопроса об увековечении их памяти.

Но время берёт своё. Постановлением главы Петушинского района от 6 сентября 2010 года «Об увековечении памяти народных ополченцев, жителей Петушинского района, погибших в 1941 году при защите Москвы» **4 октября**, один из дней массовой гибели ополченцев, объявлен ежегодным Днём Памяти ополченцев-петушинцев, погибших осенью 1941 года при отражении немецко-фашистского наступления «Тайфун»⁵¹.

Результатом кропотливой работы по восстановлению утерянных ещё в годы ВОВ списков ополченцев и установлению их трагических

⁵¹ Постановление Главы Петушинского района от 06.09.2010, № 6 // Подвиг народного ополчения Петушинского района в битве за Москву. – Владимир: 2011. С. 6-7.

судеб явилась Книга Памяти, выполненная энтузиастами Общественной редакционной коллегии при Международной ассоциации общественных поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества». Были также использованы сведения из картотеки погибших и пропавших без вести петушинцев, которую многие годы составляли работники Петушинского краеведческого музея.

Отдавая дань памяти всем петушинским ополченцам, ниже мы приведём краткие сведения о тех из них, кто воевал во 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы и погиб в боях на Вяземской земле (связь прервалась в октябре 1941 г. и позже).

1284 стрелковый полк 2-й Стрелковой дивизии / 2-й ДНО, дата призыва Петушинским РВК 26-27 августа 1941 года:

Бармин Михаил Васильевич, 1902 г.р., 4 рота

Гусаров Николай Васильевич, 1905 г.р., 4 детей

Ерохин Никлай Павлович, 1905 г.р.

Карпунин Николай Леонтьевич, 1905 г.р., Павлово-Посадский РВК

Копышкин Иван Михайлович, 1906 г.р.

Кривов Сергей Иванович, 1914 г.р., взвод разведки

Нарышкин Павел Егорович, 1906 г.р., стрелок

Фадин Сергей Дмитриевич, 1910 г.р.

1286 стрелковый полк 2-й Стрелковой дивизии / 2-й ДНО, дата призыва Петушинским РВК 26-27 августа 1941 года:

Громов Иван Николаевич, 1903 г.р.

Логинов Сергей Михайлович, 1907 г.р., призван 06.07.1941, 6 СП, 2-й батальон, 2-я рота, пленён 10.1941, освобождён

Мясоедов Николай Васильевич, 1904г.р., призван Фрунзенским РВК Москвы в августе 1941 г., миномётчик

Среди ополченцев 2-й ДНО были петушинцы, работавшие на предприятиях Москвы и призванные

Сталинским РВК:

Доронин Григорий Егорович, 1907 г.р. (ППС 929)

Доронин Иван Егорович, 1915 г.р. (призван 07.07.1941)

Калинин Александр Иванович, 1909 г.р. (призван 23.07.1941, мл.командир самокатной разведывательной роты, 3-й взвод)

Карпов Николай Михайлович, 1898 г.р. (отдельный артдивизион, 1 батарея)

Карпов Степан Герасимович, 1898 г.р.(призван 06.07.1941)

Новиков Василий Александрович, 1905 г.р., призван 07.1941

Цимаров (Цеморов) Иван Михайлович. 1909 г.р.

Тимирязевским РВК Москвы был призван:

Егоров Фёдор Михайлович, 1896 г.р., призван 06.07.1941, отдельная рота связи

Первомайским РВК Москвы был призван:

Завялин Павел Васильевич, 1914 г.р.

Кировским РВК Москвы был призван

Назаров Дмитрий Иванович, 1906 г.р., призван 13.07.1941, ППС 929, 455 ОСБ

Петушинским РВК М.О. был призван

Большаков Василий Иванович, 1900 г.р.

Память о павших и пропавших без вести ополченцах 2-й СД увековечена Мемориалом в районе с.Богородицкое Вяземского района Смоленской области, откуда в октябре 1941 года уходили на прорыв из окружения вместе с другими частями и воины-ополченцы 1282 и 1286 стрелковых полков 2-й СД.

6 мая 2016 года в рамках акции «Вахта памяти» в районе урочища Бухоново, на месте не существующей ныне деревни такого же названия, силами и средствами инициативно-поисковой группы «Победа» из города Железнодорожный Московской области был установлен Поклонный памятный крест на месте последнего рубежа, который занимали воины 1284 полка 2-й СД, оставленные на этом месте для прикрытия прорыва 19 Армии и двух полков 2-й СД. Тем самым увековечена и память погибших ополченцев-петушинцев, служивших в этом полку и принявших здесь свой последний бой.

Список петушинских ополченцев на Поклонном кресте

А 10 сентября отряд разместил на кресте медальоны с фотографиями некоторых пропавших без вести бойцов 1284 полка и список бойцов-петушинцев. Они не забыты, их помнят, их чтут потомки.

Закончить это небольшое повествование хочется такими словами в память всех не вернувшихся с войны Петушинских ополченцев:

ГИМН ПЕТУШИНСКИМ ОПОЛЧЕНЦАМ⁵²

Летают голуби, склоняем головы
Во славу тех, кто жизнь отдал свою,
Отцы не молоды, седы их головы,
Их больше тысячи – легли в бою.

Вы – ополченцы, вы жили честно
И в бой пошли, чтоб Родину спасти,
Мы будем помнить Вас
В святой и скорбный час,
И имя каждого у нас в чести.

⁵² Гаврилов А.В. Память. Стихи о войне. Гимн Петушинским ополченцам. – Петушки: 2016. С.21-22.

Прикрыв Москву собой, жестокий приняв бой,
Задачу выполнил наш батальон
За честь земли родной, но дорогой ценой,
Навеки в памяти остался он.

Ушёл смертельный час, но подвиг не угас,
И имя каждого в граните есть.
Вот - пионеров строй, они готовы в бой,
Портреты павшего несут с собой.

Вы – ополченцы, вы жили честно
И в бой пошли, чтоб Родину спасти,
Мы будем помнить Вас
В святой и скорбный час,
И имя каждого всегда в чести.

Приложение 3.

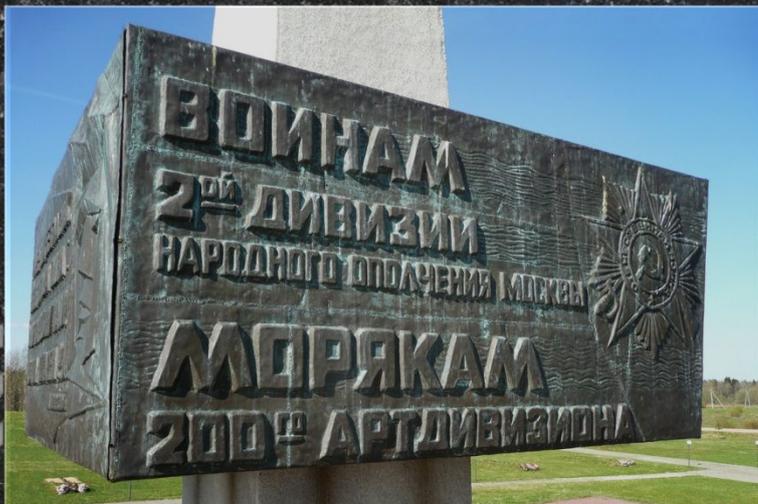
Мемориалы дивизиям Московского ополчения (примеры)

Народным ополченцам Москвы, Москва

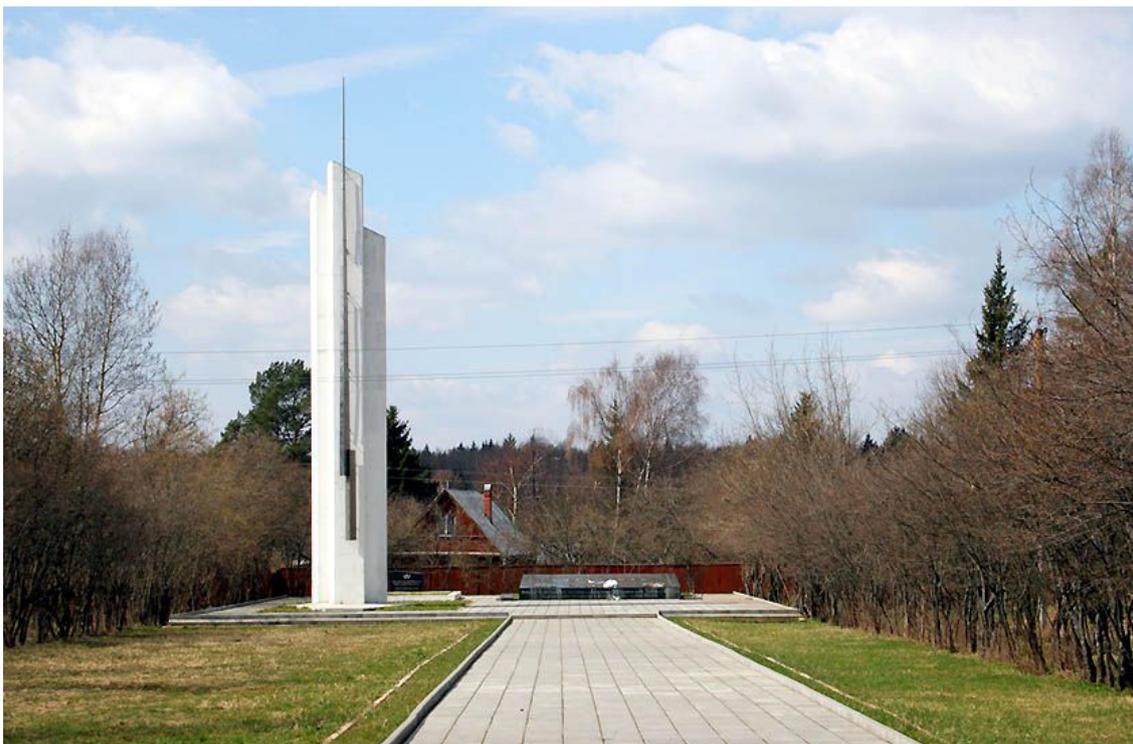
1-я ДНО Ленинского района, Москва

Военно-исторический
мемориал
"Богородицкое поле"
на месте прорыва
из окружения
частей Красной Армии,
в том числе
2-й Дивизи народного
ополчения,
11-12 октября 1941 г.
Смоленская область
село Богородицкое

2-я ДНО Сталинского р-на, с.Богородицкое Смоленской обл.

4-я ДНО Куйбышевского р-на, с.Щекутино Московской обл.

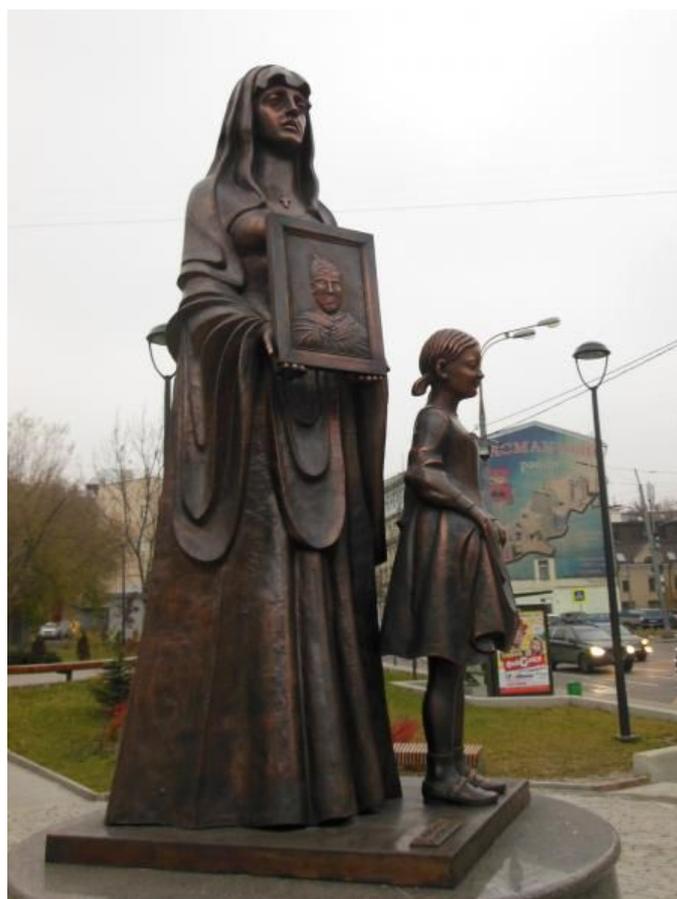
5-я ДНО Фрунзенского р-на, Москва

6-я ДНО Дзержинского р-на, Москва

7-я ДНО Бауманского р-на, г.Вязьма, Смоленской обл., 242 км

7-я ДНО Бауманского р-на, Москва

Уварово
Мемориал 8-й Краснопресненской дивизии
народного ополчения

8-я ДНО Краснопресненского р-на, д.Уварово Смоленской обл.

8-я ДНО Краснопресненского р-на, Москва

9-я ДНО Кировского р-на, г.Ельня Смоленской обл.

13-я ДНО Ростокинского р-на, г.Холм-Жирковский Смоленской обл.

13-я ДНО Ростокинского р-на, Москва

17-я ДНО Москворецкого р-на, Москва

18-я ДНО Ленинградского р-на, д.Баранцево Московской обл.

18-я ДНО Ленинградского р-на, Москва

21-я ДНО Киевского р-на, Москва

Ополченцам Пролетарского района Москвы

Часть 3. Поэзия ополчения

Глава 12. Поэтическое отражение трагической судьбы 2-й ополченской дивизии⁵³

Нынешним летом 2018 года исполняется 77 лет с начала Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии. Летом 1941 года, в начале июля для отражения агрессии на ближних подступах к столице были сформированы первые дивизии народного ополчения, в ряды которых по зову сердца вошли жители не только всех районов Москвы, но и подмосковных городов: Балашихи, Вереи, Орехово-Зуева, Петушков, Реутова и многих других городов и пригородных селений. В ополчение записывались и зрелые, повидавшие жизнь семейные мужчины и юные десятиклассники, заводские рабочие и сельские труженики, писатели, артисты, служащие. Нелёгкая выпала им всем доля, немногим удалось уцелеть в горниле трудных оборонительных боёв в Московской, Смоленской, Калининской и других областях, примыкавших к Подмосковию.

Память об ополченцах 1941 года сохраняется последующими поколениями, их потомками, родственниками, односельчанами, ветеранами боевых действий, поисковыми отрядами, местной администрацией и общественными организациями. Она выражается возведением больших мемориалов, городских скульптур и маленьких сельских памятников не вернувшимся с войны, организацией центральных и местных музеев, созданием посвящённых ополченцам произведений искусства, литературы, поэзии. Нечасто бывает так, что стихи не только затрагивают судьбу одной, отдельно взятой дивизии

⁵³ По материалам:

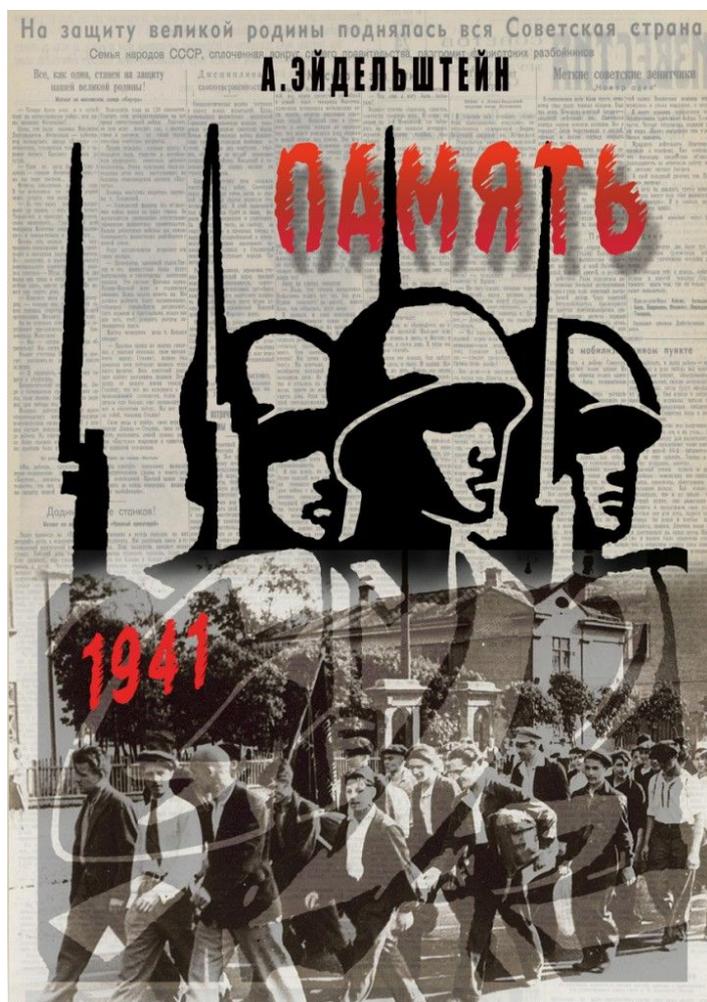
И.Меликов. Поэтическое отражение трагической судьбы 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы. // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции в октябре 1941 года». 10-11 октября 2016 г., г. Вязьма Смоленской области. С.304-317.

И.Меликов. Памяти воинов 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы // Газета «Кадетское братство», сентябрь, 2016. С.16-17.

И.Меликов....А мне покоя не даёт война // Петушинская районная газета «ВПЕРЁД», №64(12635), 4 октября 2016 г.

народного ополчения, но и всего ополченского движения жителей Москвы и Подмосковья.

Один из таких поэтических сборников - «ПАМЯТЬ», небольшого объёма и тиража, вышел в Москве летом 2016 года, накануне памятной даты - 75-летия начала формирования дивизий народного ополчения Москвы 2-4 июля 1941 г.⁵⁴ Издание сборника «ПАМЯТЬ» было осуществлено автором настоящей книги по прямому поручению А.З.Эйдельштейна при финансовой помощи семьи, друзей поэта и ряда заинтересованных читателей. Художественное оформление сборника выполнил внук ополченца Владимир Белов.

⁵⁴ А.Эйдельштейн. ПАМЯТЬ. Стихи. 75 лет подвигу народного ополчения Москвы 1941-2016. Москва, Onebook.ru. 2016.

Автор стихов *Аркадий Эйдельштейн* - сын пропавшего без вести в октябре (?) 1941 г. в боях под Вязьмой ополченца 1284 полка 2-й Стрелковой дивизии (до 26 сентября 1941г. – 2-я Дивизия народного ополчения Сталинского района Москвы, 2-я ДНО) *Эйдельштейна Зямы Ароновича*.

З.А.Эйдельштейн родился в 1906 году. До войны он жил с женой Пуховицкой Галиной Лазаревной и только что родившимся сыном Аркадием в Сталинском районе Москвы на Первомайской улице в доме 13а в комнате 41 (впоследствии 3-я Парковая ул, 27) и работал на «Парижская коммуна» (видимо, артель, а не фабрика), расположенной в Сталинском районе Москвы.

В июле 1941 г. вместе с тысячами москвичей, жившими в Сталинском районе или работавших на предприятиях района, он по велению сердца записался в Народное ополчение и был зачислен во 2-ю Дивизию народного ополчения Сталинского района Москвы, в 2/5/1284 стрелковый полк.

В начале октября 1941 г. во время наступления фашистских войск (операция «Тайфун») 2-я СД, входившая в состав 32-й, а позднее 19-й Армии, занимала позиции в районе реки Вязьма, обороняя шоссе Москва-Минск и прилегающие к нему территории Вяземского района Смоленской области.

В то время большая часть наших войск попала в окружение и была вынуждена с боями прорываться на восток. На прорыв пошли и два полка (1282 и 1286) 2-й СД во главе с командиром дивизии генерал-майором Владимиром Романовичем Вашкевичем, которому вместе с частью бойцов дивизии удалось выйти из окружения.

Как писал он впоследствии в своих воспоминаниях, «...1284-й стрелковый полк, оставленный на реке Вязьме для прикрытия прорыва 19-й Армии на восток, свою трудную задачу выполнил. Весь день 11 октября он огнем и контратаками отражал попытки крупных сил немецко-фашистских войск переправиться на восточный берег реки Вязьмы. Бойцы мужественно сражались, проявляли стойкость и героизм... Только небольшой части полка удалось выйти из окружения и присоединиться к своим войскам».

З.А.Эйдельштейна не было среди них. Как и многих других бойцов, убитых в этом бою, умерших от ран или взятых в плен и считавшихся пропавшими без вести.

Аркадий Эйдельштейн, Израиль,
Бессмертный полк, май 2016 г.

Его сын Аркадий - один из старейших поисковиков-документалистов. На фотографии он с портретом отца во время шествия Бессмертного полка в 2016 году в Израиле, где находился на лечении онкологического заболевания. Аркадий с 1980-х годов пытается не только выяснить судьбу своего отца, но и приоткрыть «тайну забвения» всей дивизии. Дивизии, которой по полной досталось от немцев в период проведения ими операции «Тайфун». Недаром на немецких картах Вяземского котла дивизия была

отмечена не просто номером, а именем – Stalin. В полной мере потом досталось и от своих: дивизию расформировали, несмотря на выход из окружения довольно большого отряда во главе с комдивом генералом В.Р.Вашкевичем. Хотя с некоторыми другими дивизиями так не поступили.

А в последующие годы дивизию ждало полное забвение. В доступных архивах нет документов по формированию и боевому пути 2-й Дивизии народного ополчения.

*Дивизию живём похоронили.
Не разбирая виноватых или правых,
Судьбу решили «телефонным правом».
А бой ночной и яркую борьбу
Накрыли саваном забвения – «табу».*

За ЧТО??? За то, что этими бойцами, в том числе, ополченцами, заткнули безысходный, даже не фронтовой, а государственный провал, и они своими жизнями практически спасали Москву? За то, что люди ушли от семей, в которых было и двое, и даже четверо (!)

детей, обрекая их на голодное существование, а то и на смерть? За то, что ушли в ополчение с заводов, фабрик, из учреждений, территориально располагавшихся в *Сталинском* районе Москвы?

Стихи Аркадия Эйдельштейна именно об этой боли, они идут из кровоточащего до сих пор сыновнего сердца. Они написаны от имени всех павших без вести и погибших ополченцев летнего призыва 1941 года, в том числе воинов 2-й Дивизии народного ополчения и её 1284 полка, в котором служил и тоже пропал без вести мой отец.

К великому горю, Аркадий Зямович ушёл из жизни 21 мая 2017 года. Но он успел узнать о выходе сборника своих стихов в России и увидеть их в руках читателей в Израиле, где они также были изданы⁵⁵. И даже стал там лауреатом Конкурса на историко-литературное произведение о воинском подвиге в годы Второй мировой войны и был награждён (посмертно) медалью в честь 70-летия Победы над нацизмом. А в России его стихи были выдвинуты на Всероссийский литературный конкурс «Герои великой победы – 2018», и автор стал призёром-полуфиналистом этого конкурса.

⁵⁵ Аркадий Эйдельштейн. Памяти воинов 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы. Стихи. Израиль, 2016.

Несколько лет в Москве работает Региональная ОБЩЕСТВЕННАЯ организация (РОО) содействия сохранению памяти воинов 2-й стрелковой дивизии Народного Ополчения Сталинского района Москвы. В инициативную группу («штаб дивизии») входят дети, внуки и правнуки ополченцев, живших или работавших на предприятиях Сталинского района (ныне Измайлово). За это время было возвращено из забвения около 8000 (!) имён воинов 2-й ДНО.

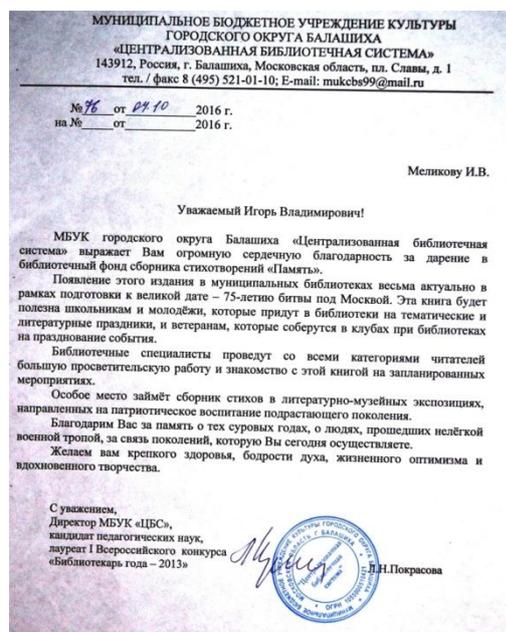
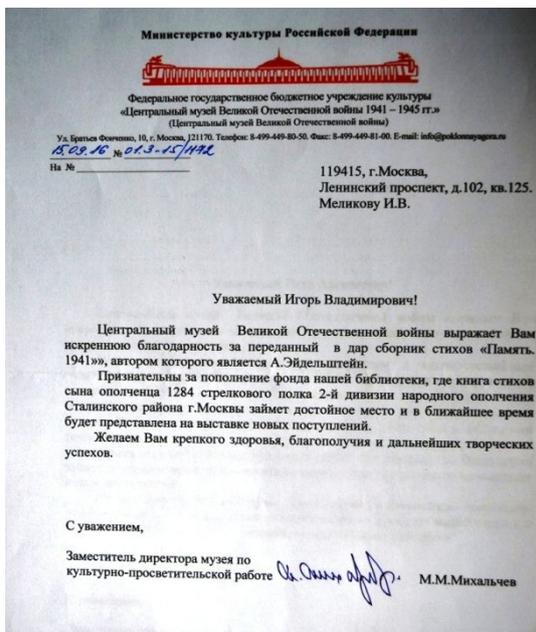
Огромную практическую помощь в поиске останков бойцов и следов 1284 полка, в котором служил З.А.Эйдельштейн, оказывает поисковый отряд «Победа», г.Железнодорожный Московской области, командир Владимир Шульга. Этот отряд 6 мая 2016 года на месте последнего боя 1284 полка у деревни Бухоново (ныне не существующей) своими силами установил Памятный крест в память бойцов этого полка, а 10 сентября этого года разместил на кресте медальоны с фотографиями, в том числе Зямы Ароновича Эйдельштейна, и списки некоторых пропавших без вести бойцов 1284 полка и погибших здесь местных жителей.

В этой нелёгкой и скрупулёзной поисковой работе неоценимую помощь поисковикам оказывал автор предлагаемых вниманию стихов благодаря своим энциклопедическим знаниям проблемы, накопленному за долгие годы поисков и исследований опыту, острой памяти. И неувыдающему стремлению приоткрыть тайну 2-й ДНО, пролить свет на её рождение, жизнь, смерть, забвение и способствовать возрождению памяти о ней и её бойцах-ополченцах. Это представляется тем более ценным, если учесть, что несколько последних лет он находился за пределами своей родины, не порывая с ней и своими соратниками по работе – потомками бойцов 2-й ДНО – связь благодаря имеющимся современным электронным средствам.

Впрочем, тема о деятельности РОО содействия сохранению памяти воинов 2-й стрелковой дивизии Народного Ополчения Сталинского района Москвы заслуживает отдельного серьёзного разговора, который тем более будет уместен в год 77-й годовщины со дня Вяземских событий, снятия осады Москвы и победоносного завершения Московской битвы. В чём свою трагическую, но и победоносную роль сыграли погибшие московские ополченцы, в том

числе и воины 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы. Вечная память о них в наших сердцах.

В сентябре 2016 года благодаря финансовой помощи Ю.А.Гольдмана, друга детства автора стихов, вышло второе издание сборника, уже бóльшим тиражом, что расширило круг его читателей.

Сборник стихов был с благодарностью принят в дар Центральным Музеем Великой Отечественной войны на Поклонной горе, Государственным музеем обороны Москвы, Краеведческими музеями подмосковных городов Балашихи, Железнодорожного, Щёлкова, Советом ветеранов и музеем Петушинского района Владимирской области, краеведческим Музеем города Вязьмы и музеем «Богородицкое поле» Смоленской области, рядом библиотек Москвы и Подмосковья, газет Москвы и Подмосковья, членами Поискового отряда «Победа» (г.Железнодорожный), потомками ополченцев 2-й Дивизии Народного ополчения, и просто любителями военной словесности, помнящими подвиг Московских ополченцев.

Безусловно, стихи, идущие от сердца сына ополченца к сердцу читателя, послужат патриотическому воспитанию подрастающего поколения россиян, которое должно знать историю своей страны в её самые тяжёлые и трагические моменты во имя сохранения памяти об отцах, дедах, прадедах, отдавших жизнь за победу над фашизмом.

Ниже приводятся несколько стихотворений А.Эйдельштейна, помещённых в названном сборнике.

Слово о 2-й ополченской

1	2
Я пуповиною прирос к военной теме И возвращаюсь к ней из разу в раз. Подчас «Последние известия» и «Время» Воспринимаю как «В последний час».	Постичь пытаюсь горький 41-й И Сталинской дивизии судьбу. Хочу развеять домыслы и скверны, Предать огласке гнусное табу.
Мальчонка, я не мог «ковать победу». Моя война – салюты над Москвой. Да ложка с рыбьим жиром за обедом: «За папу!» Он - на фронте. Он – герой.	Дивизия московских ополченцев Пошла, как в песне, в свой последний бой. И не одно свинцом пробито сердце У Вязьмы по-над Бебрею-рекой.
В предания уходит 45-й. А мне покоя не даёт война. Безвестно павшего не воскресить солдата. Но должно всех назвать по именам.	Партийцем каждый был по убеждениям: На подвиг – как на труд, без лишних слов. Приказано прорвать удавку окруженья – Они прорвали, всем смертям назло.
Посмертной выше нет награды для солдата, Чем пядь земли с фамилией и датой.	В цепи бойцов, пошедших на прорыв, Взяв в руки автомат, шагал комдив.
3	
В успех ли не поверили атаки, С изъяном был ли изначальный план – Но атакующих не поддержали с флангов. За ними вновь защёлкнулся капкан.	Жонглируя, постыдно номерами, Другим и имя отдали, и знамя. А сталинцев – в небытие И в Не-су-щест-во-ванье.
Так окружение стало катастрофой. Издран в клочья фронт советских армий. А ополченцам выпала Голгофа: За неудачи отвечает крайний.	Читай тех лет партийные анналы – Дивизии такой, считай, не создавали. Так, фактам вопреки, без совести зрения Чиновное возобладало мнение.
За то, что пала тень на имя полу-Бога, С дивизией расправились жестоко. Что было воинству фон Бока не по силам, В Москве политиканы совершили:	А след героев, смертью смерть поправших, Искать приходится в полках не воевавших. Не обрету покоя и в гробу: Из Книги Памяти сочится яд «табу». Моим врагам такую бы судьбу.
Дивизию живьём похоронили. Не разбирая виноватых или правых, Судьбу решили «телефонным правом». А бой ночной и ярую борьбу Накрыли саваном забвения – «табу».	

Пояс Славы

Жизнь – это поле, нива, жито.
Смерть собирает дань на поле битвы.
Но место, где в сражении кровавом,
Сумело войско уберечь державу,
В народе называют Полею Славы.

К востоку от Днепра полки пошли немедля,
С проклятою ордой сошлись на речке Бебре.
И смертным боем били супостата,
Как в старину дружина Коловрата.

На запад от Москвы не поле – Пояс Славы.
И бой под Вязьмою вошел в него по праву.
Свинцом кормила щедро иноземцев
Дивизия народных ополченцев.

...Суровая година – 41-й.
Фронт Западный в кольце,
В тиски зажат Резервный.
Бушует на Смоленщине «Тайфун»,
Нацеливая стрелы на Москву.

А там, где угощенья не хватало,
Врага в своей крови топила алой.
Под Богородицким так окропила травы,
Что Бел-ручей с тех пор течет Кровавым.

Уже моторы прогревают танки,
Горючим под обрез заполнив баки:
У Вязьмы изготовился к броску
Тевтонский рыцарь, крестоносный Функ.

Цейтнотом обернулся блиц врагу.
И, сколько бы не ярился «Тайфун»,
Увяз у Вязьмы на неделю Функ.

И Сталин Лукину радиограмму мечет:
«Москву оборонять и некому, и нечем.
Спешите выводить войска из окруженья
На поле Бородинского сраженья».

Сердец броней заслонив Москву,
Погибло ополчение, но уже
Встал Жуков на Можайском рубеже.
От Яхромы и Крюкова до Нары
То в пояс травы, то гранит и мрамор.
Пролег по сердцу шрамом.

Память земли

Давно оталели знамёна в Берлине.
Но живы гримасы войны и поныне.
Они затаились, как ржавые мины,
Чтоб исподволь жалить с шипеньем
змеиным.
Опасны, как в горле застрявшая кость.
Познаться с гримасой и мне довелось.

Под Вязьмой объехали всё, что могли.
Везде брал я горстку священной земли.
Щепотку, не больше. Однако же к дому
С пакетом вернулся довольно весомым.

Однажды (на стыке веков это было)
С поклоном мы ездили к братским
могилам.
Чтя память московских бойцов-
ополченцев,
Чьи судьбы поныне тревожат нам
сердце.

Готовился к тризне. Пока суд да дело,
Неделя одна за другой пролетела.
Но вот уже с надписью урна готова.
Заветный пакет поднимаю я снова...
На миг, показалось, померк белый свет:
Землём - словно кровью - сочился пакет.

В невольном волненье задумался я:
О чём мне поведать хотела земля?!

Хождение в 41-й год

Был человек – и нет.
Ты где погиб, отец?
Десятки лет твой след
Ищу.

И, наконец,
Негаданно-нечаянно
В туманах умолчания
«Бухоново», «Нечаево»
Забрезжили названия.

Давно селений этих нет,
Но словно луч звезды,
Сквозь годы долетел их свет:
Здесь, посреди беды,

Встав костью в горле вражеском,
Держал рубеж Завяземский
В прикрытии оставленный
Твой ополченский полк.
Здесь без вести пропавшие
Ходили в рукопашную,
Пока пыталась армия
Пробиться на восток.

Куда ни глянь, пожарами
Угрюмел оком.
На фланге у *Хожяево*
Полег твой батальон.

Сюда на ниву скорбную,
Ворон слеталась стая.
Снежок, на раны корпией
Ложась, уже не таял.

Но трижды за два года
Тут бесновался фронт.
И в горе всенародном
Твой затерялся стон.

Как знать, не в *Сережани* ли,
Где храм был над рекой,
Могила безымянная
Твой бережет покой?

А может там, где росами
Упала кровь в поля?
Где медальонов россыпи
Еще таит земля?
Ты там, где не скорбит гранит,
Не рвется в вечность пламя.
Лишь Книга Памяти хранит
Средь тех, кто без вести убит,
И Эйдельштейна Зяму.

Поминовение

Не носивший никогда шинели,
В Сорок первом по призыву сердца
Дать отпор незванным иноземцам
Ты ушел от детской колыбели.

Штык примкнув к винтовке
трехлинейной,
Новобранцем рати ополченской
В беспощадной сече под Смоленском
Грудь подставил огненной метели.

Большевик-москвич, под Вязьмой-
Ельней

Где? – Не знаю, поперхнувшись стоном,
Вероятно на ручье Кровавом,
Окропив росой алой траву
Землю обнял ты не покоренным.

Мне поведать могут только тени -
Стражи Богородских перелесков,
Где он, медальон красноармейский,
Литер в вечность Зямы Эйдельштейна.

Веря не в загробье, а в балладу
Об усталом клине журавлином,
Чтобы сказать «Прости» отцу-солдату,

В рост поднявшись у высотки энской, Сам готов лететь в туманной сини.
Под «Ура!» редяющие всплески
«Это есть...» – шагнул в свинца кипенье.

Кто я

О, да! Воображенье – не моя стихия.	Кто я?
Над вымыслом, возвысив факт суровый,	Себя же повторив,
Публицистически пишу стихи я,	Отвечу, как когда-то:
Рачительно работаю со словом.	Служу бессрочно в войске рифм
Воображенье – не моя стихия.	Нестроевым солдатом.
О, нет! Я – не поэт.	Не жду ни званий, ни наград
И всё же непрестанно	И повторяю снова:
Творю десятки лет,	Кто я? –
Отнюдь не графоманно.	Поэзии солдат и ополченец слова.
Однако – не поэт.	

Глава 13. Антология поэзии ополчения. Патриотический и эмоциональный аспекты⁵⁶

"Ополченье, где ты? Отзовись!.."⁵⁷.

Опыт, накопленный в результате проведения ряда презентаций сборника «ПАМЯТЬ», публикация сведений о его издании в средствах массовой информации, печатных и электронных, выступления на конференциях и круглых столах, дарственное распространение его музеям, библиотекам, школам, среди потомков ополченцев, поисковиков и просто читателей, которым близка патриотическая направленность стихов о ВОВ, показал несомненный интерес читателей разного возраста к поэтическому восприятию истории подвига ополчения. Свидетельством этому являются, в частности, благодарственные письма, полученные издателем этого патриотического сборника стихов, а также некоторые публикации в местной прессе Москвы⁵⁸ и газете Владимирской области⁵⁹.

За годы, прошедшие с момента начала ВОВ, в литературе накопился огромный пласт стихотворных произведений, написанных в период боёв, в послевоенное и последующее время, изданы авторские собрания сочинений, тематические сборники, в том числе произведений павших на фронтах войны поэтов. Так что настоящая антология ополчения не является исключением и в полной мере продолжает эту уже установившуюся традицию.

Тема и содержание антологии развивают начатую ранее работу по сбору, анализу и представлению на суд читателей источников

⁵⁶ По материалам доклада на научно-практической конференции «Московское народное ополчение 1941 года: История. Подвиг. Память», Москва, 19-20 октября 2017 года

⁵⁷ Из стихотворения: В.Шульга. Годуново, Бухоново, Нечаево. Глава 15.

⁵⁸ В Москве вышла книга стихов «Память» Аркадия Эйдельштейна // Бюллетень Международной Ассамблеи столиц и крупных городов (МАГ), №04(172), 09 февраля 2017 г. С.16.

Памяти воинов 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы // Кадетское братство, сентябрь 2016 г. С.16-17.

Вышел сборник стихов памяти бойцам 2-й Дивизии народного ополчения // Взгляд с Соколиной горы. Районная интернет-газета, 29.11.2016.

Гаранчева О. Поэтический сборник посвящён 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района // Восточный Округ. Интернет-портал ВАО Москвы. 09.01.2017.

⁵⁹ «...А мне покоя не даёт война» //Вперёд. Петушинская районная газета. 4 октября 2016 года. №64 (12635). С.1-3.

поэтического отражения героической и трагической судьбы московских ополченцев 1941 года. В сборник вошли произведения, как известных поэтов, так и поэтов «самодеятельных», известных до поры до времени узкому кругу друзей-читателей. Можно сказать, что одна из целей, которую преследовал автор-составитель сборника, и состояла в нахождении новых поэтических имён, своим творчеством способствующих развитию темы памяти об ополченцах.

Все вошедшие в антологию произведения отличает патриотическая направленность и эмоциональное выражение чувств по отношению к субъекту поэтического творчества – воинам-ополченцам. Конечно, некоторые стихи поэтов-любителей могут быть подвергнуты критике профессионалами за те или иные погрешности поэтического плана, но именно такие стихи, порой, несут в себе наибольший эмоциональный настрой, ибо написаны, как крик души конкретного живого человека, откликающегося на близкую его сердцу проблему. Ведь даже одним или несколькими стихами можно оставить заметный след в поэтическом многообразии, подобно молодым, погибшим на войне, поэтам.

Настоящая антология предназначена широкому кругу читателей, интересующихся ополченческой тематикой, и может быть полезна в процессе патриотического воспитания подрастающего поколения старшего школьного возраста. Сборник не претендует на завершенность по представленному авторскому составу поэтов и охвату их творческого багажа. Он мог бы, в случае издания его в том или ином виде, впоследствии пополняться произведениями, которые по обратной связи читатели присылали бы составителю, тем самым способствуя развитию и совершенствованию данной антологии.

Условно произведения, вошедшие в настоящую антологию, можно объединить по следующим направлениям в соответствии с жизненной судьбой или творческой направленностью (привязанностью) авторов. В качестве примера в каждом разделе приведено одно из характерных стихотворений, вошедших в данный раздел антологии.

1. Стихи ополченцев - фронтовиков. Основное место здесь занимают произведения поэтов-бойцов «писательской роты» и других

подразделений 8-й Краснопресненской ополченческой дивизии, но представлены также поэты-ополченцы, вошедшие в другие, часто пока ещё не определённые при составлении сборника, дивизии. Большую помощь в поиске поэтов-ополченцев оказали как публикация Бориса Рунина с именами писателей-однополчан, так и восстановленный волонтерами и опубликованный в интернете полный список писательской роты и других подразделений Краснопресненской дивизии народного ополчения, в которых среди ополченцев было много членов Союза писателей.

В антологию включены произведения, написанные погибшими поэтами-ополченцами в довоенную и военную пору, будучи более или менее известными в поэтической среде. Представлены и авторы, начавшие свой боевой путь в ополчении, которым удалось выжить, выйти из окружений осени 1941 года, и в своём творчестве в различные периоды их военной и послевоенной жизни отразить тему ополчения. У кого-то из них были впоследствии выпущены собрания сочинений, а кто-то успел, уйдя в ополчение со студенческой скамьи, прежде чем погибнуть в начале своей поэтической жизни, заявить о себе несколькими публикациями, пополнив, по выражению Василя Быкова «поколение убитых».

В Главе 14, наряду с небольшой аннотацией о жизни и творчестве поэтов, приведены примеры поэтического творчества поэтов-ополченцев, порой забытых или мало известных: Афанасьев В.Н., Васильев П.Г., Васильев С.А., Глинка Г.А., Гудзенко С.П., Данин Д.С., Железнов П.И., Зельдин Я.М., Казакевич Э.Г., Катаева В.И., Кулик Л.А., Кушников А.Д., Маркиш П.Д., Молчанов И.Н., Незнамов П.В., Немчинский Г., Орлова К., Островой С.Г., Пошеманский Ю.М., Пулькин И.И., Росин С.И., Сизых К.М., Стрельченко В.К., Тарсис В.Я.

СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ. ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Нас все меньше и меньше.
А ведь было нас много.
А ведь было нас столько,
Аж ломалась дорога.

Наши раны болели,

Наши кости белели.
Мы солдатское лихо
Вместе с кашею ели.

Нас все меньше и меньше.
Мы уходим далече.
Это мы погасили
Бухенвальдские печи.

Наши роты редели.
Наши души седели.
Смерть погреться ходила
К нам в окопные щели.

Нас все меньше и меньше.
Надвигаются годы.
Мы из той, из двужильной,
Из солдатской породы.

В трудных снах оживая,
Бьёт метель фронтовая.
Вся в рубцах да в ожогах
Наша память живая.

Шли железные марши,
Аж ломалась дорога.
Нас все меньше и меньше,
А ведь было нас много.

2. Память об ополченцах послевоенных поколений. В Главе 15 приводятся стихи, написанные людьми, чья судьба непосредственно связана семейными отношениями с ополченцами – сыновьями/дочерьми, внуками/внучками ополченцев. Здесь, прежде всего, следует отметить подборку стихов А.З.Эйдельштейна - сына ополченца (2 ДНО), вошедших в вышеупомянутый сборник «ПАМЯТЬ», а также стихи, присланные/переданные мне авторами или опубликованные на сайтах в интернете – авторы Сумароков А.Б. (2 ДНО), Чепурко И.В. (6 ДНО), Мищенко А.Л., Постникова А., Рахманов А.С. (9 ДНО), Саморокова Т. (13 ДНО), Обновленский Б. (17 ДНО).

АРКАДИЙ ЭЙДЕЛЬШТЕЙН

Небытие развей, солдат!
Восстань - взорли хоть на минуту,
Услышь победные салюты,
Узнай про праздничный парад.
Безвестный воин ополченья,
Ты в жизни сделал всё, что мог.
“Тайфуна” вихри перевозмог.
Теперь перевозмоги забвенья.

К Вам не склонялись траурно знамена,
Не издавала медь щемящий всхлип,
Когда, прикрыв Москву, по-батальонно
Вы в землю безымянно полегли.

Напрасно ждали матери и жены,
Отцов увидеть дети не смогли.
Лишь вновь и вновь у Вязьмы
Песней-стоном
Потомков окликают журавли.

В этой же главе приведены стихи-посвящения московским ополченцам и московской битве. Эта тема получила достойное внимание поэтов разных поколений. Приведены стихи некоторых из них – Беседин П.В., Дмитриев О., Добронравов Н.Н., Долматовский Е., Кожейкин А., Мешалкин В., Овчинников С.Е., Окуджава Б.Ш., Шведов Я., Шелков Ю.

НИКОЛАЙ ДОБРОНРАВОВ

Летала смерть зловещей тенью,
Держалась жизнь на волоске,
И шло в сраженье ополченье
На ближних подступах к Москве.

Здесь наша боль и наша слава,
И ты судьбе не изменяй.
Москва, Москва, моя Держава,
Передний край, передний край.

Любовь к Москве – любовь святая.
В тот страшный час в осенней мгле
Шли в бой сыны степного края
На ближних подступах к Москве.

И навсегда лежать остался
Товарищ мой в сырой траве,
Где поредевший полк сражался
На ближних подступах к Москве.

В лучах прожектора металась
Звезда в полночной синеве
И дальних звёзд судьба решалась
На ближних подступах к Москве.

Здесь наша боль и наша слава,
Июньский гром, победный май.
Москва, Москва, моя Держава.
Москва всегда передний край!

Также помещены стихи, написанные, в основном, в последние годы и посвящённые сохранению памяти о павших ополченцах и воинах других дивизий во время Московской битвы осени 1941 года. Представлены произведения следующих авторов: Агутин Л., Ваганов Ю., Гусев А., Друнина Ю., Дудин М., Здраевский Д., Ивакин А., Измайлов В., Корнева Л.Г., Корнеева Д., Ларченков А., Найк Т., Новосёлов Н., Пахомов В., Поляков Ю., Пуртов А., Рождественский Р., Светлов М., Симонов К., Слуцкий Б., Шаулов Е.

АНАТОЛИЙ ЛАРЧЕНКОВ. БАУМАНЦЫ БРАТЬЯ-ЗЕМЛЯКИ

Когда порой осенней в тяжком сорок первом
Прикрыть Москву позвал священный долг,
Под Вязьмой окопался полк резерва -
Из ополченцев-бауманцев полк.

Бауманцы! Бауманцы! Братья-ополченцы!
Двести километров до Москвы.
За спиною - Вязьма. За рекою - немцы.
Перед ними - ваш рубеж и вы.

Лавиной танки шли. За танками - пехота.
Шли, поливая белый свет свинцом.

Не меньше батальона шло на роту,
На роту необученных бойцов.

Бауманцы! Бауманцы! Братья боевые!
Танки полыхают, враг отбит!
И опять атака... "К бою, кто живые!
Я за командира! Он убит".

Алеют розы у подножья монумента.
На рубеже в шеренгах стройотряд,
Из бауманцев, нынешних студентов,
Потомков сорок первого солдат.

Бауманцы! Бауманцы! Вы их пополнение.
Ваш рубеж без крови, без потерь.
Защищало Вязьму в битве ополчение.
Вы ее строители теперь.

В народной памяти живут бойцы-герои.
Не тронет их имен забвенья тьма.
В их честь студенты-бауманцы строят
В старинной Вязьме светлые дома.

Бауманцы! Бауманцы! Помнят, почитают
Подвиг ополченцев вязьмичи.
Свято земляками всех вас величают
Бауманцы братья-москвичи.
1986 г.

(Бауманцы – студенты и преподаватели Московского высшего технического училища (МВТУ) имени Н.Э Баумана, старейшего московского технического института, ныне университета).

3. Поэтическая память о павших без вести

Отдельным строем (Глава 16) стоят стихи, написанные поисковиками по впечатлениям и раздумьям о своей поисковой работе на полях былых сражений Московской битвы. Пытаясь проследить боевой путь земляков, ушедших в народное ополчение, они каждый год весной и осенью уходят в экспедиции по местам одной из самых кровопролитных трагедий ВОВ под Вязьмой и Ржевом, Калугой и Ельней, стараясь найти материальные свидетельства былых сражений, найти святыне останки бойцов,

проверить на месте сведения, которые удалось выявить в архивах, почерпнуть из воспоминаний участников сражений.

Все эти поисковики, люди уже состоявшиеся, из года в год, оставляя семью и работу – кто в Москве, кто в Подмосковье, ездят в тщательно готовящиеся экспедиции (10 – 12 дней, с металлоискателем, среди топей и комаров), тратя своё время и средства, чтобы восстановить историческую и человеческую справедливость. Пока такие поисковики ходят в экспедиции, остаётся надежда, что ни один погибший за Родину солдат не останется не преданным земле со всеми полагающимися почестями. Но о павших без вести писали не только они, тема волновала и именитых поэтов. Представлены произведения следующих авторов: Аруцев Ю.И., Белкин С., Васильев А., Вулых А., Голубков С., Горбовский Г., Грачёва Л., Гудзенко С., Долматовский Е., Здраевский Д., Курильский..., Мешалкин В., Михайлов И.Г., Наровчатов С., Неизвестный автор, Светлов М., Симонов К.М., Слуцкий Б., Твардовский А., Тесаев А., Шишлина А., Шульга В.Ю., Эйдельштейн А., Эмин Г.

ВЛАДИМИР ШУЛЬГА. ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ

Меня тянет туда от весны до весны.
Три версты от реки. На распутье дорог
Там в берёзовой роще поют соловьи.
Где-то здесь в сорок первом полёг целый полк.

Там за полем леса, там за лесом поля.
Деревенька. Овраг. Местной речки исток.
Капли пота на лбу. Плечи жмут рюкзаки.
Мы уходим туда, чтоб исполнить свой долг.

Небо в россыпях звёзд. Мы сидим у костра.
Тихо чайник кипит. И не можешь уснуть.
Ветер дунул - от дыма слезятся глаза,
Ну, а мы продолжаем прокладывать путь.

В те места, где в жестоком, не равном бою,
Встретив грудью врага и ни шагу назад!
Ищем тех, кто погиб за родную страну.
Тех солдат, что в лесах под корнями лежат.

Рано утром в поход. Разойдётся отряд.
Несмотря на мороз или дождь проливной,
Посмотрев на усталые лица ребят,
Дальше в лес и поля увожу за собой.

На распутье дорог. В километры пути.
Вот дошли до холма. Тут затих разговор.
Блиндажи и окопы - раны земли.
Здесь за что-то опять "зацепился" прибор.

Я отброшу руками земли чёрной горсть.
Что же там под землёй? Что же там под травой?
И опять содрогнусь, натываясь на кость...
И пошёл вверх, на свет, неизвестный герой.

Я бесценные недра возьму из земли.
И поставлю стакан горькой водки на стол.
Всё затихло кругом. Не поют соловьи.
Молча выпью за тех, кто с войны не пришёл.

Они рядом со мной. Из них каждый герой.
Это дети твои, дорогая Земля!
Тебя в ту минуту закрыли собой.
И пустыми глазами глядят на меня.

И опять шум прибора пронзит тишину.
Мы идём дальше в лес не земной красоты.
Пусть твердят, что я выбрал дорогу не ту.
Меня тянет туда от весны до весны.

Где за полем леса, где за лесом поля.
Деревенька. Овраг. Местной речки исток.
Там в берёзовой роще поют соловьи.
Где-то здесь в сорок первом полёг целый полк!

4. Стихи за колючей проволокой

За время войны несколько миллионов бойцов Красной Армии попали в плен, часто по не зависящим от них обстоятельствам, вследствие потери управления войсками командирами разных уровней, отсутствия боеприпасов и продовольствия, многие были пленены ранеными или будучи на службе в нестроевых подразделениях (обозах, медсанбатах и т.п.). Наверняка среди них

были и ополченцы, пленённые в Вяземском котле и других местах боёв ополченческих дивизий. Поэтому в настоящем сборнике нельзя обойти эту тему (Глава 17). И в плену находились стойкие люди, пытавшиеся организовать побег своих товарищей, боровшиеся не только за своё физическое существование, но и стремившиеся своим словом, в том числе поэтическим, поддержать духовную жизнь в лагерных условиях. В последние годы в печати появились не только прозаические воспоминания бывших пленных, но и стихотворные произведения. Часто долгие годы личности и имена поэтов были не известны, как например, имя автора найденной в Заксенхаузене тетради стихов Георгия Столярова. Тем ценнее сейчас раскрыть тайну таких поэтов, воздав им должное в их трагической, в том числе и послевоенной, судьбе, воскресить из небытия память о них.

О чем же писали в стихах узники концлагеря? Удивительно, но было очень много стихотворений лирических, о любви, о том, как тоскуют попавшие в неволю солдаты, о вере в будущее, в победу. Есть стихи-размышления, и часто только вскользь звучат в них строки о страданиях, о тех нечеловеческих условиях, которые были в лагере. Пока удалось найти не так много авторов, писавших о бывших заключённых немецких лагерей. Но они есть: Вайншенкер Л., Воронова А., Катаева В., Меркулов а., Мешалкин В., Орлова К., Островой С., Пахомов В. , Столяров Г., Хабаров О., Шаповалов М., Эйдельштейн А. ...

ГЕОРГИЙ СТОЛЯРОВ. «Я ВЕРНУСЬ ЕЩЁ К ТЕБЕ, РОССИЯ»

Я вернусь еще к тебе, Россия,
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой моих отцов.

Не был я давно в густых дубравах
И не плыл по глади русских рек,
Не сидел под дубом величавым
С синеокой — другом юных лет.

Но я каждый день и миг с тобою,
И лишь дрема веки мне смежит,

Я иду с подругой дорогою
Тропкой, что у озера лежит...

Я как сын люблю тебя, Россия,
Я люблю тебя еще сильнее,—
Милые просторы голубые
И безбрежность всех твоих морей!

Я вернусь еще к тебе, Россия,
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой моих отцов.

Представленные в антологии поэты с гражданских и патриотических позиций эмоционально откликаются на актуальную и поныне тему сохранения памяти о Московских ополченцах. Не отпускает война ветеранов. Рядом с ними уже состарившиеся за прошедшие годы дети военного поколения - дети не вернувшихся домой отцов, и нынешнее поколение молодых россиян, по возрасту уже правнуков ополченцев. “Нет, не вычеркнуть войну. Ведь она для поколения нечто вроде искупленья за себя и за страну”. Пожалуй, лучше поэта Давида Самойлова, участника Великой Отечественной, не скажешь. В полной мере эти слова относятся и к ополченческому движению 1941 года.

Общество ещё остаётся в неоплатном долгу перед не вернувшимися с войны полками и дивизиями народного ополчения, перед всеми павшими без вести бойцами-ополченцами. Это находит своё выражение и в развитии самодеятельного поискового движения на местах боёв, установке памятных знаков погибшим ополченцам, и в поэтическом отражении героических, но и трагических событий осени 1941 года. Пафос «романтической» жертвенности поступков ополченцев перерастает в осмысление обществом и поэтами трагичности человеческих судеб и необходимости привлечения и поэтических средств самовыражения для сохранения памяти о них. Привлечению внимания общественности к делу сохранения памяти об ополченцах, несомненно, способствовали Научно-практические

Конференции, проведенные в последние годы в Вязьме и Москве⁶⁰. На них тоже звучало поэтическое слово в память о Московских ополченцах.

Опыт доведения до читателей поэзии ополчения на примере изданного в год 75-летия Московской битвы сборника стихов "ПАМЯТЬ" Аркадия Эйдельштейна, а также проведения творческих встреч, посвященных поэзии московского ополчения в рамках культурно-просветительской инициативы "Мой город", тематической программы «Ополченье, где ты? Отзовись!..» в проекте «Пульс времени» Культурного центра «Вдохновение» в канун Дня Победы 8 мая 2018 года⁶¹, показал заинтересованный отклик участников и читателей разных поколений и готовность к поэтическому восприятию темы ополчения и, тем самым, содействию сохранения памяти об ополченцах.

Некоторые из представленных в антологии стихов уже сейчас используются в процессе школьного обучения и внеклассной работы с учениками разного возраста. При этом эмоциональное восприятие детьми тематического содержания стихов способствует их психологическому развитию и стремлению к активному участию в мероприятиях патриотической направленности. Примером тому может служить детская организация «Память сердца» под руководством В.В. Шалыгиной.

⁶⁰ **Межрегиональная** научно-практическая конференция «Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции в октябре 1941года. (К 75-летию их создания)», 10-11 октября 2016 г., г. Вязьма Смоленской области.

Межрегиональная научно-практическая конференция «Московское народное ополчение 1941 года: История. Подвиг. Память», 19-20 октября 2017 года. Москва.

Международная научно-практическая конференция «СУДЬБА СОЛДАТА: Методика и практика архивных исследований», 1-4 декабря 2017 года. Москва.

Межрегиональная научно-практическая конференция «Великая Отечественная война на холмжирковской земле», 18 февраля 2018 года, г.Холм-Жирковский Вяземского района Смоленской области.

⁶¹ Встреча в КЦ «Вдохновение»: «Ополченье, где ты? Отзовись!..» 8 мая 2018 г.

Видеозапись <https://www.youtube.com/watch?v=9hnyfZwmGKs&feature=youtu.be>

Встреча в КЦ Вдохновение - Ополчение, где ты? Отзовись!.. 8 мая 2018 года

В свете изложенного издание антологии ополчения на бумажном и электронном носителях информации будет способствовать поддержанию на эмоциональном уровне исторической связи времён и памяти поколений о подвиге Московских ополченцев 1941 года. Антология может быть иллюстрирована фотографиями ополченцев и мемориалов, посвящённых памяти ополченцев всех московских дивизий народного ополчения и установленных в Москве, Подмосковье, Смоленской области и других местах боёв ополченцев.

Составитель антологии благодарен авторам вошедших в сборник стихов за отклик на привлечение их произведений для пропаганды ополченческой тематики среди широкого круга читателей, а также признателен всем тем читателям, не равнодушным к данной теме, передавшим составителю известные им образцы ополченческой поэзии.

Глава 14. Стихи ополченцев-фронтовиков

Основное место здесь занимают произведения поэтов-бойцов «писательской роты» и других подразделений 8-й Краснопресненской ополченческой дивизии, но представлены также поэты-ополченцы, вошедшие в другие, часто пока ещё не определённые при составлении сборника, дивизии. Большую помощь в поиске поэтов-ополченцев оказали как публикация Бориса Рунина с именами писателей-однополчан, так и восстановленный волонтерами и опубликованный в интернете полный список писательской роты и других подразделений Краснопресненской дивизии народного ополчения, в которых среди ополченцев были члены Союза писателей.

В антологию включены произведения, написанные погибшими поэтами-ополченцами в довоенную и военную пору, будучи более или менее известными в поэтической среде. Представлены и авторы, начавшие свой боевой путь в ополчении, которым удалось выжить, выйти из окружений осени 1941 года, и в своём творчестве в различные периоды их военной и послевоенной жизни отразить тему ополчения. У кого-то из них были впоследствии выпущены собрания сочинений, а кто-то успел, уйдя в ополчение со студенческой скамьи, прежде чем погибнуть в начале своей поэтической жизни, заявить о себе несколькими публикациями, пополнив, по выражению Василя Быкова «поколение убитых».

В этом разделе, наряду с небольшой аннотацией о жизни, приведены примеры поэтического творчества поэтов-ополченцев, порой забытых или мало известных: Афанасьев В.Н., Васильев П.Г., Васильев С.А., Глинка Г.А., Гудзенко С.П., Данин Д.С., Железнов П.И., Зельдин Я.М., Казакевич Э.Г., Катаева В.И., Кулик Л.А., Кушников А.Д., Маркиш П.Д., Молчанов И.Н., Незнамов П.В., Немчинский Г., Орлова К., Островой С.Г., Пошеманский Ю.М., Пулькин И.И., Росин С.И., Сизых К.М., Стрельченко В.К., Тарсис В.Я.

ВЯЧЕСЛАВ АФАНАСЬЕВ

Вячеслав Николаевич Афанасьев родился 28 сентября 1903 г. в Тамбове. В первые дни войны вступил в ряды ополченцев 8-й ДНО Краснопресненского района Москвы (1/22/1299 стрелковый полк, 1-й батальон, 3-я рота, 2-й взвод, 1-е отделение); участвовал в обороне Москвы, попал в плен, бежал, воевал в партизанском отряде на Смоленщине. В сентябре 1943 г. в боях при освобождении Смоленска

В.Н.Афанасьев был тяжело ранен и умер в госпитале.

Застигнутый последней метой
И не успев всего допеть,
Благословлю я землю эту,
Когда придется умереть.

Благословлю ее за воздух,
Дыша которым был я смел,
За светлых рек живую воду,
Где телом и душой свежел,

За поле знойное пшеницы,
За села и за города,
За наш достаток, где хранится
Зерно и моего труда.

Благословлю земли просторы
За то, что жил я в светлый век,
Любил ее моря и горы,
Как мог свободный человек,

Что здесь учился у народа
Петь песни ясной простоты
И украшать трудом природу
Во имя счастья и мечты.
1940

От лазурных волн Дуная
До гряды норвежских гор
Размахнулась туча злая
Чёрных гитлеровских орд...
Пусть узнают, что такое

Наша армия в бою,
И под бурей огневою
Сломают голову свою!..
1941

Вслед за огненными лосями,
В сновиденье ль, наяву ль,
Золотые стрелы осени
Просвистели в синеву.

Просвистели, и рассветная
Вновь струится тишина.
Только издали заветная
Чья-то песня мне слышна.

Беспокойное и жгучее —
Что там в сердце, в глубине:
Или молодость кипучая
Возвращается ко мне?

Что ж, пути ей не заказаны...
Друг далекий, подходи!
Сколько слов еще не сказано,
Сколько песен впереди!
1941

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

Васильев Павел Григорьевич (1914-1995). Родился в Москве. Во время Великой Отечественной войны, будучи аспирантом Московского Кредитно-экономического института и освобожденным по зрению (минус 14 диоптрий) со снятием с военного учета, вступил в ряды народного ополчения 13-й стрелковой дивизии Ростокинского района Москвы. В дальнейшем был направлен в роту связи одного из полков 17-й стрелковой дивизии народного ополчения. Однажды в октябре 1941 года на привале у памятника павшим воинам в Отечественной войне 1812 года в Тарутине написал стихи. Был ранен, комиссован по зрению, направлен на банковскую работу.

Шинели намокли. О, как далека
Дорога разбитых остатков полка.
Я голову поднял. Смотрю, предо мной
На шпиле сияет орел золотой.

Могучий, спокойный, он смотрит вперед:
Когда-то свершался далекий поход.
И будто он шепчет: «В пучине веков
Я видел немало, как ваши, полков.
Как вы, отступали они. Но потом,
Оправившись, в битву вступали с врагом
За землю родную, за славу и честь.
И воля, и смелость у честного есть».

И будто я вижу, что есть, но другой,
Могучий, как этот, орел, но — живой.
Он мыслит глубоко и смотрит вперед.
Я знаю, задуман великий поход.
Да! Трудностей много. Не счесть и потерь.
Но, друг мой, в победу ты искренне верь!
Немного из нас к той победе придет,
Но подвиг бессмертный
Народ воспоеет.

Сочиненное стихотворение прочитал своим однополчанам. Они его внимательно слушали. Некоторым, видимо, содержание стихотворения, его пафос были по душе. Никто из слушавших — усталых, намокших, подавленных — мне ничего не сказал...

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Васильев Сергей Александрович (1911-1972). Родился в Кургане. Во время Великой Отечественной войны вступил в народное ополчение (8 ДНО Краснопресненского района, писательская рота). После Вязьмы служил военным корреспондентом газеты «Красная звезда» в Подмосковье, на Украине, в Крыму, Вместе с частями 1-го Украинского фронта прошёл через Польшу и Германию. Награждён Орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почёта, медалями «За отвагу» и «За оборону Москвы». Умер в 1972 году в Москве.

МОСКВА ЗА НАМИ

...Противник густо лез. Темным – темно.
Грозь бедой, ползли его машины,
Стремясь прорваться сквозь Бородино
На гладкие можайские равнины.
И что таить – силен был наглый вор,

привыкший грабить подло и жестоко.
Тогда-то и пришла и приняла в упор
Удар врага дивизия с востока...

Пробившийся на Минское шоссе,
Противник устремился к цели сбоку,
Чтобы по узкой торной полосе
К Бородину продвинуться с востока.
Здесь смертью храбрых гибнет батальон
Решительного капитана Зленко.
«Вперёд! - кричит он. -
Не сдадим Москву!»
И сам бежит по выжженному скату,
И падает на чёрную траву,
Успев швырнуть последнюю гранату...

...Пройдут года, но песня сохранит
Тот грозный день. И мы припомним снова,
Как разогнулась прусская подкова,
ударившись с размаху о гранит
бесстрашья капитана Щербакова...

...Вперёд на штурм! И город вновь за нами.
Полк Берестова бьёт в упор врагов.
Над городом возносит наше знамя
Отсекр полка товарищ Колтунов...
Потери войск фашистских умножая,
Мы гоним немцев сквозь снега и дым.
Печален облик русского Можая,
Но мы его ещё омолодим!
...О, если б предки увидеть могли
Сквозь вечные могильные потёмки,
Как ревностно их честь оберегли
Достойные бессмертия потомки...
1942

БЕЛАЯ БЕРЁЗА

Я помню, ранило березу
Осколком бомбы на заре.
Студеный сок бежал, как слезы,
По изувеченной коре.

За лесом пушки грохотали,
Клубился дым пороховой.
Но мы столицу отстояли,
Спасли березу под Москвой.

И рано-раненько весною
Береза белая опять
Оделась новою листвою
И стала землю украшать.

И стой поры на все угрозы
Мы неизменно говорим:
Родную русскую березу
В обиду больше не дадим.

РОССИЯ

Люблю тебя, моя Россия,
за ясный свет твоих очей,
за ум, за подвиги святые,
за голос звонкий, как ручей.

Одною общею судьбою
навеки связанный с тобой,
горжусь, как матерью, тобою,
благословляющей на бой.

В день расставанья, в миг разлуки
целую мысленно всегда
твои натруженные руки
в часы бессменного труда.

В глухую ночь грозы военной
и в светлый полдень торжества
несу в себе, как дар бесценный,
огонь великого родства...

Люблю твои луга и нивы,
прозрачный зной твоих равнин,
к воде склонившиеся ивы,
верха пылающих рябин.

Люблю тебя с твоей тайгою,
с воспетым трижды камышом,

с великой Волгою-рекою,
с могучим, быстрым Иртышем.

Люблю, глубоко понимаю,
твержу всем сердцем наизусть
всё то, что гордо называю
одним широким словом: Русь.

Но я пою и славлю ныне
не твой ромашковый покой,
а славлю Русь, как героиню,
как землю, гордости людской.

Люблю тебя, моя Россия,
за твой характер боевой,
за испытанья грозные,
за величавый облик твой.

Люблю за то, что первой в мире
законы рабства истребя,
бесправья тягостные гири
ты гневно сбросила с себя.

Что на развалинах царизма
своею собственной рукой
воздвигла ты, моя Отчизна,
мир справедливости большой.

И в час, когда пора настала
оборонить его в бою,
ты в полный рост отважно встала
за правду светлую свою.

Люблю тебя за то, что снова
в борьбе свободу ты спасла,
что ты решающее слово
с мечом в руках произнесла.

Что, победив, стряхнув усталость,
неколебима и тверда
ты вновь примером оказалась,
на стройке мирного труда.

Твои штыки на солнце блещут,
тебя друзья боготворят.
Твоя ликующая сила
под сенью стягов огневых
объединила и сплотила
семью республик молодых.

Не счесть теперь твои богатства,
не разомкнуть священных уз,
не разделить знамёна братства
и не расторгнуть их союз.
Прямым путём деяний славных
ты с честью вышла на простор
по праву первой среди равных
твоих пятнадцати сестёр.

ГЛЕБ ГЛИНКА

Глинка Глеб Александрович (1903-1989). Родился в небогатой дворянской семье с давними культурными традициями, с детства его окружала литературная среда. Представитель одного из уничтоженных течений советской литературы, группы "Перевал", учитель поэта Николая Глазкова, выдающийся писатель "второй волны" русской эмиграции. Глинка жил в довоенном СССР в ожидании ареста, пока не разразилась война. Писатель был призван в "ополчение", 8-я ДНО Краснопресненского района Москвы (1/22/1299 стрелковый полк, 1-й батальон, 3-я рота, 2-й взвод, командир 1-го отделения). Осенью 1941 г. был ранен, попал в немецкий плен. Выжил. Находился в концлагере в Польше. Судьба поэта сложилась необычно: в СССР его считали погибшим, но он был освобожден союзниками из плена. С 1944, после освобождения, остался на Западе. Жил в Германии, затем в Бельгии, где в Брюсселе работал скульптором. Позднее перебрался в Париж. В конце 1940-х переехал в США, где влился в поток эмигрантской литературы и писал до конца жизни. Последние десятилетия жизни Глинка провел в штате Вермонт, неподалеку от жившего там А.И. Солженицына. Помимо примерно двухсот стихотворений, написал книгу "На перевале".

ИСПЕПЕЛЕННЫЕ

Нас минами рвали,
Нас фосфором жгли,
Но мы устояли,
Костьми не легли.

Едва уцелели
В боях и в плену.
Приплыли без цели
В чужую страну.

Рождение второе
И новая жизнь.
Один или двое -
Мужайся, держись.

Всё в жизни короткой
Хватай на лету.
Работой и водкой
Глуши пустоту.

Но мозг, словно в зыбке,
Качает тоска.
И спрятан в улыбке
Собачий оскал.

В боях мы не пали,
Костями не легли.
Нам души взорвали,
Сердца нам сожгли.

УПОЕНИЕ В БОЮ

В газете, в "Комсомольской правде",
Была заметка обо мне,
Что будто я Отчизны ради
Пал смертью храбрых на войне.

Прошли года в тоске унылой.
Сомненья мучают меня.
Не убеждён, что это было, -
Всё ж нету дыма без огня.

Хотите верьте иль не верьте,
Но, задыхаясь и смеясь,
На фронте я вступил со смертью
В непозволительную связь.

И с той поры в заботах быта,
В земной любви и в царстве сна

Ее объятья не забыты -
Я знаю, ждет меня она...

СВЯТАЯ РУСЬ

Звучанье чисто, как свирель,
Молчанье грустно, как метель.

Свет веры – как волхвов звезда.
С тобою я всюду, навсегда.

НА ЧУЖБИНЕ

Ведь мне немного надо:
Хотел бы тишины.
Восставшему из ада
Забавы не нужны.

С любимыми своими
Я тут живу давно,
Не с прежними – с другими;
Что ж, это все равно.

Что было, то уплыло.
Но след остался там,
Где смерть за мной ходила,
Как нянька, по пятам.

Лишь ты меня не мучай,
С укором не смотри,
Когда сушу, на случай
Ржаные сухари.

Не мудрено, не мудро
Жить с горем пополам.
Сейчас в России утро
И где-то, где-то там...

НАВАЖДЕНИЕ

Не вернусь я на прежние тропы.
То, что было, – тому не бывать.
Не одну лишь Россию – Европу
Начинаю уже забывать.

Жизнь растрочена вся иль почти вся.
Говорю я себе самому:

Как в Америке я очутился,
Для чего и зачем? – Не пойму.

Навязали мне эту затею;
Знал, конечно, она не к добру.
Ни кола, ни двора не имею,
Да и сам я тут не ко двору.

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Герои западной печати,
Которым русскость ни к чему,
Которым Родина некстати,
Не по душе, не по уму,
У вас одна была идея,
Желанье жадное одно –
Чтоб, страха ради иудейска,
Стереть родимое пятно.

Подобны пуганой вороне
Иль стреляному воробью,
Вы, очевидно, не в уроне
В корыстном западном раю.
Бежали вы от диктатуры,
От ненавистной и крутой,
Чтоб праздновать спасенье шкуры,
Глумясь над отчей наготой.

Вдыхайте ж пошлость заграницы,
Чужой отрыжки торжество,
Отдавши ради чечевицы
Честь первородства своего.

СЕМЁН ГУДЗЕНКО

Семён Петрович Гудзенко (1922 — 1953). В 1941 году 19-летним юношей он добровольцем ушел в ополчение на защиту столицы, служил в частях ОМСБОНа. Стал пулеметчиком. Спустя несколько месяцев был тяжело ранен осколком мины в живот. Врачи выходили его, он вполне мог

вернуться домой, но рвался на фронт. Его назначили корреспондентом военной газеты «Суворовский натиск». С нею он и завершил войну в освобожденном

Будапеште. Свой первый сборник стихов выпустил в 1944 г. Он умер тридцатилетним. Его последние стихи, написанные весной 1952 года (после первой тяжелейшей операции), — о дочери, жене, о солдатском мужестве и любимой литературной работе.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим
можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —
и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед,
За мной одним
идет охота.
Будь проклят
сорок первый год —
ты, вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв —
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.
Бой был короткий.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.
1942

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколения.
Ни крестов, ни цветов,
не полощутся флаги.
Серебрится кусок
алюминьевой фляги,
и подсумок пустой,
и осколок гранаты -
неразлучны они
даже с мертвым солдатом.
Ты подумай о нем,
молодом и веселом.
В сорок первом
окончил он
среднюю школу.
У него на груди
под рубахой хранится
фотокарточка той,
что жила за Царицей.
...У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколения.
Он живым завещал
город выстроить снова
здесь, где он защищал
наше дело и слово.
Пусть гранит сохранит
прямоту человека,
а стекло - чистоту
сына
трудного века.

23 июля 1943, Сталинград

Источник: Священная война. Стихи о Великой Отечественной Войне.

Москва: Художественная литература", 1966.

<http://rupoem.ru/gudzenko/u-mogily-svyatoj.aspx>

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
на могилах у мертвых расцвели голубые цветы.

Расцвели и опали... Проходит четвертая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не изведали счастья ремесел,
нам досталась на долю нелегкая участь солдат.

У погодков моих ни стихов, ни любви, ни покоя –
только сила и зависть. А когда мы вернемся с войны,
все долюбим сполна и напишем, ровесник, такое,
что отцами-солдатами будут гордиться сыны.

Ну, а кто не вернется? Кому долюбить не придется?
Ну, а кто в сорок первом первую пулей сражен?
Зарыдает ровесница, мать на пороге забьется, –
у погодков моих ни стихов, ни покоя, ни жен.

Кто вернется – долюбит? Нет! Сердца на это не хватит,
и не надо погибшим, чтоб живые любили за них.
Нет мужчины в семье – нет детей, нет хозяина в хате.
Разве горю такому помогут рыданья живых?

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
Тот поймет эту правду, – она к нам в окопы и щели
приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.

Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, –
это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.

...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

А когда мы вернемся, – а мы возвратимся с победой,
все, как черти, упрямы, как люди, живучи и злы, –
пусть нам пива наварят и мяса нажарят к обеду,
чтоб на ножках дубовых повсюду ломились столы.

Мы поклонимся в ноги родным исстрадавшимся людям,
матерей расцелуем и подруг, что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу штыками добудем –
все долюбим, ровесник, и работу найдем для себя.

1945

Источник: Свет Победы. Стихи. Составитель В.К. Карпеко. Москва, «Военное издательство», 1985 год.

С. 98-99.

<http://thefireofthewar.ru/lirika/?cat=37>

ДАНИИЛ ДАНИН

Даниил Семенович Данин (Плотке) родился 10 марта (по старому стилю 28 февраля) 1914 г. в г. Вильна, принадлежащем тогда Российской Империи. Советский и российский прозаик, литературный критик, публицист, сценарист, историк и популяризатор науки, мемуарист, очеркист, создатель теории кентавристики, профессор РГГУ, член-корреспондент РАЕН. Учился на физическом факультете МГУ, который не окончил. В июне 1941-го ушел на фронт добровольцем в составе 8-й дивизии Народного ополчения Москвы. Закончил войну в звании капитана.

<https://www.livelib.ru/author/14653-daniil-danin>

ВЕРА СОЛДАТА

Нас поили болота тихой влагой —
чёрное молоко.

Но знали мы —
иго родины — благо.

Бремя её — легко.

1941

ОКТАБРЬ 41 ГОДА

**...И мы плывём. Плавающей бездной
со всех сторон окружены.**

Ф. Тютчев

Я твержу себе —
не забудь,

в душе сбереги навсегда
горький,
осенний,
счастливый путь,
убегающий в никуда!

Мы шли бездорожьем.
Пожары. Набат.
В горле сухой комок.
Казалось, кровавый татарский закат
приходит теперь —
на Восток!
Мы не знали, где Родина.
Может быть, там —
за грядой золотых лесов,
за степью, катящейся к небесам,
за мёртвой стеной облаков.
А может, нет её и вдали:
предана, пленена?
Мы были готовы до края земли
шагать и искать —
где она?
Тем он и горек был,
этот путь,
что были всегда впереди
только пристанища —
“Отдохнуть!”
Да веления сердца —
“Иди!”
Нас ждали не в этих,
так в тех лесах,
неравные, злые бои.
И навек прозвучало в моих ушах
молитвенное,
томящее
“Ах,
жалкие вы мои!”
И отныне —
по осени, по весне
среди чёрных нагих полей,
как призрак будет являться мне
человек,

оставленный наедине
с обнажённой душой своей.
Тем он и счастлив был,
этот путь,
что впервые за тысячу лет
мне сердце своё довелось окунуть
в библейское озеро Бед.
И сердцу теперь навсегда нестрашны
природа,
история,
ночь.
Безумного лета живые сыны,
мы даже на пепелищах войны
сумели войну превозмочь!
1942

ТИХАЯ ЖАЛОБА

Памяти М.Ц.

Весенние мои метелицы —
горькая соль дорог!
Еду, а в поле светится
давнего огонёк.
Весенние мои гололедицы —
последние злые снега.
Всё ещё, всё не верится
будто судьба строга.
Весенние мои распутицы —
военного марта вода.
Видятся все, все любятся
ушедшие навсегда.
Весенние мои бессонницы —
печальные вздохи земли.
Все так же неистово помнятся,
и как грешницы,
как паломницы
богу Грядущего молятся
оставленные вдали!
1943

Знамя, 2012 №5 - Даниил Данин - Стихи военных лет

ПАВЕЛ ЖЕЛЕЗНОВ

Железнов Павел Ильич (1907 – 1987).

С началом Великой Отечественной войны добровольно вступил в 8-ю дивизию народного ополчения Краснопресненского района Москвы (1/22/1299 стрелковый полк, 1-й батальон, 2-я рота, 3-й взвод, миномётное отделение). Осенью 1941 вместе с однополчанином писателем П.Бляхиным направлен Политуправлением фронта литсотрудником армейской газеты «За Советскую Родину» 40-й Армии в звании рядового. Участвовал в боях под Москвой. В апреле 1942 года был награждён медалью «За отвагу», получил офицерское звание. В августе 1944 года был тяжело ранен при выполнении боевого задания. С 1946 г. после выхода из госпиталя инвалид войны.

НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ

Держась,
 как за личное счастье,
за каждую пядь земли,—
мы под Москвой
 встали насмерть,
в грунт промерзлый
 вросли.
Земля от взрывов дрожала.
Трещала танков броня...
Солнце в огне пожара
чадило, как головня...
Не только на этом взгорье,
где наш окопался взвод,—
на Балтике
 и в Черноморье
Москву защищал народ.
Но лишь в подмосковной зоне
встряхнуть мое сердце
 мог,
как часы на ладони,
знакомый с детства гудок...
Когда с орудийным раскатом
мы подымались в бой,—
поэт становился солдатом,
поэтом —
 солдат любой!
1941

ОПОЛЧЕНЦАМ КРАСНОЙ ПРЕСНИ!

Мы не забудем, как горели дали,
Как в сорок первом, в буре огневой,
Когда деревья с корнем вылетали,
Стояли насмерть люди под Москвой.

По ротам передав: «Назад ни шагу!» -
Оружие проверив и сердца,
Как воин, соблюдающий присягу,
Дивизия сражалась до конца.

Срывали краснопресненцы шинели
И в контратаку шли в крови от ран.
Немногие, что в битве уцелели,
Потом влились в отряды партизан.

Девчата, сандружинницы с «Трехгорки»,
Держались так среди грома и огня,
Что чудилось – на них ни гимнастёрки,
Ни ватники надеты, а броня.

Не дрогнула дивизия в ту пору,
Которой не забыть пока живу,
И гитлеровских мотогренадеров
Остановила на пути в Москву.

Есть песни об Одессе и о Бресте,
Я о моих товарищах пою,
Не посрамивших знамя Красной Пресни,
Сложивших честно голову в бою.

Представить бы вас к ордену посмертно,
Тех, что сказали твердо, как один:
Жизнь отдадим за Родину Советов,
Но Родину за жизнь не отдадим!

В час, что просится в песню,
Как в обойму патрон,
Под знаменем Красной Пресни
Рабочие шли на фронт.

Дружно, как на воскресник,

Иванушка с Алёнкой
из сказки вдруг возникли наяву...
Я встретил их под раненой берёзой
в прифронтовой недоброй тишине –
и вздрогнул от неожиданного вопроса:
«Скажите, дядя, где конец войне?»
1944

Горжусь,
то с точки зрения мещанства
себе во вред я поступаю часто,
что не ловлю удачи на лету,
бываю добр и зол
не по расчёту,
стараюсь душу вкладывать в работу
и к чёрту посылаю клевету.

Горжусь,
что был солдатом в сорок первом,
что День Победы встретил офицером,
что все мои
военные трофеи –
два чёрствых костыля да портупья...

И этого никто не отберёт,
хоть про меня с три короба наврёт!
1959

ЯКОВ ЗЕЛЬДИН

Поэт, драматург и переводчик Яше Зельдин (Яков Маркович Зельдин) родился в 1902 году в Вильне. Летом 1941-го вместе с другими он ушел в ополчение и через год, летом 1942-го, погиб под Смоленском, защищая подступы к Москве. В самые первые дни войны Зельдин написал стихи, в которых были пламенные строки, призывающие на борьбу с фашистской нечистью: «Все мы, все мы в одночасье/ в бой пойдем против напасти!».

В 1976 году издательство «Московский рабочий» выпустило сборник «Строка, оборванная пулей», посвященный памяти литераторов-москвичей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В 700-страничном томе опубликованы и стихи Я. Зельдина. К 40-летию Победы над нацистами, в 1985-м, вышло второе издание этого сборника-реквиема. А в 2003-м

усилиями дочери поэта, Мары Зельдиной, москвички, была выпущена книжка ее отца «Избранное», в которую вошли некоторые его произведения, включая стихи, в переводе на русский язык.

ДРУГ ТИШИНЫ И ГРОЗНОЙ БУРИ

...Пусть вал девятый, надвигаясь,
Сурово бьет в корабль наш,
Но все ж, от ветра не сгибаясь,
Смелей пойдем на абордаж.
И будут волны – волки белые
Ревниво преграждать нам путь,
Но моряки не оробелые –
И курс наш вспять не повернуть...

ВАХТЕННЫЙ

...Вот уж день на волнах заиграл
От красного диска, над морем летящего,
Что прицельным лучом попал
В меня, на вахте стоящего.
Я - единственный страж корабля,
Которого ночь угрожающе
Черной сетью накрыла, хитря,
Но на вахте стою я не зря,
Я, опасность предупреждающий...

Перевод Льва Фрухтмана

<http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=7891>

ЭММАНУИЛ КАЗАКЕВИЧ

1932 г.

1944 г.

1948

Эммануил Генрихович Казакевич родился 24 февраля 1913 года в Кременчуге, в семье учителя, впоследствии известного журналиста, главного редактора газеты «Биробиджанэр штерн» Генаха (Генриха Львовича) Казакевича. После окончания школы и Харьковского машиностроительного техникума 17-летний Казакевич уехал осваивать Дальний Восток, в столицу только что образованной Еврейской автономной области. Публиковать стихи на идише начал в 1932 году в газете «Биробиджанэр штэрн» (*Биробиджанская звезда*). К тому же периоду относятся и два поэтических сборника – «Мир» и «Биробиджан». В 1938 году Эммануил Казакевич приехал в Москву, где продолжил заниматься поэзией и перевел на идиш произведения Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Гейне и Шекспира.

Когда началась война, Казакевича освободили от призыва из-за сильной близорукости (один глаз: –8, а второй: –10). Но он ушел добровольцем в Московское ополчение - в 8-ю ДНО Краснопресненского района Москвы (1/22/1299 стрелковый полк, 1-й батальон, 3-я рота, 2-й взвод, 3-е отделение), был назначен комсоргом «писательской роты». Затем попал в подразделение разведки (особый отдел НКВД-32). Был начальником разведки 76-й стрелковой дивизии, помощником начальника 2-го отделения развед. отдела штаба 47-й армии. Награжден двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы». Закончил войну капитаном.

После войны продолжил литературное творчество, его повесть «Звезда» и роман «Весна на Одере» отмечены Сталинскими премиями второй степени в 1948 и 1950 годах.

Эммануил Казакевич умер 22 сентября 1962 года в возрасте 49 лет и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

СЕСТРА

(посвящено медсестре Шуре Девяткиной, которая служила с Э.Казакевичем в одном полку)

Сегодня бой, как и вчера,
И рядом мины рвутся снова,
Но вдруг становится тепло вам
От слова нежного «сестра».
Она проходит между нами
В зарницах боевых ночей,
Как меж большими валунами
Прозрачный благостный ручей.
И пусть трепещет в ветре хвоя,
И индевет пусть кора,
Но с нами верная сестра,

Которая на поле боя
В разрыве бешеном «ура!!»
Не сдаст, не бросит, не забудет,
Согреет в стужу, в зной остудит,
И в мглу осенних вечеров,
И в всплески боевого грома
Внесет и бодрость и любовь,
И теплый, нежный запах дома.

Сентябрь 41 г., 39 сп, Зап. фронт

(ШУРЕ ДЕВЯТКИНОЙ)

Тот ветер, могуч и неистов,
Что слабым не даст и вздохнуть;
Та сила, что жен декабристов
Послала в сибирскую жуть;
То пламя, что избранных метит,
Та нежность и твердость в борьбе, —
Та сила, то пламя, тот ветер,
Та твердость и нежность — в тебе.

1942

Источник: https://gistory.livejournal.com/295774.html#_edn1

Я хожу по мертвым селам,
Путь невесел и далек.
И со мной один гостинец —
Только сахару кулек.
А вокруг так много бледных,
Обездоленных ребят,
Робко из тряпья и пепла
Прямо в сердце мне глядят.
Я бы отдал этим детям
Всё, что в жизни я берег.
У меня ж добра так мало —
Только сахару кулек.
Сахар, выданный по норме,
Граммов двести пятьдесят.
А вокруг так много бледных,
Тихих, маленьких ребят.
Вот я роздал детям сахар —

Мамке радость: весел сын...
Но детей ужасно много,
А кулек всего один.
Мне бы скатерть-самобранку,
Мне конфет бы целый куль,
Мне б для Гитлера-убийцы
Сотню самострелок-пуль.
Будет скоро детям сахар —
Снова будут выдавать.
А без сахару мне легче
И ходить и воевать.
21.10.43

5 ИЮЛЯ 1944 г.

Был день, как день, обычный день июля,
И если бы не ад, закрытый мглой,
Казалась бы летящая к нам пуля
Тяжелой медоносной пчелой.
Но то был ад, со всей его котельной,
Обычный ад войны. И город весь
Казался западней смертельной,
Куда мне долг приказывает: лезь!
Весь выжжен, взрыт, весь взорван и распорот,
Зияющий и страшный, как провал,
Открылся предо мною этот город,
Который путь к Варшаве прикрывал.
Обломки улиц, черепичных кровель,
Он где-то в книжках назывался Ковель,
Но то была безвыходность сама.
А за рекой, себе берлогу выбрав,
Противник, страшный в немочи своей,
Негаданною смертью всех калибров
Гвоздил по лежкам наших батарей.
Огонь крошил в обломочки обломки,
Он шарил по домам исподтишка,
Как шарит по пустому дну котомки
Голодная и жадная рука.

ПЛЕННЫЕ

Вот плетется вереница пленных.
По камням шагов неровный стук.

Посмотрите — в посиневших венах
Кисти их больших недобрых рук.
Сколько нив взойшло бы спелой рожью!
Сколько бы просторных городов!
Сколько бы мостов по бездорожью!
Сколько ласк для их насытых вдов!
Ты зачем ушел, проклятый дурень,
Из прирейнских солнечных долин,
Из хмельных баварских винокурен,
От своих Кресценций и Паулин?

.....
Из твоих бы рук свиней и уток
На саксонских хуторах кормить,
Башмаки тачать бы для разутых,
Пиво гнать да рубашонки шить.
Ты зачем пришел безликим хамом
Жизнь чужую разорять вокруг,
Теми ж человечьими руками
Рушить дело человечьих рук?

Сколько рук могучих, рук бесценных —
Их имеет только человек!..
Вот плетутся вереницы пленных —
Будьте же вы прокляты навек!
<Январь или февраль> 1945

**НАЧАЛЬНИКУ ШТАРМА ОТ КАПИТАНА КАЗАКЕВИЧА Э. Г.
РАПОРТ**

Ввиду того, что я слеп, как сова,
И на раненых ногах хожу, как гусь,
Я гожусь для войны едва-едва,
А для мирного времени совсем не гожусь.
К тому ж сознаюсь, откровенный и прямой,
Что в военном деле не смыслю ничего.
Прошу отпустить меня домой
Немедленно с получением сего.
Эм. К а з а к е в и ч
25.1.46

ВЕРА КАТАЕВА

Катаева (Маврина) Вера Ивановна (1923-2005). В июне 1941 года закончила 10-й класс школы №95 Краснопресненского района, в первые дни войны записалась на курсы медсестер и ушла добровольно на фронт санинструктором 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. Принимала участие в боях од Ельней в октябре 1941 года. После выхода из окружения в составе 108 СД воевала под Москвой, Орлом, Брянском, на Курской дуге, в Белоруссии, Польше, Восточной Пруссии. Была контужена, дважды ранена. Награждена двумя орденами Красной Звезды (1943), Орденом Славы 3-й степени. После войны всю жизнь проработала в больнице г.Красногорска, была заместителем председателя Совета ветеранов 8-й ДНО, создавала музеи боевой славы в школах Красной Пресни.

ЗОВ ПАВШИХ

Смоленское село Уварово.

Церквушка около реки.

Готовили к боям не даром мы

Пехотные свои полки.

Настал наш день,

И ополчение сменило кадровых солдат.

На том и кончились учения,

И встали насмерть стар и млад.

В тот день начали наступление

Отборные полки убийц.

Решили сделать окружение

И бросить все живое ниц.

Но ополченцы не сломились,

И в окружении дрались.

Дрались, пока сердца их бились,

На милость немцам не сдались.

Оставшимся в живых все снится

Церквушка около реки...

Бойцов встревоженные лица

И окруженные полки.

И едут к ним, тогда погибшим,
В Смоленских девственных лесах,
Клонятся головы все ниже
У пушки, вставшей на холмах.

«Хатынь»* деревню посетили –
Средь леса яблони растут.
Венок ребята возложили
Сгоревшим заживо в дыму.

А память дальше всё уводит
Взглянуть на те места скорей.
На высоте, где стадо бродит...
Приказ: «Держаться! Отступить не смей!»

И этот дивный тёплый вечер
Был светлым памятником тем,
Оставшимся тогда навечно
В песках и травах насовсем!

В 2км от д.Уварово находится д. Перятино. В апреле 1942 г. фашисты сожгли деревню вместе со всеми мирными жителями.

Источник: На рубежах столицы. К 70-летию 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. 1941-2011. Буклет, 2011. 28 с.

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

Нам не забыть девчонкам сорок первого,
Жесткой правды тех суровых дней.
Когда ловили сводки мы и верили
В родную партию, в простых людей.

И мы хотели бить врага коварного,
Учиться поскорее воевать.
Дружина наша РОККовская славная
Нам заменила дом и милую родную мать.

Девчонки, что постарше были,
Старались младшим помогать.
Хорошей дружбой мы дружили,
Учились Родину родную защищать.

Но не пришлось так долго нам готовиться,
Москву бомбили каждый день.

В бомбежку надо было с ранеными справиться.
Потом уроки выучить, а по тревоге в РОКК бежать скорей.

Окончен курс. Осталась только фотография
Девчонок с Пресни, что ушли на фронте воевать.
Продлились боевые биографии.
И медикам пришлось комсоргами лихими стать.

Не все вернулись с тех боев бесчисленных
Остались молодыми навсегда.
Седые женщины – девчонки с фотографии
С глубокой болью вспоминают те года.

Источник: Архив Совета ветеранов 8-й ДНО

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Весна пришла после войны сороковая,
И мне так ярко вспомнилось прошедшее давно,
Когда товарищ, соком из березы угощая,
Коснулся моей памяти тепло...

Душистым этим соком светлым
Березка радовала нас солдат не раз.
Сама теряла силу, жизнь при этом,
Горючими слезами плакала на нас.

И мы в походе шли к березе прямо
Уверенные, что найдем питье.
В жестяной банке иди в каске рваной
Из белого ствола по капельке накапало оно

Пила я чистый сок и вспоминала...
Апрель под Гжатском в эти солнечные дни,
Березок белых хоровод я увидела
Когда из боя, чуть живые выходили мы.

И чудо на глазах у нас свершалось.
Солдаты припадали к раненым стволам
Силы к ним тихонько возвращались,
Шли быстрее и уж не было так тяжело нам

Потом березки в кружево оделись,
Но ведь опять кругом война была.
Березки в страшных муках содрогались

И падали в последний раз солдатам на дрова

Сок допила душистый я из кружки
И вспоминала все те березки я,
Которые нам были, как подружки
В лихие годы нашего солдатского житья.

Стихи-воспоминания о боях 1941-1942 годов
Май 1985 года

Источник: Архив Совета ветеранов 8-й ДНО

ЛЕОНИД КУЛИК

Известный советский ученый - Леонид Алексеевич Кулик - ученик и соратник академика В.И. Вернадского, один из основателей советской метеоритики и первый исследователь Тунгусского метеорита. 6 июля 1941 года вступает в ряды народного ополчения (17 ДНО Замоскворецкого района). Ученому в это время шел 58-й год. Командиром дивизии был назначен полковник Козлов, комиссаром - профессор Кувшинов. Л.А. Кулик был старшиной саперной роты 1312 полка. 6-го октября при выходе дивизии из окружения был ранен. Попал в лазарет военнопленных в селе Выходы Смоленской области. Работал санинструктором, а потом и санитаром в госпитале. 14 апреля 1942 года умер от тифа в г. Спас-Деменске Смоленской области и погребен на городском кладбище.

СТРАНА В ОПАСНОСТИ

Страна - в опасности!
Новый Чингиз Хан обрушил на мирные поля и села наши,
лавины стали и свинца!
Страна в опасности!
Завоеванья октября, строительство социализма - под ударом:
Страна в опасности!
Кто любит родину, кто - за лучезарные века социализма - коммунизма, -
все под ружье! Все как один, - в ряды московских ополченцев!
Страна в опасности!
Мужчины в строй! И женщины - на производство!
Все силы и добро и жизнь - стране, которая вскормила и вспоила нас!
Страна в опасности!

3 июля 1941
Москва.

АРОН КУШНИРОВ

Арон Давыдович Кушников (псевдоним; настоящая фамилия Кушникович), (1890-1949), советский еврейский поэт, писал на идише. Участник Первой мировой войны, награждён георгиевскими крестами и медалями. Добровольцем вступил в РККА. Участник Испанской и Великой Отечественной войн. В июне 1941 года Кушников пошел добровольцем на фронт в 8-ю ДНО Краснопресненского района Москвы (1/22/1299 стрелковый полк, 1-й батальон, 2-я рота, 3-й взвод, командир 2-го отделения); с боями вывел из немецкого окружения большую группу бойцов. Закончил войну в звании капитана. Оказавшись единственным из возглавлявших советскую еврейскую литературу, кто не подвергся аресту после ликвидации в ноябре 1948 года Еврейского антифашистского комитета, Кушников трагически переживал гибель еврейской культуры в Советском Союзе, что ускорило его кончину. Он умер в Москве 7 сентября 1949 года.

ОТЕЦ-КОМАНДИР

Осенней ночью, в слякоть, по болоту
Ко мне явилось пополнение в роту.
Я обошел неровный мутный строй,
Вгляделся в лица новичков усталых
И долго-долго молча изучал их...
По-разному мерцал их взор живой,
Хотя они и были темнотой
Почти непроницаемой объята.
Все молодежь. Совсем ещё ребята...

О, юноши, сынки мои родные!
Как рано вам дано узнать впервые
Солдатский пот, суровый долг мужчин, —
Священный долг защитников России,
И на родной земле её равнин
Пройти через стихии огневые.
Какая сила осенила вас,
Что в сердце врезан родины приказ —
Мальчишеская ли мечта о славе,
Любовь к тому, чем мы гордиться вправе,
Или звезды кремлёвской властный зов?..

Орлята юные, для первого усилья
Едва-едва расправившие крылья,

Я прямо вам в глаза смотрю, без слов —
Хочу увидеть в них не страх, а силу.
Мне жизни ваши родина вручила,
Дыханья жар, биение сердец,
Теперь я командир ваш и отец...
О, мальчики мои!.. На этом поле
Мы встретились впервые. Суждено ли
Родней родных навек сдружиться нам,
Чтоб я запомнил вас по именам
И по улыбкам, по мечтам заветным,
По мелочам по самым незаметным,
Иль вас ещё сегодня в час ночной
Я должен, должен буду бросить в бой?
И если смерти острей стальное
Меня опять не тронет, после боя
Мучительно я память напрягу,
Но ни улыбки вспомнить не смогу,
Ни имени того, кто сгинул в поле...
О, родина! Твою святую волю
Я выполнил с недрогнувшей душой.
Кто знает, — может быть, в ночи глухой,
В такой же мгле осенней, по болоту,
В такую же израненную роту,
В такой же час смертельного огня
Восемнадцатилетний, неуёмный,
Весёлый смуглый мальчик, весь в меня, *
Пришёл, передохнул в траншее тёмной,
Вперед пошел сквозь пулемётный шквал —
И не вернулся... Без вести пропал...

Перевод Р. Морана

* Сын Кушнирова погиб на фронте

ПЕРЕЦ МАРКИШ

Маркиш Перец Давидович (1895 - 1952), советский еврейский поэт, родился в местечке Полонное на Волыни, юношеские стихотворения написаны по-русски. Ополченец 2-го отделения, 3-го взвода, 2-й (писательской) роты 1-го батальона 1-го (22, 1299) стрелкового полка 8-й Краснопресненской ДНО. В годы Великой Отечественной Войны Маркиш пишет десятки стихотворений, наполняя их ненавистью к врагу, верой в победу.

Маркиш входил в руководство Союза писателей СССР, был избран руководителем Еврейской секции Союза писателей, был награжден Орденом Ленина. Тьма сталинского режима поглотила множество талантов, как русской, так и национальных культур народов СССР. Одним из них стал еврейский поэт Перец Маркиш. В ночь с 27 на 28 января 1949 года он был арестован как член президиума Еврейского антифашистского комитета. После пыток, истязаний и несправедного тайного суда 12 августа 1952 года он был расстрелян.

ОСЕНЬ 1941 (выдержки)

1

Москва! Твои сыны-богатыри
Тебя венчали вечной славой!
Три революции, раздув костер зари,
Одели в сталь твои заставы.
«Всем, всем!..» Как сердца стук в груди,
Приказ твой внят — и простой и грозный.
Смерть не шагнет за твой порог, пока с пути
Не сбились, угасая, звезды.
Ждут площади. Для подвига созрев,
Ждут все, кто здесь крепили с камнем камень,
Чтоб ты вложила в них и ненависть и гнев,
Дыханья воинского жгущий сердце пламень.
Сыновний долг суров и прост:
«Встань под ружье!» — вот смысл твоих велений.
О город-мир! Огнем багряных звезд
Ты начертал судьбу грядущих поколений.
Перевод Н. Вольпин

3

Одет в защитный цвет бульваров строгий ряд.
Пусть осень над тобой и ветры точат злобу,
Но ветви легкие вцепиться норовят
Той буре в горло, что сломать их пробует.
Неугомонный дождь. Грядой незрячих гор
Орудья движутся, закованные в латы.
Но за тебя Можайск восходит на костер,
Встав огненной стеной на подступах к Арбату.
По флангам рвется вихрь — в грозе атак
Поколебать Тебя, мой город гордый.
Но Серпухов, подняв фабричных труб кулак,
Размел грабительские орды.
Пусть осень над тобой. Но даже листья все
Готовы опоить врага отравой:

В твою защиту Ленинградское шоссе,
Как обнаженный меч, простерлось от заставы.

Перевод Н. Вольпин

5

К тебе несется сердце — ночью, сквозь метелицу
К твоим камням припасть, Москва. Родная даль
В снегах и звездном прахе стелется
И шлет навстречу поезда.
Они к тебе спешат, мой город: грудью
Мрак рассекая, не сходя с орбит,
Везут с востока мощные орудья —
Для близких, для упорных битв.
В них кость и плоть твоя, они по твоему
Бессмертному подобию созданы,
И эхо скорбно-грозное сквозь тьму
Летит за ними в холод звездный.
Нет звука радостней, чем стук колес, везущих танки,
Чтоб их сгрузить на твой порог.
Трепещет звездочка: «Не опоздай!» И полустанки
Ей отвечают: «Будут в срок!»

Перевод Н. Вольпин

9

Поэты, трубадуры! Все за рядом ряд
На переключку! Вновь сегодня надо,
Как тридцать шесть горячих лет назад,
Идти на улицу и строить баррикады.
Как в годы прежние, но с новой сноровкой
Мы укрепим свой дом, гнездо свое
И песней присягнем, чтоб птицам петь ее
И чтоб она была как за плечом винтовка.
С кремлевской башни звон пробьет сигнал,
Знаменами заплещут зори.
Все по местам! И первым Пушкин стал
На стихшей площади в дозоре.
Мы отдадим сердца за тот грядущий мир,
Где светел каждый дом и каждый день московский.
А если упадет в бою наш командир,
Команду громовым стихом подхватит Маяковский.

1941

Перевод Н. Вольпин

МАТЬ-СТОЛИЦА

Пусть заметет нам снег дорогу вспять!
Пусть звезды под ноги камнями ночь подложит!
Не отсылай меня, столица-мать,
Я пригожусь тебе еще, быть может.
Лишь ты одна теперь владеешь мной,
В годину бед, когда пираты рядом.
Твои огни потушены войной, —
Так яблоки гроза сбивает градом.
Что делать с сердцем, если бороздят
Стервятники твой небосвод высокий?
Горит в груди раздавленный гранат,
И в яд я превращу его живые соки.
Я камни отточу твои, дабы им стать
Оружием, что мощь твою умножит.
Не отсылай меня, столица-мать,
Я пригожусь тебе еще, быть может.

1941

Перевод Р. Морана

СЕРДЦА МОЕГО ТЕПЕРЬ МНЕ МАЛО

Все драгоценности долой: браслеты с рук,
Сережки — из ушей и ожерелья — с шеи, —
Их каждый отдает, как твой солдат и друг,
И с песнею идет сражаться, рыть траншеи.
Все семьдесят твоих языков шлют полки,
Готовы жизнь отдать за мир, за земли эти.
Теперь нам более всего к лицу штыки,
Теперь ценней меча сокровищ нет на свете,
Чтоб драться за тебя, чтоб каждый камень твой
Собою заслонить, вокруг тебя сплотиться
И кровью жил своих, своею головой
За славу, за твое величье расплатиться!
Нет, сердца моего отныне мало мне!
И пусть я не чета плеяде благородной
Прославленных певцов твоих, но я в огне
Отдам его тебе, твоей земле свободной.

1941

Перевод Р. Морана

САМУИЛ МАРШАК

Маршак Самуил Яковлевич (1887— 1964), поэт и переводчик. Родился 3 ноября 1887 г. в Воронеже в семье техника мыловаренного завода. Рано полюбил стихи и сам стал сочинять их. С 1918 г. Маршак работал с детьми в колонии около Петрозаводска, затем в Екатеринодаре (ныне Краснодар), что предопределило его будущую деятельность в детской литературе. В 1934 г. на Первом съезде советских писателей Маршак был содокладчиком М. Горького («О большой литературе для маленьких»).

В годы Великой Отечественной войны Маршак писал стихи для военных плакатов, антифашистские памфлеты, рифмованные подписи к газетным карикатурам. Умер 4 июля 1964 г. в Москве.

По приглашению комиссара 7-й Бауманской дивизии полкового комиссара П.М. Лукина в период ее боевых действий в районе Дорогобужа (в двадцатых числах сентября 1941 года) побывал на фронте. Это было перед суровыми испытаниями. Менее чем через десять дней началось октябрьское наступление Гитлера на Москву с прорывом на Вязьму - Можайск. 2 октября дивизия была отрезана и окружена и вскоре потеряла в ожесточенных боях почти весь свой личный состав.

БОЕВОЕ ПРОЩАНИЕ

Свежий холмик перед низким домом.
Ветви на могиле.
Командира вместе с военкомом
Утром хоронили.
Хоронили их не на кладбище, -
Перед школой деревенской,
На краю деревни Озерище,
В стороне Смоленской.
Самолет, над ними рея,
Замер на минуту.
И вступила в дело батарея
Залпами салюта.
Свет блеснул в холодной мгле осенней,
Призывая к бою.
Двое павших повели в сраженье
Цепи за собою.
И гремели залпы, как раскаты
Яростного грома:

- Вот расплата с вами за комбата!

- Вот за военкома!

<http://stixi-poet.ru/marshak/boevoe-proschane-marshak-s>

ДЕТСКИЙ ДОМ В ЕЛЬНЕ

На площади опустошенной
Разрушен вражеским огнем
Приветливый, многооконный,
С цветами в окнах детский дом.
Что в мире может быть печальней
Полуразрушенных печей
На месте прежней детской спальни,
Среди обломков кирпичей.

В золе я видел мячик детский,
А рядом школьную тетрадь.
Ее примял сапог немецкий,
Оставив грязную печать.

Нет преступления бесцельной,
Бессмысленной злодейства нет.
За детский дом, сожженный в Ельне,
В Берлине, Мюнхене и Кельне
Дадут преступники ответ
<http://stixi-poet.ru/marshak/detskiy-dom-v-elne-marshak-s>

"НЕ" и "НИ"

Мне рассказывал смоленский
Паренек:
- В нашей школе деревенской
Шел урок.

Проходили мы частицы
"Не" и "ни".
А в селе стояли фрицы
В эти дни.

Обобрали наши школы
И дома.
Наша школа стала голой,
Как тюрьма.

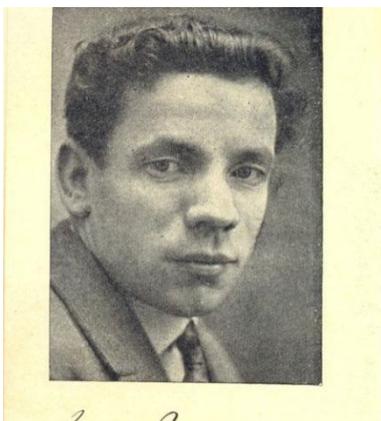
Из ворот избы соседской
Угловой
К нам в окно глядел немецкий
Часовой.

И сказал учитель: "Фразу
Дайте мне,
Чтобы в ней встречались сразу
"Ни" и "не"."

Мы взглянули на солдата
У ворот
И сказали: "От расплаты
НИ один фашист проклятый
НЕ уйдет!"

Маршак С. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. -
М.: Художественная литература, 1970. С. 376-377.
<http://s-marshak.ru/works/poetry/poetry316.htm>

ИВАН МОЛЧАНОВ

Иван Никанорович Молчанов (1903-1984) русский советский поэт, вошел в литературу с так называемым "комсомольским поколением". В первые дни Великой Отечественной войны добровольцем вступил в ряды ополчения (8-я ДНО Краснопресненского района Москвы, 1/22/1299

стрелковый полк, 1-й батальон, 2-я рота, 3-й взвод, командир миномётного отделения). Начав войну рядовым, он заканчивает ее майором, военным корреспондентом фронтовой газеты «Суворовский натиск» в Праге. За участие в ВОВ был награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, многими медалями.

МОСКВА

Москва – в этом слове славянская слава,
Москва – в этом звуке зари перелив,
Москва – в этом имени есть величавый,
Могучий, живой, всенародный порыв!

Столица, где древние стены не гнулись
Пред временем, бурей, врагом и огнем,
Где в пестрый узор переулков и улиц
Вплетен многолетьем твой каменный дом.

Ты вырос, товарищ, на улицах этих,
Ты в школу ходил, волновался, любил,
Ты книги читал – и вставали столетья
И прадедов гордых воинственный пыл.

Над русской землей лихолетья шумели,
Горели просторы, дымилась трава,
Но солнцем высоким в огне и метели
Для русского сердца сияла Москва!

Она не однажды свой гнев подымала
На черные орды, на вражьи полки,
Она не однажды, мой друг, собирала
На холмах своих боевые штыки.

Был голос ее, как гроза, полнозвучен,
И слышала зов ее наша земля.
Сквозь дымы пожаров, сквозь ветры и тучи
Народом сверкала твердыня Кремля.

И храбро сражались далекие деды
На подступах к древней столице Москве!
Они выходили из битвы с победой,
Глаза их сверкали, как росы в листве.

Мы строили зданья, сады насадили,
Машины пустили в раздолье полей.
И наши герои на полюс водили
Армады воздушных своих кораблей.

Мы жизнь нарядили в цветастое платье,
Чтоб легче работать, и думать, и петь...
... Так вырвись из сердца глухое проклятье.
Проклятье рукам, посылающим смерть!

Врагам, посягнувшим на нашу свободу,
Врагам, отнимающим жизнь у детей,
Ворам, отнимающим счастье народа –
Пошли, о, Москва, миллионы смертей!

Ты снова воинственно-грозная встала,
Уверенным оком окинула мир,
Ты молнии огненных стрел разметала,
Сверкает огонь смертоносных секир.

Я знаю, падут к твоему изголовью
Враги, пораженные силой твоей.
Луга напитаем их черною кровью
За волю, за солнце, за наших детей!

И юный, и старый, и мужество следом, -
Идут в батальоны, дерутся, как львы...
Товарищ мой милый, мы выйдем с победой
Из грозного боя за славу Москвы!
1941

Источник: Архив Совета ветеранов 8-й ДНО

МАРШ НАШЕГО ПОЛКА

Над Родиной великою,
Над летней превеликою
Идет-гудет минучая беда;
Кровавая, позорная,
Напала банда черная
На мирные, на наши города.

Эх, вейся над нами,
Над гранями штыка,
Боевое знамя
Нашего полка!
Ряды тесней, ребята,
В походке боевой,
Поплатятся фашисты
Разбойной головой!

Над нами – небо ясное,
За нами – Пресня Красная,
За нами – наша Родина – Москва!
За Родину любимую
Стеной несокрушимую,
Лавиною идем мы на врага!

Эх, вейся над нами,
Над гранями штыка,

Боевое знамя
Нашего полка!
Ряды тесней, ребята,
В походке боевой,
Поплатятся фашисты
Разбойной головой!

Страна дала оружие,
Вперед, ребята дружные!
Врагу несем мы тысячу смертей –
За фабрики свободные,
За дело всенародное,
За счастье подрастающих детей!

Эх, вейся над нами,
Над гранями штыка,
Боевое знамя
Нашего полка!
Ряды тесней, ребята,
В походке боевой,
Поплатятся фашисты
Разбойной головой!

13 авг. 1941

Источник: На рубежах столицы. К 70-летию 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. 1941-2011. Буклет, 2011. С.13.

БОЙЦАМ МОЕЙ БАТАРЕИ

Разгул врага ворвался в наше лето.
Мы все узнали мужества лицо:
У нас боец становится поэтом,
Поэт – в ряды становится бойцом.

Все не разгром врага! Узнать скорее
Искусство боя. Глаз держать острее!
Товарищи, пусть наша батарея
Идёт в рядах первейших батарей.

И если схватки грозный час настанет –
От наших залпов покачнётся твердь,
Прицелом точным батарея грянет,
Неси врагу растерянность и смерть.
Боец артбатареи Иван Молчанов
(Из фронтовой газеты. Публикация А.Воронина)

ДОРОГИ

Чуть горит зари полоска узкая,
Золотая тихая струя...
Ой, ты, мать-земля родная, русская,
Дорогая Родина моя!

В серебре деревья, как хрустальные,
Не тревожен зимний их убор...
И бегут, бегут дороги дальние
Средь полей в немереный простор.

Чья душа с тоскою не оглянется:
Сквозь туман, взрывая ночь и тьму,
Вражья рать по тем дорогам тянется
К городу родному твоему.

Ой, дороги, дымные, военные,
За Москву тяжелые бои...
На дорогах – воры иноземные
Растеряли головы свои.

Не для них сады у нас посажены,
Молодые светлые сады;
Не для них дороги наши лажены,
Не для них построены мосты!

Ты гори, зари полоска узкая,
По земле ползет пожара дым...
Мы тебя, земля родная, русская,
Никогда врагам не отдадим.

1941 год, Подмосковье

Источник: <http://thefireofthewar.ru/lirika/?p=628>

НАШ МОЖАЙСК

**«Разорёна путь-дорожка
От Можая до Москвы...»
(Старинная русская песня)**

Ну, вот, мы проходим опять по Можая,
Где каждая вывеска нам дорога,
И старые улицы нас провожают
Всё дальше на Запад, по следу врага.

Стоял он, дружа с бородинской долиной –
Москвы стародавний рубеж и порог.
Пусть ворог разграбил наш город былинный,
Он славы Можая разграбить не мог.
Московской дорогой – литовскою веткой
Можайские предки ходили в бои.
Можайчи славились силой и сметкой,
Позором не пачкали ружья свои.
История, дай нам седые страницы
Вновь жадно читать, осязать и листать!
Нас всюду встречают ожившие лица,
Мы выбили с улиц фашистскую рать.
Мы грозной щетиной штыков провожаем
Орду, осквернившую наши снега...
Советское знамя горит над Можаем,
Всё дальше на Запад мы гоним врага.
20 января 1942 года
Источник: Архив Совета ветеранов 8-й ДНО

ФРОНТОВОЕ ПИСЬМО

Подмосковная синь густая,
Меж соснами бродит зной.
Я письмо от тебя читаю,
От далёкой, такой родной.
Эти строки – от сердца тропка,
Значит, сердцу теплей вдвойне.
Вот опять попросила робко
Написать о себе,
О войне.
Обо мне – ты отлично знаешь:
Как всегда, я живу тобой.
И улыбку твою, родная,
Уношу я с собою в бой.
Смерть шатается где-то рядом,
Ей опять не попутчик я.
И в убитом враге отраду
Здесь находит душа моя.
Я стою над врагом отпетым:
Он упал головой в кусты,
И, пожалуй, в успехе этом
Виновата была и ты.
Я опять повторю, как когда-то,

Что разлука – не на века,
Что сурова судьба солдата,
А душа у него – мягка,
Но становится, как стальная,
Если пуля летит, звеня...
Двое –
 Ты да страна родная
Вдохновляют в бою меня!
1942 год

ПЕТР НЕЗНАМОВ

Пётр Васильевич Незнамов, настоящая фамилия Лежанкин (1889-1941). Русский советский поэт-футурист, представитель русского авангарда. Участник Великой Отечественной войны. В рядах московских народных ополченцев (2-го отделения, 3-го взвода, 2-й (писательской) роты 1-го батальона 1-го (22, 1299) стрелкового полка) 8-й Краснопресненской ДНО принимал участие в обороне Москвы. Погиб в бою под Дорогобужем в октябре 1941 года.

РОССИИ

Тебя, тебя на всем скаку
Какой запечатлеет мастер:
Слились и всадник и скакун
В таком невиданном распласте!
И спроектирует ли кто
Твоих кипящих сил поток!

Но все, кто видел и не видел,
В сегодняшнем венчают дне
Тебя, тебя в твоём раскиде —
В раскиде песен и огней!
И пусть звенит твой звонкий день
В ушах столиц и деревень!
1921

ГДЕ-ТО ПОД АЧИНСКОМ

Сосна да пихта.
 Лес да лес,
да на опушке горсть домишек,

а поезд в гору
лез да лез,
разгромыхав лесные тиши.
А поезд мерно —
лязг да лязг —
все лез, да лез, да резал кручи,
с тишайшим лесом поделюсь
железной песней —
самой лучшей.
Сосна да пихта.
Шесть утра.
В красноармейском эшелоне
еще горнист не шел играть —
будить бойцов и эти лона.
Был эшелон как эшелон:
сем сотен красной молодежи,
которой солнце бить челом
неслось небесным бездорожьем;
которой
след горячих дней
был по ноге,
костюм — по росту
и так же шел, суровый, к ней,
как горным высям чистый воздух;
которой
путь сиял таков,
что мерить пафос брали версты...
Был эшелон семьсот штыков:
семьсот штыков —
одно упорство.
Сосна да пихта.
Сонь да тишь,
да в этой тиши горсть домишек,
таких,
что сразу не найти,
таких,
что даже тиши тише.
И вдруг — горнист.
И вдруг — рожок.
И вдруг, — как пламя на пожаре,
басок дневального обжег:
— Вставай,

вставай,

вставай, товарищ!

<https://www.litmir.me/br/?b=559708&p=21>

ГРИГОРИЙ НЕМЧИНСКИЙ

Ополченец 13-й ДНО из Мосэстрады (погиб в бою)

ОПОЛЧЕНЦЫ

1

По лесам и по долинам,
По дорогам и ложбинам,
Темной ночью, ясным днем,
Четким маршем мы идем.

Инженер - с ручной гранатой,
Рядом с ним - актер с лопатой.
Журналист - боец простой,
Токарь - снайпер боевой.

Вот рабочие с «Калибра»
Им сейчас не до калибра,
Стал наводчиком термист,
Был лекальщик - стал связист.

Фрезеровщик-пулемётчик,
Нормировщик—миномётчик,
Токарь — бойкий санитар,
Слесарь — чуткий комиссар.

Кто не знает Рыбакова,
Ветерана заводского!
И идет он — не один, —
Рядом с ним шагает сын.

Здесь профессор — муж науки,
Уважаемый Докукин.
Вот эстрадник Бениат
Направляется в наряд.

На борьбу со сворой барской
Встала сказочная рать.
Разве Минин и Пожарский
О такой могли мечтать?

Все желают быть бойцами.

Ополченцы рвутся в бой.
Сыновья идут с отцами
На рубеж свой огневой.

.....

2

Ровен шаг. Движения чётки.
Боевой походный вид.
На запыленной пилотке
Ярко звездочка горит.

Храбр майор наш Губайдулин,
Не страшится вражьи пухи он,
И в боях он знает толк,
Возглавляя энский полк.

Полон силы и отваги
Комиссар полка — Сутягин.
Бывший слесарь — большевик
Приготовил острый штык.

Держим мы на изготовке
Партизанские винтовки,
Не впервые ведь народ
Поднимается в поход.

Били мы не раз тевтона,
Гнали прочь Наполеона.
Вражьи клики никаким
Разгуляться не дадим.

Мы шагаем дружным строем.
Бьем в мишень. Окопы роём.
И прочесываем лес,
Чтобы в лес фашист не влез.

В стычках с вражеским десантом
Не ударим в грязь лицом,
Ловим подлых диверсантов,
Окружаем их кольцом.

Хищный зверь стремится к власти,
И с собою он несёт
Злой оскал фашистской пасти,
Рабство, пытки, плеть и гнёт.

.....
3

Так позволим ли тиранам
Нашу Родину топтать?
Так дадим ли псам поганым
Урожай наш пожирать?

Не для них мы создавали
Звенья славы и побед,
Не для них в руках держали
Наше счастье столько лет.

Погляди-ка, друг-товарищ,
Как цветёт твоя земля.
Неужель врагу подаришь
Твой колхоз, твои поля?

Солнце в небе светит ярко.
Облака легки, как пух.
Дай же руку нам, доярка,
К нам в ряды иди, пастух!

Обнаглевшие бандиты
Посылают «мессершмидты»,
Стаи чёрные летят,
Небеса вокруг гудят.

Что ж, бандиты, просим: «битте»,
Ваши карты будут биты.
День придёт и отшумит
Ваш последний мессершмидт.

Враг не сломит нашу силу.
Прогремит за боем бой.
И, загнав зверюг в могилу,
Возвратимся мы домой.

Мать-старушка приласкает,
Скажет: «Вот мой сын, герой»,
На груди его сверкает
Орден славы боевой.
.....

4

Мирной жизнью, не скучая,
Мы, как прежде, заживём,
И, сойдясь за чашкой чая,
Вспомним, братья, о былом.

Если ж мне судьбой капризной
Смерть начертана в бою,
Ничего! – За честь отчизны
Жизнь не жаль отдать свою!

1941 год

(Предоставлено Г.В.Никулиной)

КЛАВДИЯ ОРЛОВА

Орлова Клавдия Кирилловна родилась 15 июня 1920 года. До войны работала копировщицей на заводе №28 на Красной Пресне. В августе 1941 года пошла добровольцем в народное ополчение, служила рядовой в 8-й ДНО Краснопресненского района. В конце октября 1941 г., выходя из окружения с группой раненых, попала в плен. За несколько побегов и связь с партизанами в декабре 1943 г. отправлена в концлагерь «Освенцим». Была освобождена Красной Армией. После войны работала в конструкторском отделе техником, затем инженером.

С 1973 г – инвалид 1-й группы. Военные награды: Орден Отечественной войны 2-й степени, медали «За оборону Москвы» и «За победу над Германией».

Ты спросила меня: отчего седина?
От того, что судьбу опалила война,

От того, что я видела много смертей,
Крови, боли, безумных от горя людей.

А еще седина от потери друзей,
От фашистских застенков, от вражьих плетей,

От того, что любимый погиб на войне
И остался лежать на чужой стороне.

От того, что не знаю спокойного сна:
Каждой ночью меня убивает война.

Лишь закрою глаза, а она тут как тут:
Снова мины визжат, снова танки ползут,

Снова раненых крик, умирающих стон...
Сорок лет продолжается страшный мой сон!

Сорок лет уж над нашей страной тишина,
А меня до сих пор убивает война!
1985

ДЛЯ НИХ ВСЁ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ВОЙНА

Уж сорок лет май салютуют громко
В честь дня Победы над фашистской чумой,
А женщины хранят всё «похоронки»,
Что с фронта присылались им войной.

И часто горестно ведут они беседы
О тех, что не дожили до Победы.
По карточкам лишь помнят их сыны
Отцов, не возвратившихся с войны.

Который год, не веря «похоронкам»,
Мать ждёт сынов, погибших на войне,
И по ночам, поплавав потихоньку,
Целует карточки, прибитые к стене.

В ночной тиши не спится ветерану:
Болят давно залеченные раны,
Но даже если спит – его ль вина,
Когда во сне всё продолжается война.

Опять окопы, раненые люди
И шквалы миномётного огня!
Да сколько ж это продолжаться будет?
И просыпается, войну кляня.

Давно уж мир и вновь страна богата,
Но до сих пор летят в эфир слова:
«Дочь ищет мать» иль «Сёстры ищут брата» -
Для них всё продолжается война.

В тот год, когда страна огнём пылала,
Когда рекой лилась людская кровь,
По детдомам война детей бросала.
И сколько их не встретится уж вновь!

Да разве эти люди позабудут,

Как много горя принесла война?
Для них война историей не будет,
Для них всё продолжается война.

Чтоб не гремели войны на планете,
Не сиротели матери и дети,
Чтоб для стрельбы ходили только в тир,
Чтобы спокойно ребятишки спали,
Чтоб их для счастья женщины рожали –
Боритесь, жители Земли, за мир!

1985 год

МЕТЕЛЬ

Затянули небо тучи,
За окном метель кружит,
Бьётся в стёкла снег колючий,
Ветер в форточку стучит.

Намела метель смятенье,
Ночь давно, а не до сна,
И встаёт из тьмы метельной
Сорок первый год!.. Война!..

Не окончено сраженье
За смертельную межу.
Я опять из окруженья
Пробиваюсь, выхожу.

Над Смоленщиной горящей
Стонет, мечется метель.
Заметает снег летящий
Под солдатскую шинель.

На носилках самодельных
Молодой солдат лежит,
И в бреду, под вой метельный
Тихо с мамой говорит:

«Ты не плачь, мама, не надо,
Ты же знаешь, - я не трус.
Вот побьём фашистских гадов
И опять к тебе вернусь...».

Ночью парня схоронили
Без салюта и без слов.
Сверху лапником прикрыли
Вместо траурных венков.

Неизвестная могила...
Позади река Угра...
Как давно всё это было,
А как будто бы вчера!

Не даёт метель покоя
С той тревожной ночи мне.
Лишь метель - вновь холм под хвоей
И Смоленщина в огне.
Октябрь 1986 года

Источник: Архив Совета ветеранов 8-й ДНО

СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

Островой Сергей Григорьевич (1911 – 2005). Род. в Новониколаевске (ныне Новосибирск). В 1931 г. приехал в Москву, работал в газете "Гудок". В 1941 ушёл добровольцем в народное ополчение (ДНО Краснопресненского района, 22СП, 2 рота, 3 взвод, миномётное отделение), затем служил в редакции армейской газеты, был начальником дивизионного клуба, участвовал в боях, был ранен. В 1944 году вышла его книга военных стихов. Известен как поэт-песенник.

Как вы, уже будучи известным поэтом, попали на войну? - У меня была бронь из-за отвратительного зрения, и все же я попросился на фронт. Взяли меня в народное ополчение и сразу же повезли на передовую с батальоном коломенских рабочих. Помню, как 5 июля 1941 года мы шли маршем в сторону Вязьмы с натертыми до крови ногами и думали, как будем воевать. У нас было по одной винтовке-полуавтомату на десять человек, да и ее в руках до этого никто не держал. Комиссар на наши вопросы спокойно ответил: «А вы громче кричите и гремите котелками». Мне повезло, меня перевели в армейскую газету. На следующий день было немецкое наступление. Батальон poleg до единого человека.

...Когда нам запрещали доктора.
Мы уходили в роты добровольно.
Без почестей. Без выгод. Без похвал.

Иной судьбы тогда мы не просили.
Спроси меня: зачем я воевал?
Да разве я бы прожил без России!

Я – ушедший в запас,
В самом пекле войны воевавший,
Смерть встречавший не раз,
Но презиравший ее и поправший,

Я – ходивший в бои,
Но не ради убийств и наживы,
А чтоб дети мои
Не погибли, а были бы живы,

Я – терявший друзей,
В чистом поле войною убитых
(Сколько этих полей!
Сколько этих могил незабытых!),

Я – со смертью вдвоем
Ночевавший в холодном окопе,
Обожженный огнем
И прошедший все страны в Европе,

Я навек, навсегда,
Распахал и расчистил руины,
Чтоб от них ни следа,
Ни рубца на земле. Ни морщины.

У той версты, у той версты
Снарядом стрижены кусты.
На них лежат обрывки света
И листьев ржавое литье,
А мне казалось, что вот это
И есть спасение мое.
Что, если только доползу
До тех кустов, до той защиты,
Схвачусь за тонкую лозу
И крикну смерти: «Не ищи ты!»
И я дополз. До той. Черты.
И выжил. Так же, как и ты.

Шел в атаку яростный сорок первый год.
У деревни Крюково погибает взвод.
Все патроны кончились, больше нет гранат.
Их в живых осталось только семеро молодых солдат.

Лейтенант израненный прохрипел: "Вперед!"
У деревни Крюково погибает взвод.
Но штыки горячие бьют не наугад.
Их в живых осталось только семеро молодых солдат.

Будут плакать матери ночи напролет.
У деревни Крюково погибает взвод.
Не сдадут позиции, не уйдут назад.
Их в живых осталось только семеро молодых солдат.

Отпылал пожарами тот далекий год.
У деревни Крюково шел стрелковый взвод.
Отдавая почести, замерев стоят
В карауле у холма печального семеро солдат.

Так судьбой назначено, чтобы в эти дни
У деревни Крюково встретились они.
Где погиб со славою тот бессмертный взвод,
Там шумит, шумит сосна высокая, птица гнезда вьет.

ВЫСТРЕЛ

Когда, бывало, под бомбежку
Ты в чистом поле угодишь,
И належишься вдоволь влежку,
И все травинки разглядишь,

Когда в лесу при артобстреле
Ты вдруг спружинишься в комок,
И прямо в грязь ползешь в апреле,
И весь до ниточки промок,

И до того тебе ненастно,
И так грохочет артзапас...
Но это все не так опасно,
Хотя
и страшно

всякий
раз.
Нет, нет, не тот огонь метельный,
Готовый все сорвать с опор,—
Всего опаснее прицельный,
Летающий на тебя в упор.
Спиралью воздух завивая,
Жужжит и жалит до конца
Пчела военно-полевая,
Комочек острого свинца.

Вот кто тебя все время ищет,
Глухим предчувствием знобя..
И если мимо — то засвищет.
А если молча — то в тебя.

ПИСЬМО

Шло письмо домой с войны
На другой
конец
страны,
Через горы, через реки,
Через темные леса,
Через дождик, мелкий-мелкий,
Через птичьи голоса,
Через радость, через горе,
Через травы на лугу,
Утлой лодочкою в море,
Тонким следом на снегу,
На закате, на рассвете.
По кривой и по прямой,
Через все пути на свете
Шло
с войны
письмо
домой.

Шло письмо. С ветрами билось.
Шло письмо. Искало дом.
Вдруг земля под ним забилась,
Заходил повсюду гром,
И, назло беде и мраку,

Будто луч в свинцовой тьме,
Тот солдат пошел в атаку,
Тот солдат, что жил в письме.
В сапогах, в седой пилотке,
Весь присыпанный золой.
Он упал на той высотке
Между небом и землей.
Он упал. Рванулось тело.
И застыло под кустом.
...А письмо еще летело.
И не ведало о том.

КОСТЫЛЬ

Куда я спрячу вечную тревогу?
Как я исчезнуть памяти велю?
Костыль идет.
Костыль идет.
Дорогу.
Вы слышите? Дорогу костылю!

Презревший сатану, презревший бога,
Ходивший в бой под пулеметный свист?
Теперь он ходит трудно. Одноного.
Чтоб вы сейчас отплясывали твист.

А ведь и он отплясывал когда-то.
И все его семнадцать с небольшим
Плясали дробной строчкой автомата,
Когда война кружила перед ним.

Он был из нервов сшит. Не из гранита.
Всей сутью жизни к подвигу готов.
И где теперь нога его зарыта?
Там ни могилы нету. Ни цветов.

Я не в укор вам, люди светлой доли.
Пусть под солнцем пенятся сады.
И дай вам бог не ведать этой боли.
И никогда не плакать от беды.

Я только то сказать хочу, что если
Ты вдруг костыль увидишь у ворот,—

Остановись. И, как в хорошей песне,
Не суетись. Не забегай вперед.

... А песня ходит на войну.
А песня рушит доты.
Я тоже песню знал одну,
Как подданный пехоты.

На том гремучем рубеже,
Когда трясёт планету,
Она приходит – и уже
Ни зла, ни страха нету.

В неё стреляет миномёт.
Её сечёт граната.
А песня – взлёт. И всё поёт.
И всё ведёт солдата.

Она ведёт. Она поёт.
Она, как свет, живуча.
Над нею рыщет самолёт.
Летит снарядов куча.

В неё стреляют сто полков.
Висит разрывов проседь...
Но в мире нет таких стрелков,
Чтоб мир обезголосить.

http://webkind.ru/text/927752501_76965331p537056037_text_pesni_kostyl.html

ЮРИЙ ПОШЕМАНСКИЙ

Пошеманский Юрий Михайлович (1922-1995) родился в Ленинграде, в 1927 году семья переехала в Москву. Учился в школе № 95 на Красной Пресне. В первые дни войны вступает добровольно в ряды 8-й Дивизии народного ополчения бойцом стрелковой роты, затем был в отделении подвижных частей связи штабного взвода роты связи (самокатной роты) 1-го стрелкового полка. После тяжёлых боёв под Ельней вышел из окружения. Окончил Сталинградское военное училище связи. Воевал под Сталинградом. В октябре 1943 года тяжело ранен в грудь, в феврале 1944 г. демобилизован, инвалид ВОВ 2-й группы. Автор многих сценариев для кино и телевидения. В 1981 г. издана его книга «Солдаты Красной Пресни». Награждён медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», Орденом Отечественной войны 2-й степени. (Источник: Архив Совета ветеранов 8-й ДНО).

КРАСНЫЕ ЛИСТЬЯ

Сколько бы лет не легло между нами,
Сколько бы ни был в дали от тебя,
Красная Пресня – ты совесть и память,
Память и совесть моя.

Ветер с реки чью-то песню доносит:
Трогает сердце знакомый мотив.
Красной листвою засыпала осень
Парки и скверы твои.

Кружатся листья над старою Пресней
Алым огнем догорел листопад.
Словно упал мой далекий ровесник
Снова на лед баррикад.

Будто под Ельней в разрывах и свисте,
Пресня в атаку подняла ребят.
Красные, красные, красные листья
Осенью каждой мне в сердце летят.

Источник: На рубежах столицы. К 70-летию 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. 1941-2011. Буклет, 2011. 28 с. С.11.

ИВАН ПУЛЬКИН

Иван Иванович Пулькин родился 12(25) января 1903 года в селе Шишкове, ныне Волоколамского района Московской области в крестьянской семье. В первые дни Великой Отечественной войны пошел в народное ополчение. Получает ранение при бомбёжке, но всё равно уезжает на фронт. Последнее письмо написано поэтом 13 октября 1941 года, после чего вестей о нём не было. Предположительно он погиб под Москвой в декабре 1941 года.

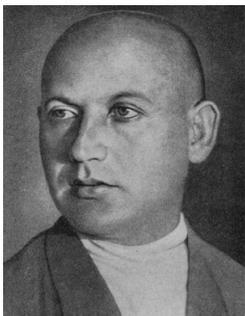
Большая часть произведений Ивана Пулькина осталось неопубликованной, часть была утрачена в годы войны. После войны стихотворения публиковались в сборниках «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне» (1965), «День поэзии» (1965).

НЕ ВЕРЮ!

Я мир прошел из края в край
Земля мокра
От слез...
Мир мраком и чумой оброс
До самых глаз

Как раз...
Тут духоты —
Не продышать — от крови,
Тут темноты
И тошноты
С краями вровень!
Мир оплыл жиром!
Тут тоски —
С пеленок и до гробовой доски
Не расхлебать всем миром!
Тут пухнет с голоду бедняк,
Не видя света, —
Ни хлеба, ни мечты, ни дня.
Да разве это
Жизнь, когда
Сплошной туман и кровь!
Смерть формирует поезда
И гонит в бой любовь!..
Я мир прошел из края в край —
У мира морда зверя,
От крови вся земля мокра, —
И всё ж не верю!
Не верю в ночь и в темноту,
Не верю в смерть и в пустоту,
Не верю в голод, в кровь и вой,
Ни в бойню пополам с чумой, —
Пока на небе солнце есть,
Есть освещающие весь
Мир звезды на седом Кремле —
Есть правда на земле!
Есть в мире майская гроза —
На страх гнетущей мгле,
Глядящая во все глаза
Есть стража на земле,
Есть труд — славнее всяких слав —
Есть песен медь
И право выше всяких прав —
Творить и петь,
Есть доблесть в боевом строю,
Есть смерть за родину в бою,
Есть звезды на седом Кремле —
Есть счастье на земле! 1939

САМУИЛ РОСИН

Самуил Израилевич Росин (Шмуэл Росин) (1892-1941) — еврейский советский поэт. Писал на идише. Родился 14 августа 1892 в местечке Шумячи Могилёвской губернии в семье возчика. Писать стихи Росин начал с 14-ти лет. Первое стихотворение опубликовал в 1917 году. В последующие годы выпустил несколько сборников стихотворений. Предвоенные стихи Росина полны предчувствия опасности, нависшей над страной, и сознания своей ответственности за все происходящее в мире. В июле 1941 года вместе с женой ушёл добровольцем в московское ополчение (8-я Краснопресненская ДНО, 22/1299 СП, 1-й батальон, 2-я писательская рота, 3-й взвод, 2-е отделение), оба погибли осенью 1941 года в тяжелых оборонительных боях под Вязьмой. Фронтовые стихи он заносил в записную книжку, которая не сохранилась.

Я себе вопрос серьезный
Задаю не в первый раз:
Если час настанет грозный,
Как ты встретишь этот час?

Не колеблясь, не тоскуя,
Можешь ты отдать в бою
За страну свою родную
Жизнь и молодость свою?

Я спрошу и вновь отвечу
Стуком сердца своего,
Что врагу пойду навстречу,
Не жалея ничего,

Что любимую покину,
Не позволю провожать,
Что меня родному сыну
Не удастся удержать.

Не смутят ни мрак холодный,
Ни внезапный блеск штыка.
Облегчит мой шаг походный
Мужественная строка.
1941. Перевод В. Эльтерман

К МУЗЕ

Опасность повисла в эфире —
Слепой и убийственный груз.
В бесплодных мечтаньях о мире
Позорно молчание муз.

Когда с беспощадною силой
Взрывается свод голубой,
Хочу, чтобы муза будила,
Чтоб муза звала за собой.

Чтоб, тысячи верст пролетая
Сквозь вихри огня и свинца,
Строка проникала литая
В живые людские сердца.

Горячими вспышками молний —
От края до края земли —
Все помыслы, муза, наполни
И гневом сердца накали.

Прорвись сквозь туманы густые,
Которыми дышит война.
За многие жизни людские
Потребуй расчета сполна.

За каждого требуй расплаты,
Кто жил, и любил, и творил,
И встал неизвестным солдатом
Из сумрака братских могил.

О муза, орлиной повадкой
Над родиной крылья расправь,
Чтоб враг не пробрался украдкой
Ни с неба, ни с суши, ни вплавь.

Опасность повисла в эфире —
Слепой и убийственный груз.
В бесплодных мечтаньях о мире
Позорно молчание муз.

1941. Перевод В. Эльтерман
<http://mirror7.ru.indbooks.in/?p=412969>

* * *

Годы бурь, я ваш ровесник,
Жив во мне сражений гул,
Я и юностью и песней
Вам на верность присягнул.

Этим светом краснофлагим
Жизнь моя озарена.
В подтверждение присяги
Долг я выполню сполна.

Время бурь, твои уроки
Я запомнил хорошо,
В смертном натиске жестоком
Школу мужества прошел.

Стал я дерзким и крылатым,
Сжег тоску в пыланье гроз.
Гром гремит, его раскаты
Докатились до звезд.

Через радугу вступаю
В мир, как сердце, дорогой.
Молодым, веселым маем
Жизнь открылась предо мной.

Не окончены походы.
Мне с грядущим по пути.
В светлом будущем народа
Счастье я сумел найти.

Перевод В. Гордиенко

МОЛОДОСТЬ

Кто говорит, что нам осталось
Вести лишь счет ночных минут,
Что, подпустив вплотную старость,
Без боя молодость сдают?

Мне место дорого на свете,
Без боя я не сдамся! Нет!..
На нашей солнечной планете
Хочу прожить я тыщу лет.

И сколько мук ни суждено мне,
Все поборю я на земле;
И бремя, в сотни раз огромней,
Вовек не будет в тягость мне.

И, как олень под облаками
Опору чувствует камней,
Так ощущаю под ногами
Я почву юности своей.

Не старят сердце молодое
Ни испытанья, ни года...
Умру я в самой гуще боя,
Оставшись юным навсегда!

Перевод С. Наровчатова

КОНСТАНТИН СИЗЫХ

Константин Михайлович Сизых (1922 – 2010) был в одном из стрелковых полков 8-й дивизии командиром миномётной роты. Как и командиры других рот и батарей, он был прислан в дивизию после досрочного выпуска из Ярославского военного училища, ему в то время было 19 лет. После тяжелого ранения в первом же бою лейтенант Константин Сизых никогда уже не смог вернуться в строй. После войны жил на Кубани. Сборник стихотворений «Память сердца» опубликовал в 1998 году издательством «Северный Кавказ». Стал известным поэтом, его стихи печатались в краевых газетах Кубани, в альманахе «Кубань», в центральных газетах «Красная Звезда», «Ветеран». Он — лауреат всероссийского конкурса военно-патриотической поэзии 2004 года, приуроченного к 190-летию М.Ю. Лермонтова, и 2005 года, проводившегося в честь 60-летия Победы. Он — автор книги воспоминаний «Моя война», а в 2007 г. опубликовал книгу «Рассказ о моей станице» (Краснодар. Изд. Советская Кубань, 222 с.). В своей станице Воронежской К.М.Сизых, инвалид войны, был председателем Совета ветеранов. Ушёл из жизни 18.01.2010 г. на 88-м году жизни.

ОСЕНЬ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Та страшная явь неотвязчивым сном
Ночами приходит как небыль.
Над полем кружат стаи красных ворон,
И жаром пылает всё небо.

Когда же затихнет чудовищный бой!
Неужто обратно нет хода.

До смертного часа он в сердце, как боль,
Октябрь сорок первого года.

Горели деревья, кипела Угра,
А дым — словно чёрные птицы.
И шли ополченцы с последним «Ура!»
На подступах дальних к столице.

Гранаты — как роскошь, снаряды — на счёт,
Одна на двоих — трёхлинейка;
А ливень металла навстречу сечёт,
И ждёшь свою пулю-злодейку.

Где ясные соколы, где «ястребки»,
Где танки из марочной стали?
Где наши краскомы, их остры клинки?
Да разве войны мы не ждали.

Но мы не искали истоков вины,
Москва — это главное в сердце.
И, толком не зная законов войны,
Здесь насмерть дрались ополченцы.

Их столько погибло в чащобах лесных,
Под шквальным огнём автоматов!
Нас — горстка всего лишь осталась в живых,
Воскресших на койках санбатов.

И братских могил у товарищей нет,
И кто бы писал похоронки.
О, сколько под Ельней трагических мест,
Где память — одни лишь воронки.

И тысячи жён, матерей и невест
Не знают, где близких могилы.
И даже тот старый, израненный лес
Об этом сказать им не в силах.

Но не было в пекле, в том страшном бою,
Героев, пропавших бесследно.
Они и сейчас с нами в майском строю
Шагают в колонне победной.

Публикация по книге: Г.Г.Чёрный. Военные годы. - СПб, 2010. – С.79

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Однополчанам – 8-ой Краснопресненской
дивизии Народного ополчения г. Москвы

Нам марш «Славянки» не играли,
И громких не было речей.
По Пресне, молча, мы шагали
Под слезы жен и матерей.

Неслось нам вслед: «Вас ждем с победой!»
А до нее сто тысяч верст,
Но мы тот путь с великой верой
Могли пройти до самых звезд,

И мы прошли все те дороги,
Сметая смерч с пути огнем.
И был конец. В его берлоге –
Мы крест поставили на нем.

Из тысяч живы единицы,
Суров, жесток закон войны.
Да, живы мы! И мы – счастливы...
Но в этом нашей нет вины.

Для всех досталось свое поле.
Кому на Волге, на Днестре,
А наше поле – наша доля,
В лесах смоленских на Угре.

Нам до сих пор октябрь тот снится...
Он словно рядом и вдали.
Мы в том бою за жизнь Столицы
Отдали больше, чем могли.

Да, время жизни не подвластно,
Уж нет следов от всех руин,
А фронтовое наше братство
Мы сохранили до седины.

Источник: На рубежах столицы. К 70-летию 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. 1941-2011. Буклет, 2011. 28 с. С.21.

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

Однополчанам 8-ой Краснопресненской, Живым и мёртвым – посвящаю...

Передо мной льняное поле...
В ушах звенит от тишины.
Земля смоленская – приволье!
И будто не было войны.

Мне сорок лет то поле снится.
Тот жуткий бой, жестокий бой,
Когда судьба родной столицы
Была и нашею судьбой.

Окопы, ров, остатки дзота...
За сорок лет здесь вырос лес.
Где полегла вся наша рота,
И только чудом я воскрес.

Всё заросло травой-полынью.
Ушла в историю война.
Но память сердца и донныне
Хранит всех павших имена.

Хранит в торжественной минуте.
И в Вечном пламене огня
Хранит их в праздничном салюте
И в зорях завтрашнего дня.

Село Уварово, Ельнинский район,
Август 1983 года

Источник: На рубежах столицы. К 70-летию 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. 1941-2011. Буклет, 2011. 28 с. С.5.

ВЕЛИКИЕ СОЛДАТЫ

Идут великие солдаты.
В сто солнц сверкают ордена.
В одном строю солдат с комбатом:
Для всех война была одна.

Не тот уж шаг, не та походка,
Но вновь в глазах победный свет.
Идут солдаты-одногодки
Сороковых далёких лет.

А был парад, парад столетья,
Когда к столице рвался враг,
По Красной площади в бессмертье
Они прошли, чеканя шаг...

Идут великие солдаты.
В сто солнц сверкают ордена.
Во все века за подвиг ратный
Их будут помнить имена.

Источник: На рубежах столицы. К 70-летию 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. 1941-2011. Буклет, 2011. 28 с. С.5.

... Сквозь даль, через века я в этот час,
С тоской взирая на зарницы,
Кричу, прошу и умоляю вас:
"Не забывайте нас, счастливыцы!"

<http://9dno.ru/%D0%...>

А мы с тобой живем за всех –
Ушедших в вечное бессмертье.
За всех ребят, которых нет...
Но в майский день мы с ними вместе.

Источник: Газета Правда №39 (29092) 17 – 18 апреля 2007 года
<http://kprf.ru/pravda/issues/2007/39/article-16194/>

ВАДИМ СТРЕЛЬЧЕНКО

Стрельченко Вадим Константинович родился 6 ноября 1912 года в Херсоне. В первые же дни Великой Отечественной войны, несмотря на то, что из-за плохого зрения был снят с воинского учета, он стал в ряды московского народного ополчения (8-я ДНО Краснопресненского района Москвы, 1/22/1299 стрелковый полк, 1-й батальон, 3-я рота, 3-й взвод, командир отделения). По данным ОБД «Мемориал», пропал без вести в январе 1942 года (точнее, пожалуй, в октябре 1941) под Вязьмой в возрасте двадцати девяти лет. «Благодородство, одухотворенность, духовная чистота его стихотворений должны воспитывать молодежь», писал о В. Стрельченко поэт Всеволод Азаров. По общему свидетельству людей, знавших его, Стрельченко был в личной жизни точно таким же, как и в стихах: предельно честным, прямым, смелым, верным товарищем. Он всегда вступался за правого и слабого, не терпел тех, кто в

решении трудных вопросов старался остаться в стороне, — мол, это нас не касается.

РОДИНЕ

(Надпись на книге)

Трижды яблоки поспевали.
И пока я искал слова,
Трижды жатву с полей собирали
И четвертая всходит
Трава.

Но не только сапог каблуками
Я к земле прикасался
И жил
Не с бумагами да пузырьками
Черных, синих и красных чернил!

Но, певец твой, я хлеба и крова
Добивался всегда не стихом,
И умру я в бою
Не от слова,
Материнским клянусь молоком!

Да пройду я веселым шагом,
Ненавистный лжецам и скрягам,
Славя яблоко над землей,

Тонкой красной материи флагом
Защищенный, как толстой стеной.
1936

ВМЕСТЕ

Как долго не виделись мы с тобой!
...Была ты дочерью и сестрой,
И доброй женой была,
А мы не встречались, а ты — другим
Вверяла с детским доверьем своим
Желания и дела.
О, не были мы никогда вдвоем!
...Я сыном был и ушел, потом
Был мужем, — она ушла,
И я одиноко садился за стол.

И пол одиноко метелкой мел.
Теперь мы — вдвоем у стола,
Качается чашка в твоей руке.
На миг припадаю щекой к щеке, —
Все слышит ухо мое:
И кровь невидимкой назад-вперед,
И челюсть маленькая жует,
И губы тянут питье...
На миг я как будто бы стал тобой:
Вот вьются волосы за спиной,
Вот грудь облегло полотно.
Мы разом воздух вдыхаем ртом
И выдохнем разом, опять вдохнем,
Как будто — не двое, одно.
1938

ВЫ СЛЫШАЛИ СЛОВО ВОЖДЯ?

Вы слышали слово вождя?
С удвоенной силой теперь —
За работу!
Удвоим оружие, станки, самолеты,
Везде для геройства пути находя.

Проворнее!
Время не ждет.
Ведь знаем:
Победа придет неуклонно,
И — к небу подняв боевые знамена —
С великой войны возвратится народ.

И тем, кто в годину войны
Вы слышали слово вождя?
С удвоенной силой теперь —
За работу!
Удвоим оружие, станки, самолеты,
Везде для геройства пути находя.

Проворнее!
Время не ждет.
Ведь знаем:
Победа придет неуклонно,
И — к небу подняв боевые знамена —

пролежал в госпитале.

25 сентября 1941 года в газете опубликованы его стихи, посвященные Валентине Петровне Горбик (Родилась в 1922 году, Сталинский РВК, 07.1941, ополчение, 2 СД, 492 медсанбат, комсорг батальона, хирургическая медсестра, командир взвода. Попала в плен в октябре 1941 года. Освобождена. Дальнейшая её судьба неизвестна).

ВСТРЕЧА В ПОЛЕ

Медицинской сестре Валентине Горбик

Мы с тобой повстречались в поле.
Разговор, - быстрых несколько слов
О бессонных ночах и о боли,
О горячем дыханье боев.

А потом подняла ты ресницы,
Я в глазах голубых подглядел,
Как в бессоньи, разрывах, зарницы
Пятидневный твой день пролетел.

Не пила ты, не ела, что б лаской
Переполнить себя через край,
Даже с щек своих алую краску
Отдала ты бойцам невзначай.

Тише быстрого сердце удары:
Умирающим ты принесла
Горсти полные нежности, жара,
Чтобы жизнь их дольше была.

Тебе некогда. Надо проститься.
Вот уж скрылась в просторах полей,
А рука твоя маленькой птицей
Бьется в теплой ладони моей.
Предоставлено Муждабаевой Л.Е.

КОНЕЦ НЕМЕЦКОГО ПОРЯДКА

Обер-ефрейтор Гольдкамп Вернер
Настроен чрезвычайно скверно.

Два года он бил, насиловал, грабил,
Везде соблюдая немецкий порядок:
Бреется – жрёт, прогуляется – жрёт,
Пограбит и вновь набивает живот.

Так было на Висле, так было на Марне,
К такому порядку ефрейтор привык,
Пока не наткнулся громила коварный
На русские пушки и русский штык.

И сетует горестно Вернер Гольдкамп:
Порядки русские очень горьки,
Утром русские штыки
Быстро греют кадыки,
Не успеешь оглянуться
И к земле уж шеи гнутся.

Кухню Гольдкамп жадно ждёт,
Кухня завтрак привезёт, -
Жёлудёвую фасоль,
По порядку, в семь ноль-ноль.

А наши пулемётчики,
Танкисты и наводчики,
Кухню встретив на ходу,
Греют Вернеру еду, -

Пережарили фасоль,
Вернер завтракал ноль-ноль,
Час пройти бы прогуляться,
Брюхо пухнет от эрзацов.
Да найти бы курицу!
Вернер сладко жмурится.

Высунул один макушку
И тотчас был взят на мушку,
А другой приподнял зад,
Получил в него заряд.

Вернер только спать ложится, -
Запоют стальные птицы.
Бомбы русские метут,
Бомбы воют и поют:

«Понапрасну, Вернер, ходишь,
Понапрасну ножки бьёшь
И назад их не воротишь,
Коль под Ельню попадёшь!»

Восемь дней сидит уже
Вернер Гольдкамп в блиндаже.
Злостью сердце закипело,
И покрылось грязью тело,

Полетели вверх тормашками
Порядки с барскими замашками.
И остались лишь мечты
Про награды и кресты.

Помечтал об этом только
Два денька ефрейтор Гольдкамп:
Наши славные полки
Взяли Вернеров в штыки.

И в порядке боевом
Взяли Гольдкампа живьём,
И советскую хлеб-соль
Он попробовал: ноль-ноль.

Газета 32 Армии «Боевой путь», 17 сентября 1941 г., Полевая почтовая станция 571
<http://smolbattle.ru/threads>

Глава 15. Память об ополченцах послевоенных поколений

1. Стихи потомков ополченцев – память семьи

В этом разделе приводятся стихи, написанные людьми, чья судьба непосредственно связана семейными отношениями с ополченцами – сыновьями/дочерьми, внуками/внучками ополченцев. Здесь, прежде всего, следует отметить подборку стихов А.З.Эйдельштейна - сына ополченца (2 ДНО), вошедших в вышеупомянутый сборник «ПАМЯТЬ», а также стихи, присланные/переданные мне авторами или опубликованные на сайтах в интернете – авторы Сумароков А.Б. (2 ДНО), Чепурко И.В. (6 ДНО), Мищенко А.Л., Постникова А., Рахманов А.С. (9 ДНО), Саморокова Т. (13 ДНО), Гаврилов А.В., Обновленский Б. (17 ДНО).

АРКАДИЙ ЭЙДЕЛЬШТЕЙН (Сын ополченца 2-й ДНО З.А.Эйдельштейна)

Пожар войны забушевал едва,
Обезвреились и Питер и Москва.
Жидки отправились в Ташкент ?
Ан, нет !
"В ружьё!" - призвал парткомитет.

На Лугу - Ладогу, за Вязьму и под Ельню
Нестройные пошли колонны ополченья.
Пожалуй, каждый пятый в добровольцах:
Шапиро, Коган, -штейны, -цвейги, -гольцы.

Но злые языки: "Аиды ? Воевали ?
Они же чем-то груши оббивали!"
И, как укор, в виске скворчонок:
"Сочти несчётный список похоронок !.."

ЖУРАВЛИ НАД БЕБРЕЙ

Зима не за горами. Но на север
От Вязьмы тянут журавли,
На Бебрю, где мели свинцовые метели,
Где вои безымянно полегли.

Над Богородицким, над скорбным полем брани
На запад повернул пернатый клин.

Чтоб донести “Курлы” до Серезани,
Как реквием. И в тоже время гимн.

Не там ли я, пока был полон сил,
По Вяземским просёлкам колесил?

Не в одиночестве искал я по полесьям –
Со мной кружили журавли Бернеса.

А с ними вместе отыскать я смог
Те веси, где полёг отцовский полк.
С тех пор уже немалый минул срок.

Коль скоро я вдали от Вяземской земли,
Маршрут мой повторили журавли.
Вслед помыслам моим порой предзимней
На север журавли тянули клином.

ПАМЯТНОЕ УТРО

Во все окно небес голубизна.
В ребячьем сердце музыка и солнце.
“Сынок! Сегодня кончилась война!” –
“А скоро с фронта папа наш вернется?”

Что можно несмышлёнышу сказать?
Четвертый год известий нет от мужа.
В смятении мама прятала глаза,
Плести словесных не пытаюсь кружев.

А день вставал, хмелея без вина.
Наперекор страданиям и бедам.
Кровь отерев и пот, моя
Страна Встречала долгожданную Победу.

СЫНОВИЙ ДОЛГ

Из многих стран на карте мира
Одна притягивает взгляд.
Та, что звалась в тиши квартирной
“Обетованная земля”.

Земля, в которой жил мой пращур,
Из праха возродилась вновь.
Всё беспокойнее и чаще

Её манящий слышу зов.

Но в сердце отдаётся резко:
“С собой будь честен до конца:
Ты до сих пор в краю Смоленском
Не отыскал следов отца.

Полвека в “без вести пропавших”,
А помнит ли таких страна?
Пока его нет в списке павших,
Твоя не кончилась война”.

И потому на зов манящий
Ответ мой по-солдатски прост:
“Пока не сменит разводящий,
Я не могу покинуть пост”.

*** (Последнее)

Кладбищ не люблю трущобно-тесных,
Суеты надгробий не приемля.
В вечность я готов уйти безвестным.
Как отец в бою, обнявши землю.

АЛЕКСАНДР СУМАРОКОВ (племянник ополченца 2-й ДНО А.Г.Мелихова)

ГАЛИНЕ

Навеки смолянами стали
Солдаты, пропавшие без вести...
А как же вас, соколы, звали?
Откликнитесь из неизвестности!
Окопы с землёю сровнялись,
В лесах - кровь рябины с калиною.
К отцам незнакомым склонялись
С цветами Иваны с Галинами.
Они тогда крошками были,
Они их не знали, не помнили -
Отцы их тогда защитили,
А матери... матери - подняли.
Досталось им детство сиротское,
А всё же красивыми выросли.
В боях у села Богородское
Отцы всё свершили и вынесли.

* * *

Когда идёшь ты осенью в лесу смоленском,
То видишь, как краснеет кровь солдат погибших.
Она в кустах калины и в ягодах рябины,
А если волчья ягода - так это кровь вражины!

ИННА ЧЕПУРКО (племянница ополченца 6-й ДНО Чепурко Н.Г.)

«ЖДИ ОТКРЫТОК ИЗ БЕРЛИНА»

Было ярким июльское солнце
В сорок первом треклятом году,
Рыть окопы шли добровольцы,
Я, как будто бы рядом иду.

Я, рожденная в сорок первом,
Им, конечно, помочь не могла,
И для нас они стали примером
И в гражданских, и в ратных делах.

Преодо мною военные письма:
«Жди открыток моих из Берлина»,
Столько мужества и оптимизма,
В этих строчках бессмертная сила.

Затянуло тучами солнце
В сорок первом проклятом году,
В смертный бой ушли добровольцы
И закрыли собою Москву.

На Смоленской земле воевали:
Озерище, Ельня, Дорогобуш...
Те места для нас кровными стали,
Как родство, переселение души.

Здесь сотрудники НКВД, дипломаты,
В ополчении погибли они,
Героически, как солдаты,
И об этом мы помнить должны.

Война страшна, ещё страшней забвеньё
Тех воинов, кто завещал нам жить,
Истории военной искаженьё,
Мы будем верно истине служить.

Жертвы эти, как шрамы на сердце,
Кровью вписаны их имена,
Всех погибших в боях ополченцев,
Это память на все времена.
Февраль 2017г.

АНАСТАСИЯ МИЩЕНКО (дочь ополченца 8-й ДНО Мищенко Л.Г.)

Во всех маршах войны только пауза — верная нота:
Без литавр и труб полегла и не встала пехота.
Меж огнем и броней поднялась, не одетая в латы.
Так по чьей же вине их от муки, Земля, не спасла ты?
Ты взяла их себе, чтоб не слышать им горя разрывы,
Чтоб, подобно тебе, они были среди нас молчаливы.
1994

АЛЛА ПОСТНИКОВА (дочь ополченца 9-й ДНО Лаврентия Тетюшина)

ПАМЯТНИК

Взмыл памятник на ельнинских полях,
Преодолев земное притяженье,
Как песня о народном ополчении,
Как память о сражавшихся бойцах.

Идет на запад добровольцев строй,
Винтовки небо бороздят штыками...
Москву с оборонительными рвами
Им выпал жребий заслонить собой.

Идет старик с седою бородой
С врагом сравнять свой старый счет солдатский,
Ведь был крещен он пулею германской
В бою еще на первой мировой.

А рядом мальчик, полон гнева взгляд,
Ремень винтовки сжат в руке до боли,
Ему недавно в москворецкой школе
Учителя вручили аттестат.

Идет рабочий, ненависть свою
Обрушит он в бою на супостата.
И девушка идет из медсанбата
Спасать бойцов у смерти на краю.

Уходит ополчение вперед,
Земная боль на подвиг их сплотила,
В бой повела невиданная сила...
Их мужество из прошлого встает.

Как песня, как былина о бойцах,
Сражавшихся в народном ополчении,
Преодолев земное притяженье,
Взмыл памятник на ельнинских полях.

ПОД ЕЛЬНЕЙ

В день годовщины битвы под Москвой
Я слушала взволнованно солдата,
Его рассказ дорогой фронтовой
Вел по местам, где шли бои когда-то.

Казалось мне, сама пережила:
В народное вступила ополчение
И шла от подмосковного села
Войне навстречу в первое сраженье.

Я чувствовала тяжесть вещмешка
И боль в ногах на дальних переходах,
С солдатами стрелкового полка
Окопы рыла, мерзла на болотах.

В лесу, расположившись на привал,
Училась, как и все, огонь вести прицельный.
Но приближался враг. Наш час настал.
Мы в бой пошли, в свой первый бой под Ельней.

Я видела так ясно, как вчера:
Пехота занимала оборону,
Вдруг небо заслонили «мессера»,
С пригорка танки поползли по склону.

Где только что кружился листопад
И осень золотила перелески
На наших необстрелянных солдат
Смертельный шквал обрушился немецкий.

Бойцы бросали в танковую твердь
Бутылки с зажигательной смесью...

Их лица мне хотелось разглядеть,
Чтобы пропавших не было без вести.

Один, другой... Не сосчитать утрат...
Тяжел был шаг их по земле последний...
И ветераны в памяти хранят
Свой первый бой, неравный бой под Ельней.

Мы помним всех, кому не суждено
Под Ельней встать, чтоб в бой рвануться снова.
Для них там было поле Куликово,
Под Ельней было их Бородино.

Из книги: Н.Слайковская "Вспомним всех поимённо"

А. РАХМАНОВ (Сообщество сохранения памяти 9-й ДНО)

ПЕСНЯ ОПОЛЧЕНЦЕВ 9-й КИРОВСКОЙ ДИВИЗИИ

музыка Гадзанова Р. Е.

Ополченцы Москвы в сорок первом ушли...
Когда кровью закаты цвели,
Стали общими судьбы и беды...
Ополченцы Москвы в сорок первом ушли,
В сорок первом году за далёкой победой.

Их пути через ад пролегали,
Где свой долг выполняли солдаты.
Ополченцы Москвы в сорок первом ушли,
В сорок первом ушли, чтобы был сорок пятый.

Небо залпы салютов зажгли,
Искры вечных огней запылали.
Ополченцы Москвы в сорок первом ушли,
В сорок первом ушли, в сорок первом остались.

<http://9dno.ru/>

СЕМЁН ВАКСМАН (сын ополченца 13-й ДНО Иегуды Ваксмана)

Не загорелый – выгоревший,
От города Холм – Жирковский
До самой станции Игоревской
Искал я следы отцовской

Дивизии – покореженной,
Кровавым вином напоённой,
Тринадцатой непохороненной
И все-таки непокорённой.

И – повторение пройденного:
«Под звуки трубы повиты»,
«Они сражались за Родину»,
«Прокляты и убиты».
2005

НЕ ЖДИ МЕНЯ

На Трубной помню дом, окно полуподвала.
Уже не опускали синих штор,
И лампа вполнекала освещала
Под вылинявшим абажуром стол,

А за столом отец и сыновья.
Хозяйка им картошку подавала,
Чуть слышно было – «Танго соловья»,
Чуть виден – блеск огня из поддувала,

Вернее, отблеск скрытого огня.
Но вот уже и музыка умолкла.
Не мог я оторваться от окна.
Нехорошо смотреть в чужие окна.

Салют! И в небе дерево огня,
И слышалось, как будто сквозь рыдания –
Не жди меня! И эхо – до свиданья!
Не жди меня. Не жди, не жди меня.
1994

Как льется эта музыка! Вода
Так не умеет литься невесомо,
Но плачу я от музыки веселой,
Всё медленней текущей сквозь года.

Всё глуше с каждым годом, всё милей
Старинный быстрый танец «Рио-Рита».
В сырую землю музыка зарыта
С моим отцом и с матерью моей.
1967

ХРОНИКА

Не смотрю я фильмы о войне,
Ни боевики многосерийные,
Ни монументальные, в огне,
Но документальные, старинные...

Мне от них не отвести глаза,
Мне с вещами надлежит явиться
В сорок первый, отыскать отца,
Вглядываясь в пасмурные лица

Ополченцев. Вот они идут,
И никто из них не похоронен.
Все до одного они живут
В пулеметных лентах кинохроник.
1970

ДЫМ

Моего отца ты
Помнишь молодым,
Музыка тридцатых
Про любовь как дым.

Но из слов жестоких
Помню: дым, любовь.
Дым, любовь, и только
Повторяю вновь.

Ты уходишь в пламя,
Папа, а пока
Высоко над нами
Дым и облака.

Ты смеешься, блики
На родном крыльце.
Тень твоей улыбки
На моем лице.

Запах дыма острый.
Это не слеза.
Папа, это просто
Дым попал в глаза. (1974)

В платочке, - деревенская, конечно,
В Москве я видел, женщина одна,
Не сдерживаясь больше, безутешно
У Вечного заплакала огня.

Так плачут на могилках деревенских
В родительские памятные дни,
В пустых квартирах или перелесках,
Когда совсем останутся одни.

В глубинах Александровского сада
Стою, прижавшись к дереву плечом
И горько плачу. Знаю, что не надо,
Но горько-горько плачу я. О чем?

Гляжу на эту женщину, не знаю,
О чем я плачу и зачем в горсти
Багряный гравий медленно сжимаю
И это слово говорю:
Прости.
1975

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

Во глубинах Москвы возле Чистых прудов
Есть одно Министерство – Наркомат заготовок.
После давней разлуки, после тяжких трудов
Я туда прихожу, как бы ни был путь долог.

В глубине Министерства горят имена
Ополченцев, убитых в боях под Москвою.
Среди них мой отец. Так и тянет меня
Этот мрамор холодный потрогать рукою

И прижаться лицом к нему, чтобы слова,
Золотые на белом, и справа, и слева –
Поколенная роспись родословного древа –
Зашумели, как будто под ветром трава.
1977
Предоставлено Г.В.Никулиной

АНДРЕЙ ИЕЗУИТОВ (сын ополченца 13-й ДНО Н.М.Иезуитова)

Кроваво-красная висит в полях завеса,
Вокруг кипит, ожесточаясь, бой,
С «коктейлем Молотова» встал в руке профессор
И танк тогда остановил собой.
Пусть ныне мира не прочна завеса,
Землей засыпан и зарос редут,
Но если перед ними встал профессор,
Здесь вражеские танки не пройдут.

ТАТЬЯНА САМОРОКОВА (Сообщество сохранения памяти 13-й ДНО)

Всесильный Бог, молю тебя сейчас
О тех, кто не вернулся с поля боя,
В ком светлый дух уже давно погас
И тех, кого мы вспоминаем стоя.
Прошу, храни покой святых сынов,
Кто пал в боях больших и даже малых,
Кто за Отчизну кровь пролить готов,
И тех, кто был достоин пьедестала.
Храни покой всех тех, кто умирал
Среди бомбёжек и резни кровавой,
Среди морей, полей, лугов и скал
И кто покрыл себя нетленной славой.

Сайт 13 ДНО, 9 мая 2017 года

БОРИС ОБНОВЛЕНСКИЙ (Сообщество сохранения памяти 17-й ДНО)

ПЕСНЯ О МОСКОВСКОМ ОПОЛЧЕНИИ

Играли марши музыканты,
И пели песни строевые
Сыны и внуки – лейтенанты,
Отцы и деды – рядовые.

В походном полном снаряженье
И старость выглядела браво,
И провожала ополченье
На фронт Калужская Застава.

От стен Москвы от боя к бою
Полки несли свои знамена.

Над тихой речкою Протвою
Они держали оборону.

Тогда бойцом и командиром
Одно желание владело –
Скорей фашистские мундиры,
Увидев в прорези прицела.

Стрелки, в победу веря свято,
О славе думали едва ли,
По-русски били супостата
И по-солдатски умирали.

Забыв про раны и усталость,
Стояло насмерть ополченье,
И в сводках это называлось
Боями местного значенья.

Играли марши музыканты,
И пели песни строевые
Сыны и внуки – лейтенанты,
Отцы и деды – рядовые...

Группа «Стремиловский рубеж»

2.Посвящения московским ополченцам и московской битве

Эта тема получила достойное внимание поэтов разных поколений. Приведены стихи некоторых из них – Беседин П.В., Дмитриев О., Добронравов Н.Н., Долматовский Е., Кожейкин А., Мешалкин В., Овчинников С.Е., Окуджава Б.Ш., Шведов Я.З., Шелков Ю.

ПАВЕЛ БЕСЕДИН

ОПОЛЧЕНИЕ

Было дело однажды: я присел у костра-
Взвод...товарищи...пули...на изгибе река.
Отступали мы, дрались, на закате звезда,
Не забуду до гроба, той войны жернова.
Только сутки назад были в общем кругу,
После страшной атаки полегли на лугу.

А до этого как-то молодой лейтенант,
Говорил о любимой, как её защищал.
И другой был поэт, получающий грант
За стихи о природе, дивно нам их читал.
Вот профессор в сторонке — то науки овал,
В голове есть вопросы: кто их в бойню послал?
Сколько пользы такие принести бы смогли?
Их таланты, однако, усачу не нужны.
Говорили всегда нам: Наш учитель и вождь!
У руля коль стоит он, и не страшен нам дождь!!!

2011

<http://perorusi.ru/blog/author/besedinpawel/>

ОЛЕГ ДМИТРИЕВ

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ДЕТСТВО

Уходит на фронт ополчение.
Я знаю, отец - командир.
Сижу, догрызаю печенье
В одной из московских квартир.

Я мал ещё. Мне не понятно,
Как горько отца провожать -
Ведь он не вернётся обратно!
Да только,
Откуда мне знать...

Идёт ополчение строем
В своих довоенных пальто.
Не знаю, кто станет героем,
Но трусом не станет никто.

Прекрасные, светлые люди
Идут на закатную даль,
Почти что никто не добудет
Себе боевую медаль.

Награды для них -
Это малость:
Мечтают юнец и старик,
Чтоб только Москва не досталась
Врагу ни на час, ни на миг!

На запад идёт ополчение.
Хоть я перед вами в долгу,
У вас не прошу я прощенья,
Сказать только это могу:

"За строем неровным, угрюмым
Пускай не следил я в тот час...
Но чуть об отце я подумал -
Подумал о каждом из вас."

Журнал "Юность", № 12, 1981 г.

НИКОЛАЙ ДОБРОПРАВОВ

ОПОЛЧЕНИЕ

Во мраке с горя сгорбились мосты.
Тревожно площадей сердцебиенье...
На запад уходило ополчение —
Потомственная гвардия Москвы.

Рабочие, врачи, учителя,
Отставку не приняв военкоматов,
Сапог не получив и автоматов,
Ушли в незащищённые поля.

Кто помнит их последние слова
В последнем и решительном сраженье?
Безмолвна затемнённая Москва.
Убиты летописцы ополчения.

...Мы нынче очень празднично живём,
И многие печали позабыты.
Вокруг грохочут песни в стиле бита,
И ночью так же солнечно, как днём.

Но изредка тревожат наши сны
Те люди с беззащитною улыбкой,
Кто с книгой, кто с указкой, кто со скрипкой —
Пронзительная исповедь войны!

Я слышу их неровные шаги.
Я вижу строй их, нервный и неровный.
Я знаю:

в битве дрогнули враги
Пред высшим —
перед мужеством духовным.

И если мы по духу москвичи, —
Мы тех людей живое отраженье.
В сердцах у нас их мужество звучит,
И строится в колонны ополченье...
http://zanimatika.narod.ru/RF34_Moskva41.htm

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Гл.27. НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Закончено срочное обучение.
По мокрым колосьям несжатой ржи
Выходит народное ополченье
На подмосковные рубежи.

Дождь шелестит по осенним рощам,
Суглинок чавкает под ногой.
Есть высшая правда в порыве общем,
И штатские люди идут в огонь.

В очках, неуклюжи, сутуловаты,
Обмотки вкривь, и пилотки вкось.
Но всей душою они солдаты,
Коль в руки оружие взять пришлось.

Пустынны, печальны деревни, дачи
И пионерские лагеря. Вперед!
Не умеем мы жить иначе, -
Советские годы прошли не зря.

Идут ополченцы по доброй воле.
И каждому сердцу близки до слез
В столбах электрических линий поле,
Да церковь старинная, да совхоз.

С двумя орденами на гимнастерке
Шагает с ротою политрук.
Он виден сейчас вон на том пригорке.
Да это ж Кайтанов, мой старый друг!

На марше он принял подразделение.
С бойцами еще незнаком почти.
На карте осталось одно селенье,
А дальше защитникам нет пути,

А дальше зигзагом ползут окопы,
Открытые школьницами Москвы,
И орды, пришедшие из Европы,
Таятся в клочках неживой травы.

Там Гуго до ночи расставил мины,
В суглинке сыром с головы до ног,
Село за бугром превратил в руины,
Чтоб русский покоя найти не мог.

Сегодня море ему по колено,
Стоящему по колено в грязи.
На фронте Гуго сто дней бессменно,
И чешется тело в этой связи.

Скорей бы в Москву, отдохнуть, отмыться!
Устал он, давненько не видел снов.
Но вышла навстречу врагу столица
Тяжелым шагом своих сынов.

Может, история и осудит
То, что на гибель обречены
Были тогда пожилые люди,
Такие, что каждому нет цены.

Но остается в веках незыблем
Подвиг советской большой души...
Смело сражались и честно гибли,
Не пожелав переждать в тиши.

Идут ополченцы в осеннем мраке,
Несут круги минометных плит,
А где-то накапливается к атаке
Сибирских дивизий живой гранит.

Идут ополченцы. Глядит Кайтанов
В небритые лица своих бойцов.
Среди краснопресненских ветеранов,
Ученых мужей и худых юнцов

Он видит глаза, что не смотрят прямо.
Ужели Оглотков? Ну да, он самый!

Что привело его в ополчение?
Был я, быть может, не прав, когда
Растил к нему ненависть и презренье,
Давние разворошив года?

...Ночь. Ополченцы в окопах дремлют,
Вновь по спине озноб пробежал.
Первый снежок покрывает землю
Возле последнего рубежа.

Где ж отступления край и мера?
Как удержаться у стен Москвы?
Что же осталось нам? Только вера
В то, что рубеж не река, не рвы,

А мы с тобой, непреклонность наша,
Крепкая, как советская власть.
До края народных страданий чаша.
Решенье одно - победить иль пасть.

Хмурое утро. Деревьев шелест.
Первые заморозки в октябре.
Русской природы седая прелесть
Писана чернью на серебре.

Глянь, политрук ополченской роты, -
Хлынуло зарево за бугром,
Враз пулеметы и минометы
Перемешали огонь и гром.

И началось. По окопам хлещет,
Глину мяся, разрывной металл,
Смерть упражняется в чет и нечет.
Вдруг человек над окопом встал

И побежал. Не на бруствер вражий -
Петлями заячьими назад,
Единым махом через овражек,
Выронив диски и автомат.

Кто это? Что ж он подставил спину
Пулям немецким, летящим вслед?
Вот кувыркнулся и рухнул в глину,
Черным увидев весь белый свет.

Может быть, ранен? Убит, пожалуй!
Трус погибает - таков закон.
Земля окрасилась кровью, - алой,
Но не годящейся для знамен.

Начал опять пулемет татакать.
Но ополченцы стеной стоят.
Снова захлебывается атака,
Немцы откатываются назад.

Падают воины Красной Пресни,
Пулей последней разя врага.
Коля, не дрогни, держись, ровесник!
Жизнь впереди еще так долга,

Будет еще не одна канонада,
Будет еще не одна тишина.
Нам еще столько построить надо
В послевоенные времена!

<https://profilib.com/chtenie/151114/evgeniy-dolmatovskiy-dobrovoltsy.php>

АЛЕКСАНДР КОЖЕЙКИН

МОСКОВСКОЕ ОПОЛЧЕНЕ

Я не вправе писать о войне – не был там. В кличе «Слава героям»
вижу отблеск боев, как в призыве «Ни пяди врагу».
С каждой сотни вернулось домой лишь израненных трое,
а как много застыло в горячем, кровавом снегу.

Остальные убиты... Печальный фрагмент киноленты,
как в московской квартире седая, несчастная мать
говорила: студенты, шофёры, доценты
против вермахта встали, который умел воевать.

Нет теперь и её. Смерть пришла сюда в сером конверте,
как в квартиры таких же, погибших тогда, москвичей.
Не умею писать о войне, не найду нужных слов, и поверьте,
что достаточно много говорено умных речей...

про войну и про цену победы... и дело пустое
говорить о цене каждой жизни – её оценить не могу...
С каждой сотни вернулось домой лишь израненных трое,
остальные застыли в горячем, кровавом снегу.

1977 г., 2011 г.

<http://www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=276895>

Предоставлено Красиловой Ек., 6-я ДНО

ВИТАЛИЙ МЕШАЛКИН

МОСКОВСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Мне ботинки с обмотками выдали,
А в пальтишке своем постою.
Слышу голос, как будто бы издали,
Мол, винтовку добудешь в бою,

А пока, у того погоста,
Трехлинеек дадут муляжи.
Воевать-то с оружием просто,
Ты сначала его заслужи!

Ведь такое для нас назначение,
Немец прёт, а Отчизна строга.
И московское ополчение
Хоть немного, но сдержит врага.

Мы в атаку густыми рядами
Побежим на зловещую рать,
А трофеи, добытые нами,
Повернут неприятеля вспять.

Смотрят в душу студенты вчерашние,
Профессура и творческий люд.
Журавли, над раскисшею пашнею,
Заунывно прощание льют.

А дорога пока что открыта,
Ждет машина, с водителем в ней.
Суетится начальничек сытый,
Расставляя в окопах людей.

Мы остались. Не так одиноко,
Если знать, что с тобою сосед.

И открыл паренек томик Блока,
Положив на ружейный макет.

Выполняя приказы штаба,
Сберегая свой боезапас,
Молодые танкисты-швабы,
Не стреляя, давили нас.

Криков смертных никто не услышит,
Мощь моторов утюжит рвы.
Нашу кровь, раз так нужно свыше,
Пусть волюют в оборону Москвы.

<http://www.stihi.ru/2015/02/25/9673>

СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ

МАРШ ОПОЛЧЕНЦЕВ «МОСКОВСКИЕ ЗОРИ»

Московским ветеранам – защитникам Отечества посвящается

Были тихими зори
довоенной поры.
Только вспыхнули вскоре
грозовые костры.
И на западе небо,
и в московском окне,
отражая зарницы,
утонуло в огне.

На пороге столицы
обгорела земля.
Фронтные зарницы
над холмами Кремля.
Но Москва больше жизни
москвичам дорога!
И встаёт ополчение
на пути у врага...

Ополченцы России
на войне для себя
ничего не просили.
Но Россию любя,
шли сражаться солдаты
ради отчей земли.

И салютные зори
над Москвой зацвели.

От Москвы до Берлина
затяжные бои.

От Москвы до Берлина –
ах, как сердце болит!
Были тяжкими беды,
были дни горячи...
С нами Знамя Победы,
мои москвичи!

2015

Источник: <http://ivanovskoe.vaonews.ru/?p=3888>

БУЛАТ ОКУДЖАВА.

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ

Ах, война, что ж ты сделала, подлая,
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли,
Повзрослели они до поры.

На пороге едва помаячили
И ушли за солдатом солдат,
До свидания, мальчики, мальчики,
Постарайтесь вернуться назад.

Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
Не жалейте ни пуль, ни гранат,
И себя не щадите вы и всё-таки
Постарайтесь вернуться назад.

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала,
Вместо свадеб разлуки и дым,
Наши девочки платица белые
Раздарили сестрёнкам своим.

Сапоги, ну куда от них денешься,
Да зелёные крылья погон,
Вы наплюйте на сплетников, девочки,
Мы сведём с ними счёты потом.

Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идёте войной наугад,

До свидания, девочки, девочки,
Постарайтесь вернуться назад.
<https://www.youtube.com/watch?v=fxv3Kd1428o>

ЯКОВ ШВЕДОВ

МОСКВИЧАМ-ОПОЛЧЕНЦАМ

Ополченцу Павлу Железнову

Над столицей солнце меркнет в сизом тумане,
Кличут трубы горнистов на старинном кургане,
У подножья кургана говорят о походах
Москвичи-ополченцы сорок первого года.

В этот ласковый день не могу наглядеться
На прекрасные лица москвичей-ополченцев.
Так велело нам сердце, прочь откинув сомненья,
В то суровое время мы пошли в ополченье.

Сколько было, я помню, в наших дружных колоннах
Сталеваров известных, сколько было учёных,
Неизвестных поэтов, подружившихся с песней, -
В ополченье шли люди самых разных профессий.

За людей, за военных нас всерьёз не считали,
Нам оружие, так было, что похуже вручали.
Мы приняли под Ельней боевое крещение,
А солдатами стали в декабре, в наступленье.

Мы врага задержали возле Тулы, Каширы
До подхода дивизий богатырской Сибири.
Было слово «Отчизна» нашим первым паролем,
Нас вело это слово по смоленским раздольям.

По можайским пролескам, по болотицам гжатским,
Через быстрые реки к перевалам карпатским
Сколько раз отражались грозные зарницы
На знамёнах, вручённых нам в районах столицы.

Расшумелись от ветра горделивые ёлки...
Москвичи-ополченцы, что же вы приумолкли?
В честь победы великой, в честь солдатского братства
Каждый год на кургане мы должны собираться.

Сколько раз ещё вспомним, как во славу Отчизны

Шли на штурм ополченцы из московских дивизий!
Мы дошли до Берлина, позабыв про усталость,
На последней поверке нас так мало осталось!

Честь и память героев беспримерна и свята,
Беспощадное время бьёт по нашим квадратам!
Вот последняя просьба – продиктована сердцем:
До последнего часа быть хочу ополченцем!

<http://www.wysotsky.com/0009/244.htm#347>

ЮРИЙ ШЕЛКОВ

МОСКОВСКОМУ ОПОЛЧЕНИЮ

Этой даты
года округлили нули,
поколение выросло третье.
Словно клинопись,
дней лихолетья,
вот уж семьдесят лет
эти шрамы земли.

Ополченцы
в осеннем лесу
рубежи
возводили в прихожей столицы.
А земля
от разрывов снарядов дрожит,
присыпая листвой
павших
лица.

Тех октябрьских дней
земля факты хранит -
блиндажи,
от снарядов воронки.
Эти шрамы -
войны похоронки,
эти шрамы -
лесных обелисков гранит.

На защиту Москвы
против вражеских орд
ощетинилось Левобережье.

Против пушек и танков
поднялся народ -
у Руси ополченцы всё те же:
за спиною Москва, супостат не пройдёт!

А сегодня здесь
жар волейбольных баталий,
щебет птиц
и детей голоса.
Дубняком и травой шрамы позарастали.
Память люди хранят и леса.

22.06.2014

<http://litmaster.net/index.php?s=396>

3.Память поколений об ополченцах

В этом разделе помещены стихи, написанные, в основном, в последние годы и посвящённые сохранению памяти о павших ополченцах и воинах других дивизий во время Московской битвы осени 1941 года. Представлены произведения следующих авторов: Агутин Л., Ваганов Ю., Гусев А., Друнина Ю., Дудин М., Здраевский Д., Ивакин А., Измайлов В., Корнева Л.Г., Корнеева Д., Ларченков А., Найк Т., Новосёлов Н., Пахомов В., Поляков Ю., Пуртов А., Рождественский Р., Светлов М., Симонов К., Слуцкий Б., Шаулов Е.

ЛЕОНИД АГУТИН

Я не был там, не знаю, как там было,
И вряд ли захотел бы побывать,
Но, собираясь к деду на могилу,
Скажите, что я должен передать?

Сказать ему, что миллионы пали,
Не ведая всей правды наперёд?
И что бандитом был Иосиф Сталин?
И варваром обманутый народ?

Сказать ему, что было всё напрасно?
Что мы теперь умнее во сто крат?
Что был бы мир значительно прекрасней
Без гибели отчаянной солдат?

Сказать, что дед дурак был, потому что
Упал на поле брани за меня,

Того, кто стал такой не в меру ушлый,
Не ведая ни боли, ни огня?

Сказать ему, что правнуки бессмертных
И памятью отмеченных бойцов
Забыли этот подвиг повсеместно
И предали все чаянья отцов?..

Смогу ли я сказать ему об этом?
Умру ли я, испытывая стыд?
Безумен ли, пытаюсь быть поэтом
Для тех, чьё сердце даже не болит?...

Я, так интеллигентно аккуратен
И грубо так, по-дедовски, раним,
Скажу: «Пошли вы на ***, Бога ради,
Свободой мирной вскормленные ***
Запомните: я – непоколебим!»

И подводя черту под прошлым веком,
Чтоб в этом жить и возрождаться впредь,
И чтобы оставаться человеком,
Цените эту праведную смерть.
9.05.2017
<http://agutin.com/index.php?page=295>

ЮРИЙ ВАГАНОВ

Я к тебе на майские приеду ...
На скамейку сяду и шепну:
Здравствуй, дед ...
Спасибо за Победу.
За меня.
За нас ...
За тишину ...
До краев стакан наполнив "горькой",
Сверху положу душистый хлеб.
Знаешь дед, уже скопилось столько ...
Словно тяжкий камень на душе.
Свой стакан граненый осушая,
Оброню в густую тишину.
Знаешь, дед ... А жизнь теперь другая.
Как случилось это ? Не пойму ...

Вроде не за худшее радели ...
Но в пылу решаемых задач,
Растерjali, словно не имели,
Результат успехов и удач.
Жизнь вокруг кипит! На самом деле,
Мы живем в совсем другой стране.
Знаю, вы не этого хотели,
Отдавая жизни в той войне ...
Но судьба сложилась по иному.
Дом. Машина. Цацек мишура ...
Ныне быть положено "крутому"!
В общем ... Дед прости, но мне пора.
И как по привычке поправляя,
Памятника красную звезду.
Ты лежи ... А я, дед, пошагаю.
На свою ... Невнятную войну...
12.05.2015

АЛЕКСЕЙ ПУРТОВ

(Ответ деда внуку)

Молодец, внучок! Не забываешь!
И тебя коснулась седина...
Ты к родным все реже приезжаешь,
Понимаю - жизнь "кипит", дела!

Правнуков не увидал - не дожил...
Приведи их, только подрастут...
Расскажи за что я жизнь положил,
Про ВОЙНУ скажи...смышлёные-поймут...

Поминать меня спиртным не надо!
И не надо "фронтовых" сто грамм,
Лучше в Храм сходи после парада...
И молитвой помяни нас там...

Поменялось все вокруг, не спорю...
В забытьи уроки той ВОЙНЫ!
Деньги, власть, особняки на море,
Для людей богатства лишь важны...

НЕ ЗА ЭТО, внук, мы воевали!!!
НЕ ЗА ЭТО мы в атаки шли!!!
А чтоб вы спокойно жили и рожали!
И по-русски разговаривать могли!!!

Чтоб нацист-бандеровец нетрезвый
Не посмел к тебе домой придти!!!
И не сжег твой дом, как там - в Одессе!!!
Миллионы нас тогда легли...

Невнятная война идет, согласен...
Врага теперь не видите в лицо!
От этого он только более опасен!
Не посрамите ж память дедов и отцов...

Война идет, по большей мере, (сверху видно),
В душе у вас и только лишь с собой...
Одни - сдаются... И до слез обидно,
Что их все больше... Но погоди! Пстой!

Но есть и те, кто победили!
Смогли призывам предков внять!
Донецк с Луганском защитили,
И Сирию с колен смогли поднять!!!

Внучок, есть люди, ну а есть уроды...
И в наше время было множество таких...
В словах акценты все расставят годы...
Хоронят одинаково - простых, "крутых"...

Беги, внучок...Работа - есть работа...
Семью и дом свой береги...
А главное тебе сказать охота...
Внучок, будь человеком! ПО СОВЕСТИ ЖИВИ!!!
20 июня 2017
<http://www.stihi.ru/2015/05/12/3753>

АЛЕКСАНДР ГУСЕВ

СОЛДАТКА

Муж геройски погиб за Россию,
Под Смоленском настал его час...
И навеки платочек твой синий
Соскользнул с молодого плеча.

Как-то сразу и кончилась юность,
Как-то сразу и осень пришла.
Словно в черную шаль завернулась
Полоненная горем душа.

Много сватов к тебе засылалось,
Горы злата сулил не один...
Только верной ты мужу осталась
До конца, до последних седин.

А когда, как фатой подвенечной,
Укрывает долину метель,—
Отмечаешь ты с болью сердечной
Вашей свадьбы тот памятный день.

Входишь в горницу; стол накрываешь;
Фотографии смотришь — бледна;
Два бокала вином наполняешь
И опять выпиваешь одна.

Но теплее становится в хате,
И на сердце не так уж темно...
Белый клен, как боец в маскхалате,
Зябкой веткой стучится в окно.

Источник: Гордость и горечь: Поэзия 70-80-х годов о войне. Составитель М.Л. Грозовский. Москва, издательство «Советская Россия», 1990. С. 280.
<http://thefireofthewar.ru/lirika/?p=2271>

ЮЛИЯ ДРУНИНА

А всё-таки спасли Россию
В крови, в проклятиях, в пыли
Те безымянные святые,
Что в сорок первом полегли,
Что задохались в катакомбах,
Отстреливались из болот...
Там, у не отданных высот,
Ржавеют кубари и ромбы.
И кости вымыты уже
Дождями полувековыми
На безысходном рубеже,
Где перечёркнутое имя
Под гусеницами всё горит.

Но мы его не разгадали,
Но не остыли те скрижали,
Но сердце всё ещё болит.
И вечны минные поля,
И, тыщу лет пройдя и боле,
Ты не оплатишь этой боли,
Быльём поросшая Земля.

<http://yarcenter.ru/articles/culture/literature/kim-smirnov-skolko-dney-mezhdu-22-iyunya-i-9-maya-ili-chetyre-fronta-yulii-druninoy-iz-lichnog-74234/>

МИХАИЛ ДУДИН

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Я всей жизнью своей виноват
И останусь всегда виноватым
В том, что стал неизвестный солдат
Навсегда неизвестным солдатом.

И, в сознании этой вины
Собирая последние силы,
Я стою у старинной стены,
У его беспощадной могилы.

И гудят надо мной времена
Дикой страсти войны и разрухи.
И погибших солдат имена
Произносят святые старухи.

Чудо жизни хранят на земле
Смертным подвигом честные люди.
Но грядущее мира — во мгле.
Но печальная память — в остуде.

И тоска мою душу гнетет,
И осенние никнут растенья,
И по мрамору листья метет
Оскорбительный ветер забвенья.

Источник: Гордость и горечь: Поэзия 70-80-х годов о войне. Составитель М.Л. Грозовский. Москва, издательство «Советская Россия», 1990. С. 62

ДМИТРИЙ ЗДРАЕВСКИЙ

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Посвящается Здраевскому Владимиру Афанасьевичу и
всем без вести пропавшим во время Великой Отечественной Войны

Ищи меня, пожалуйста, ищи –
Я сгинул на войне, на той, Великой...
Пред неизвестным прахом трепещи,
Он много лет лежит в могиле тихой.

Мои останки здесь, а может там,
Остались навсегда в чужой стране,
Потом их трудно будет по следам
Найти родной мамане и жене.

Нас разрывали мины пополам,
Снаряды разносили нас на части,
Но мы не хоронились по углам,
Служили верно Родине и власти.

Мы в танках загорались, как свеча,
Нас в лагерях фашисты добивали,
А мы в лицо плевали палачам
И никогда своих не предавали.

Теперь, когда сраженья позади,
Когда в России празднуют Победу,
К могиле братской внуков отведи –
Им правду о былой войне поведай,
И расскажи им что-нибудь про деда.
<http://www.stihi.ru/2009/05/08/146>

АЛЕКСЕЙ ИВАКИН

ПОЧЕМУ ТЫ ОБМАНУЛ МЕНЯ?

Почему ты обманул меня?
Помнишь, как ты целовал меня на перроне, помнишь? Я прятала лицо в твоих
ладонях - мокрых ладонях, от моих слез мокрых. Помнишь, что ты говорил мне?
Ты обещал вернуться.
Почему ты обманул меня?
А что ты шептал мне ночью? Алмазное небо улыбалось нам щербатым месяцем,
трава колосась сквозь покрывало. Помнишь? Ты обещал мне. И ты обманул меня.
Ты не вернулся. А я все еще жду.

Почему ты обманул меня?

Твой поезд исчез за горизонтом. А на плече моем исчезал след от твоих губ. Медленно исчезал. Я его гладила, а он исчезал. Я и тебя гладила - и ты исчез. Ты обещал...

Ты обманул меня.

Но я все еще жду тебя, и буду, буду, буду, буду ждать!

Когда ты вернешься?

Знаешь, а ты сегодня шевельнулся во мне. Так бывает, когда женщина любит. А знаешь, он будет похож на тебя. Нет, ты не знаешь. И не узнаешь. Потому что ты - обманул меня.

Я скажу ему правду. Я расскажу - каким ты был, пока не уехал. А пока я буду его носить. Осторожно носить. Ведь он - единственное, что осталось мне от тебя. Ты никогда не узнаешь - каково это, беречь жизнь, подаренную любимым. Ты не узнаешь...

Мне не спится без тебя. Кого же мне обнимать? Мокрую подушку?

Мне надо научиться улыбаться, но я не хочу улыбаться не тебе. Почему ты не вернулся? Ты же обещал...

Твою карточку я ношу с собой. Когда мне трудно - я смотрю на тебя. Очень боюсь ее потерять. Потому что знаю - если я ее потеряю, ты не вернешься никогда. Нет, ты и так не вернешься, но если я потеряю карточку - это уже навсегда. Насовсем. Понимаешь? Нет, ты не понимаешь... Мужчины не умеют понимать. Они умеют уезжать и не возвращаться. А еще они умеют умирать. Знаешь, у нашего сына родится мальчик. Слишком много девочек вокруг. А как жить девочкам без мальчиков? Кто нас, девочек, целовать будет? Кто будет уходить и... возвращаться? Кого мы будем ждать?

Я - жду тебя.

Ты не вернешься, я знаю. Ты обманул меня. Я это сразу поняла. И тогда, ночью, я понимала, что ты обманываешь. Помнишь, когда ты целовал мои мокрые щеки? Я говорила, что плачу от счастья, помнишь? Я... Я говорила правду. И я обманывала тебя одновременно. Потому что... Потому что.

Когда ты махал мне пилоткой из окна вагона и кричал - жди меня и я вернусь! - я уже не верила тебе. Я знала, что ты не вернешься.

Между нами - время. Госкливое время одиноких ночей. Тягучее время. Зеленое время. Где ты? Снег ли падал на твои глаза, листья ли заметали твоё тело?

Между нами - пространство. Огромное, как континент. Бесконечное, как война. Где ты? В какой ты сегодня стране лежишь?

Между нами - война. Багровая, злая. Где ты, хороший мой?

Ты знаешь, внучка скоро родит. И я пойду искать тебя. За небом, за землей, за войной. Я пойду по шпалам той железной дороги, по которой ты уехал от меня.

Почему ты обманул меня?

Почему ты не вернулся?

Я устала ждать.
Я иду к тебе.
<http://pesni.club/text>

ВЛАДИМИР ИЗМАЙЛОВ

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

...Придет пора —
Про всех и все расскажут.
Но кто-нибудь останется забыт,
О ком-нибудь и не узнают даже,
В каком бою, когда и где убит.

Каким он был — чернявым или русым,
В каких годах был — молод или стар,
И как погиб — героем или трусом.
Или ни тем и ни другим не стал.

Но для него в строю не потеснятся,
Умрет жена, состарятся сыны,
И никому о нем уж не приснятся
Тревожные горячечные сны.

И, может быть, вовек не возвратятся
Военные лихие времена,
И в памятники тихо превратятся
Все те, чьи не забыты имена.

И лишь о нем — забытом из забытых —
Не миф, не память сердца, а — тоска:
Ни в без вести пропавших, ни в убитых,
Нигде его следа не отыскать...

Узнают все про всех.
И вот тогда-то,
Не ради громких слов и горьких дат,
В Могиле Неизвестного Солдата
Незримо упокоится солдат.

...Плита.
Огонь.
И надпись.
И прожектор.
И Слава — вечно скорбною вдовой

Над тем, кто станет самой горькой жертвой
Войне —
Навек безвестный Рядовой...

Источник: Неизвестный солдат. Стихи. Составитель В. Измайлов. Кишинев, издательство «Литература артистикэ», 1985 год. С. 154.

ЛЮДМИЛА КОРНЕВА

ДЕТИ ВОЙНЫ

Дети войны, вы выросли под грохот снарядов,
Вам колыбельные петь матерям не пришлось.
Вы не носили красивых и ярких нарядов,
Пулей свинцовою детство от вас унеслось.
Дети войны провожали отцов молчаливо,
Всё понимая - пришёл расставания час.
От матерей своих прятали слёзы стыдливо,
Не поднимая печально опущенных глаз.

Припев:

А, вам хотелось бегать и смеяться,
В небесной сини голубей гонять,
Но с детством рано довелось расстаться.
За день пришлось на годы старше стать.

Дети войны на заводах отцов заменили.
"Всё для Победы! Для фронта!" - был лозунг один.
Дети войны за станками и ели, и пили,
Ночи не спали, но верили - мы победим!
Дети войны - под бомбёжкой, в промёрзших окопах,
Дети полков, партизанских отрядов сыны
Родине отдали жизнь до последнего вздоха.
Как вам хотелось дожить до конца той войны!

Припев.

Дети войны, те мальчишки, девчонки - ребята,
Трудно сказать, да и было ли детство у вас.
Вместо домов вам достались сожжённые хаты,
А в узелочке сухарик один про запас.
Дети войны, как детьми вы остаться сумели,
Хоть повидали так много и горя и зла!
Ваши сердца от жестокости не очерствели,
В клубах пожаров душа оставалась светла.

Припев.

Источник: <https://www.chitalnya.ru/work/1044136/>

АНАТОЛИЙ ЛАРЧЕНКОВ

Анатолий Яковлевич Ларченков (род. 30.11.1931, посёлок Дашино Вяземский р-н Смоленская обл.; покинул этот мир 15.09.2017), писатель, драматург, **почётный гражданин г. Вязьмы (1997 г.)**. член Союза журналистов России, член Союза писателей России, Союза писателей СССР с 1977 года. Лауреат литературной премии имени Исаковского (2007 г.). Главной темой произведений Анатолия Яковлевича, познавшего в полной мере невзгоды оккупации, является Великая Отечественная война. В Главе 12 приведено его стихотворение «Бауманцы...».

ДВЕСТИ СОРОК ВТОРОЙ КИЛОМЕТР

Двести сорок второй километр -
От столицы на Минском шоссе.
Двести сорок второй километр...
Там высокие травы в росе.
Двести сорок второй километр.
Там на склонах к реке - тишина,
И не видно следов и примет,
Что оставила гибель-война.

Двести сорок второй километр.
В сорок первом осенней порой
Двести сорок второй километр
Стал смертельной чертой фронтовой.
Двести сорок второй километр -
Москвичей-ополченцев редут.
Знали все: отступления нет -
На Москву супостаты идут.

Двести сорок второй километр
Никогда не забудет тот бой.
Двести сорок второй километр
Не забыть тем, кто чудом живой.
Двести сорок второй километр
Без тылов, без надежд уцелеть.
Каждый знал: то последний рассвет,
И стоял не на жизнь, а насмерть.

Двести сорок второй километр.
Там в бою полегли москвичи.
Двести сорок второй километр
О погибших безмолвно кричит.
Двести сорок второй километр
Возле Вязьмы на Минском шоссе.
Там героям стоит монумент
И высокие травы в росе.
1986 г.

БОГОРОДИЦКОЕ ПОЛЕ

О поле, Богородицкое поле,
ты помнишь на прорыв идущих тех
без веры, без надежды на успех
и уцелеть нечаявших тем боле
в ревушем смерче пуль, снарядов, мин?
Из сотни прорывался хоть один?

О поле, Богородицкое поле...
Им тем одно судилось выбирать:
к своим прорваться или умирать,
но только чтоб не тлеть в плену-неволе.
И напролом шли по телам своих,
убитых только что передовых.

О поле, Богородицкое поле...
Мир праху всех погибших здесь солдат,
что кое-как зарытые лежат,
живым в ту пору было до того ли?
Оставленных, не преданных земле,
пришлось снегами укрывать зиме.

О поле, Богородицкое поле,
забвенья ветры веют над тобой.
Все меньше тех, кто тот кровавый бой
не волен вспоминать без слез и боли.
О поле, Богородицкое поле -
Клочок Руси Скорбящей, Пресвятой!
1994 г.

<http://kasnya.ru/larchenkov/stihi.html>

ТАТЬЯНА НАЙК

Давно те Павшие уж завершили круг,
Душой и телом Мир наш защищая.
В земле покоится Непобедимый Дух,
Забывчивым потомком всё прощая.

Но пробиваясь через черствость Душ,
Лишь Истинную Память Воскрешая,
Мы имена героев Возрождаем!
В ЕДИНОМ РИТМЕ СЛЫША СЕРДЦА СТУК !

01.05.2017

<http://www.stihi.ru/2017/05/01/5208>

НИКОЛАЙ НОВОСЕЛОВ

ДОЛГ

Здесь, в русском поле,
среди лесов забытом,
Хранящем горечь
бедственных годин,
Вмерзаю в эхо отгремевшей битвы,
Не зная войн,
доживший до седин.

Пусты траншеи. Не дымят воронки.
Темна и молчалива высота...
На тех, кто здесь poleg,
нет похоронки.
Ни обелиска в поле, ни креста!..

Хранит свинец
березы ствол корявый.
Травой железной – гильзы у корней...
И там, и тут, гляди
(о, Боже правый!):
Глухая скорбь
белеющих костей...

И меркнет свет
над этим горьким полем.
И жесткий стыд колотит по щекам.
Живые! Вы произошли от боли.

Как можно жить,
когда не больно вам?!

И нет покоя, нет – под этим небом.
И тишина звенит – разбитым сном...
Предавший память –
кто бы это ни был! –
Не человек
в отечестве своем!
г. Мариуполь, Украина
Север № 9-10, 2015

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

ВДОВА

Она его не позабудет —
На эту память хватит сил,
Она до гроба помнить будет,
Как собирался, уходил,
Как похоронку получила
И не поверила сперва,
Как сердце к боли приучила,
Нашла утешные слова...
И на года, что вместе были,
Она взирает снизу ввысь...
А ведь уж как недружно жили,
Война — не то бы разошлись...

Источник: Гордость и горечь: Поэзия 70-80-х годов о войне. Составитель М.Л. Грозовский. Москва, издательство «Советская Россия», 1990. С. 344.
<http://thefireofthewar.ru/lirika/?p=2399>

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Он умер от семьи своей вдали,
И гибели его нам неизвестна дата...
К могиле неизвестного солдата
Известные солдаты подошли...

Мы этот образ до сих пор храним –
Истерзанный свинцом лежал парнишка,

И не было при нем военной книжки –
Она в бою погибла вместе с ним.

Пусть мы его фамилии не знаем, –
Он был – мы знаем – верным до конца.
И мы в молчанье головы склоняем
Перед бессмертным подвигом бойца.

И дружба воинов неколебима свята,
Она не умирает никогда!
Мы по оружию родному брату
Воздвигли памятник на долгие года!

Соединим же верные сердца
И скажем, как ни велика утрата, –
Пусть нет фамилии у нашего бойца, –
Есть звание российского солдата!

<http://otmetim.info/stixi-o-vojne/>

БОРИС СЛУЦКИЙ

Последнею усталостью устав,
Предсмертным умиранием охвачен,
Большие руки вяло распластав,
Лежит солдат.
Он мог лежать иначе,
Он мог лежать с женой в своей постели,
Он мог не рвать намокший кровью мох,
Он мог...
Да мог ли? Будто? Неужели?
Нет, он не мог.
Ему военкомат повестки слал.
С ним рядом офицеры шли, шагали.
В тылу стучал машинкой трибунал.
А если б не стучал, он мог?
Едва ли.
Он без повесток, он бы сам пошел.
И не за страх - за совесть и за почесть.
Лежит солдат - в крови лежит, в большой,
А жаловаться ни на что не хочет.

<https://rupoem.ru/sluckij/posledneyu-ustalostyu-ustav.aspx>

АНАТОЛИЙ ТЕСАЕВ

Я ИЗ 41-ГО

Я без вести пропавший для близких,
И с землей породнится мой прах,
Станут вечным моим обелиском
Полевые цветы на ветрах.

Мой патрон, он с махорочной крошкой
На ладони, пригревшись, лежит,
И совсем мне осталось немножко,
Может, меньше минуты прожить.

И шагну без возврата я в небыль,
В зоревой, ветровой небосклон:
Расколи необъятное небо,
Мой товарищ, последний патрон.

Мы стояли, подмоги не ждали,
Крепко в землю корнями вросли,
Мы, как в песне, ни пяди не сдали
Нам по крови родимой земли.

Вот враги поднимаются снова,
Но от ран ослабела рука.
Вы меня не возьмете живого,
Я еще дотянусь до курка.

Источник: Гордость и горечь: Поэзия 70-80-х годов о войне. Составитель М.Л. Грозовский. Москва, издательство «Советская Россия», 1990. С. 234.
<http://thefireofthewar.ru/lirika/?p=2192>

Глава 16. Поэтическая память о павших без вести в произведениях поисковиков⁶²

Работая над созданием Антологии поэзии ополчения, мне посчастливилось познакомиться с особым видом поэтического творчества участников поисковых отрядов, поэтов «самодеятельных», известных до поры до времени узкому кругу друзей-читателей. Можно сказать, что основная цель, которую преследовал автор-составитель сборника, и состоит в попытке объединения отдельных разрозненных публикаций поэтов-поисковиков в единый цикл, тематически доступный как поисковым отрядам, так и широкому кругу читателей.

Эти стихи стоят отдельным строем, написаны поисковиками по впечатлениям и раздумьям о своей поисковой работе на полях Московской битвы. Наряду с патриотической направленностью и эмоциональным выражением чувств по отношению к субъекту поэтического творчества, их отличает предельно личное, конкретное, можно сказать - интимное, восприятие событий, в которых тесно сплетены высокое - и бытовое, повседневное, суровый, каждодневный труд войны, ее будни. И чтобы ощутить всё это в совокупности, существует только один путь - путь сопереживания.

Этим свойством и отличаются в своём большинстве стихи поисковиков, перенося читателя из сегодняшнего времени в военную эпоху, предлагая читателю воспользоваться пережитым самим поэтом восприятием событий. Наряду с поисковой тематикой, часто они посвящены ПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ воинам – ведь именно для возрождения их имён поисковики и работают. Эта тема звучит и в произведениях других, в том числе профессиональных, поэтов, прямо не связанных с поисковым движением.

Именно такие стихи, порой, несут в себе наибольший эмоциональный настрой, ибо написаны, как крик души конкретного живого человека, откликнувшегося на близкую его сердцу проблему. Сохраняя память сердца о поре наивысших испытаний и трудностей,

⁶² По материалам доклада на Международной конференции «Судьба солдата» 03 декабря 2017 года

поре наивысшего духовного взлета, литература о войне передает эту память все новым и новым поколениям читателей.

Некоторые из представленных стихов, возможно, известны поисковой аудитории, другие не очень. Но, думается, что собранные вместе такие стихи найдут своего благодарного читателя.

Ниже представлены произведения следующих авторов: Аруцев Ю., Белкин С., Голубков С., Горбовский Г., Грачёва Л., Гудзенко С., Гусев А., Дудин М., Здравевский Д., Ивакин А., Кузнецова Н., Курильский..., Мешалкин В., Михайлов И., Наровчатов С., Неизвестный автор, Пахомов В., Раков А., Рубцова Е., Слуцкий Б., Тесаев А., Федянин С., Шишлина А., Шульга В.Ю., Эйдельштейн А., Эмин Г. Возможно удастся выпустить Антологию ополченческой поэзии, в которую они будут включены. Поживём – увидим... Желающие могут присоединиться со своими стихами.

ЮРИЙ АРУЦЕВ

Юрий Иванович Аруцев родился в 1951 году в г. Лиепая, в семье ветерана Балтийского флота, участника финской и Великой Отечественной войн. Работал врачом-терапевтом в Новгороде, Боровичах; в 1979 году переехал в

Ярославль, врач-эксперт высшей категории. Создатель авторской школы каллиграфии.

«Это стихотворение я посвящаю всем тем, кто принимал и принимает участие в поиске и перезахоронении останков советских военнослужащих – бойцов и командиров Красной Армии, павших на полях Великой Отечественной войны. Я посвящаю его ребятам, погибшим в своём первом и последнем бою, успевшим и не успевшим сравнять счёт. Поклон вам до земли».

Который год лежу я здесь, на рубеже,
И тишина у нас, и пули не свистят,
Не жмусь к земле, и страха нет уже.
А как я дрался – гильзы подтвердят.

Винтовочка – со мной! Все эти годы
Лежит подружкой рядом, под рукой.
Берёзки русские над нами хороводы
Выводят тихо летнею порой.

Окопчик мой, сравнившийся с землёю,
Наверно, не найти теперь, как и меня.
Свое последнее пристанище родное

Я выкопал с любовью, не спеша.

Я из него равнял свой счёт с фашизмом,
Смотря в прицел, как в поле из окна,
И мне казалось, что под небом чистым
Царят по-прежнему и мир, и доброта.

Как будто не в прицел, а в школьное окно,
Смотрю во все глаза на нашу Сашку!
Я приглашу её, наверное, в кино,
Поймав в ответ улыбку нараспашку!

Мы что-то думали о жизни и мечтали.
Я маму вспомнил и сестру мою.
По каске новенькой осколки запевали
Дурными соловьями песнь свою.

Но вот уж началось! Как будто не со мною.
Откуда этот страх, что аж дрожит рука?
Я делаю движение простое
И клацаю затвором, чуть дыша.

Как быстро началось! Уже среди разрывов
Я вижу цепь людей. Нет, не людей – врагов!
А в голове безудержным мотивом
Мелькают образы прадедов и отцов.

Наверное, им тоже было страшно.
Но ведь не так, как мне теперь, сейчас.
Как хочется, как хочется обратно
В ту юность, не прожитую – для нас!

Ах, батя, родненький! Ты видишь – я не трушу
В мой первый в жизни самый страшный бой,
Хотя навыворот вытягивает душу
Летящих мин нетерпеливый вой.

Попал в прицел во всем зелёном парень –
Он, видно, тоже маму вспоминал.
Упал, взмахнув, как крыльями, руками,
И гильза первая ушла к моим ногам.

Ещё вложил я за соседа – тот, что справа!
Из гильзы струйкой, как душа – дымок...

Сосед, что слева, то ли Ваня, то ли Слава,
Молчит, закончив первый бой не в срок.

Ведь утром же мы с ним ещё курили
Впервые в жизни, кашлем заходясь.
Не став мужчинами, о женщинах шутили,
Как девушке, Отчизне поклонясь.

Одна обойма кончилась! Другая!
Равняю счёт за тех и за других,
Не веря всё ещё, не понимая,
Как гаснет пламя жизней молодых!

Ещё один! Ещё один завален!
Придёт ли бою этому конец?!
Не знаю, но моим свинцом завален
Немецких рыцарей зелёный молодец!

Скользит ладонь с приклада от крови.
Моя ль она, а может быть, чужая,
Поди ж теперь, попробуй разбери –
Не до того! И разница какая!

Людская кровь, кровавая руда,
Над ней трудились сотни поколений,
Течёт рекой широкой в никуда.
Не дай Господь – в беспамятство забвений!

И вдруг – разрыв! Осколочек лихой
В лицо вонзился, пробежав в висок,
Промчался раскалённую струёй,
Вмиг оборвав, что я любил и мог.

И темнота. И ночь. Я терпеливый.
Так, день за днём, пришёл и век другой.
Я был убит без боли. Я счастливый.
Жаль, был коротким этот первый бой!

.....
Семидесятая весна встречает нас!
Опять тепло и вишни зацвели,
А мы лежим, не беспокоя вас,
Почти что рядом с жизнью, но – вдали.

Как долго ждём, что вынесут и нас...

Своих давно ведь немцы унесли.
И гансов тех, убитых мной за вас,
Они уж точно в списки занесли.

Поёт семидесятая весна
На все лады, от мира ошалев,
А среди нас такая тишина –
Не выскажу, навеки онемев.

Мой медальон, наполненный водою,
Лежит поодаль, мне видать его –
Зарос дернóм, засыпался листвою.
Навряд ли, братцы, вам найти его.

Без суеверий я успел его заполнить
И буквы выводил, как в классе, в аккурат.
Всё образы родных пытаюсь вспомнить –
А всё обрывки памяти летят...

У немцев медальоны – это сила!
А наш – дерьмо. Чуть что – прощай навек.
Хоть смерть нас одинаково косила,
Да наш пропал безвестным человек.

Безвестный медальон, как без вести пропавший,
Родителям бойца уже не принесут.
Пустышки мёртвые – на миллионы павших.
Что проку в том, что их теперь найдут?

Мне повезло – я словно невредимый.
А чуть подальше – страшно говорить –
Сестричку нашу так накрыло миной,
Что не найдёте, что и хоронить.

Она Ерастова с "нейтралки" дотащила!
Комбата нашего, а он уж неживой.
У девочки – откуда взялась сила?!
Для них обоих был последним бой...

Меня ж нашли, считай, почти случайно.
Парнишка, как и я, лет двадцати
Присел на край и щупом ткнул нечаянно,
Попав в меня – не в мину, в мать ити!

Вы б аккуратней, пацаны, по нам ходили!
Здесь их полно, прошедших через ствол,
Здесь больше нас снарядов находили,
На этом поле – смерти вечный стон.

Тут этого добра средь нас навалом,
И кучами, и россыпью лежат,
Земля спеклася кровью и металлом –
А ты лопатой тычешь наугад!

Из года в год, а рвёт над нашим лесом
Протяжным эхом разрывной хлопок,
И чья-то жизнь с печальным интересом
Душой упрётся в неба потолок...

Который год лежу я здесь, на рубеже.
И тишина у нас... И пули не свистят...
Не жмусь к земле – я сам земля уже.
А как я дрался – гильзы подтвердят.

Семидесятый год выпускников –
Ребят и девочек, счастливых и живых!
А я не вижу снов, не слышу слов –
Ни одноклассников, ни близких, ни родных...

Не век же коротать под снегом и дождями –
Придёт черёд когда-нибудь и мой,
И пропоёт родными соловьями
Салют солдатский над моей главой!

А вам твердят упорно на исходе века,
Что мы как будто плохо воевали,
Что командиры не щадили человека
И что кроваво-долго отступали.

Упорно вам твердят – мы плохо воевали –
Отцам и жёнам, вашим малым детям!
Что будто Родину проспали-прозевали!
Я – мёртвый. Я за всех отвечу этим.

Чу! звякнула лопатка! в сантиметре!
Эх, не нашли сегодня... Завтра подберут.
Нас много на прострельном этом метре.
Ребята! Черти! Тут я! Тут я!! Тут!!!

Вдруг, чувствую, меня уже находят!
Вот моего плеча едва коснулся щуп,
Я вижу – ослепительное солнышко восходит!
Как радостно, что люди здесь живут!

Как хорошо, что вместе нас сложили!
Вот рядом Ваня, Женька и Асхат.
Как много нас! Как много нас побили!
Глянь в небеса – журавлики летят!

Как хорошо, что нас не разлучили –
Мы погибали вместе, вместе и лежим.
Вы бы за нас письмишко сочинили
Всем-всем родителям, ушедшим и – живым!

Ну, наконец-то, люди, я отвоевался.
Окоп оставил свой – и на века
Живым для всех! для всех живым остался,
Исполнив долг военный до конца!

2011 г., Ярославль

Источник:

https://pikabu.ru/story/yuriy_arutsev_kotoryiy_god_vezhu_ya_zdes_na_rubezhe_2228956

УБИТ ВТОРИЧНО И НАВЕЧНО...

За 20 век в России был уничтожен целый пласт истории в семейных документах и фотографиях. Но если несколько ранее это объяснялось желанием людей выжить, скрыв свою историю от государства, то теперь это объясняется простым невежеством.

...одна из моих знакомых сожгла письма и фотографии мужа и его друзей, в том числе и фронтовые. Её муж погиб в 1944 году. Она решила, что детям и внукам эти письма и фотографии не нужны. Она **так** решила. За все поколения и за всех дальних и близких... Слово "**никогда**" имеет страшный смысл: **никогда** не узнать, о чём писал отец и дедушка с фронта, **никогда** не узнать, о чём писали, думали и мечтали его фронтовые друзья, **никогда** не увидеть их лиц и глаз. И всякий раз, вспоминая событие, очевидцем которого я случайно стал, хочется воскликнуть: "Господи! Прости! Не ведают, что творят!"

По всей России обелиски.
Журавлик в небесах летит.
Я в Бресте был убит фашистом.
Вторично – близкими убит.

Убит вторично и навечно –
Ни фотографий, ни письма,

Ни даже мысли скоротечной,
Что ведь живой была душа.

Она жила в неровных строчках,
Что заполняли жизни строй.
И, не желая ставить точек,
Делился жизнью я с тобой.

Душа жила, была, и нету,
Ну, жгите, что не сожжено!
Пусть сотни писем канут в лету
Прощённой глупостью – на дно.

Пошло в огонь, почти не глядя,
Всё то, что святостью легло –
Глаза отца, улыбка мамы
И дальних родичей тепло.

Летят обрывки тёплых писем
И фотографий прежних лет.
Так, словно мы по русским весям
Скрываем свой постыдный след.

Летят в огонь, мертвы и бледны...
В наследство – белизна листа...
А родословные легенды –
Из уст в уста, из уст в уста...

18.12.2008

Источник: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=634>

СЕРГЕЙ БЕЛКИН

"МЕНЯ НАШЛИ!"

Небольшая предыстория. Приступив к поиску родственников одного найденного нами красноармейца, я решил к сухому официальному запросу в администрацию района добавить ещё и письмо... тёплое, человеческое. И как-то так сами собой стали рождаться строчки в рифму.

Ну, вот и всё. Земля на грудь уже не давит.
Теперь могу я прокричать родне:
«Меня нашли! Вам скоро весточку доставят
О "без вести пропавшем" на войне».

Меня нашли, родной, искать уже не нужно,
Уже прочтён мой смертный медальон.
Они пришли за мной - отряд равнодушных.
Ах, сколько раз я видел этот сон!

Запросы, знаю, ты давно уже не пишешь,
Но папка твой не без вести пропал.
Погиб под Ржевом я, сынок. Теперь ты слышишь?
Меня ты помнишь? Ты б меня забрал...

Ты плохо слышишь? Это возраст, понимаю.
Ну, может, тогда внуки заберут?
Ведь я устал тут между адом быть и раем
И верю, что услышат и придут.

Но если я и внуками забытый,
То знаю, кто услышит голос мой:
Откликнись, правнук! Это прадед твой убитый!
Я здесь под Ржевом. Забери домой!

11 ноября 2014 г.

Источник: Военно-патриотический поисковый клуб «Последний бой», Москва
<https://www.lastfight.ru>

АЛЕКСАНДР ВУЛЫХ

ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

Не зажечь свечи за здоровье,
И нельзя в помин души,
Мне досталось испытание
Быть ни мертвым, ни живым.

И взлетев в объятия вечности,
Словно птицы над рекой,
Мы в бою пропали без вести,
Не найдя в земле покой.

Мы не погибли, мы просто ушли,
Просто ушли в небеса,
На безымянных высотах земли
Наши слышны голоса.

Будут вечно наши матери
Ждать о нас любую весть,

Все, кто веры не утратили
В то, что мы свете есть.

Не живые и не павшие,
Не пришедшие с войны,
Просто без вести пропавшие
Сыновья своей страны.

Мы не погибли, мы просто ушли,
Просто ушли в небеса,
На безымянных высотах земли
Наши слышны голоса.

Тёплый дождь моросит весной,
Пряча слёзы в закат.
До утра в тишине ночной
Наши вдовы не спят.

Мы не погибли, мы просто ушли,
Просто ушли в небеса,
На безымянных высотах земли
Наши слышны голоса.

Источник: <http://www.stihi.ru/2015/05/09/5645>
http://vulykh.com/creation/?section_id=14&element_id=169

СЕРГЕЙ ГОЛУБКОВ

ГИМН СМОЛЕНСКИХ ПОИСКОВИКОВ

Ступая осторожно сапогом тяжелым,
Неся под спецодеждой сердца крик,
И в дождь, и в зной, в любую непогоду
Идет в леса браток-поисковик.

Ну что ж, браток, такая наша доля,
Крест этот выбрали с тобой,
Так будем павших памяти достойны
И нитью братства связаны одной.

Уже давным-давно сроднились с лесом,
С ячейкой, блиндажом и тем бойцом,
Который в том далеком 43-м
Упал на бруствер к Западу лицом.

Он отдал жизнь, чтоб счастливы мы были,
Чтоб каждый человек спокойно жил,
А в наше время про него забыли,
За что он, братцы, голову сложил.

Поэтому они берут щупы, лопаты,
И прорывая равнодушия заслон,
Уходят в лес хорошие ребята,
Чтоб отыскать солдатский медальон.

В наш адрес многие шептали: мародеры,
Другие просто причисляли нас к святым,
Но, братцы, для чего все эти споры,
Мы просто память ревностно храним.

Ступая осторожно сапогом тяжелым,
Неся под спецодеждой сердца крик,
И в дождь, и в зной, в любую непогоду
Пойдем в леса, браток-поисковик!

Поисковый отряд «Боец», Дорогобужский район Смоленской области
Источник: <https://narkompoisk.ru/articles/287-gimn-smolenskih-poiskovikov.html>

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

ПИСЬМО

На дне окопного оврага
добыл я гильзу из стены.
А в ней — истлевшая бумага,
письмо, пришедшее с войны.

Должно быть, кто-то перед боем
смочил графит карандаша
и с перемазанной губою
писал, как думал, — не спеша.

Вручал слова бумаге брэнной,
писал, склоняясь к фитилю.
...И вот слова сожрало время.
И лишь одно сквозит: «лю-блю»...

Одно осталось... Но упрямо
горит сквозь все, что в жизни есть!

...Что он «лю-бил»?.. Отчизну? Маму?
Иль ту, которую?.. Бог весть.

Любил, и все. Не по приказу.
А по приказу он в тот раз, наверно,
встал и умер сразу.
И вот воскрес во мне сейчас.

Источник: Гордость и горечь: Поэзия 70-80-х годов о войне. Составитель М.Л. Грозовский. Москва, издательство «Советская Россия», 1990. С. 146.
<http://thefireofthewar.ru/lirika/?p=2023>

ЛЮДМИЛА ГРАЧЁВА

РЫЦАРЯМ СКОРБНЫХ ДОРОГ

Поисковым отрядам «Катюша» и «Последний бой»

По заросшим окопам войны
и по тропам, уведшим солдат
в неизвестность - ни в рай и ни в ад, -
шёл в ночи поисковый отряд.

Это внуков солдатских сыны
шли на зов неприкаянных душ
через сотни и тысячи стуж
не ропща, что тот гуж им не дюж.

Шли они через тернии лет,
через омут мирской суеты,
возводя переправы, мосты
и круша безразличия льды.

И забрезжил однажды рассвет
на пути их в туманной дали,
когда сотни бойцов обрели
свой надел на просторах земли.

И ложился на землю снежок
покрывалом для братских могил.
И, казалось, прибавилось сил
у всех рыцарей скорбных дорог.

Источник: Военно-патриотический поисковый клуб «Последний бой», Москва
<https://www.lastfight.ru>

СЕМЁН ГУДЗЕНКО

КАК БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ЖДУТ...

Как без вести пропавших ждут,
меня ждала жена.
То есть надежда,
то слеза
без спросу упадет.
Давно уж кончилась война,

и не моя вина,
что я в разлуке целый год,
что столько горестных забот

.....

Жестка больничная кровать,
жестка и холодна.
А от нее рукой подать
до светлого окна,
там за полночь не спит жена,
там стук машинки, скрип пера.
Кончай работу, спать пора,
мой друг, моя помощница,
родная полуночица.
Из-за стола неслышно встала,
сняла халат, легла в постель.
А от нее за три квартала,
а не за тридевять земель,
я, как в окопе заметенном,
своей тревоги начеку,
привыкший к неутешным стонам,
к мерцающему ночнику,
лежу, прислушиваясь к вьюге,
глаза усталые смежив,
тяжелые раскинув руки,
еще не веря в то, что жив.
Но мне домой уйти нельзя,
трудна, длинна моя дорога,
меня бы увезли друзья,
их у меня на свете много,
но не под силу всем друзьям
меня отсюда взять до срока.
Жду. Выкарабкиваюсь сам,

от счастья, как от звезд, далеко.
Но приближается оно,
когда ко мне жена приходит,
в больничный садик дочь приводит,
стучит в больничное окно.
Ее несчастье не сломило,
суровой сделало чуть-чуть.
Какая в ней таилась сила!
Мне легче с ней и этот путь.
Пусть кажешься со стороны ты
скупой на ласки, слезы, смех, -
любовь от глаз чужих укрыта,
и нежность тоже не для всех.
Но ты меня такую верой
в печальный одарила час,
что стал я мерить новой мерой
любовь и каждого из нас.
Ты облегчила мои муки,
всё вынести мне помогла.
Приблизила конец разлуки, испепеляющей дотла.
Благословляю чистый, чудный,
душа, твой отблеск заревой,
мы чище стали в жизни трудной,
сильнее - в жизни горевой.
И все, что прожито с тобою,
все, что пришлось нам пережить,
не так-то просто гробовою
доской, родная, задушить.
Март-апрель 1952

Источник: Советская поэзия. В 2-х томах. Библиотека всемирной литературы. Серия третья.
Редакторы А.Краковская, Ю.Розенблюм. Москва: Художественная литература, 1977.
<http://rupoem.ru/gudzenko/kak-bez-vesti.aspx>

НАТАЛИ ЗАХАРОВА

СОЛДАТСКИЙ МЕДАЛЬОН

Я зарядил последних шесть патронов,
Боезапас уже не подвезут,
Сползает солнце вниз по небосклону,
Упорно фрицы к нам опять ползут.
Нас только двое, и одна граната,
И у Сереги меньше на патрон,

Весь взвод poleg, но продержаться надо,
Пока свой фланг подтянет батальон.
Нам на двоих и сорока нет полных,
Такой уж выпал сорок первый год.
К земле прижавшись гимнастеркой потной,
От глаз, со лба стирая грязный пот,
Сергея улыбнулся вдруг : «А знаешь,
Не зря мы здесь, и в крови, и в пыли
Лежим сейчас. Однажды в мирном мае
Придут сюда и спросят: как могли
Полдня держаться два почти мальчишки,
Когда весь взвод к утру уже poleg?
А я себе шепчу : «Васяня, слышишь,
Как жаворонок в небе нам поет?».
... На месте том нашли два медальона,
В одном записка, скрученная в жгут:
«Я зарядил последних шесть патронов,
Боеприпас уже не подвезут»...

<https://poembook.ru/contest/244/poem/13100>
Публикация В.А.Белова, 2 ДНО

НАТАЛЬЯ КУЗНЕЦОВА.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОИСКОВИКА ПОСЛЕ ТРУДНОГО ДНЯ ВАХТЫ

... Я слышу взрывы, голоса...
Да что же это? Я в уме ли?
А это те бойцы лежат,
Что похоронены у ели.
Их хоронили впопыхах,
Надеясь вскорости придти.
Но не случилось... уж и те лежат
В окопах, что травую поросли.
Они — без вести, без имён.
По ним молитвы не прочтут.
И слёзы матери, жены
На крест дубовый не падут.
И миссия у нас проста:
Найти нам нужно тех солдат,
Что беспокойным сном лежат
Десятилетия подряд.

<https://narkompoisk.ru/articles/270-razmyshlenija-poiskovika-posle-trudnogo-dnja-vahty.html>

... КУРИЛЬСКИЙ

**Посвящается светлой памяти Советских солдат,
погибших на фронтах Великой отечественной войны.**

Они вязли под Вязьмой в грязи и боях,
Ловя пули в себя и осколки.
Там остались навеки в лесах и полях.
Не тревожьте погибших, потомки!

Не узнать никогда имена тех солдат,
Погребен кто в окопе, воронке,
И не смог им помочь никакой медсанбат.
Не тревожьте погибших, потомки!

Стал землей и травой убитый солдат,
Не грузите в мешки их останки.
Где зарыты они, там пускай и лежат.
Не тревожьте погибших, потомки!

Отыщите причину и кто виноват,
Были где - авиация, танки.
Командармов бездарных лишите наград.
Не тревожьте погибших, потомки!

<http://smol1941.narod.ru/glava1.htm>

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

Они под Вязьмой полегли,
А сколько точно, кто же знает?
Стояли насмерть, как могли,
Москву собою заслоняя.

В кровавом Вяземском котле
Той осенью, в том сорок первом,
Не оставалось на земле
От взрывов мест живых, наверно.

Им вышла страшная судьба -
Лежать и зарастать травой,
Была не слышна их мольба,
Ведь окруженцы - не герои.

И до сих пор, и до сих пор
Мы каждый года лесах находим
Бойцов, дострелянных в упор
И все хороним, все хороним...

И русская берет тоска
От боли этой, как от хмели...
Простите, братцы, что пока
Не всех мы вас найти сумели

24-28 июня 1998
поисковое объединение «Долг»,
г.Вязьма Смоленской обл.

Мы хороним наших солдат,
Возвращаем долги погибшим,
За всех нас на войне заплатившим
Самым ценным в сто тысяч крат.
Мы хороним наших солдат.

Не узнав, что войне каюк -
По полям, по лесам и болотам
Продолжает костями рук
Защищать наши спины пехота.

Даже через десятки лет
Раны в семьях у нас остались
И за празднеством Дней Побед
Мы с войной не за все рассчитались.

Мы хороним наших солдат,
Возвращаем долги погибшим,
За всех нас на войне заплатившим
Всем, что было, в сто тысяч крат.

Мы хороним наших солдат,
Только, сколько ж еще лежат...

Предоставлено автором

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

Рука с размаху письма четвертует,
Где адрес нашей почты полевой,
А строки, как в покойницкой, горюют
И плачут над пропавшей головой.

Что мне ответить, раз по всем законам
Я не дожил до нынешнего дня,
Родным, друзьям, подругам и знакомым,
Похоронившим заживо меня?

По мне три раза панихиды пели,
Но трижды я из мертвых восставал.
Знать, душу, чтоб держалась крепче в теле,
Всевышний мне гвоздями прибивал.

На мой аршин полмиллиона мерьте —
У нас в крови один и тот же сплав,
Нас несть числа, попавших в лапы смерти
И выживших, ей когти обломав.

Мы в чащах партизанили по году,
По госпиталям мыкались в бреду,
Вставали вновь и шли в огонь и в воду
По нарвскому расхлестанному льду.

Я всех пропавших помню поименно,—
Их имена зарницами вдали
Незнаемые режут небосклоны
На всех концах взбунтованной земли.

Недаром ходят слухи по планете,
Высокие, идут издалека,
Что где-то на деголлевском корвете
Воюют два балтийских моряка.

Я верю: невозможное случится.
Я чарку подниму еще за то,
Что объявился лейтенант Кульчицкий
В поручиках у маршала Тито.

И день придет. Пропавшие без вести,
На пир земной сойдясь со всех сторон,
Как равные, осушат чашу мести
На близкой тризне вражьих похорон!

Нарвский плацдарм
Май 1944 г.

АЛЕКСАНДР РАКОВ

ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

Без суеты и перебранки,
В неполных восемнадцать лет,
Бросались мальчики под танки,
В последний раз сказав: «Привет!»

Повсюду взрывы грохотали,
И рвался крупновский металл,
Но сердце Феде крепче стали –
Он за Отчизну жизнь отдал.

А матери пришлют бумагу:
Мол, без вести пропал солдат.
И от солёной горькой влаги
Насквозь промокнет старый плат.

И как сказать о том невесте,
Что верность и любовь хранит.
Не может сын пропасть без вести,
Не верит мать, что он убит.

А годы мчатся чередою,
Сидит старушка у окна,
Давно уж сделалась седою,
Но ждёт по-прежнему она.

И всё ей чудится ночами
Сквозь шум дождя и ветра вой,
Что наконец вернулся к маме
Её Федюша дорогой.

13.02.1987

Источник: <https://narkompoisk.ru/articles/288-propavshim-bez-vesti.html>

ЕЛЕНА РУБЦОВА

ВСПОМНИ ОБО МНЕ...

Я убит. Я забыт. Я в болоте лежу,
Прорастаю болотной травой.
На бескрайнее небо с надеждой гляжу :
Птицы звонко поют надо мной.
Шумный, хлопотный мир позабыл обо всём.
Дни и годы летят сквозь меня.
Окружают всегда этот призрачный дом
Вольный ветер, вода да земля.
Я живу ожиданием, надеждой, а вдруг-
Кто-то юный заглянет ко мне.
Чтоб увидеть ромашек затерянный луг,
По колючей пройдёт он стерне.
Может быть, вместе с ветром зелёной волной
Я навстречу ему поспешу.
А пока... прорастаю земной красотой,
Я убит, я в болоте лежу...

Источник: <https://narkompoisk.ru/articles/257-vspomni-obo-mne.html>

БОРИС СЛУЦКИЙ

Последнею усталостью устав,
Предсмертным умиранием охвачен,
Большие руки вяло распластав,
Лежит солдат.
Он мог лежать иначе,
Он мог лежать с женой в своей постели,
Он мог не рвать намокший кровью мох,
Он мог...
Да мог ли? Будто? Неужели?
Нет, он не мог.
Ему военкомат повестки слал.
С ним рядом офицеры шли, шагали.
В тылу стучал машинкой трибунал.
А если б не стучал, он мог?
Едва ли.
Он без повесток, он бы сам пошел.
И не за страх - за совесть и за почесть.
Лежит солдат - в крови лежит, в большой,
А жаловаться ни на что не хочет.
<https://rupoem.ru/sluckij/posledneyu-ustalostyu-ustav.aspx>

СЕРГЕЙ ФЕДЯНИН.

Я КОПАЮ ВОЙНУ

Я копаю войну, может кто-то мне скажет, что я ненормальный.
Я копаю войну, из земли поднимая пропавших солдат.
Тот военный их мир, для меня только самый реальный.
Каждый павший боец, для меня и товарищ и брат.

На полях и в лесах я ищу отголоски тех грозных событий.
На полях и в лесах для души беспокойной покоя ищу.
Этот поиск в скорби не несёт мне великих открытий.
Этот поиск как долг по судьбе своей брэнной тащу.

Вы простите меня, что так долго искал вас, убитых.
Вы простите меня, за всех тех, кто оставил вас там.
Сделай, Господи, так, чтобы не было больше забытых.
И дай, Господи, веры и совести нам.

Источник: <https://narkompoisk.ru/articles/272-ja-kopayu-voynu.html>

АЛЕВТИНА ШИШЛИНА

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМ И НАЙДЕННЫМ ЗАЩИТНИКАМ РОДИНЫ

Руководитель п/о «Память»,
учитель Уромской школы Малопургинского района Удмуртской Республики

На 9 мая мы солдат вспоминаем,
Просто так повелось
на родимой Руси,
Но лежат еще где-то
Те, чья песня не спета,
Над останками их
майский дождь моросит.
И шагают отряды
в боевые наряды
По великой далекой
не забытой войне,
Ждут солдаты и верят,
Что зачтут все потери
И пропавшие без вести
возвратятся стране.
Поднимают ребята
из воронки солдата:

Был он муж или отец, может,
сын или брат,
И бумаги кусочек -
Медальон, где меж строчек
Вдруг удасться прочесть,
кто же этот солдат.
И взорвется над лесом
раскатившимся эхом,
Как в атаку:
«Ура! Здесь фамилия есть!»
И на братских могилах,
Где сдержаться не в силах,
Мы помянем солдат -
гордость, славу и честь!
На 9 мая мы солдат вспоминаем,
Просто так повелось
на Великой Руси,
Но лежат еще где-то
Те, чья песня не спета,
И над ними поют
свою песнь соловьи...

ВЛАДИМИР ШУЛЬГА

ГОДУНОВО, БУХОНОВО, НЕЧАЕВО

Годуново, Бухоново, Нечаево... Ополчение, где ты? Отзовись!
Деревень названия печальные - здесь была когда-то жизнь.

Не сдали мы свои позиции, отход полков не подвели.
В открытую долбили фрицев мы - Иконников, Тащалов полегли.
Я мстил тогда за смерть товарищей. Кипел от гнева пулемёт.
В кровавом пламене пожарища никто себя не поберёт.

Годуново, Бухоново, Нечаево... Ополчение, где тебя искать?
Бездворовые названия печальные – их уже на карте не сыскать.

Раненье, плен, освобождение, проверка, возвращение в строй.
И медсестра (моё спасение) всегда как Ангел был со мной.
На этот раз её старания меня от смерти спасли -
Ранение опять... страдания на плечи хрупкие легли.

Годуново, Бухоново, Нечаево... Ополчение, где ты? Отзовись!

Деревень названия печальные - здесь была когда-то жизнь.

Не думал я, крича отчаянно: «Отведай, фриц, мой пулемёт!»,
Что вновь вернусь сюда в Нечаево... судьбы-злодейки поворот.
Пройду опять места знакомые, спустя два года как вчера:
Настрел, тела не погребённые, окопов старых бруствера.

Годуново, Бухоново, Нечаево... Ополчение, где тебя искать?
Бездворовые названия печальные – их уже на карте не сыскать.

Печальна участь ополчения - их после смерти не найти.
В архивах полное забвение, исчезли доблести пути.
Теперь свои воспоминания потомкам нужно донести,
Ведь главное моё желание - друзей могилы обрести.

Годуново, Бухоново, Нечаево... Ополчения тяжкая судьба.
Из архивов неудачи Сталина навсегда исчезли без следа.

Годуново, Бухоново, Нечаево... Ополчение, где ты? Отзовись!
Деревень названия печальные - здесь была когда-то жизнь.

ПРАДЕД

Посвящается пропавшему без вести прадеду - Дубровину Петру

В сорок первом из-под Рязани ушёл мой прадед на войну
И где-то без вести пропал в кровавой битве за Москву.
В деревне памятник стоит с пятиконечною звездой.
«От детей отцу» за бессмертный подвиг твой.

Май. Весна. Опушка леса. Нет листвы. Берёзы в почках.
Обошли крутой овраг, вышли в поле и по кочкам.
Как морщины на лице – всё изрезано в траншеях.
Поисковая пора. Пот течёт ручьём по шее.

Может здесь пропал мой прадед у разрушенного ДОТа...
Может пуля обошла... и он погнал врага в болота...
В полуразрушенный блиндаж он мог залезть, чтоб обогреться...
Мог немецкий танк загнать в поле, где ему никуда не деться.

И в зной, и в ветер или дождь я в поле с раннего утра.
В надежде режу километры – ищу Дубровина Петра.
Возможно здесь, на рубеже, дорога жизни пролегла
И прадед весточку подаст, сверкнув осколочком стекла.

В октябре пропал мой прадед - нет следов его пока.
Нет покоя от забвенья – я найду следы полка!
«Не могу» и «Не хочу» - этих слов я не приемлю
И куда б я ни поехал – на Смоленскую тянет землю!

Фотокарточка твоя – всё, что осталось у меня.
Искала вся твоя семья. Настала очередь моя.
Безумно счастлив, что могу пройти по твоему пути.
Хотя и через много лет, но как же мне тебя найти?

Предоставлено автором

АРКАДИЙ ЭЙДЕЛЬШТЕЙН

ХОЖДЕНИЕ В 41-й

Был человек – и нет.
Ты где погиб, отец?
Десятки лет твой след
Ищу.
И, наконец,

Негаданно-нечаянно
В туманах умолчания
“Бухоново”, “Нечаево”
Забрезжили названия.

Давно селений этих нет,
Но, словно луч звезды,
Сквозь годы долетел их свет:
Здесь, посреди беды,

Встав костью в горле вражеском,
Держал рубеж Завяземский
В прикрытии оставленный
Твой ополченский полк.

Здесь без вести пропавшие
Ходили в рукопашную,
Пока пыталась армия
Пробиться на восток.

Куда ни глянь, пожарами
Угрюмел окоём.
На фланге у Хожаево

Полёт твой батальон.

Сюда, на ниву скорбную,
Ворон слеталась стая.
Снежок на раны корпией,
Ложась, уже не таял.

Но трижды за два года
Здесь бесновался фронт,
И в горе всенародном
Твой затерялся стон.

Как знать, не в Сerezани ли,
Где храм был над рекой,
Могилы безымянная
Твой бережёт покой?

А может там, где росами
Упала кровь в поля?
Где медальонов россыпи
Ещё таит земля?

Ты там, где не скорбит гранит,
Не рвется в вечность пламя.
Лишь Книга памяти хранит
Средь тех, кто без вести убит,
И Эйдельштейна Зяму.

А.Эйдельштейн. Память. Стихи. Изд.2-е. М., 2016. 28 с.

ГЕВОРГ ЭМИН

ПРОПАВШЕМУ БЕЗ ВЕСТИ

Как сказать, что ты жив?
Так сказав, я солгу.
Но сказать, что ты умер,
сумею едва ли:
на июльской траве,
на январском снегу
среди тысяч убитых
тебя не видали.

Не виденье, не сон,
а глаза лишь сомкну
и, как будто вчера,
вижу день этот летний,
этот час,
когда ты уходил на войну,
на войну уходил,
восемнадцатилетний.

Снег тебя заносил,
тебя ливень хлестал,
и никто не узнал,
как ушел далеко ты, —
стал ты двадцатилетним,
а может, не стал,
ибо только живым
прибавляются годы...

Не прошу снисхожденья у смерти —
не ей
доверяю печаль
неизбывную эту.
Я остался свидетелем
жизни твоей,
ну, а смерти твоей
и свидетелей нету.

Что мне делать?
Ты как бы на том берегу,
где-то там,
где ни сумерек нет,
ни рассвета.
И у смерти
твой адрес узнать не могу,
и у жизни
никак не добиться ответа.

Источник: Эмин Г.Г. «Избранная лирика». Москва, «Молодая гвардия», 1968 г. С. 13-14.

Глава 17. Стихи за колючей проволокой

За время войны несколько миллионов бойцов Красной Армии попали в плен, часто по не зависящим от них обстоятельствам: вследствие потери управления войсками командирами разных уровней, отсутствия боеприпасов и продовольствия, многие были пленены ранеными или будучи на службе в нестроевых подразделениях (обозах, медсанбатах и т.п.). Наверняка среди них были и ополченцы, пленённые в Вяземском котле и других местах боёв ополченческих дивизий. Поэтому в настоящем сборнике нельзя обойти эту тему. И в плену находились стойкие люди, пытавшиеся организовать побег своих товарищей, боровшиеся не только за своё физическое существование, но и стремившиеся своим словом, в том числе поэтическим, поддержать духовную жизнь в лагерных условиях. В последние годы в печати появились не только прозаические воспоминания бывших пленных, но и стихотворные произведения. Часто долгие годы личности и имена поэтов были не известны, как например, имя автора найденной в Заксенхаузене тетради стихов Георгия Столярова. Тем ценнее сейчас раскрыть тайну таких поэтов, воздав им должное в их трагической, в том числе и послевоенной, судьбе, воскресить из небытия память о них.

О чем же писали в стихах узники концлагеря? Удивительно, но было очень много стихотворений лирических, о любви, о том, как тоскуют попавшие в неволю солдаты, о вере в будущее, в победу. Есть стихи-размышления, и часто только вскользь звучат в них строки о страданиях, о тех нечеловеческих условиях, которые были в лагере. Пока удалось найти не так много авторов, писавших о бывших заключённых немецких лагерей. Но они есть: Л.Вайншенкер, А.Воронова, В.Катаева, А.Меркулов, В.Мешалкин, К.Орлова, С.Островой, В.Пахомов, Г.Столяров, О.Хабаров, М.Шаповалов, А.Эйдельштейн...

ЛЕВ ВАЙНШЕНКЕР

ПЛЕНЯГА

Его спасли от смерти.
Везли издалека.
Идут допросы в СМЕРШе
Запасного полка.

Признаний ждет бумага.
— А ну-ка, расскажи,

Как предал ты, «пленяга»,
Родные рубежи.
Фашисту покорился?
Изволь держать ответ:
Зачем не застрелился,
Имея пистолет?

Рассказывай, не мешкай,
Притих, как мышь в норе!
А он всего лишь — пешка
В кровавой той игре.

Всего лишь — винтик хрупкий,
Изведавший сполна
Той страшной мясорубки
По имени «Война».

Был плен. Четыре года.
Все вытерпел солдат.
Перед своим народом
Ни в чем не виноват.

Куда ж судьба качнется?
Чье сердце защежит?
Домой ли он вернется,
Иль в лагерь загремит?

Недолго ждать осталось.
Скорей бы! А пока...
Сменять бы хлеба малость
На горстку табака.

Источник: Гордость и горечь: Поэзия 70-80-х годов о войне. Составитель М.Л. Грозовский. Москва, издательство «Советская Россия», 1990. С. 49-50.

РЕПАТРИАНТЫ

«Воин Красной Армии в плен не сдается»
Из довоенного Устава внутренней службы РККА.

Освобожденные из фашистского плена, они прибыли в нашу дивизию эшелонам.
Паровоз был украшен портретом И. В. Сталина и транспарантом со словами:
«Мать-Родина, прости своих сынов!»

Город Невель... Великие Луки...
Срок немалый и путь не прямой...

Наконец, после тяжкой разлуки
Возвратились солдаты домой.

Транспарант: наспех строчки косые.
Взгляд вождя из-под строгих бровей.
— Мы вернулись. Прости, Мать-Россия,
Виноватых своих сыновей.

— Ты прости, что в плену оказались
(Кто ж хотел? Так решила война).
Ты прости, что живыми остались.
Только в этом не наша вина.

Кто родимую землю целует,
Кто к березке всем телом приник...
Где-то жены и дети горюют.
Как давно ни словечка от них.

Для чего-то вокруг часовые...
Грозный блеск автоматных стволов.
—Если можешь, прости, Мать-Россия,
Возвращенных тобою сынов!

— Так простишь ли? Не слышно ответа.
Что еще предстоит впереди?
Тишина.
Смотрит Сталин с портрета
На стальной паровозной груди.
<http://thefireofthewar.ru/lirika/?cat=878>

АНАСТАСИЯ ВОРОНОВА (КОСТРОМИЧЁВА)

ОККУПАЦИЯ

«Любимый мой, пора моя настала.
Последний раз я карандаш беру.
Кому б моя записка ни досталась,
Она писалась только одному.

Ты звал меня своею нареченной,
Веселой свадьбы ожидала я,
Теперь меня назвали обреченной,
Лихое лихо дали мне в мужья.

Пусть не убьют меня, не покалечат,
Пусть доживу до следующего дня.
Но и тогда не выходи на встречу:
Ведь не узнаешь все равно меня.

А может, мне валяться под откосом
С разбитой грудью у чужих дорог.
И по моим, по шелковистым косам
Пройдет немецкий кованый сапог.

Но ты, родной, забудь про эти косы,
Они мертвы, им больше не расти,
Забудь свиданья, утренние росы,
Забудь про всё, но только отомсти...

Уж никогда не петь мне под тальянку.
И только по пути собачий лай
Расскажет всем, как девушку-смолянку
Везли в неволю, в чужеземный край»...

<http://www.proza.ru/2008/11/10/338>

ЖЕНЩИНЫ-ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ

Выше голову, русские девочки!
Выше головы, будьте смелей!
Нам терпеть остается не долго,
Прилетит по весне соловей...
И откроет нам двери на волю,
Снимет платье в полоску с плечей
И залечит глубокие раны,
Вытрет слезы с опухших очей.
Выше голову, русские девочки!
Будьте русскими всюду, везде!
Ждать недолго осталось, недолго —
И мы будем на русской земле.

<http://www.jewniverse.ru/RED/Shneyer/>

ВЕРА КАТАЕВА

**Посвящается узникам фашистских лагерей
Однополчанам по 8-й Дивизии ополчения**

Всем было страшно на войне,
Но страх среди друзей – не страх!
Не то, что узникам фашистских лагерей,
Когда кругом их враг.

И не было надежды жить
В застенках палачей.
Избито тело и душа,
И страх ползёт, как змей.
Но капля жизни есть ещё –
Ты русский человек!
А страх пускай фашистов ест,
Не долог их звериный век.
Превозмогая страх и боль,
Держась всё крепче и дружней,
Вы видели Победы свет
Сквозь тьму заразных лагерей.
Не потеряли вы себя
В аду фашистском том.
И женственность, и красота
Свидетельство о том.
И сотни тысяч тех подруг,
Сгоревших в их печах,
Из праха и из пепла вдруг
Восстанут им на страх.
А вы, те пережившие года,
Теперь с инфарктами борясь,
В кругу друзей без страха, как когда-то,
Крепите мира и людей неумирающую связь.

Источник: Архив Совета ветеранов 8-й ДНО

А.А.МЕРКУЛОВ

А. А. Меркулов, попав в руки к гитлеровцам, содержался в одиночке гестаповского застенка в городе Крустпилс (Латвийская ССР). Ожидая казни, на досках тюремной койки написал стихи.

Я в плену в краю чужом, далеком!
Дни идут печальной чередой.
Далеко отсюда на востоке
Милый край и отчий дом родной.
Часто снятся мне родные лица,
Ночью слышу близких голоса.
Грезится далекая станица
И любимой милые глаза.
Наяву завидую я птицам,
Облакам, плывущим на восток,

Там моя любимая столица,
Там живет любимый мой народ.
Пусть пожар повсюду полыхает, —
Кто умеет пламенно любить,
Тот придет, я это точно знаю,
Чтоб оковы рабские разбить.

«Товарищи! Как тяжело, когда твердо знаешь, что скоро ты будешь убит рукой палача-немца. Они вырвали меня из советской семьи, приговорили к смерти. Но всех нас они не убьют. Настанет день, когда немцам отомстят за нас. Тяжело в каземате. Ничто тебя здесь не веселит и никто не приласкает. Солнце и то не может проникнуть, пригреть своими лучами через эти стены тюрьмы. Проклятые немцы. Как ненавижу я их!..» Стихи и надпись сделаны карандашом.

Не позднее 20 июня 1944

<http://thefireofthewar.ru/lirika/?p=1546>

ВИТАЛИЙ МЕШАЛКИН

В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ

Из бараков повеет тленом,
Будто смрадом пещерных львов.
Это все называлось пленом
Глаз пустых и запавших ртов.

Полулюди, полу скелеты,
Кто шевелится, тот живой.
Здесь травинки не будет летом,
Она съедена вместе с листвой.

Кожи стяжка в коросте грязи.
Вот бы выжить, осилив ад,
И спросить у немецкой мрази
Про замученных наших солдат.

Немчура залопочет сразу -
Это Гитлер, маньяк и псих!
Были отданы нам приказы,
Мы как все выполняли их!

А война...Ведь она сурова,
Если начал — тогда не трусь.
И народы Европы снова
Поучили культуре Русь.

Но народы винить не будем.
Может это почти не грех -
Страх и ненависть к русским людям
Под благою личиной всех

Оккупаций и интервенций,
Неизменных по всем временам.
Будь хоть в тысяче мы конвенций,
Не спастись от мучений нам.

А пока что, брезгливо крайне,
Отобедав из пары блюд,
Смотрит немец, как руссиш-швайне
Из-за корки друг друга бьют.

Да, действительно, унтерменше,
Потеряли и лик, и стыд.
Надо чтобы вас было меньше,
Чтоб издохли как лишний вид.

Повея пулеметом с ленью,
Отвернулся, забавой сыт.
Уж закончен бой тени с тенью,
Проигравший едва хрипит.

Избавляясь от долгой муки,
Зубы проволоки — в плоть.
Из лохмотьев торчали руки,
Проклянув напоследок хоть.
2016

<http://www.stihi.ru/2016/04/06/10985>

КЛАВДИЯ ОРЛОВА

ХЛЕБ

**Памяти детей, замученных
в фашистских концлагерях,
посвящаю**

На сквере, где играют малыши,
Тревог не зная, под спокойным небом,
Я увидала, что в пыли лежит
Горбушка чёрствого ржаного хлеба.

Я поспешила этот хлеб поднять

И стало очень горько мне и грустно...
Стояла я, как сорок лет назад,
В бобруйском лагере для пленных русских.

И мне представилось, как было той зимой:
Барак кухонный... Рядом возвышался
Огромный чан, наполненный водой,
И пленный мальчуган к нему прижался...

Из кухни пьяный немец дверь толкнул:
«Эй, русский, подойди скорей сюда.
Когда б ты голым в этот чан нырнул,
Тебе буханку хлеба я бы дал».

И, вздрогнув, худенький мальчишка вдруг
Без страха скинул рваные одежды.
В бараке умирал голодный друг,
А в этом хлебе виделась надежда.

Морозный ветер жёг нагое тело,
А мальчик, кажется, не замечал погоды.
С презрением на фашиста поглядел он
И опустил в ледяную воду...

Желанный хлеб с большим трудом он взял
Сведёнными от холода руками,
С улыбкой бережно к груди прижал
И ... рухнул мёртвым на промёрзший камень.

О, люди, как бы долог век мой ни был,
Мне никогда того не позабыть:
Мальчишка худенький с прижатым хлебом,
Обледеневший на земле лежит.

От имени замёрзшего мальчишки,
От всех замученных в фашистских лагерях,
От всех осиротевших ребятишек,
От имени погибших на фронтах,

От непросохших материнских слёз,
От всех солдат, кто миру мир принёс,
От всех людей моей родной страны
Я обращаюсь к жителям Земли:

Чтобы счастливо дети жить могли,
Не допускайте, взрослые, войны!
1985 год
Источник: Архив Совета ветеранов 8-й ДНО

СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

СЕДАЯ НОЧЬ

На ржавой колючке висит луна,
прожектор скребет бараки.
Зеленошинельная тишина.
И сторожевые собаки.

На грязные нары ложится сон,
В кровь закусанный вшами.
Падают
Капли
На мокрый
Бетон,
Не вычерпашь ковшами.

Ступеньки в барак. Как ступеньки в ад.
Склизкие
Стены
Сини.
И пепельный воздух чуть горьковат,
Вовсе не от полыни.

Пепел лежит на земле, как мех.
Печи топорщат плечи.
Печи сожрут постепенно всех,
Страшные
Эти
Печи.

Маленький фюрер глядит в глазок.
Секунды стучат, как зуммер.
А если бы я поглядел разок,
Я бы,
Наверно,
Умер.

А он глядит. Ему хоть бы что.
Привык? Или так устроен?
Память просеет, как решето,
Следы человеческих боен.

Он чей-то сын. И чей-то отец
Он чист. Он в белой сорочке.
А я бы всадил в него, как свинец,
Из каждой
Строфы
По строчке.

Идет по баракам седая ночь.
Ты раб. Ты учишься тщетно —
В ступе бессонниц время толочь,
Чтоб ночь прошла незаметно.

Ты скоро умрешь. Упокоишься сном.
Кому ты сейчас здесь нужен?
Кто ты для них? Лилипутик? Гном?
Поданный
Им
На ужин?

Уже ты до каждого грамма учтен.
До зуба. До горстки пепла.
Сколько их, горсток таких? Миллион!
Серое
Небо
Вросло
В бетон.
От боли земля ослепла.

Но даже и тут, и в этом аду,
В ночи, за семью замками,
Кто-то тайком отводил беду
Невидимыми руками.

Кто-то подкладывал хлеб на заре.
Вдыхал в тебя воздух веры.
Это я говорю о добре
Самой высокой меры.

Оно творилось — это добро —
Один на один со смертью,
Его могли зацепить за ребро,
Сломать ему ноги плетью,
Но неотвратно, как день и ночь,
Меняя свои пароли,
Добро приходило слабым помочь,
Незримо
Вступая
В роли.

В барачных ямах, у ночи в тисках,
При свете огарочном, тусклом,
Добро говорило на всех языках,
Но чаще всего — на русском.

Да разве забудется эта война?
Глазищи печей во мраке?
На ржавых колючках висит луна.
Прожектор скребет бараки.
Зеленошинельная тишина.
И сторожевые собаки.

И знаки... Паучьи знаки кругом.
Как стон. Как проклятье страхом.
Какой же должен был грянуть гром,
Чтоб все это сделать прахом?!

...Я был там недавно. Там щебень. И мох
И вдруг, в черепичной грудке
Качнулся, как призрак, чертополох.
И я раздавил его, люди.

http://yarovitsyna.kiev.ua/load/moji_vchyteli/sergej_ostrovoj_1911_2005_quot_pesnja_o_zhenshhine_quot/13-1-0-260

ВИКТОР ПАХОМОВ

СОН

Дымятся трубы. Крематорий.
Освенцим. Я, уже развеян,
Лечу на Родину, которой
Я и такой, сожженный, верен.

Граница. Родина. Смоленщина.
Ветряк. Речушка. Перевоз.
Седая сгорбленная женщина,
Полуослепшая от слез.

Ее морщины словно шрамы.
Глаза с извечною мольбой.
Кричу, кричу ей: «Здравствуй, мама!
Я снова дома, я с тобой.

Вновь буду жить под отчей крышей
И никуда не пропадать...»
А мать меня совсем не слышит,
Меня не замечает мать.

Стоит, качается былинкой,
Концы платка прижав к плечу,
А я над нею пепелинкой
Летаю и кричу, кричу...

Источник: <http://www.stranamam.ru/post/7705929/>

ГЕОРГИЙ СТОЛЯРОВ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Пройдут года. Мы станем стариками,
Падет на лоб волос седая прядь,
Но будем мы дрожащими руками
Страницы жизни прожитой листать.
Не раз огнем жестоким загорятся
Глаза бойца, и судорога сведет
Ладонь в кулак, ему уж не разжаться,
Когда вдруг злая ненависть придет.
Открой страницу в сердце изболевшем
И сразу вспомнишь горькую апель.*
Стоишь в строю, дрожащий, посиневший
Одетый в полосатую шинель.
Кто позабудет жуткую картину
Повешенья у лагерных ворот,
Когда палач веревкою змеиной
Несчастной жертве шею обовьет?
А крематорий... Говорить нет силы.
Кто только сможет, право, подсчитать

Всех тех, кому здесь выдернули жилы
И скольким здесь пришлось жизнь кончать!
Хлысты, резина, палки — что хотите,
Везде побои, слезы, смерть и кровь.
Вы в памяти всё это сохраните,
Как сохранили первую любовь.

*Перекличка (нем.) — Ред.

ПРЕЗИРАЮ, КТО СМЕРТИ БОИТСЯ

Не могу я забыть той страны,
Где родился, где жил и где вырос —
Полон к ней безграничной любви,
И стихи — это крик, что я вынес.

Через все униженья и муки,
Через мрачные своды гестапо...
И невольно сжимаются руки,
Не унижусь, не буду плакать!

Мне не стыдно раскрыть свою душу,
В ней строке непреклонной биться!
Пусть опасно, но нет, я не струшу.
Презираю, кто смерти боится.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА ТЕЛЬМАНА

Еще не верится, что нет его в живых —
Товарища, борца, вождя и друга.
Он был всегда примером для других,
Он был опасен им. Убили душегубы.

Мне помнится, как весь народ шагал,
Шли демонстранты — сотни, миллионы,—
И каждый с болью лозунг подымал.
«Жизнь Тельману!» — алело на знаменах.

Тогда боялись подлые враги
Убить вождя. В неволю заключили.
И здесь теперь среди камней глухих
В предсмертной ярости его убили.

Какую блажь ни сеяли они
О Тельмане — Мы ничему не верим!

Он верил, что придут иные дни.
Его убили втихомолку, звери...

Нет Тельмана — товарища, вождя.
Не надо слез! Тесней ряды сомкните.
Тропою, им проторенной, идя,
За друга, война, фашистам отомстите.

БАЛЛАДА О ВОСЬМЕРЫХ

Их было восемь — русских, молодых,
Здоровых, полных сил и жизни.
Их было восемь — смелых, дорогих
Друзей, погибших за Отчизну.
Когда их враг с родной земли увез
В Германию, на рабский труд и муки,
Они из глаз не выронили слез,
Лишь в кулаки сильнее сжались руки.
«Нет! Не для них работать мы должны!» —
Они решили с доблестью орлиной.
Отвагой, мужеством и силою полны,
Жилье нашли в разрушенном Берлине.
И русские на вражеской земле
Своей стране всей силой помогали,
Врагу вредили всюду и везде —
Как воины Отчизны воевали.
Но вот однажды... То был страшный день,
Он плыл в лохмотьях серого тумана,
Их выследила подленькая чернь,
В ловушке оказались партизаны.
Бой был неравен. Враг сильнее был.
Хоть русские отчаянно сражались,
Фашисты взяли верх. Их снова враг пленил,
Героев юных в цепи заковали.
Когда вели их в лагерь убивать,
То русские и здесь не растерялись.
«Эхма! Коль нам придется помирать,
То с музыкой», — тогда друзья сказали.
Палач накинуд тесную петлю,
Но взмах ножа — и порвана веревка.
На изверга набросились они,
И началась лихая потасовка.

Бежать! Скорей отсюда, за стену.
Но видно, смерть для них была судьбиной:
Они бежали быстро по плацу —
Враги их расстреляли подло, в спину.
Они погибли. Восемь молодых,
Здоровых, полных сил и жизни.
Но будем помнить мы о дорогих
Друзьях, погибших за Отчизну!

ДРУГУ, КОТОРОГО НЕТ

Ну, с кем поделиться сосущей тоской,
Излить и невзгоды и радость,
Развеять волнений навязчивый рой,
Изведать и горе и сладость?

Мой друг, лишь в мечтах у меня ты живешь,
Делюсь сокровенным с тобою.
Ты ночью ко мне на свиданье идешь,
Когда пробуждаюсь порою.

С тобой говорю я один на один
И знаю — никто нас не слышит,
Лишь ветер холодный за блоком гудит
И хефтлинги* спящие дышат.

С тобою одним только искренен я,
Тебе лишь поведаю тайны.
Я знаю, продать ты не сможешь меня,
Нас враг не услышит случайно.

Но только жалею, мой друг, об одном —
Что ты лишь в мечтаньях со мною,
И всё, что храню в моем сердце больном,
Тебе одному лишь открою.

6 января 1945

*Арестант, заключенный (нем.). — Ред.

ЗАВЕЩАНИЕ

Если придется расстаться мне с жизнью
В стране нелюбимой, проклятой, чужой,

В концлагере диком с порядком звериным,
Если в неволе умру молодой,

И труп мой жестокие немцы подхватят,
Чтоб сжечь и развеять мой прах,
И вы, дорогие, родные ребята,
К моим не коснетесь устам.

Тогда подымайтесь и грозно и смело,
Ни жизни, ни сил не щадя,
И песню запойте про правое дело,
В бой грозный, последний идя.

Разрушайте затворы, разбейте все стены,
Что мрачно сегодня стоят.
И красное знамя, знамя победы,
Должны вы высоко поднять.

Под красное знамя пойдут миллионы,
И будет их поступь сильна,
Падут под ударом врагов легионы,
Моя возродится страна.

Ребята, тогда подведите итоги
Страданий и наших побед,
К безвестным героям не будьте так строги,—
Ведь многим пришлось умереть.

Вы память святую о них сохраните,
Запомните их имена
И в песне погибших борцов вспомните,
Когда запоет вся страна.

СЫНУ

Я помню те отрадные минуты,
Когда с тобою вместе был, мой сын,
Теперь же, в цепи рабские замкнутый,
Влачу уныло жизнь один.

Один в стране чужой, далекой,
Где нет родных, любимых васильков.
В концлагере уныло, одиноко,
Режим тюремный страшен и суров.

Но никакие строгости, родимый,
Не в силах вырвать память о тебе.
Я весь с тобой и с Родиной любимой
В страданиях совместных и борьбе.

К ПОРТРЕТУ ДЕВУШКИ, НАРИСОВАННОМУ ФРАНЦУЗОМ

Она смотрит задумчивым взглядом куда-то,
Где друг милый, любимый страдает,
Где в концлагере диком тяжелой лопатой
Беспрерывно он землю бросает.

А давно ли во Франции, счастья полна,
Ты с любимым по саду ходила.
Но грозой пронеслась над Европой война,
И судьба вас тогда разлучила.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Губы мои до сих пор горячи
От твоего поцелуя.
Вечера майского мне не забыть,
И тебя позабыть не могу я.

Прощальный и нежный твой поцелуй
Я навсегда сохраню.
Где бы я ни был — ты не тоскуй,
Потому что тебя я люблю.

УХАБЫ

Гладь дороги прямой разве узкая?
Так зачем же идти стороной!
Отчего же ты, девушка русская,
Хочешь стать непременно иной?

Ты пришла из России заснеженной,
Так зачем же любить чужака?
Хоть ласкает тебя очень нежно,
Но ему всё же ты не близка.

Так зачем же ты лезешь из кожи,
Чтоб накрыться чужой скорлупой?

Хочешь стать на себя не похожей,
А становишься просто смешной!

Всё свое, всё хорошее вынута
Из души, и с душою пустой
Среди них как своя ты не принята
И для нас стала тоже чужой.

КОГДА ДУШУ ОБНИМЕТ ТОСКА

Когда душу обнимет тоска
И кручинушка сердце загложет,
Вдруг откуда-то издалека
Навернется слеза, быть может.

Жизнь покажется пошлой и гадкой,
Безотрадны, безрадостны дни,
И захочется с этой тетрадкой
Распрощаться, из жизни уйти...

И тогда, будто призрак суровый,
Будто властный учитель, отец,
Мне представится большеголовый
Человек — грозных песен творец.

Над моею больной головою
Громко, грозно слова прозвучат,
Что нетрудно покончить с собою,
Что трудней жизнь построить, мой брат!

Посмеюсь я тогда над собою,
Над судьбой и натурой таковской.
Встану снова, готовый к бою,
Как вставал
всегда
Маяковский.

Источник: Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Составители В. Кардина, И. Усок. Москва — Ленинград, издательство «Советский писатель», 1965
<http://thefireofthewar.ru/lirika/?cat=903>

ОЛЕГ ХАБАРОВ

МАРЬИНО ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Марья тронулась» — все горевали...
Оттого, что, вернувшись с войны,
Ей, наверное, спать не давали
О концлагере страшные сны.
Побросала в колодец награды,
Подожгла вокруг хаты плетень,
По-немецки кричала команды,
Что ни день, что ни день, что ни день.
Приезжали к ней два партизана,
Видно, с ней воевали они,
Горячо она их обнимала,
А в деревне горели плетни.

Источник: Гордость и горечь: Поэзия 70-80-х годов о войне. Составитель М.Л. Грозовский. Москва, издательство «Советская Россия», 1990. С. 241.
<http://thefireofthewar.ru/lirika/?p=2199>

МИХАИЛ ШАПОВАЛОВ

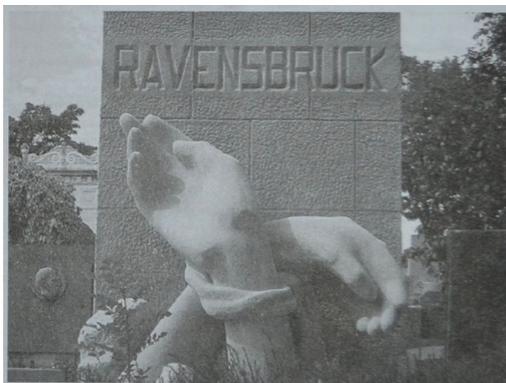
ПЛЕННЫЙ

Когда он играл на гармошке губной,
Взор угасший как будто в себя обратив,
Понимал или нет,— ведь немецкий мотив
Пахнет только что кончившейся войной?
Но лилась над дворами «Лили Марлен»,
Надувалась натужно худая щека...
А в понурой фигуре сквозила тоска,
Невеселая штука — трехлетний плен.
Побежденный, голодный, быть может, больной,
Он пришел к нам из лагеря под выходной,
И никто выступленья его не пресек.
Подавали в пилотку ему кто что мог:
То картофель вареный, то хлеба кусок...
Был не враг этот страждущий человек.

Источник: Гордость и горечь: Поэзия 70-80-х годов о войне. Составитель М.Л. Грозовский. Москва, издательство «Советская Россия», 1990. С. 250.
<http://thefireofthewar.ru/lirika/?p=2213>

АРКАДИЙ ЭЙДЕЛЬШТЕЙН

МАРШ НЕПОКОРЁННЫХ (апрель 1943 года)

Флик – фляк - флюк...

Флик – фляк - флюк...

Война. Концлагерь Равенсбрюк,
Кромешный, как девятый круг.

Плац. На плацу по десять в ряд невольниц выстроен отряд.
В две полосы на них наряд. Колодки на ногах: флик-фляк.
Лишь винкель рдеет, словно стяг.

Приказ: «Советских наказать!» Голодным им маршировать.
Хотите марш? – Вам будет марш!
Звучит команда: «Шагом – арш!»
Как на парад, пошел отряд непокорившихся девчат.
Колодки отбивают шаг, и рдеет винкель, словно стяг.

Но вот, покрыв собачий лай, звучит команда: «Запе-вай!»
И выдохнул стоустро строй: «С ордой... на смертный бой...».
Грудь колесом – им черт не брат, и плац – не плац, а Сталинград.
Колодками чеканят шаг, а винкель реет, словно стяг.

Пусть помнит враг, пусть знает друг
Про этот марш, про Равенсбрюк.
Флик-фляк-флюк... флик-фляк-флюк...

Примечание.

Заключенным концлагерей полагалось носить тюремную полосатую одежду с нашитым на левом рукаве винкелем. У советских граждан нашивка была красного цвета. На ноги полагались деревянные колодки. (А. Шнеер. Плен. Гл. 5).

Предоставлено автором. Газета «Кадетское братство», сентябрь 2016. С.17.

Приложение 4. . Сведения об авторе плаката А.Г.Ситтаро

284. Ситтаро А.

Вступайте в ряды народного ополчения! 1941

diaryrh.ru

<http://diaryrh.ru/historical-photos/posters-of-the-second-world-war/>

http://zagadki-istorii.ru/plakat_vov-34.html

СИТТАРО АЛЕКСЕЙ ГУМБЕРТОВИЧ

Живописец.

Родился 3 июня 1906 г. в г. Никополе Днепропетровской области в семье рабочего-итальянца. Учился в 1-й трудовой школе г.Слущка (Ленинградской обл., ныне г.Павловск), затем во 2-й трудовой школе в Детском Селе (г.Пушкин).

Окончил три курса Ленинградского художественно-промышленного

техникума (до 1928 г.), и поступил (1928 г.) на графический факультет ВХУТЕИНа (бывш. Академия художеств). В следующем году перешел на живописный факультет. Два строительных сезона работал в Донбассе каменотесом. Во ВХУТЕИНе был стипендиатом Украинского Наркомпроса. Производственную практику (1932 г.) проходил в Доме отдыха "Кубуч" в селе Мартышкино под Ленинградом, где выполнил настенную роспись. Это была первая крупная работа, с которой началась трудовая жизнь художника.

В 1931 г. он окончил ИНГШИ (Академия художеств) со званием художника монументальной живописи. В 1934 г. он в Ленинграде, стал членом ЛОСХа. Его произведения экспонируются на всех довоенных выставках ЛОСХа, приобретаются в музеи Ленинграда и других городов. Так "Выступление СМ.Кирова на Красном путиловце" (1938 г.) поступило в Музей С.М.Кирова в Ленинграде, "Мурманский торговый порт" (1939 г.) и "Папанин и комсомольцы Заполярья" (1939 г.) в Художественный музей в Мурманске.

У художника была мастерская в ЛОСХе, где он выполнял работы по контракту с ЛЕНИЗО. В 1940 г. Ленинградская областная организация рекомендует его в члены Союза Художников СССР.

Художник был в расцвете творческих сил, когда началась страшная блокада Ленинграда. Он не покинул город, с первого дня войны выполняя ответственные задания Политуправления фронта, Городского комитета партии, издательства "Искусство". Выпускали плакаты "Боевого карандаша", открытки, готовились к выставке.

Ситтаро был среди художников, которым ЛОСХ хлопотал отсрочку от призыва по мобилизации в августе 1941 года. Работа в осажденном городе приравнивалась к ратному труду, здесь и умирали, как солдаты.

Алексей Гумбертович Ситтаро погиб от голода в 1942 году.

<http://www.artscity.ru/statiy/militarypainters/sittaro/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Семейный архив Меликовых
- ² По материалам доклада на научно-практической конференции «На последнем рубеже», посвященной 75-летию окончания Московской битвы. Москва. 10 декабря 2016 г. По заветам Минина и Пожарского. Газета «Кадетское братство», июль, 2017, с.18-19
- ³ Мельтюхов М.И. Преддверие Великой Отечественной войны 1939–1941 гг.: становление великой державы // URL: http://www.redov.ru/istorija/pravda_viktora_suvorova/p3.php
- ⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С.268.
- ⁵ bdsa.ru/сводки-совинформбюро/1063-2-1941//URL:<http://bdsa.ru/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B1%D1%8E%D1%80%D0%BE/1063-2-1941>
- ⁶ Окуджава Б.Ш.
Песня о Московском ополчении // <https://www.youtube.com/watch?v=VUI9L2GcDrI>
До свидания, мальчики// URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fxv3Kd1428o>
- ⁷ Постановления ГКО № 172сс от 16 июля 1941 года «О Можайской линии обороны» и № 183сс от 17 июля 1941 года «Вопросы Можайской линии обороны»
- ⁸ Постановление ГКО № 10сс от 04 июля 1941 года «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»
- ⁹ Южный фронт // URL: <https://ru.wiki2.org/>
- ¹⁰ Боевой состав Советской Армии на 22 июня 1941 г.// URL: <http://www.teatrskazka.com/Raznoe/BoevojSostavSA/BoevojSostavSA.html>
- ¹¹ Действующая армия СССР накануне войны.//[Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.info/dokum/194_dok/rkkag.html
- ¹² Военные округа// URL: <http://myfront.in.ua/krasnaya-armiya/voennye-okruga.html>
- ¹³ Протокол № 85(копия) заседания Бюро Балашихинского РК ВКП(б) от 02.07.1941 // Архив ИПГ «Победа», г.Железнодорожный Московской области.
- ¹⁴ Сидоров П.И. Письмо И.В.Сталину // Военно-исторический архив. 2002. № 2(26). С. 77-80.
- ¹⁵ Подвиг народного ополчения Петушинского района в битве за Москву. – Владимир, 2011. - С.73, 135.
- ¹⁶ Соболева С.Е. Главный хранитель фондов Государственного музея обороны Москвы. Стрелковое оружие защитников столицы при формировании дивизий народного ополчения Москвы // URL: http://westfront.su/opolchenie/dno_arms.htm
- ¹⁷ Кузяева С.А. 9-я дивизия народного ополчения в документах военной контрразведки // URL: <http://history.milportal.ru/2015/03/9-ya-diviziya-narodnogo-opolcheniya-v-dokumentax-voennoj-kontrrazvedki/>
- ¹⁸ Военно-исторический архив. - 2002. - № 2(26). - С. 80-88.
- ¹⁹ Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа. 1941: Страшнейшая трагедия ВОВ. — М.: Эксмо: Яуза, 2017. – С.9.
- ²⁰ Газета «Кадетское братство», январь, 2013.
Сайт: Бессмертный полк-Москва. <http://parad-msk.ru/polnyj-uverenosti-что-eshhe-s-toboj-pozhivem-poraduem-sya-na-nashe-pokolenie-poraduem-sya-nashim-xoroshim-vzaimnym-chuvstvom/> 2015.
- ²¹ Вашкевич В.Р. Формирование и боевая подготовка дивизии // От Москвы до Берлина. М.: Московский рабочий, 1966.
- ²² По материалам доклада на научно-практической конференции «На последнем рубеже», посвященной 75-летию окончания Московской битвы. Москва. 10 декабря 2016 г.

Эпистолярное наследие московского ополченца 1941 года – взгляд очевидца-участника [Электронный ресурс] / И. В. Меликов, Н. С. Меликов // Наследие веков. – 2017. – № 3. – С. 96-113. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Melikov_Melikov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

²³ Письмо отца. Музыка Евгения Мартынова, стихи Андрея Дементьева и Давида Усманова

²⁴ Тажидинова И.Г. Коллекция фронтовых писем «Память» в Российском государственном архиве социально-политической истории – крупнейшее собрание переписки красноармейцев 1941-1945 г.г. // Вестник архивиста. – 2015. - №1. - С.8-19.

²⁵ Ю.А.Яновский. Фронтовые письма моего отца // Подмосковный летописец. – 2016. - №4(50). – С.68-77.

²⁶ Лопуховский Л.Н. 1941. На главном направлении. - М.: Издатель Дарков С.К., 2014. - С.279-280.

²⁷ Меликов И.В. Наше семейное ополчение // Кадетское братство. – 2013. - январь. - С.17-19.

²⁸ Маркин А.С. Рассказы о пушечном мясе. I. Ополчение 1941 года. // URL:

http://www.pavlovskypoasad.ru/p_article_canonmeat.htm

²⁹ ФГУП ЛОНИИС (Лен. Отделение Научно-исследовательского Института связи). «Книги приказов» по ЛОНИИС. // URL: http://ru-history.livejournal.com/2190263.html#cutid1loniis.ru/downloads/doc/kommentarii_k_knige_prikazov.doc

³⁰ Народное хозяйство СССР/1941-1945/Товарооборот // URL:

<http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php>

³¹ Нормы снабжения населения гг. Москвы и Ленинграда и гг. Кронштадта, Колпино, Пушкина, Петергофа Ленинградской области хлебом, крупой, макаронами, сахаром, кондитерскими изделиями, мясом и мясопродуктами, рыбой и рыбопродуктами и жирами (г). - Приказ Наркомторга СССР № 275 от 16 июля 1941 г., Приложение № 2// URL: <http://mosarchiv.mos.ru/promotion/trudy/events/hronika/detail/1125012.html>

³² https://pamyat-naroda.ru/heroes/?last_name...

<http://podvignaroda.ru/?#id=1505803622&tab=navDetailManCard>

<http://smolbattle.ru/threads/2-МСДНО-2-Московская-стрелковая-дивизия-народного-ополчения-Сталинского-района.36027/>

³³ Семейный архив Меликовых

³⁴ Газета «Кадетское братство», ноябрь, декабрь, 2013

³⁵ По материалам доклада на Международной научно-практической конференции «СУДЬБА СОЛДАТА: МЕТОДИКА И ПРАКТИКА АРХИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ», 1-4 декабря 2017 года.

³⁶ Белкин С. Как будто вместе воевали. // Военная археология, №2(29), 2014 г.

³⁷ "Как воевали и как победили: неюбилейные историографические заметки. (Рец. На кн.: МИХИН П.А. «АРТИЛЛЕРИСТЫ, СТАЛИН ДАЛ ПРИКАЗ!»: МЫ УМИРАЛИ, ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ. М.: ЭКСМО, 2006. 574 С.)". Научная статья по специальности "Военная история" // Новый исторический вестник, № 35, 2013.

³⁸ Ополчение и плен брата Николая // В кн.: *Михин П.А.* Внукам о войне. Планета. Курск, 2015. С.264-275.

³⁹ И. В. Меликов, Н. С. Меликов. Эпистолярное наследие московского ополченца 1941 года – взгляд очевидца-участника [Электронный ресурс] // Наследие веков. – 2017. – № 3. – С. 96-113. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3.

⁴⁰ В.И.Каримов. Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. Москва. Планета. 2016. С.86.

⁴¹ Цайтхайн. Книга памяти советских военнопленных. – Дрезден, Минск, 2006 (нем., рус.)

⁴² Чёрный Г.Г. Военные годы – М.:Изд-во Московского университета, 2007.–176с.

⁴³ Чёрный Г.Г. Военные годы – СПб: Изд-во «Любавич», 2010. – 570 с.; 32 л.илл.

- ⁴⁴ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D1%91%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87
- ⁴⁵ В.Шульга, Н.Меликов. Дань памяти. (К 75-летию Московской битвы)/ /Военная археология. – 2017. - №2(47). – С.33-36. Фото из архива ИПГ «Победа»
- ⁴⁶ Песня В. Кубышко на слова А. Вулых «Пропавшим без вести»
- ⁴⁷ <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=68696.msg483700#msg483700>
- ⁴⁸ По материалам:
 Доклад на межрегиональной научно-практической конференции «Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции в октябре 1941 года. (К 75-летию их создания)», 10-11 октября 2016 г., г. Вязьма Смоленской области. Газета «Кадетское братство», октябрь, 2017, с.17.
 Петушинская районная газета «ВПЕРЁД», №77(12737), 3 октября 2017 г.
- ⁴⁹ Подвиг народного ополчения Петушинского района в битве за Москву. – Владимир: 2011. С.73, 135.
- ⁵⁰ Гаврилов А.В. Память. Стихи о войне. Ополченцы. – Петушки: 2016. С.21-22.
- ⁵¹ Постановление Главы Петушинского района от 06.09.2010, № 6 // Подвиг народного ополчения Петушинского района в битве за Москву. – Владимир: 2011. С. 6-7.
- ⁵² Гаврилов А.В. Память. Стихи о войне. Гимн Петушинским ополченцам. – Петушки: 2016. С.21-22.
- ⁵³ По материалам:
И.Меликов. Поэтическое отражение трагической судьбы 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы. // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции в октябре 1941 года». 10-11 октября 2016 г., г. Вязьма Смоленской области. С.304-317.
И.Меликов. Памяти воинов 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы // Газета «Кадетское братство», сентябрь, 2016. С.16-17.
И.Меликов....А мне покоя не даёт война // Петушинская районная газета «ВПЕРЁД», №64(12635), 4 октября 2016 г.
- ⁵⁴ А.Эйдельштейн. ПАМЯТЬ. Стихи. 75 лет подвигу народного ополчения Москвы 1941-2016. Москва, Onebook.ru. 2016.
- ⁵⁵ Аркадий Эйдельштейн. Памяти воинов 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы. Стихи. Израиль, 2016.
- ⁵⁶ По материалам доклада на научно-практической конференции «Московское народное ополчение 1941 года: История. Подвиг. Память», Москва, 19-20 октября 2017 года
- ⁵⁷ Из стихотворения: В.Шульга. Годуново, Бухоново, Нечаево. Глава 15.
- ⁵⁸ В Москве вышла книга стихов «Память» Аркадия Эйдельштейна // Бюллетень Международной Ассамблеи столиц и крупных городов (МАГ), №04(172), 09 февраля 2017 г. С.16.
 Памяти воинов 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы // Кадетское братство, сентябрь 2016 г. С.16-17.
 Вышел сборник стихов памяти бойцам 2-й Дивизии народного ополчения // Взгляд с Соколиной горы. Районная интернет-газета, 29.11.2016.
 Гаранчева О. Поэтический сборник посвящён 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района // Восточный Округ. Интернет-портал ВАО Москвы. 09.01.2017.
- ⁵⁹ «...А мне покоя не даёт война» //Вперёд. Петушинская районная газета. 4 октября 2016 года. №64 (12635). С.1-3.
- ⁶⁰ **Межрегиональная** научно-практическая конференция «Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции в октябре 1941года. (К 75-летию их создания)», 10-11 октября 2016 г., г. Вязьма Смоленской области.
Межрегиональная научно-практическая конференция «Московское народное ополчение 1941 года: История. Подвиг. Память», 19-20 октября 2017 года. Москва.

Международная научно-практическая конференция «СУДЬБА СОЛДАТА: Методика и практика архивных исследований», 1-4 декабря 2017 года. Москва.

Межрегиональная научно-практическая конференция «Великая Отечественная война на холмжирковской земле», 18 февраля 2018 года, г.Холм-Жирковский Вяземского района Смоленской области.

⁶¹ Встреча в КЦ «Вдохновение»: «Ополчение, где ты? Отзовись!..» 8 мая 2018 г.

Видеозапись <https://www.youtube.com/watch?v=9hnyfZwmGKs&feature=youtu.be>

⁶² По материалам доклада на Международной конференции «Судьба солдата» 03 декабря 2017 года